

Министерство культуры, печати и по делам
национальностей Республики Марий Эл

Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

Марийский государственный университет

Региональное отделение Российского
военно-исторического общества в Республике Марий Эл

Марийское региональное отделение
Российского общества историков-архивистов

РЕГИОНЫ РОССИИ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ СТРАНЫ

Выпуск IV

Материалы IV Всероссийской
научно-практической конференции

г. Йошкар-Ола, 16–17 ноября 2022 года

Йошкар-Ола
2022

УДК 94 (470)

ББК 63.3 (2)

Р 32

Печатается по решению Ученого совета
государственного бюджетного научного учреждения
при Правительстве Республики Марий Эл
«Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В.М. Васильева» (МарНИИЯЛИ)

Редактор-составитель
канд. ист. наук *О.А. Кошкина*

Редакционная коллегия:
Л.Я. Григорьева, О.А. Кошкина,
Е.П. Кузьмин, А.Г. Ошаев

Рецензент – *А.Г. Иванов*, доктор ист. наук, профессор

Р 32 **Регионы России в военной истории страны. Выпуск IV: сборник**
материалов IV Всероссийской научно-практической конференции,
г. Йошкар-Ола, 16–17 ноября 2022 года / ред.-сост. О.А. Кошкина. –
Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2022. – 424 с.

ISBN 978-5-94950-119-1

Знак информационной продукции 12+

В сборник включены материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, прошедшей в Йошкар-Оле 16–17 ноября 2022 г. Статьи посвящены актуальным проблемам военной истории регионов России.

Издание адресовано ученым-историкам, преподавателям и студентам, краеведам, деятелям культуры и всем интересующимся историей.

В оформлении обложки использованы картины С. Герасимова «Прибытие М.И. Кутузова в Царево-Займище» (1953) и П. Делароша «Петр I Великий, император России» (1838).

УДК 94 (470)

ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-94950-119-1

© МарНИИЯЛИ, 2022

© Авторы, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	7
--------------------------	---

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

<i>Акишков А.Г.</i> Учреждение Всероссийского земского союза в воспоминаниях Ф.В. Шлиппе и Н.А. Мельникова	8
--	---

<i>Богатырев А.В.</i> Изучение истории Речи Посполитой периода польско-турецкой войны 1672–1676 гг. в Поволжском православном институте	18
---	----

<i>Кореева Н.А.</i> Городничие уездного города Чистополя Казанской губернии – ветераны Отечественной войны 1812 г. и военных кампаний первой половины XIX в. (по формулярным спискам 1840-х гг.)	27
--	----

<i>Кошкина О.А., Молотова Т.Л., Пенькова М.В.</i> Марийские национальные серебряные украшения в Фонд обороны (1941–1945): к проблеме поиска источников	42
--	----

<i>Смирнова Н.Б.</i> Особенности написания статей о военачальниках в электронную «Чувашскую энциклопедию»	50
---	----

<i>Суздальцев И.А.</i> Великая Отечественная война в оценках современных англоязычных историков	55
---	----

<i>Харитонова В.Г.</i> Трудовой подвиг крестьянства Чувашии в годы Великой Отечественной войны: итоги и задачи изучения	63
---	----

ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

<i>Акылбаев А.В.</i> Древнемарийские городища	76
---	----

<i>Зеленеев Ю.А., Гаппасова Д.А.</i> Сословная принадлежность темниковских татар	81
--	----

<i>Ларионов В.Л.</i> Военный фактор в процессе становления Древнерусского государства	85
---	----

<i>Шалахов Е.Г.</i> Метательное оружие древних воинов Евразии: наконечники стрел сейминско-турбинских группировок (усть-ветлужская коллекция).....	93
--	----

<i>Шумилов Е.Н.</i> О противостоянии булгар и русов в XII–XIII вв. за обладание пушными богатствами Югры	99
--	----

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XVII–XIX ВЕКОВ

<i>Ануфриев А.В.</i> «Иркутцы» – второе рождение: к истории возрождения Иркутского драгунского полка	108
<i>Васильцова С.Н., Жуковская Т.Н.</i> Российско-польская война 1830–1831 гг. глазами очевидцев: основные конфликты памяти ...	122
<i>Горбашова Г.Ф.</i> Русские сестры милосердия в англо-бурской войне	130
<i>Гусарова А.Ю.</i> Они освобождали Россию от Наполеона: ратные подвиги жителей Чувашии во время Отечественной войны 1812 г.	146
<i>Иванов А.М., Купченко К.В., Федоскин Н.Н.</i> Укрепления Вязьмы в системе обеспечения обороны Московского государства XVII в.	156
<i>Ярыгин А.А., Яковлев М.А.</i> Порт-Артур и КВЖД как предпосылки к русско-японской войне	164

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XX ВЕКА

<i>Ащеулов О.Е.</i> Оценка применения реактивной артиллерии РККА в боях на Юго-Западном фронте в период с октября 1941 г. по январь 1942 г. (по материалам ЦАМО РФ)	172
<i>Бущуев А.С.</i> Уроженцы Поволжья и Волго-Вятского района в составе боевых потерь РККА при освобождении северо-восточной Польши в 1944–1945 гг.	179
<i>Иванов В.А.</i> Борьба Ак-Шейхского партизанского отряда в 1941–1942 гг.	192
<i>Кудрявцев А.Н.</i> Увековечивание в Российской империи памяти павших в русско-японской войне 1904–1905 гг. (по материалам Царевококшайского уезда Казанской губернии).....	207
<i>Осъкин М.В.</i> Германская фортификационная система на Восточном фронте накануне Первой мировой войны	213
<i>Пыльцын Ю.С.</i> Страницы истории антибольшевистского повстанчества: восстание казаков Сунженских и Надтеречных станиц в 1920 г.	223
<i>Садыкова Р.Б.</i> Вклад жителей Октябрьского района Татарской АССР в Победу в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	232
<i>Святкин М.И.</i> Трудовые и ратные подвиги уроженцев села Протасово Большегнатаевского района Республики Мордовия в годы Великой Отечественной войны	238

<i>Терентьев Д.К., Горбашова Г.Ф.</i> Формирование «образа врага» в российской пропаганде в начале Первой мировой войны	244
---	-----

ЧЕЛОВЕК И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

<i>Араловец Н.А.</i> Рождаемость горожан тыловых регионов РСФСР в годы Великой Отечественной войны	250
<i>Бутрин Е.С.</i> Бюджет русского провинциального города в первый период Северной войны	259
<i>Кирюхин Д.В.</i> «Жизнь связисту на фронте отпущена неделю-две...» – солдатские будни во «Фронтовых записках сержанта» Р.С. Гражданникова	274
<i>Ладина А.С.</i> Повседневность участников строительства оборонительных рубежей на территории Марийской АССР в 1941–1942 гг.	283
<i>Сергеев Ю.Н.</i> Уфимская епархия в годы Великой Отечественной войны.....	288
<i>Сергеева А.Н.</i> Деятельность партийных и государственных органов по жизнеобеспечению эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по документам Государственного архива Республики Марий Эл.....	292
<i>Упоров И.В.</i> Противодействие преступности среди несовершеннолетних в военное время (1941–1943 гг.): организационно-правовой аспект.....	302

ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ В КУЛЬТУРЕ, ИСКУССТВЕ, ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

<i>Бахтин А.Г.</i> Солдаты в русских пословицах, поговорках и загадках XVII–XIX вв.	310
<i>Белинцева К.В.</i> Великая Отечественная война в освещении советского кинематографа периода «оттепели»: основные киноработы	320
<i>Грознов Е.А.</i> Комплексная экспедиция Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева: мониторинг военно-мемориальных объектов на территории Куженерского, Сернурского, Параньгинского и Мари-Турекского районов (предварительные итоги)	327

<i>Делова Л.А.</i> О подвигах героев Великой Отечественной войны в произведениях писателей-фронтовиков Адыгеи	335
<i>Дроботушенко Е.В.</i> Военное наследие Читы: объекты военной истории региона на территории города (сохранение и популяризация).....	340
<i>Михальченко С.И.</i> Пушкинские оценки русско-польских отношений 1830-х гг. в интерпретации Ф.В. Тарановского	344
<i>Никулина А.С., Комиссаров Е.И., Чорненький В.В.</i> Семейные династии – на службе Отечеству	347
<i>Паршина В.Н., Лубошникова Ю.С.</i> Музеи как хранители памяти о Великой Отечественной войне и организация изучения биографий посредством исследовательской работы среди школьников	357
<i>Садовников С.И.</i> «Военная археология»: международное военно-мемориальное сотрудничество общественных организаций в 2019–2021 гг.	365
<i>Сапожникова В.П., Скворцова Л.Г.</i> Отражение событий Северной войны 1700–1721 гг. в культуре, искусстве, исторической памяти	372
<i>Суворова А.А.</i> Образы Великой Отечественной войны в наивном искусстве России	377
ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ	
<i>Анохин И.В.</i> К вопросу о количестве безвозвратных потерь Красной армии: микроистория и археология полей сражений.....	388
<i>Бегоутова М.А.</i> «За веру, царя и Отечество»: жители Лукояновского уезда (ныне Починковского муниципального округа) – участники Первой мировой войны	397
<i>Девяткина С.А., Кирюхина Е.М.</i> Участие и подвиг членов семьи Коломенских в годы Великой Отечественной войны по материалам семейного архива и документам военного времени	406
<i>Маслова Е.И., Шетинин А.И.</i> Подвиг разведчика (к 100-летию со дня рождения майора И.Н. Маркеева)	411
<i>Сведения об авторах</i>	418

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четвертая Всероссийская научно-практическая конференция «Регионы России в военной истории страны», прошедшая в Йошкар-Оле 16–17 ноября 2022 г., традиционно была организована Министерством культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, Марийским государственным университетом, Региональным отделением Российского военно-исторического общества в Республике Марий Эл и Марийским региональным отделением Российского общества историков-архивистов. Мероприятие посвящено 350-летию со дня рождения Петра I.

В ходе работы конференции обсуждались темы по направлениям: методологические, источниковедческие и историографические проблемы изучения военной истории; военные конфликты в древности и средневековье; военная история XVII–XIX вв.; военная история XX в.; человек и повседневность в условиях войны; отражение событий военной истории в культуре, искусстве, исторической памяти народа; историческое краеведение.

В работе конференции приняли участие ученые научно-исследовательских институтов и вузов, научные сотрудники музеев, работники образовательных и культурных учреждений, краеведы, журналисты, аспиранты, студенты из 22 регионов России: городов Арзамаса (Нижегородская область), Бирска (Башкортостан), Брянска, Вольска (Саратовская область), Екатеринбурга, Иваново, Иркутска, Йошкар-Олы, Казани, Краснодара, Майкопа, Москвы, Нижнего Новгорода, Пензы, Перми, Санкт-Петербурга, Саранска, Симферополя, Смоленска, Тольятти, Тулы, Чебоксар, Читы, с. Починки (Нижегородская область), пгт. Юрино (Марий Эл).

Представленное издание состоит из семи разделов, соответствующих проблематике конференции. Включенные в сборник статьи охватывают значительный пласт актуальных проблем российской и региональной военной истории.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(470)

А.Г. Акшиков

УЧРЕЖДЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ЗЕМСКОГО СОЮЗА В ВОСПОМИНАНИЯХ Ф.В. ШЛИППЕ И Н.А. МЕЛЬНИКОВА

Аннотация. В статье рассматриваются воспоминания Ф.В. Шлиппе и Н.А. Мельникова, в которых приводятся сведения, позволяющие по-новому взглянуть на историю учреждения Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. Из мемуаров следует, что идея Союза возникла и начала реализовываться до вступления России в Первую мировую войну. Ее инициаторами, вероятно, были Ф.В. Шлиппе и А.Д. Самарин. Союз должен был заменить собой Общеземскую организацию Г.Е. Львова. Идея Союза была поддержана министром внутренних дел Н.А. Маклаковым. В воспоминаниях излагаются интересные подробности проведения съезда земских представителей 30 июля 1914 г., на котором состоялось организационное оформление Союза.

Ключевые слова: Ф.В. Шлиппе, Н.А. Мельников, Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, Первая мировая война.

История «Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам» (далее ВЗС), сыгравшего в годы Первой мировой войны заметную роль в деле оказания российским солдатам медицинской помощи, обустройства беженцев, снабжения армии медикаментами, перевязочными материалами и др., до сих пор имеет недостаточно исследованные вопросы. Одним из них является вопрос об образовании ВЗС.

Казалось бы, ответ на него есть, и он гласит, что ВЗС учрежден 30 июля 1914 г. представителями губернских земств, собравшимися

с этой целью на съезд в Москве, на котором был избран исполнительный орган ВЗС – главный комитет и его главноуправляющий – князь Г.Е. Львов. Тем не менее остаются проблемы с объяснением событий, приведших к образованию ВЗС, и выяснением перипетий, происходивших на учредительном съезде в Москве и его кулуарах. Следует сказать, что материалы для интерпретации данных сюжетов имеются. Это прежде всего мемуарная литература, но она отличается противоречивостью в описании интересующих нас фактов и событий.

Для примера приведем выдержки из воспоминаний В.И. Гурко и Т.И. Полнера [1; 4], касающиеся учреждения земского союза. Здесь следует отметить, что книга Т.И. Полнера является по форме биографией Г.Е. Львова. Однако при ее прочтении убеждаешься, что в значительной мере она представляет собой воспоминания автора о князе. Данный факт дает основание отнести жанр книги Т.И. Полнера, с некоторыми оговорками, к мемуарной литературе.

Гурко В.И. пишет: «...Пресловутый будущий разрушитель Русского государства кн. Львов. Его первой заботой было воскрешение общеземской организации, <...> он приложил все старания, дабы стать во главе этого дела. Не имея никаких формальных связей с земством, т.к. он уже давно не состоял гласным ни губернского, ни уездного земства <...>, он, тем не менее, <...> решил возглавить собственной персоной общеземскую организацию. Проникнуть на верх и усесться на председательское кресло какими-либо косвенными путями было для него делом привычным. <...> Прием, им употребленный, был столь же циничен, как и прост. Дело в том, что ему удалось какими-то путями сохранить от возглавления им во время Русско-японской войны общеземской организации довольно крупную сумму, <...> а именно 800 тыс. рублей. Когда в Москве впервые собрались для образования общеземской организации земские деятели определенного уклона, то среди них, разумеется, тотчас появился кн. Львов, причем цинично заявил, конечно, в кулуарных перешептываниях, что в случае его избрания он внесет в ее кассу упомянутые 800 тыс., тем самым говоря, что в противном случае он этого не сделает. Однако поначалу ход этот не возымел надлежащего действия. В Москве среди собравшихся земских людей, естественно, имели сильное влияние и большое значение

московские земцы. Между тем ими намечалось на означенное место другое лицо, а именно гр. Ф.А. Уваров, член Государственного совета от московского земства, и именно это лицо на первоначальном частном [совещании] собравшихся земцев и было избрано. <...> Уваров от выбора решительно отказался. Он тотчас по объявлении войны решил вступить в войсковые ряды среди родного ему казачества, в составе которого он состоял офицером запаса. <...> А тем временем кн. Львов усиленно сзывал со всех концов России своих единомышленников, среди коих многие по существу вовсе не принадлежали к той клике беспринципных честолюбцев, ярким представителем которой искони и до конца своих дней был кн. Львов. В конечном результате отказ гр. Уварова расчистил дорогу кн. Львову, и он стал во главе общеземской организации...» [1, с. 645].

Здесь следует отметить, что «Общеземская организация», о которой упоминает В.И. Гурко, возникла во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. и первоначально называлась «Общеземская организация помощи раненым и больным воинам на Дальнем Востоке». Создавалась она под эгидой Российского общества Красного Креста. При этом Общеземская организация обладала хозяйственной самостоятельностью, и, главное, земства имели возможность заниматься совместной деятельностью в рамках объединения [5, с. 13]. Первое заседание Общеземской организации состоялось 10 марта в Москве в помещении губернской земской управы [5, с. 16]. С окончанием русско-японской войны Общеземская организация оказывала помощь крестьянам в голодные годы и переселенцам на Дальнем Востоке [4, с. 186–249]. В 1906 г. ее возглавил князь Г.Е. Львов. Просуществовала до 1914 г.

Версия возникновения Всероссийского земского союза в изложении Т.И. Полнера отличается от рассказа В.И. Гурко. Он пишет: «[Московская губернская земская] управа предлагала [Московскому губернскому земскому] собранию звать все земства России к дружной работе на пользу армии, к созданию «Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам». Она уже снеслась по телеграфу с губернскими земствами и от многих получила выражение полного сочувствия и согласия примкнуть к задуманному союзу. Московское собрание единодушно согласилось со всеми предложениями управы и постановило пригласить 30 июля

в Москву по два представителя от каждого из губернских земств для конструирования союза. Князь Львов очутился в положении более чем странном. Московское земство, давно уже уклонившееся от участия в Общеземской организации, звало теперь все губернские управы к созданию нового союза – как раз с теми целями, ради которых уже существовало объединение земств. Князь Львов вовлекался как будто в конкуренцию, которой он вовсе не желал. С момента объявления войны князь был весь поглощен подготовительной работой. Он стягивал своих прежних сотрудников, искал помещения для будущих складов, выяснял с поставщиками вопросы о возможности быстрой заготовки белья, медикаментов, перевязочных материалов. С согласия товарищев по управлению он сделал московской управе заявление, что Общеземская организация присоединяется к проектируемому союзу земств и вносит в кассу его все свои наличные деньги, которых оказалось до 600 000 руб. Управа вынуждена была пригласить князя к участию в выработке доклада представителям земств. Таким образом, Г[еоргий] Е[вгеньевич] оказался членом собрания 30 июля. <...> Во главе союза должны были стать главноуполномоченный и его заместитель. Заправилам дела казалось совершенно естественным, что инициатор союза – московское земство по традиции займет руководящее положение и председатель московской управы [Ф.В. Шлиппе. – А.А.] будет избран главноуполномоченным. При правых настроениях огромного большинства земств такой исход казался несомненным. Но среди съехавшихся 30 июля земских представителей оказались личные друзья князя Львова (С.Н. Маслов, В.В. Вырубов и др.). Начались усиленные агитации за избрание главноуполномоченным союза именно князя Львова. <...> Сторонники князя предла- гали в исключительных обстоятельствах начинавшейся трагедии забыть партийные и личные счеты. Федора Владимировича Шлиппе в земской среде знали мало. Князь Львов – даже политически- ми противниками считался одним из лучших общественных организаторов. <...> Словом, кандидатура князя Львова приобрела шансы на успех. Пред самыми выборами Ф.В. Шлиппе решился на личное объяснение. Он указывал Георгию Евгеньевичу на не- обходимость в начатом деле сохранить полное единение не только между земствами, но и с правительством. Он спрашивал, может

ли имя князя Львова объединить всех на мирной работе. Он настаивал на правах московского земства как инициатора всего дела и предлагал Георгию Евгеньевичу устраниć конкуренцию и заранее уступить место главноуполномоченному председателю московской губернской управы, довольствуясь званием заместителя... Однако князь Львов не поддался на мирные предложения, он хорошо понимал, что Земский союз с Ф.В. Шлиппе во главе будет совсем не тем, что необходимо было создать. Переговоры эти затянулись, а собравшиеся уже в зале земцы с нетерпением ждали начала заседания... Наконец князь Львов прервал объяснение решительным и категорическим заявлением: – «В подручные к вам не пойду!». На состоявшихся вслед затем выборах большинство голосов было дано за князя Львова. Председатель московской губернской управы избран его заместителем. В состав центрального комитета, по указанию Георгия Евгеньевича, попало несколько его друзей и бывших сотрудников» [4, с. 252–254].

Как видно из приведенных отрывков, личное отношение к Г.Е. Львову, принадлежность к разным политическим лагерям авторов воспоминаний сказывались в оценке и описании рассматриваемых событий. Кроме того, следует обратить внимание на то, что они не являлись участниками съезда 30 июля 1914 г. и писали о подготовке к нему и его проведении, пользуясь информацией или со стороны лиц, как и авторы мемуаров, политически ангажированных, или из печатной периодики, также отличавшейся определенной политической окраской.

По нашему мнению, более надежными свидетельствами с фактологической точки зрения могут быть мемуары непосредственных участников съезда 30 июля 1914 г. Такие воспоминания есть, но, к сожалению, к ним нечасто обращаются при изложении истории ВЗС и, насколько мне известно, они до сих пор остаются невостребованными при рассмотрении вопроса об учреждении ВЗС. Речь идет о воспоминаниях казанского земского деятеля Н.А. Мельникова, впервые полностью опубликованных в Йошкар-Оле в 2008 г. [3]. В период организации съезда он являлся председателем Казанской губернской земской управы. Другие мемуары принадлежат перу Ф.В. Шлиппе [6] – в рассматриваемое время возглавлявшего Московскую губернскую земскую управу и имевшего самое

непосредственное отношение к организации земского союза. Его воспоминания вместе с воспоминаниями Н.А. Мельникова были напечатаны в альманахе «Российский Архив». Мемуары Ф.В. Шлиппе и Н.А. Мельникова при изучении вопроса организации ВЗС следует рассматривать вместе, т.к. они дополняют друг друга. Кроме того, отметим, что они являлись единомышленниками и друзьями, а в эмиграции стали родственниками – дочь Н.А. Мельникова вышла замуж за сына Ф.В. Шлиппе.

Вот что Ф.В. Шлиппе пишет о подготовительном этапе организации Земского союза. «Еще до объявления войны мы в частном совещании губернской управы и приглашенных председателей уездных управ проговорили о возможных задачах и обязанностях земства. Все сошлись во мнении, что неофициально теплившееся объединение во главе с князем Львовым не должно продолжать работу по оказанию помощи раненым и больным воинам, ибо ни сам князь, ни члены правления не состояли больше представителями по избранию земства, а некоторые даже перестали быть гласными. Было намечено создать новую организацию, опиравшуюся на законно избранных земских деятелей, под названием «Всероссийский земский союз». Еще до объявления войны мы с А.Д. Самариным [московский губернский предводитель дворянства. – A.A.] съездили в Петербург и доложили министру внутренних дел [Н.А. Маклакову. – A.A.] о нашем замысле. Министр изъявил свое полное согласие на учреждение «Всероссийского земского союза». В день объявления войны я телеграфно сообщил всем пятидесяти земским управам о наших намерениях и принципиальном согласии министерства, и попросил тем же путем сообщить о согласии вступить в Союз и указать, какую бы они ассигновали сумму. <...> В течение недели вся без исключения земская Россия выразила согласие объединиться в Земский союз. На 30-е июля был назначен съезд для основания Союза и утверждения его устава» [6, с. 130].

Из приведенного отрывка выясняется, что идея создания ВЗС возникла и стала реализовываться до начала войны с одобрения министра внутренних дел. Новая организация создавалась в противовес Общеземской организации Г.Е. Львова, фигура которого вызывала неприятие в некоторых земских и правительственный кругах.

Далее Ф.В. Шлиппе рассказывает о том, как Г.Е. Львов оказался участником съезда. «За несколько дней до съезда в управе появился князь Львов, который до того никогда меня не навещал. Со свойственной ему вкрадчивостью стал меня убеждать, что общеземское объединение располагает довольно крупными средствами, которые ему должна казна за якобы недополученные больничные койко-дни в японскую кампанию, что члены объединения обладают ценным опытом прошлой войны и пр. В силу этого он считал целесообразным, чтобы он как представитель объединения равноправно с другими принял бы участие в предстоящем съезде. Вслед за ним появился член Госдумы В.А. Маклаков и целый ряд земских деятелей, игравших видную роль в годы до и во время первой революции. Все они также настаивали на своем участии в съезде как представители земского объединения. Отрицательное отношение нашей управы к этим требованиям поколебалось, решение вопроса пришлось предоставить самому съезду. В день открытия съезда князь Львов и некоторые его сотрудники по объединению явились и стали в кулуарах обрабатывать председателей управ в пользу своего предложения.

К моменту, когда пришлось открыть заседание, настроение уже было таково, что хотя и незначительным большинством, но все же решено было допустить князя Львова как полноправного члена съезда. Председателем съезда был традиционно избран председатель Московской губернской управы. Князь Львов занял место справа от меня. Участников было около девяноста членов. После моей вступительной речи Львов быстро попросил слово и в самых верноподданнических выражениях предложил начать нашу работу посыпкой приветственной телеграммы возлюбленному Монарху. Такая телеграмма и у нас была подготовлена, и я сам имел в виду внести это предложение, а Львов сумел, как говорится, вырвать его у меня. Предложенный им текст оказался ярче нашего и был принят» [6, с. 130, 131].

Особое внимание Ф.В. Шлиппе уделил обсуждению кандидатуры на пост главноуправляющего ВЗС из «своей среды» и выборам. «Одна часть, – писал он, – выдвигала графа Федора Алексеевича Уварова, другая – меня. Я отклонил предложение, полагая, что во главе всероссийского учреждения, которому во время войны с Германией предстояло, вероятно, сыграть немаловажную роль, лицо

с немецкой фамилией не у места. Уваров по другим соображениям не соглашался, но все же решено его ввести. Но когда после быстрого согласования всех остальных вопросов был сделан перерыв для частного обмена мнениями по поводу кандидатуры, Уваров почему-то окончательно закобенился и отказался. Тогда стали настаивать, чтобы я хотя бы временно принял пост главноуполномоченного, а я, по все тем же причинам, не решился. Пришлось решить вопрос подачей записок. По запискам кн. Г.Е. Львов получил на один голос больше меня. Но я себя самого не писал, а Львов написал, иначе у нас было бы поровну и пришлось бы решать по жребию. Львов оказался избран. После этого он предложил избрать меня своим товарищем, и это предложение было принято при открытом голосовании единогласно» [6, с. 131].

Приведем описание этих же событий со слов Н.А. Мельникова. Он свидетельствует, что большинство участников съезда готовы были поддержать кандидатуру Ф.В. Шлиппе на пост главноуполномоченного, а меньшинство, главным образом левые, – Г.Е. Львова. Но Ф.В. Шлиппе, «несмотря на настойчивые уговоры, решительно снял свою кандидатуру, находя, что с его немецкой фамилией нельзя во время войны с немцами занимать столь видный и первостепенный общественный пост». Он предложил избрать графа Ф.А. Уварова, который «не был особенно популярным, и, видя, что его кандидатура не встречает большого сочувствия, также отказался от баллотировки». Единственным кандидатом остался Г.Е. Львов. «Возникла страстная, упорная борьба, – пишет Н.А. Мельников, – которая продолжалась целый день. В этой борьбе я принял горячее участие, и вышло так, что даже возглавил тех, кто был против кандидатуры кн. Георгия Евгеньевича. Ссылаясь на его прежнюю работу, мы доказывали, что он не удержится от того, чтобы придать создаваемой организации известный политический оттенок, а во время войны это было бы особенно нежелательно. Однако наша позиция была слаба: мы не имели кандидата и рассчитывали лишь на то, что устранив кандидатуру кн. Георгия Евгеньевича, заставим Ф.В. Шлиппе изменить свое решение» [3, с. 224, 225]. Н.А. Мельников пытался уговорить выставить свою кандидатуру председателя Орловской губернской земской управы С.Н. Маслова, но тот отказался. Так же, как и Ф.В. Шлиппе, Н.А. Мельников отмечает,

что баллотировка на пост главноуполномоченного дала Г.Е. Львову большинство в один голос. «Как только выборы состоялись, – продолжает он, – князь предложил на пост товарища главноуполномоченного избрать Ф.В. Шлиппе, который на этот раз ввиду предстоящей ему сравнительно скромной роли не побоялся своей фамилии» [3, с. 225].

В начале августа в Москву прибыл император Николай II. 7 августа он посетил первый и на тот момент единственный склад ВЗС, располагавшийся в манеже дома Гагариных на Смоленском бульваре. Государь благосклонно отнесся к идеи помощи фронту со стороны земств. 12 августа 1914 г. царем было подписано особое высочайшее повеление, разрешавшее деятельность ВЗС на время войны для оказания помощи больным и раненым воинам. ВЗС входил в состав Российского общества Красного Креста [2, с. 442, 443].

После осмотра склада ВЗС в Гагаринском особняке был сервирован чай. Здесь состоялся неприятный разговор Ф.В. Шлиппе с министром внутренних дел Н.А. Маклаковым. Ф.В. Шлиппе в общих чертах обрисовал его следующим образом: «Он [Н.А. Маклаков. – А.А.] отвел меня в сторонку и сказал: «Федор Владимирович, что Вы наделали, пустили козла в огород! Если бы я мог только подозревать, что Львов проскочит в главноуполномоченные, я бы никогда не разрешил организацию Всероссийского земского союза. Я твердо рассчитывал на Вас и Самарина». Я вкратце объяснил, как все вышло, но это его не утешило, и он продолжал высказывать серьезные опасения» [6, с. 134].

ВЗС приступил к своей деятельности. Вскоре, как пишет Ф.В. Шлиппе, был издан первый бюллетень Союза, составленный главноуправляющим и его ближайшими сотрудниками, «в котором в явном противоречии с действительными фактами говорилось, что ВЗС вырос из Общеземского объединения, под прежним председательством и лишь с переменой наименования» [6, с. 133]. Ф.В. Шлиппе заявил протест и «потребовал обратиться к протоколам собраний, по принадлежности переданные Львову, но оказалось, что их нельзя было найти» [6, с. 133]. Таким образом, выясняется, что важнейший источник по истории возникновения ВЗС был утрачен уже в начале деятельности новой общеземской организации. «Может быть, – с грустью отмечает Ф.В. Шлиппе, – это мое

краткое описание останется единственным источником, дающим верное представление о предыстории Всероссийского земского союза. Очевидцы в большинстве уже умерли [В.Ф. Шлиппе писал свои мемуары в годы Второй мировой войны. – А.А.], а документы уничтожены» [6, с. 133].

Итак, из воспоминаний Ф.В. Шлиппе и Н.А. Мельникова история учреждения ВЗС выглядит следующим образом. Мысль о ВЗС, по-видимому, принадлежала Ф.В. Шлиппе и А.Д. Самарину. ВЗС планировалось создать как структуру, призванную составить конкуренцию Общеземской организации Г.Е. Львова или даже заменить ее. Идея была полностью поддержана министром внутренних дел Н.А. Маклаковым. Первые шаги по организации ВЗС предпринимались еще до вступления России в Первую мировую войну и ее планировалось назвать «Всероссийский земский союз». Дополнение в названии – «помочи больным и раненым воинам» – появляется после того, как Германия объявила России войну. Сюжет о прохождении Г.Е. Львова в состав съезда 30 июля 1914 г. в целом не противоречит свидетельствам других мемуаристов. Большинство участников съезда поддерживало кандидатуру Ф.В. Шлиппе на пост главноуправляющего ВЗС, но он отказывался от этой чести. В свою очередь он предложил кандидатуру Ф.А. Уварова, но он, осознав, что не пользуется большой поддержкой, отказался баллотироваться. Между тем участники съезда левого крыла выдвинули кандидатуру Г.Е. Львова. В ходе голосования подачей записок Г.Е. Львов оказался избранным главноуправляющим ВЗС, обойдя Ф.В. Шлиппе на один голос. Протоколы съезда 30 июля были утрачены уже в начале деятельности новой общеземской организации. Теперь предысторию ВЗС можно реконструировать, опираясь в основном на воспоминания участников съезда и современников тех лет.

Источники и литература

1. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. – М., 2000.
2. Куликов С.В. Всероссийский земский союз // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия в 3 т. Т. 1: А–Й. – М., 2014. – С. 442–443.
3. Мельников Н.А. 19 лет на земской службе. – Йошкар-Ола, 2008.

4. Полнер Т.И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. – М., 2001.
5. Полнер Т.И. Общеземская организация на Дальнем Востоке. В 2 т. Т. 1. – М., 1908.
6. Шлиппе Ф.В. Автобиографические записки // «Российский Архив»: История Отечества в документах XVIII–XX вв.: Вып. 17: [альманах]. – М., 2008. – С. 25–167.

A.G. Akshikov

FOUNDATION OF THE ALL-RUSSIAN ZEMSTVO UNION IN F.V. SHLIPPE AND N.A. MELNIKOV MEMOIRS

Abstract. The article deals with the memoirs of F.V. Shlippe and N.A. Melnikov, which provides information that allows to take a look at the history of the establishment of the All-Russian Zemstvo Union for assistance to sick and wounded soldiers. From the memoirs it follows that the idea of the Union arose before Russia's entry into the First World War. Its initiators were probably F.V. Shlippe and A.D. Samarin. The union was supposed to replace the All-Zemstvo organization of G.E. Lvov. The memoirs provide interesting details of the congress of zemstvo representatives on July 30, 1914.

Keywords: F.V. Shlippe, N.A. Melnikov, All-Russian Zemstvo Union for assistance to sick and wounded soldiers, the First World War.

УДК 930

A.B. Богатырев

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ ПЕРИОДА ПОЛЬСКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1672–1676 гг. В ПОВОЛЖСКОМ ПРАВОСЛАВНОМ ИНСТИТУТЕ

Аннотация. Суммируется опыт исследований, в центре которых – Польско-Литовское государство второй половины XVII в. Документы первого русского резидента в Варшаве В.М. Тяпкина позволяют внести некоторую ясность в отдельные вопросы, увидеть эпоху польско-турецкого противостояния 1670-х гг. с разных сторон – в ее политическом, дипломатическом, военном и культурном аспектах.

Ключевые слова: Поволжский православный институт, НИР, Речь Посполитая, XVII в., польско-турецкая война (1672–1676 гг.), Ян Собеский (Ян III), В.М. Тяпкин.

Если говорить о российской исторической науке, проблемы польской истории находятся в ведении Института славяноведения РАН. В институте проводятся профильные конференции, квалифицированные научные работники посвящают время научным разработкам. Не стоит на месте работа на данном направлении и за пределами крупных НИИ, например, в Поволжском православном институте (далее – ППИ). В своей статье остановимся на 2015–2018 гг., на которые пришелся пик научной активности, но вспомним и более поздние исследования, основанные на наработках этих лет.

Хотя в учебной программе ППИ курс истории южных и западных славян как таковой отсутствовал, польская проблематика, уже давно находящаяся в поле зрения автора статьи, получила свое раскрытие прежде всего в темах, связанных с историей 70-х гг. XVII в. Об эпохе польско-турецкой войны 1672–1676 гг. писалось много, поэтому заострим внимание лишь на том, что важного (пусть и не безошибочного) удалось сделать за годы работы в ППИ.

В фокусе оказались крупные битвы, наиболее трагические страницы боевых действий. На основе донесений видного русского дипломата В.М. Тяпкина, довольно долго жившего в Речи Посполитой, удалось детализировать некоторые аспекты Хотинского сражения 1673 г. [4, с. 16–22], победоносного для польско-литовской стороны. Тяпкин на арене военных действий не был, однако собрал косвенные данные о событии. Так как особая роль в победе закреплена за «волошскими» и «мурзянскими» контингентами, свидетельство, скорее всего, исходит именно из этой среды. Авторы сообщения, судя по его тону, не особо жаловали поляков – рассказ о Хотине завершается мало относящейся к нему, но крайне неприятной картиной грабежа и мародерства. Материал отличается от изложения дел у «историка» XVII в. В. Коховского, поведавшего о Хотине в согласии с доступными ему источниками.

Другим немаловажным итогом научной деятельности в ППИ стало обращение к теме гибели украинского города Подгайцы: изучая донесения Тяпкина, мы нашли «известие», рассказывающее немного больше о судьбе самого города и его жителей после покорения турками (публикация состоялась только в 2020 г. [23, с. 28–

36]). Также удалось идентифицировать некоторые географические названия, упомянутые в депешах русского дипломата, связанные с крупными военными форпостами времен польско-турецкой войны – «Исакей» (тур. Исакча) и «Устя город» (пол. Uście) [15, с. 174–178]. Связанный с фортификациями Кракова неизвестный вариант старой легенды рассматривался нами в докладе на «Богатыревских чтениях – 2017», проходивших в ГИИ [26].

Несомненным героем войны с Османской империей был военачальник и король Ян Собеский (Ян III). Прославившийся военными кампаниями, он неизменно притягивал внимание российских почитателей как в прошлом, так и в настоящем, став персонажем рекламы, записей в «Живых Журналах», юмористически-комической карикатуры [36, с. 183–187] и пр. Что касается НИР в ППИ, за 2016–2018 гг. сформировалась идея статьи о времени Собеского в творчестве известного советского писателя В.С. Пикуля [22, с. 24–30]. Название миниатюры из его сборника «Кровь, слезы и лавры» – «“Вечный мир” Яна Собеского», – заставляет предполагать, что повествование разворачивается вокруг соглашения 1686 г., но посып здесь немного иной: мир короля-героя обрел «вечность», став частью истории. Истоки рассказа прослеживаются в творениях Ю.И. Крашевского, Г. Сенкевича, К. Валишевского. Сцена встречи короля и Тяпкина была позаимствована из «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева [37, с. 222].

Отдельное направление, которое мы разрабатывали, – акции по возвеличиванию Собеского на примере русских документов XVII в. Участие в проведенном в ППИ межвузовском семинаре (30 марта 2016 г.) «Христианство и античность в русской и европейской философии, истории, педагогике и культуре» [27, с. 324–326] привело к публикации описания пышного ритуала, прославляющего военные победы Яна Собеского [8, с. 227–236]. Примерно тогда же мы вернулись к изучению найденного нами перевода торжественной «Записи», посвященной в том числе «милитарным» деяниям короля Яна III [25, с. 122–130]. Перевод не слишком блещет красотой слога, но любопытен нетривиальными аллегориями.

Фрагменты из последнего источника использовались в разных работах [5, с. 38–48; 41], в сочинении высказан намек: брат Собеского Марк вполне был достоин короны, если бы не трагическая

его смерть в казацко-татарском плену. Помимо этого к 2018 г. относится опубликованное позже «переложение» «обещания» (rasta conventa) Яна III, заинтересовавшее С.М. Шамина и К.Ю. Ерусламского [39; 30].

Разумеется, много места в отмеченной выше «Записи» уделяется самому Яну III. Удалось внести уточнение в один из моментов гlorификации монарха, обнаружив наиболее ранний эпизод сопоставления Собеского с крестоносцем Готфридом Бульонским [20, с. 35–50]. Как было нами установлено [16, с. 30–33], эхо Хотина и восхождение на польско-литовский трон «франкофила» Яна III, как считалось в определенных кругах, в какой-то степени вдохновляли французского короля Людовика XIV при взятии города Безансона в рамках Голландской войны 1672–1678 гг.

Информация о польском полководце поступала в Россию благодаря труду переводчиков Посольского приказа. К концу 2018–2019 гг. относятся попытки воссоздать биографию одного из сотрудников дипломатического «ведомства» Христофора Синорацкого (Синардацкого), продолженные Н.Е. Домрачевым [28]. Отдельные итоги наших изысканий на этом направлении использовались при составлении специализированного справочного издания [3, с. 180–181].

Заполучив корону, Собеский пообещал учредить в Варшаве «рыцарскую школу» для обучения военному делу молодежи. Эта информация попала в отчет Тяпкина, рядом с ней поставлена пометка: вопрос устройства специальных учебных заведений подобного типа волновал отдельные умы в России задолго до конца XVII–XVIII вв. [14, с. 37–42]. За прошедшие годы, благодаря накопленным материалам, удалось уточнить «жизнеописания» соратников и критиков Собеского – полковника А. Миончинского, польного литовского гетмана М.К. Радзивилла, великого литовского гетмана М.К. Паца, гетмана Войска Запорожского И.С. Самойловича, Переяславского полковника Р.Г. Дмитришки (Райча) [41] и т.д. К нашей публикации о смерти каменецкого кастеляна П.С. Потоцкого обратился И. Лильо [34, с. 209; 35, с. 189].

«Зоной приложения» исследовательских усилий в ППИ стала не только военная сторона деятельности Яна III, но и его мирные наklонности. Так, в докладе на конференции 2017 г. в Мирском замке (Республика Беларусь) мы предоставили свидетельство современ-

ника об участии короля в оформлении собственного коронационного кортежа 1676 г. [10, с. 133–136]. Не остались без внимания хозяйственные интересы Яна III, дополнена хроника визитов монаршей четы в имение Яворово [12, с. 81–85]. Впервые в российском славяноведении мы обстоятельно остановились на отношениях Собеского и подвластных ему евреев [40, с. 148].

Польско-турецкий конфликт потребовал колоссального напряжения сил, король искал союзников в борьбе с Турцией. В 2016 г. была подготовлена публикация, в которой подробно описан прием Собеским персидского посольства, в присутствии членов которого обсуждался вопрос помощи польско-литовским панам [2, с. 12–17]. Большое внимание уделялось взаимоотношениям с Московским царством. Однако, прося о поддержке, приближенные Собеского, как известно, не прекращали интриг против Москвы. Это вынудило Тяпкина как представителя России послать в Посольский приказ развернутый план ответных мер [21, с. 22–25] на недружественные акты Варшавы, в котором было четко сформулировано одно из определений «информационной войны».

Несмотря на вышеперечисленные факты, польско-российские отношения периода турецкой войны, безусловно, имели и определенный конструктивный эффект для России. С 2015 по 2018 г. в ходе занятий в ППИ были найдены многочисленные подтверждения интенсивного культурного влияния Речи Посполитой, к примеру, на лексику Московской Руси. В языке донесений Тяпкина встречается множество терминов военной тематики, таких как офицер, кавалерия, кавалькада, etc. [41]. Документы дипломата, посвященные Яну III и проблеме разрешения польско-турецкого конфликта, дают богатейший материал для ученых – исследователей прошлого языка. В частности, нашими наработками в данной области воспользовались В. Витковский [42, с. 531–552] и А. Золтан [31, с. 86, 93].

Проделанная в ППИ работа показывает, что в 1670-х гг. Собеский проявлял живейшее внимание к «строю» вооруженных сил Московского государства, в особенности к артиллерии и инженерному делу [19, с. 269–277]. Помимо прочего, его волновал верноподданнический статус астраханских, ногайских, сибирских татар, а также «черкасов», калмыков и башкир [17, с. 15–20]. Затронутая

нами тема отношений Собеского и народов России получила продолжение [38, с. 30–40]. Внимательно наблюдали король и его свита за происходившими в России дестабилизирующими событиями, например, появлением самозванца на границах Московии [7, с. 91–93].

Содействуя завершению войны [11, с. 5–7], монарх-воитель стремился заручиться крымско-татарским арбитражем в переговорах с Высокой Портой. Как только Собеский стал королем, с ним возобновили связи агенты Крыма. Попавшие к нам документы показывают, что главным инициатором польско-татарских контактов был калга-салтан Селямет-Гирей. Источники проливают немного дополнительного света на ранние мирные (дипломатические) взаимоотношения Яна III и Крымского ханства [33]. Одним из общеизвестных этапов на пути к временному завершению польско-турецкого противостояния стал Яворовский договор 1675 г. Значимую роль в продвижении к миру сыграла Швеция и в особенности посол А. Лиллиенхек, который, как свидетельствуют имеющиеся у нас исторические тексты [9, с. 49–53], пользовался большим доверием части польско-литовских господ.

Краткое затишье в боевых действиях использовалось для отложенной из-за войны коронации Яна Собеского в Кракове в 1676 г. Выяснилось, что в записи Тяпкина о «коронационных» мероприятиях закралась очевидная ошибка: манипуляции с «мечом Болеслава Храброго» в ходе церемоний совершал не «Лещинский», а Ф. Я. Белинский [13, с. 151–156]. Незначительная на первый взгляд ошибка Тяпкина потом была повторена в работе польского историка XIX–XX столетий А. Даровского.

Конец данному этапу польско-турецкой войны положило подписание в 1676 г. Журавненского перемирия с турками, далеко не во всем выгодного польско-литовской стороне. Тем не менее на торжественной встрече Собеского в 1677 г. с варшавскими «радными панами» соглашение названо «покоем сладким» [6, с. 81–84]. Есть мнение, что Россия с опозданием получила документальные свидетельства переговоров Варшавы и Ближней Порты. Но доказательство того, что посланник оперативно направил в Москву «статьи» в подтверждение дискуссий с «неверными», все-таки обнаружено – выводы были опубликованы лишь в 2020 г. [18, р. 97–100].

Работа по изучению истории Речи Посполитой времен польско-турецкой «сечи» 1672–1676 гг., которая велась в ППИ, по большей части имела «корректирующий» характер, что также немаловажно – подробностями обрастили ключевые исторические фигуры и явления (эпилогом этой деятельности стала монография [24; 29], планировалась докторская диссертация). В НИР поучаствовали и некоторые обучающиеся [1, с. 239–244], однако заложить необходимый базис научной активности на годы вперед не получилось. В дальнейшем означенная проблематика в указанном учебном заведении больше не разрабатывалась.

Источники и литература

1. Астафьев А.А., Богатырев А.В. Географический фактор в деятельности русского дипломата XVII в. (на примере резидентуры В.М. Тяпкина) // Природно-географические факторы в повседневной жизни народов России: История и современность. – СПб., 2019. – Т. 2. – С. 239–244.
2. Асташкин Р.С. Сообщения А. Лизека о русско-персидских связях (1675 г.) // Наука и инновации в современном мире: Сб. ст. – М., 2020. – С. 12–17.
3. Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М. Переводчики Посольского приказа в XVII в. – М., 2021.
4. Богатырев А.В. Хотинская битва 1673 г. в донесениях В.М. Тяпкина // Турция и славянский мир. – Краснодар, 2016. – С. 16–22.
5. Богатырев А.В. Семья в жизни русского полковника XVII в. // Всенародная история России: Проблемы, поиски, решения. – Волгоград, 2016. – Ч. 1. – С. 38–48.
6. Богатырев А.В. Дарующий «покой сладкий»: О формировании одного из символов национальной идентичности поляков // Историческая память и культурные символы национальной идентичности. – Ставрополь; Пятигорск, 2017. – С. 81–84.
7. Богатырев А.В. Известие о «воре» 1674 г.: Новый самозванец или старый знакомый? // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. – 2017. – № 1. – С. 91–93.
8. Богатырев А.В. Триумфальные арки по случаю въезда Яна III Собеского в Вильно // Славянский альманах. – 2017. – № 1–2. – С. 227–236.
9. Богатырев А.В. Еще раз о Яне Собеском, В.М. Тяпкине и «балтийской политике» // Славяноведение. – 2018. – № 4. – С. 49–53.

10. Богатырев А.В. Как и где создавалась коронационная карета Яна III Собеского // Маастацкія вырабы магнацкіх мануфактур XVII – першай паловы XIX ст. у музейных калекцыях. – Mip, 2018. – С. 133–136.
11. Богатырев А.В. Ахмед-Паша – враг поляков... и их «друг»? // Донецкие чтения 2019. – Донецк, 2019. – Т. 7. – С. 5–7.
12. Богатырев А.В. Из «маетности» в «маетность»: Русский взгляд на повседневную жизнь польской знати XVII в. // Диалог культур в контексте образовательной деятельности. – Набережные Челны, 2019. – С. 81–85.
13. Богатырев А.В. Кому в 1676 г. поручили меч польских королей? // Военная история: Люди, факты, обстоятельства. – СПб., 2019. – С. 151–156.
14. Богатырев А.В. Пометки и исправления в бумагах миссии В.М. Тяпкина (1673–1677 гг.) // Россия и мир в Новое и Новейшее время – из прошлого в будущее. – СПб., 2019. – Т. 1. – С. 37–42.
15. Богатырев А.В. Ряд топонимов из отчетов первой русской резидентуры в Речи Посполитой за 1673–1677 гг. // Ономастика Поволжья. – Новгород, 2019. – С. 174–178.
16. Богатырев А.В. Сообщение о салюте в честь Яна III Собеского в Безансоне (1674 г.) // Славянский мир: Общность и многообразие. – М., 2019. – С. 30–33.
17. Богатырев А.В. Ян III Собеский о башкирах XVII в. // Проблемы востоковедения. – 2019. – № 2. – С. 15–20.
18. Богатырев А.В. В.М. Тяпкин и Журавненский мир 1676 г. // *Știință, educație, cultură*. – Comrat, 2020. – Vol. 4. – P. 97–100.
19. Богатырев А.В. Военный шпионаж триста лет назад («секретное» поручение Теодора Денгофа) // Военная история России: Проблемы, поиски, решения. – Волгоград, 2020. – Ч. 2. – С. 269–277.
20. Богатырев А.В. Король возвышающийся и кающийся (две ипостаси Яна III Собеского в отчетах русского дипломата) // Культурный код. – 2020. – № 4. – С. 35–50.
21. Богатырев А.В. «Мудrostию и разумом»: Русский дипломат XVII в. об «информационной войне» и противостоянии ей // Вестник ВоГУ. Ист. и филол. науки. – 2020. – № 2. – С. 22–25.
22. Богатырев А.В. Надгробие с часами: Польский быт в миниатюре В.С. Пикуля «“Вечный мир” Яна Собеского» // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2020. – № 1. – С. 24–30.
23. Богатырев А.В. Отзвуки трагедии Подгаец 1675 г. в Польше и в России // Война и мир в отечественной и мировой истории. – СПб., 2020. – Т. 1. – С. 28–36.
24. Богатырев А.В. Документы первой русской резидентуры в Речи Посполитой В.М. Тяпкина как исторический источник. – СПб., 2021.

25. Богатырев А.В. Неизвестный русский перевод сочинения, созданного в связи с восшествием в 1674 г. на польско-литовский престол Яна III Собеского // Вестник ТГУ. История. – 2021. – № 70. – С. 122–130.
26. Богатыревские чтения – 2017: Сказка, чудо, утопия в фольклоре и художественной культуре России и Европы: Всерос. науч. конф. // URL: http://sias.ru/upload/iblock/187/program-ma_bogatyrevskie_chteniya_sai_t.pdf (дата обращения: 21.08.2022).
27. Гоннова Н.В., Венгранович М.А., Иванян Е.П. Диалог античности и христианства (по итогам межвузовского научного семинара) // Научный диалог. – 2016. – № 7 (55). – С. 324–326.
28. Домрачев Н.Е. «Дорога милостыня во время скудости»: Новые документы о переводчике Христофоре Синорацком // Сб. ст., посвящ. Ю.Д. Рыкову (1946–2020). – М., 2021. – URL: https://www.academia.edu/79472875/Domraчev_N_E_Дорога_милостыня_во_время_скудости_Новые_документы_о_переводчике_Христофоре_Синорацком (дата обращения: 21.08.2022).
29. Домрачев Н.Е. Польский резидент при царском дворе Павел Михаил Свидерский в донесениях В.М. Тяпкина // ЛОМОНОСОВ-2021. – М., 2021. – URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2021/data/22296/123956_uid104123_report.pdf (дата обращения: 21.08.2022).
30. Ерусалимский К.Ю. Республика без республиканизма: Дискурсы общего дела в Московской Руси // Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX в. – М., 2021. – URL: <https://coollib.net/b/571881-aleksey-ilich-miller-res-publica-russkiy-respubli-kanizm-ot-srednevekovuya-do-kontsa-xx-veka-kollektiv> (дата обращения: 21.08.2022).
31. Золтан А. Мнимое праславянское *starati sę // ШАГИ / Steps. – 2021. – Т. 7. – № 3. – С. 82–96.
32. История. Археология. Этнология: Библиогр. указ. – М., 2019. – № 3.
33. Кононовские чтения XXXIV // Каф. тюрк. филол. ВФ СПбГУ. – URL: <https://turkicstudies.ru/kafedralnye-konferentsii/xxxiv-kononovskie-chteniya/> (дата обращения: 21.08.2022).
34. Лильо І. Дипломатична та військова діяльність греків у міжнародній політиці Речі Посполитої XVI–XVII ст // Проблеми історії війн і військового мистецтва. – Львів, 2018. – С. 201–211.
35. Лильо І. Греки на території Руського воєводства у XVI–XVIII ст. – Львів, 2019.
36. Moor В.Я. Странные миры, странные гости. – М., 2021.
37. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М., 1962. – Кн. 7. – Т. 13–14.
38. Тенкеев В.Т. К вопросу о попытке польского короля Яна III Собеского установить польско-калмыцкие отношения в 1683–1686 гг. // Nomadic civilization: Historical research. – 2021. – № 3. – С. 30–40.

39. Шамин С.М. Иностранный пресса и становление культуры Нового времени в России конца XV – начала XVIII в.: Дисс. ... д-ра ист. наук. – М., 2020. – URL: http://rgada.info/news/shamin_diss.pdf (дата обращения: 21.02.2022).
40. Юнусов М.М. Международная научная конференция памяти В.А. Якобсона «Евреи Европы и Ближнего Востока: Традиции и современность. История, языки, литература» // Письменные памятники Востока. – 2016. – Т. 13. – № 3. – С. 143–150.
41. Arseniy Bogatyrev – Academia.edu. – URL: <https://independent.academia.edu/ArseniyBogatyrev> (Accessed 21 Aug 2022).
42. Witkowski W. O polonizmach w języku rosyjskim raz jeszcze // Rozprawy Komisji Językowej ŁTN. – 2018. – T. LXVI. – S. 531–552.

A.V. Bogatyrev

STUDYING THE HISTORY OF THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH DURING THE POLISH-TURKISH WAR OF 1672–1676 AT THE VOLGA ORTHODOX INSTITUTE

Abstract. The article summarizes the experience of many years of research, in which the main place is occupied by the study of the Polish-Lithuanian state (the second half of the 17th century). The documents of the first Russian resident in Warsaw, V.M. Tyapkin, allow us to bring some clarity to certain issues, to consider the era of the Polish-Turkish confrontation of the 1670s from different sides – in its political, diplomatic, military and cultural aspects.

Keywords: Volga Orthodox Institute; Research work; Polish-Lithuanian Commonwealth; 17th century; Polish-Turkish War (1672–1676); Jan Sobieski (Jan III); V.M. Tyapkin.

УДК 94 (47)

Н.А. Кореева

ГОРОДНИЧИЕ УЕЗДНОГО ГОРОДА ЧИСТОПОЛЯ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ – ВЕТЕРАНЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г. И ВОЕННЫХ КАМПАНИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. (ПО ФОРМУЛЯРНЫМ СПИСКАМ 1840-х гг.)

Аннотация. В статье на основе впервые введенных в научный оборот архивных источников рассматриваются основные события военной и статской службы ветеранов Отечественной войны 1812 г. и военных кампаний первой

половины XIX в., назначенных городничими уездного города Чистополя в 1840-е гг. С помощью формулярных списков определено сословное происхождение, семейное и имущественное положение городничих, составлен их социальный портрет.

Ключевые слова: городничий, жандарм, Отечественная война 1812 г., русско-турецкая война 1828–1829 гг., Акрамовское восстание, Польское восстание 1830–1831 гг., Чистополь, Лайшев, хлебная торговля.

В центре внимания исследователей Отечественной войны 1812 г. и военных кампаний первой половины XIX в. долгое время оказывались и до сих пор не потеряли актуальности вопросы традиционной военной истории (комплектование армии, ход боевых действий, анализ стратегии и тактики военачальников, участие различных социальных групп в войне, воздействие трудностей военного времени на население, положение военнопленных и др.). К сожалению, остаются без должного рассмотрения такие темы, как влияние военных событий на кадровый состав полицейских органов, последующая судьба ветеранов боевых действий, механизмы их адаптации к мирной жизни. Значительное число офицеров, принимавших участие в Отечественной войне 1812 г., подавлении Польского восстания 1830–1831 гг., русско-турецкой войне 1828–1829 гг., связали свою жизнь после ухода в отставку с полицейской службой – они занимали места городничих, полицмейстеров, начальников жандармских команд.

В исследованиях, посвященных изучению этого аспекта истории, охарактеризована деятельность бывших офицеров в качестве городничих на территории Пензенской [10], Самарской [11; 12], Саратовской, Симбирской, Оренбургской и других губерний [13; 14]. Сведения о городничих Казанской губернии в историографии носят фрагментарный характер, мы можем отметить лишь статью В.В. Мирошниченко, в которой нашли отражение правовые аспекты деятельности полицейских чиновников, показаны проблемы, с которыми сталкивались городничие Казани, Цивильска и Царевококшайска [15]. Автор полагает, что городничие не могли эффективно осуществлять свои функции из-за существовавшей практики назначения на эту должность раненых офицеров, которые не имели опыта подобной службы, не обладали знанием законов и смотрели на нее как на способ обогащения [15, с. 34].

Чистополь – уездный город Казанской губернии (до 1781 г. – село Чистое Поле), по признанию современников, «из всех городов Казанской губернии самый значительный, и важность его в торговом отношении время от времени увеличивается по мере того, как заселяются страны, за р. Камой лежащие...». В начале 1840-х гг. народонаселение города доходило до 7 тыс. человек, в конце 1840-х гг. – до 9 тыс., а летом, во время погрузки огромного количества хлеба на чистопольской пристани, доходило до 20 тыс. человек, по причине стечения туда посторонних людей. В Чистополе быстро развивалась торговля, строились новые здания. В связи с этим город не мог быть отнесен к общей категории уездных городов и требовал «особенных изъятий к усилению средств своих, самою местностью указуемых...», «усиленного и неослабнобдительного полицейского надзора», но городская полиция часто неправлялась с исполнением своих обязанностей [7, л. 9]. По мнению казанского военного губернатора генерал-адъютанта С.П. Шипова, Чистополь заслуживал особого внимания правительства.

Полицейский штат Чистополя был высочайше утвержден 29 мая 1836 г. В нем состояли городничий, письмоводитель, писец. Городничий получал жалованье после вычета «в пенсионный капитал» 280 руб. 20 коп., письмоводитель – 141 руб. 45 коп., писец – 84 руб. 90 коп. серебром. Из-за недостаточности штата этой полиции 2 декабря 1844 г. С.П. Шиповым был прикомандирован один чиновник в помощь городничему. 23 июля 1846 г. Комитет министров издал положение о назначении в г. Чистополь помощника городничего. Жалованье его составляло 142 руб. 85 коп. серебром в год из местных городских доходов. По своему статусу должность помощника городничего была приравнена к квартальным надзирателям в уездных городах. Также определялись пенсия и мундир [2, с. 143].

Объем дел, которые рассматривала чистопольская городская полиция, был следующим: в 1843 г. насчитывалось 2205 входящих и 2120 исходящих бумаг, в 1844 г. – 2366 и 2110, в 1845 г. – 2548 и 2615 бумаг соответственно. Из всех входящих были сформированы разные дела: в 1843 г. – 74, в 1844 г. – 86, в 1845 г. – 105. Заключение министра внутренних дел Л.А. Первовского по вопросу о назначении помощника городничего гласило: «...один тамошний

городничий действительно может затрудняться как в наблюдении за сохранением в городе надлежащего благочиния, так и в успешном производстве дел по полиции...».

В центральных и местных архивохранилищах находятся еще не введенные в научный оборот формулярные списки гражданских чиновников – массовые исторические источники, которые по своему содержанию являлись сходными с офицерскими документами личного учета [17, с. 5]. Эти списки дают возможность провести реконструкцию военной повседневности, составить маршрут военных походов и экспедиций, обозначить основные вехи военной и административной карьеры ветеранов войн и военных кампаний, ставших впоследствии городничими, изучить существовавшую систему поощрения офицеров. Они помогут в значительной части восполнить имеющиеся в истории лакуны в части определения географического и социального происхождения чиновников Казанской губернии, их социально-имущественного и семейного положения.

На основе формулярных списков был выявлен персональный состав городничих уездного города Чистополя в 1840-х гг.: И.И. Юрьев (занимал эту должность с конца 1830-х гг. до 1841 г.), П.Н. Новицкий (с 1842 по 1843 г.), А.К. Фойхт (с 1844 по 1845 г.), И.Ф. Сверчков (с 1845 по 1847 г.), Г.С. Ларионов (с 1847 по 1848 г.), Г.С. Науменко (с 1848 по 1854 г.). Из них ветеранами Отечественной войны 1812 г. являлись П.Н. Новицкий и Г.С. Науменко, участниками русско-турецкой войны 1828–1829 гг. – А.К. Фойхт и И.Ф. Сверчков. П.Н. Новицкий, кроме того, участвовал в подавлении Польского восстания 1830–1831 гг., А.К. Фойхт в 1843 г. оказывал содействие помощнику окружного генерала полковнику Броневскому в наказаниях шпицрутенами главных виновников из казенных крестьян Чебоксарского, Ядринского и Козьмодемьянского уездов – участников Акрамовского восстания 1842 г.

Остановимся подробнее на характеристике чистопольских городничих, для этого приведем извлечения из формулярных списков 1840-х гг.

Об **Иване Ивановиче Юрьеве** известно, что он был владельцем небольшого имения, расположенного вблизи Тамбовской губернии, в Чистополе жил с конца 1830-х гг. (предположительно, с 1838 г.),

а в 1841 г. написал прошение о переводе его в г. Лебедянь или туда, где откроется вакансия в пределах Тамбовской губернии, и в начале 1842 г. он был переведен в г. Спасск Тамбовской губернии [4, л. 3].

Петр Никитич Новицкий¹, полковник, беспоместный дворянин Черниговской губернии, 48 лет (в 1842 г.) [4, л. 28]. Принимал активное участие в следующих походах против неприятеля: 1) В 1-й и 2-й кампаниях 1812 г. против французских войск в «действительных сражениях»: 20 сентября при селении Воронове, 12 октября под Малым Ярославцем и в преследовании неприятеля до г. Вильны; 2) В 3-й, 4-й и 5-й кампаниях 1813 г.: в Герцогстве Варшавском в главной резервной армии, с 14 июля 1814 г. в Сильном авангарде под командованием генерал-лейтенанта Ермолова, до вступления в свои границы по 18 октября; 3) В 6-ю кампанию в 1815 г.: с 23 мая через Герцогство Варшавское шел в Пруссию до Саксонских границ и обратно в российские пределы, того же года по 15 декабря; 4) В 7-ю кампанию 1831 г.: 5 февраля перешел границу и вступил в Царство Польское, где был в действительных сражениях против польских мятежников: 26 августа в генеральном сражении и взятии приступом варшавских укреплений и городового вала, 27 августа при покорении г. Варшавы. С 23 апреля 1832 г. следовал обратно в Россию. Первую свою награду – «высочайшее благоволение» Новицкий получил за смотр grenадерского корпуса под г. Орлом 5 сентября 1823 г. и за маневры, повторно такое «благоволение» было ему оказано «за смотр и цельную пальбу в присутствии его императорского величества» 28 июля 1827 г. под [Великим] Новгородом. За отличие по службе в 1829 г. был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени.

Награды, связанные с участием в военных кампаниях, касались преимущественно польских событий – в сентябре 1831 г. Новицкий был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с бантом за «сражение против польских мятежников» 12 и 13 февраля 1831 г. (по старому стилю) при селениях в окрестностях Варшавы – Белолен-

¹ П.Н. Новицкий – начал службу в 1811 г. юнкером лейб-гвардии артиллерийского батальона, с 1811 г. – прапорщик артиллерийской бригады, с 1817 г. – подпоручик, с 1821 г. – поручик, с 1823 г. – штабс-капитан, с 1826 г. – капитан, с 1832 г. – подполковник, с 1840 по 1842 г. – полковник в отставке.

ке и деревне Зобне. Сражение происходило между отрядом князя Шаховского и польскими войсками под командованием Малаховского и Круковецкого. 8 октября 1831 г. «За храбрость и мужество, оказанные в генеральном сражении и совершенном поражении мятежников при г. Остроленке» (город на северо-востоке Польши, на р. Нарев) удостоен ордена Св. Анны 2-й степени, а 9 февраля 1832 г. за отличие в сражении произведен в подполковники. В 1839 г. к ордену Св. Анны было добавлено украшение императорской короной. Кроме этих наград Новицкий был обладателем польского знака отличия 4-й степени за военное достоинство и серебряных медалей: «В память Отечественной войны 1812 года» и «За взятие приступом Варшавы», ордена Св. Станислава 2-й степени, Св. Георгия 4-го класса, знака отличия за 25 лет беспорочной службы.

За все время службы Новицкий лишь трижды был в отпусках – в 1825 г. отпрашивался для свидания с родственниками на 28 дней в г. Кременчуг и Одессу; в 1830 г. в Демянский уезд Новгородской губернии на 15 дней; в 1833 г. в Санкт-Петербург и тот же Демянский уезд Новгородской губернии. Женат был на дочери генерал-лейтенанта Буткевича – Татьяне Александровне, у них росли дети, рожденные уже после 1833–1834 гг.: сын Петр, дочери Екатерина, Мария, Любовь, Надежда.

С 3 февраля 1834 г. был переведен в Комиссариатский штат «с состоянием по армии», а 10 апреля 1834 г. назначен смотрителем Санкт-Петербургского военно-сухопутного госпиталя, 13 ноября 1840 г. уволен от службы из-за болезни «полковником с мундиром и пенсиею». По представлению Комитета, учрежденного 18 августа 1814 г., являлся с 26 марта 1842 г. по 23 ноября 1843 г. городничим г. Чистополя (из них полгода находился на испытательном сроке)². Новицкий был уволен в отставку с положенным ему за военную службу «пенсионом» и квартирными деньгами, которые он пожелал получать в Казани.

² «Комитет, Высочайше утвержденный в 18-й день августа 1814 г.» (с 1858 г. – «Комитет о раненых», с 1877 г. – Александровский комитет) – учреждение для оказания помощи военнослужащим-инвалидам и их семьям, находившееся в Санкт-Петербурге. Комитет в своей деятельности руководствовался правилами, утвержденными 12 декабря 1829 г. [3, с. 848].

На наш взгляд, военная служба оказывала влияние на характер будущих чиновников, на их методы управления вверенной территорией: городничие были вынуждены подчиняться вышестоящему гражданскому начальству также усердно, как и военному руководству, особенно это было видно при подавлении народных мятежей и восстаний.

Яркой фигурой в жизни Казанской губернии в рассматриваемый период можно считать чистопольского городничего майора **Августа Карла Фойхта**, дворянина³. В представлении на должность о нем было написано: «...Офицер этот по нравственным качествам, образованию и способностям вполне оправдает доверие начальства... и будет примерным чиновником в губернии» [5, л. 3]. Граф А.Х. Бенкendorf писал про него: «Капитан Фойхт один из лучших офицеров моего корпуса» [5, л. 9]. На момент вступления в должность ему исполнилось 39 лет, он был холост, исповедовал лютеранское вероисповедание, не имел никакого недвижимого имения.

Фойхт участвовал в трех военных кампаниях русско-турецкой войны: в 1-й – открытия военных действий до блокады крепости Силистрии 3 ноября 1828 г., во 2-й – «от вторичного обложения этой крепости 5 мая 1829 г. до взятия оной 18 июня того же года»; 3-й – от взятия Силистрии до заключения мира 2 сентября того же года.

С 1835 г. служил адъютантом при штаб-офицере, находившемся в Казанской губернии. Согласно приказу по корпусу жандармов, с марта по ноябрь 1840 г. был командирован для сопровождения к Кавказским минеральным водам содержавшегося в Казанском Кизическом монастыре отставного подполковника А.П. Дубовицкого⁴. В 1840 г. в приказе Бенкendorфа ему было объявлено высочайшее благоволение «За отлично усердную и полезную службу». Фойхт

³ А.К. Фойхт поступил на военную службу в 1823 г. в должности фейерверкера 4-го класса, в том же году произведен в юнкера, в 1826 г. в прaporщики, в 1831 г. – в подпоручики, в 1834 г. – в поручики, в 1835 г. по собственному желанию и с согласия шефа жандармов прикомандирован к штабу корпуса жандармов для испытания и перевода в этот корпус, а в 1835 г. произведен в штабс-капитаны, в 1840 г. – в капитаны.

⁴ А.П. Дубовицкий – основатель религиозной секты, дворянин.

являлся кавалером ордена Св. Станислава 3-й степени, имел знак отличия беспорочной службы (за 15 лет) и серебряную медаль «За турецкую войну». В продолжение всей службы он лишь единожды был в 28-дневном отпуске – в 1826 г., ни разу не подвергался штрафам и суду. Перед вступлением в должность городничего был произведен в чин майора.

В 1842 г. в Козьмодемьянском уезде вспыхнуло Акрамовское восстание государственных крестьян, охватившее огромную территорию, в т.ч. Цивильский, Спасский, Свияжский, Лайшевский, Ядринский, Чебоксарский уезды. А. Фойхт находился в составе следственной комиссии для «открытия главных зачинщиков в беспорядках и дерзостях, произведенных казенными крестьянами Козьмодемьянского уезда, для предания их суду», а в 1843 г., как было сказано выше, участвовал в наказаниях виновных шпицрутенами [1, л. 23об.–24]. Он же расследовал дело о самоубийстве в женском отделении казанской городской полиции дворовой женщины Татьяны Яковлевой, принадлежавшей чиновнице Андреевой; по предписанию казанского военного губернатора от 30 августа 1842 г. был командирован в состав следственной комиссии для открытия причин происходивших в г. Казани частых пожаров. Все вышеозначенные командировки были исполнены Фойхтом с «отличным усердием и вполне удовлетворительны». В 1845 г. он написал рапорт казанскому военному губернатору с прошением о предоставлении ему годового отпуска с отлучкой в Казань и Санкт-Петербург и с последующим увольнением от должности [6, л. 13]. Фойхт был причислен к запасным войскам, а на его место заступил И.Ф. Сверчков⁵.

В рапорте на имя министра внутренних дел казанский губернатор рекомендовал ротмистра **Ивана Федоровича Сверчкова** как

⁵ И.Ф. Сверчков начал службу в 1817 г., вступив в Украинский пехотный полк подпрапорщиком, в 1819 г. в возрасте 18 лет был произведен в звание прапорщика, в 1820 г. – он стал подпоручиком, с 1822 г. – поручиком, с 1826 г. – штабс-капитаном, с 1832 г. – ротмистром. С 1822 г. по собственному желанию служил в Санкт-Петербургском драгунском (позже – уланском) полку. В октябре 1832 г. уволен со службы из-за раны с мундиром и «пансионом полного содержания».

«вполне благонадежного» чиновника, который заслужил внимание губернского начальства своей деятельностью и распорядительностью [6, л. 1 об.]. Он происходил из столбовых дворян, был православного вероисповедания, своего имения у него не было. На момент составления формулярного списка в 1846 г. ему исполнилось 43 года.

Иван Федорович участвовал в походах 1828 и 1829 гг. Приведем отрывок из его формулярного списка: «Апреля 25, переправясь через реку Прут, следовал через Молдавию и Валахию с 10 по 17 мая на аванпостах по левому берегу Дуная, июля 3 через Дунай, в Булгарию, 9 и 10 чисел при занятии высоты и обложении крепости Силистрии, в авангарде корпуса в действительных сражениях против турок августа 15 и 18... [где был] ранен [пулей в голову]». За военные заслуги был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с бантом и отправлен на лечение в Бухарест, чтобы снова потом вернуться к боевым действиям [1, л. 33]. С 12 апреля 1829 г. он находился «в марше к Дунаю», при следовании к крепости Силистрии, 23 мая был при блокаде этой крепости, с 23 по 29 – в походе к крепости Шумла для отражения атак сорокатысячного неприятельского корпуса под предводительством верховного визиря. Впоследствии перешел Балканы, лечился в Айдоском госпитале. За участие в этой войне Сверчков был награжден медалью, стал кавалером ордена Св. Анны 3-й степени с бантом. Дважды за все время военной службы был в отпусках – в 1823 г. (28 дней) и в 1830 г. (31 день). С 21 октября 1832 г. по 23 ноября 1844 г. находился в отставке без награждения чином (был уволен со службы с мундирем и пенсиею, размер которой составлял без вычета 780 рублей ассигнациями в год, из сумм Государственного казначейства) [9, л. 4]. В этот период семья его увеличилась – появились сыновья – старший Дмитрий (в 1846 г. ему исполнилось 8 лет), Лев, дочери Любовь, Вера, Софья. Супруга, дети находились при нем.

23 ноября 1844 г. Сверчков был определен в лаишевские городничие, 21 декабря 1845 г. переведен в г. Чистополь. В феврале 1847 г. И.Ф. Сверчков был отстранен от должности, попал под следствие и снят с должности, ему была отменена пенсия, в том же году он умер,

не дождавшись решения суда⁶. В 1856 г. вдова Сверчкова Марья Петрова обратилась к министру внутренних дел С.С. Ланскому (при ходатайстве военного губернатора И.А. Боратынского) с прошением о назначении ей и оставшимся при ней трем детям пенсии. При

⁶ По материалам Казанской уголовной палаты удалось установить, что городничий обвинялся, во-первых, в незаконном освобождении из под стражи мещанина Н.С. Голина, отправленного в тюремный замок по настоянию собственной матери за учиненное в доме «буйство», которая вскоре просила освободить сына и наказать его «домашним образом», чтобы задержание его не было гласным. Сверчков послал своего помощника Аплавина с устным приказанием (во избежание «бесполезной переписки») смотрителю тюрьмы вернуть арестанта в Городническое правление. Однако стряпчий Ховринский потребовал соблюдения точной силы узаконений, письменных распоряжений и даже пожаловался на действия городничего губернскому прокурору. Во-вторых, Сверчков обвинялся в отсутствии именных списков взятых под арест людей (по его словам, такие списки до его прихода на должность никем не составлялись, он же все-таки распорядился вести особые книги об арестантах); в-третьих, ему вменялось в вину содержание под стражей людей разного звания, пола и возраста в одной арестантской мрачной комнате (Сверчков на это отвечал, что другого помещения при Городническом правлении не было, о чем он своевременно доводил до сведения начальника губернии); в-четвертых, в том, что содержавшийся в чистопольском тюремном замке за кражу из чистопольской Спасской церкви денег церковный староста, чистопольский купец 3-й гильдии Семен Куликов, «по распоряжению и дозволению городничего был отпускаем из замка в свой дом для какой-то надобности». Городничий объяснял, что отпускал купца в сопровождении караула в баню, так как при тюремном замке казенной бани нет и арестанты для того отпускаются в частные бани. Были и другие обвинения в адрес Сверчкова, по торговым вопросам: при закупке хлеба казенные приказчики Серно-Соловьевича пользовались не общественными весами, а своими, и содержатель городских весов и мер, чистопольский мещанин Степан Молосеев терпел от этого убытки, просил городничего вмешаться, и Сверчков арестовал на три часа одного из приказчиков, Крылова, за отказ дать объяснения, что тот посчитал «невинным арестом». Сверчкова обвиняли также в медлительности при ведении дела о краже из Спасской церкви денег, в оскорблении священника Полиновского, которого он продержал под арестом несколько часов вследствие произошедшего между ними конфликта.

рассмотрении дела было учтено, что Сверчков участвовал в нескольких походах и сражениях, и было решено выдать его вдове единовременное пособие в размере годового жалования городничего. Младший сын, Лев, был размещен в Московском Александрийском сиротском кадетском корпусе за счет средств Московского опекунского совета (в 1860 г. он еще учился там), старший, Дмитрий, определен на службу юнкером в уланский полк. Дочь Вера осталась при матери. Проживала вдова на момент написания прошения в Москве, в доме Желтухина [9].

После смещения Ивана Федоровича, на место чистопольского городничего был назначен капитан **Григорий Сергеевич Ларионов** (в 1847 г. ему исполнилось 42 года), дворянин, православного исповедания, владелец родового имения в составе двух дворовых душ, а у его супруги было родовое имение в Казанской губернии и 80 душ крепостных крестьян. На службу он поступил в 1821 г. юнкером, в 1824 г. произведен в прапорщики и прикомандирован к Казанским батальонам военных кантонистов, в 1831 г. получил звание поручика, в 1832 г. определен в корпус жандармов, в 1835 г. был назначен старшим адъютантом 6-го (позже – 7-го) округа корпуса жандармов. В походах против неприятеля не участвовал, однако являлся кавалером ордена Св. Анны 3-й степени, имел знак отличия бесспорочной службы за 20 лет. Ларионов был в подчинении начальника 7-го округа корпуса жандармов генерал-майора графа П.И. Апраксина, в 1834 г. был командирован в Вятскую губернию для участия в проведении следствия о злоупотреблениях, в 1835 г. исполнял поручения Апраксина относительно приведения в повиновение бунтовавших крестьян Пермской и Оренбургской губерний и определения причин их возмущения, в 1843 г. направлен в Симбирскую губернию для наблюдения за приемом рекрутов, «каковое поручение исполнил с отличным успехом». За успешное выполнение поручений в 1836 г. был произведен в штабс-капитаны, в 1842 г. – в капитаны. За все время службы несколько раз был в отпусках продолжительностью 28 и более дней – в 1826, 1827, 1831, 1840 гг., с 25 ноября 1831 г. по 30 декабря 1832 г. находился в отставке по семейным обстоятельствам. Г.С. Ларионов овдовел, воспитывал сына Василия 3,5 лет и дочерей – Веру 1,5 лет и Марию 2-х месяцев. В 1848 г. он написал прошение о переводе его городничим

в г. Лайшев «для надзора за имением малолетних детей своих», располагавшемся в Лайшевском уезде [8, л. 1]. Фактически два городничих поменялись местами – лайшевский Г.С. Науменко был переведен в Чистополь, а чистопольский Г.С. Ларионов – в Лайшев.

Подполковник **Гавриил Степанович Науменко** – дворянин Черниговской губернии (в 1848 г. ему исполнилось 58 лет), православного вероисповедания. Имением не обладал, службу начал в Черниговском ополчении пятидесятным начальником в 1812 г.⁷

Науменко являлся ветераном Отечественной войны 1812 г. Он принял активное участие в следующих походах против неприятеля: с 1 октября 1812 г. по 1 января 1813 г. – в Белорусской губернии против неприятельских шанцев и при взятии г. Могилева, в сражениях находился с 1 января 1813 г. до заключения в этом году Рейхенбахского перемирия; в марте 1813 г. военные действия с французами были возобновлены и 3 апреля Гавриил Степанович сражался против французских войск в Польше в местечке Селицы, с 3 апреля по 6 июня участвовал в блокаде крепости Нового Замостья, находился там до момента сдачи неприятелями этой крепости [16]. В ноябре 1813 г. «в действительных сражениях» и перестрелках был ранен пулей в правую ногу. Науменко имел аттестаты от своих командиров⁸, в которых был охарактеризован как усердный, ревностный к службе военный. Из-за ранений был уволен от службы в звании майора с мундирам и «полным пенсионом» (с 12 января 1828 г. по 24 ноября 1834 г.) [1, л. 86–152].

Во время свирепствовавшей в 1831 г. в Черниговской губернии холеры Г.С. Науменко занимал место попечителя участков в Козелецком уезде. В 1834 г. Комитетом, утвержденным 18 августа

⁷ С 1814 г. служил корнетом в Ямбургском уланском полку, с 1816 г. – полковым казначеем, с 1817 г. – поручиком, с 1819 г. – штаб-ротмистром, с 1820 г. – штабс-капитаном Ингерманландского драгунского (позже – гусарского) полка; в 1823 г. ему присвоено звание капитана (с 1826 г. – ротмистр), в 1828 г. уволен от службы из-за ранений в звании майора, с мундирам и «полным пенсионом».

⁸ Такие аттестаты были выданы ему бывшим бригадным командиром Черниговского ополчения, отставным майором артиллерии Подгайским, командиром 1-й Уланской девизии генерал-майором Васильчиковым, Черниговским гражданским губернатором, тайным советником Н.И. Жуковым.

1814 г., определен помощником смотрителя Чесменской военной богадельни с оставлением при нем чина майора и «пенсиона» (с 1836 г. – с чином ротмистра). В 1838 г. был назначен полицмейстером в г. Воронеж с сохранением пенсии. Во время несения гражданской службы Науменко был под судом за произвольные действия по делу о писце Безбородове, судимом за кражу у девицы Парахонцовой вещей, за что по решению уголовной палаты ему было сделано замечание, чтобы на будущее время по службе был внимательнее⁹.

В 1842 г. он был произведен в подполковники, а в 1846 г. переведен городничим в г. Лайшев Казанской губернии. В 1848 г. – в г. Чистополь. За время службы Науменко ни разу не был в отпуске. Женат он был на дочери коллежского советника Анне Степановой Рачинской (католического вероисповедания), у него были сыновья Николай (1842 г. рождения), Степан (1843), Александр (1846), дочь Елизавета (1850), все дети находились сначала при нем, исповедовали православную веру. В 1851 г. сын Александр находился в Московском малолетнем кадетском корпусе, Николай – в Воронежском Михайловском кадетском корпусе. В качестве городничего Чистополя Г.С. Науменко получал жалование в сумме 280 руб. 20 коп., квартирные – 142 руб. 85 коп., и пенсию 218 руб. 55 коп. серебром. В 1854 г. он был перемещен в г. Шацк Тамбовской губернии, а на его место предполагалось назначить шацкого городничего, капитана Волкова.

Таким образом, проанализировав основные аспекты биографий городничих уездного города Чистополя в 1840-х гг., мы можем составить их социальный портрет: подавляющее большинство городничих – участники военных кампаний первой половины XIX в., в том числе Отечественной войны 1812 г., русско-турецкой войны 1828–1829 гг., назначаемые на эту должность по рекомендации Комитета о раненых, созданного 18 августа 1814 г. Городничие

⁹ Будучи полицмейстером, Гавриил Степанович состоял под судом по двум делам, которые рассматривались в Воронежской уголовной палате: 1) о растрате по Воронежской полиции ее секретарями Ивановым и Поповым денежных сумм, 2) «о разных упущениях в производстве по полиции», 3) «по делу о немедленном взыскании с коллежского советника Павлова долговых им денег г. Наумовой».

Чистополя носили дворянский титул, но, как правило, не имели своего поместья, и служба была для них дополнительным (наряду с пенсиеей) источником дохода. Военная служба сопровождалась необходимостью постоянного перемещения из одной губернии в другую, а также необходимостью участия в военных походах против неприятеля за пределами России, характеризовалась отсутствием ежегодных отпусков, поэтому семьями с детьми городничие обзаводились, как правило, лишь по окончании офицерской карьеры. Городничие, имевшие в прошлом опыт службы в отделениях корпуса жандармов, направлялись властью в мятежные уезды для подавления народных восстаний.

В целом для рассматриваемого периода характерна довольно частая ротация кадров – городничие находились в своей должности в среднем два года, за редким исключением (Г.С. Науменко, например, исполнял обязанности чистопольского городничего почти шесть лет). Одной из причин этого становились доносы местных чиновников вышестоящему начальству на городничих, конфликты с населением, невозможность оперативно решать насущные проблемы города и качественно выполнять свои обязанности (возможно, по причине отсутствия такого опыта, или, скорее всего, из-за недостаточной финансовой поддержки городнических правлений – отсутствие раздельных комнат для арестованных мужчин и женщин, бани, достаточного количества помощников и других проблем уездного города). Военные награды и воинские звания отнюдь не защищали их от преследования и наказания. Ошибки городничих дорого стоили их семьям, лишенным средств к пропитанию и содержанию детей, «чтобы дать приличное званию потомственным дворян воспитание». К сожалению, их блестящая военная карьера не имела такого же продолжения на гражданских должностях. Предполагаем, что данная тема нуждается в дальнейшем изучении.

Источники и литература

1. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 35. Оп. 35. Д. 1.

2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). – Собр. 2. – Т. XXI. – № 20248. – С. 143.
3. ПСЗ РИ. – Собр. 2. – Т. IV. – № 3333. – С. 848–862.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 8. Д. 155.
5. РГИА. Ф. 1286. Оп. 8. Д. 345.
6. РГИА. Ф. 1286. Оп. 9. Д. 228.
7. РГИА. Ф. 1286. Оп. 10. Д. 697.
8. РГИА. Ф. 1286. Оп. 11. Д. 504.
9. РГИА. Ф. 1286. Оп. 17. Д. 891.
10. Белоусов С.В. Городничие уездных городов Пензенской губернии – участники Бородинского сражения // Отечественная война 1812 г.: Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XXIV Междунар. науч. конфер. – Бородино, 2021. – С. 103–114.
11. Бирюкова А.Б. Городничие как профессиональная группа: от литературных образов к реалиям провинциальной повседневности в дореформенной России // Манускрипт. – 2019. – Т. 12. – Вып. 1. – С. 27–32.
12. Бирюкова А.Б. Полицмейстеры и городничие Поволжья – участники Отечественной войны 1812 года // Человек и общество в условиях войн и революций. Материалы III Всерос. науч. конфер. – Самара, 2016. – С. 214–219.
13. Детинина Е.А. Городничие Оренбургской губернии – бывшие боевые офицеры (по формулярным спискам 1845 г.) // Бюрократическая власть в Российской империи в XVIII – начале XX в.: региональный аспект. Сб. науч. трудов. – Стерлитамак, 2014. – С. 42–48.
14. Емелин С.М., Хакимов С.Х. Историко-правовые аспекты становления и деятельности института городничих в Российской империи в конце XVIII – в первой половине XIX в. // Юридическая наука: История и современность. – 2018. – № 5. – С. 66–76.
15. Мирошниченко В.В. Полицейские функции городничего в Казанской губернии дореформенного периода // Новый университет. Серия: Экономика и право. – 2011. – № 6. – С. 32–34.
16. Хусяинов Т.М. Осадные монеты польской крепости Замостье, отчеканенные в ходе осады Российской армией в 1813 г. // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 1. – С. 107–117.
17. Целорунго Д.Г. Офицерский корпус русской армии эпохи 1812 года по формулярным спискам (источниковедческое исследование): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 . – М., 1997.

**THE CITY OFFICIALS OF THE DISTRICT CITY OF CHISTOPOL
OF THE KAZAN PROVINCE ARE VETERANS OF THE PATRIOTIC
WAR OF 1812 AND MILITARY CAMPAIGNS OF THE FIRST HALF
OF THE XIX CENTURY (ACCORDING TO THE FORMULARY
LISTS OF THE 1840-S)**

Abstract. The article, based on archival sources introduced into scientific circulation for the first time, examines the main events of the military and civil service of veterans of the Patriotic War of 1812 and military campaigns of the first half of the XIX century, appointed by the city officials of the district city of Chistopol in the 1840s. With the help of form lists, the class origin, family and property status of the city officials were determined, their social portrait was compiled.

Keywords: city official, gendarme, Patriotic War of 1812, Russian-Turkish War of 1828–1829, Akramov uprising, Polish Uprising of 1830–1831, Chistopol, Laishev, grain trade.

УДК 94(470.343)(093):391

**О.А. Кошкина,
Т.Л. Молотова,
М.В. Пенькова**

**МАРИЙСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ СЕРЕБРЯНЫЕ
УКРАШЕНИЯ В ФОНД ОБОРОНЫ (1941–1945):
К ПРОБЛЕМЕ ПОИСКА ИСТОЧНИКОВ**

Аннотация. В статье рассматривается тема сбора марийских национальных серебряных украшений в Фонд обороны. Особое внимание уделено источниковой базе. Привлечены архивные документы, материалы периодической печати и полевые исследования.

Ключевые слова: марийские серебряные украшения, Фонд обороны, Великая Отечественная война, источники, документы, полевые исследования.

Традиционные украшения были важной составной частью марийского народного костюма, они исполняли различные функции.

Изобилие головных, ушных, шейно-ушных, шейно-нагрудных, нагрудных, поясных, наручных ювелирных украшений характерная традиционная черта комплекса костюма марийцев. Комплекс женских украшений сложился еще в древности, это было связано с представлениями человека о красоте и гармонии. В конце XVII в. многим народам Поволжья, в том числе и марийцам, было запрещено заниматься кузнецким и ювелирным ремеслом. За одно столетие ювелирное мастерство марийцев было утрачено. Но поскольку украшения традиционно были составной частью женского костюма, то их стали производить из более доступных материалов – серебряных монет. У богатых в украшениях преобладали серебряные монеты крупного достоинства, небогатые женщины использовали меньше монет. В марийской семье после рождения девочки мать начинала собирать монеты для украшений будущей невесте. Очень распространены были серебряные браслеты и кольца у луговых и восточных марийцев, покупаемые у татарских ювелиров Рыбной слободы. Наиболее богатым был набор серебряных украшений у луговых марийцев группы «шарпанан-нашмакан мари» (звениговско-моркинские). Украшения были мерилом достатка, они передавались по наследству, от матери к дочери [8, с. 13].

В состав украшений входили серебряные монеты различного достоинства (рублевые, 50-, 20-, 15-копеечные) разных исторических периодов XVIII–XX вв. В марийских украшениях встречались монеты иностранного производства – талеры, луидоры и др. Для изготовления полного комплекса украшений требовалось большое количество монет. Например, у горных марийцев в середине XIX в. такой комплект оценивался в 100 руб. серебром [7, с. 151].

В годы Великой Отечественной войны марийские женщины жертвовали свои серебряные украшения в Фонд обороны. «Фонд Красной армии», или «Фонд обороны СССР», – это специальный фонд, созданный 1 августа 1941 г., на счета которого поступали добровольные пожертвования (денежные и материальные средства) на нужды фронта в годы Великой Отечественной войны. Взносы в Фонд были индивидуальными и коллективными и представляли собой денежные суммы, отчисления части зарплаты, ценные вещи, облигации государственных займов, трудодни, средства, вырученные от субботников и сверхурочных работ. Фонд обороны стал одним

из проявлений патриотизма в военные годы. И среди разнообразных посылок, отчислений заработка, взносов из личных средств в регионах России и союзных республиках сдавали в Фонд обороны и национальные украшения из драгоценных металлов.

К сожалению, этот вопрос мало исследован. В отдельных работах можно встретить некоторые отрывочные сюжеты. Например, в газете «Голос Сталинграда» и в других публикациях, посвященных Туркменистану в годы войны, мы читаем: «Туркменские женщины жертвовали в фонд обороны свои украшения и другие ценности, в том числе полученные по наследству и являвшиеся семейными реликвиями. В тяжелый начальный период войны 20 ноября 1941 г. по Туркменистану было сдано около 9 миллионов рублей деньгами, на 42 миллиона рублей приобретено облигаций государственного займа, 969 килограммов золота и 2929 килограмм серебра. Всего за годы войны женщины-туркменки сдали в фонд обороны 7392 килограмма серебра и золота. Это составило около 80 процентов драгоценных металлов, собранных тогда по всему Союзу. Украшения туркменских женщин оказались «переплавлены» в 5 танковых колонн и 7 эскадрилий боевых самолетов» [1]. Есть публикации, посвященные участию в этом деле населения Средней Азии и Казахстана [9].

Возвращаясь к вопросу о сдаче мариийских национальных серебряных украшений в Фонд обороны, следует отметить, что документальная источниковая база этой проблемы очень небольшая. Такие сведения встречаются в газетах, либо в отчетах организаций и учреждений среди перечня всего, что было сдано в Фонд обороны.

К примеру, первая заметка в центральной газете региона «Мариийская правда», где упоминаются национальные украшения, появилась 12 августа 1941 г.: «В отделение госбанка пришла молодая колхозница артели «Первое мая» Новоторъяльского сельсовета Иванова Мария Павловна. Она принесла сдавать серебро, которое носила в качестве украшения. Сдав свои монеты по номинальной стоимости на сумму 20 руб., она заявила:

– Я призываю всех женщин нашего района сдать в банк имеющиеся у них серебряные монеты в фонд обороны. Этим мы поможем Красной Армии громить фашистов» [6].

Сдача национальных украшений очень кратко зафиксирована, например, в отчетах наркомата просвещения республики. В отчете

о состоянии политико-просветительской работы по Марийской АССР с 1 мая по 15 сентября 1942 г. мы читаем: «Избами-читальнями республики была подхвачена инициатива Карамасской избы-читальни Сотнурского района (избач Сибирякова), которая организовала сбор серебряной монеты с головных уборов марийских женщин в фонд обороны страны (собрано 50 кг)» [3, л. 54].

Или, например, из отчета наркома просвещения Марийской АССР П. Попова о помощи пионеров и школьников фронту в 1942 г.: «...Учащиеся собрали 3364 теплых вещей и 27 934 руб. на подарки бойцам, 5285 бутылок для горючего, 74 т металломолома, приобрели на 30 229 руб. билетов денежно-вещевой лотереи, собрали 7500 экз. книг для госпиталей и 8787 руб., и до 6 кг старинной серебряной монеты» [5, с. 169].

Инициатива в сборе украшений по некоторым источникам и публикациям принадлежала секретарю комсомольской организации колхоза «Москва» Больше-Карамасского сельсовета Сотнурского района Анне Покровской. «Она сняла с себя украшение из серебряных монет на сумму 53 руб., которое было ей подарено матерью, и призвала всех женщин республики последовать ее примеру. Безусловно, призыв нашел широкий отклик» [4, с. 75].

В 1942 г. художником Б.И. Осиповым была написана картина «В фонд обороны Родины». В ее основу был положен следующий сюжет: женщины в марийских национальных костюмах сдают на нужды фронта свои серебряные украшения. Исследователи О.А. Требушкова и С.К. Свечников в статье, посвященной истории Марийского края в живописи, отмечают: «К началу Великой Отечественной войны марийцы уже прошли, хотя не столь долгую по времени, но серьезную по содержанию школу иного бытия, новой жизни. Появилось осознание себя, своего этноса как части системы, включающей много других этносов. И когда эта система-государство подверглась страшной военной угрозе, способной лишить будущего не только саму систему, но, как следствие, и все ее составляющие, марийцы плечом к плечу с другими народами Советского Союза встали на защиту своей большой Родины от фашизма. Все тяготы невиданной доселе войны разделили с мужчинами и женщинами. Веками обереги передавались по наследству по женской линии. Их вес (до 10 кг), а также размер конопляной делянки, входившей

в приданое, были мерилом состоятельности невесты. И обереги, и конопляная делянка считались собственностью женщины. И тот факт, что марийки, для которых серебряные обереги были не просто предметом, имеющим денежный эквивалент, но прежде всего воплощением родовой памяти, приносили их на алтарь Победы, говорит о многом. Главный смысл этой работы (картины Б.И. Осипова. – *O.K.*) – показать патриотизм, проявленный всеми народами нашей страны» [10, с. 68].

В документах мы находим и общий результат сбора украшений. Он зафиксирован в отчете Марийского обкома ВЛКСМ об оказании помощи фронту за 1945 г.: «По инициативе комсомольской организации колхоза «Москва» Больше-Карамасского сельсовета Сотнурского района (секретарь тов. Покровская) в республике проходил сбор серебра, ранее используемого в качестве национального украшения марийскими женщинами. Было сдано 259 кг 195 г серебра и сдано в государственный банк» [2, л. 11–12].

При исследовании поставленной проблемы были привлечены полевые источники. Ряд устных рассказов и воспоминаний был

Осипов Б.И. В фонд обороны Родины. 1942

зафиксирован во время комплексных экспедиций. Основная работа осуществлялась в Звениговском районе Республики Марий Эл в ходе совместной экспедиции Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева и Чувашского государственного института гуманитарных наук (12–21 июня 2022 г.), а также в рамках участия в комплексных исследованиях священных рощ Национальным музеем Республики Марий Эл им. Т. Евсеева в Советском, Волжском, Новоторъяльском, Сернурском районах республики (28 июня – 10 июля 2022 г.).

В собранных материалах, представленных в основном устными рассказами местных жителей, зафиксированы, например, следующие воспоминания (здесь и далее перевод с мар. яз. – *М.П.*): «Война началась. Жизнь сразу стала тяжелой, начали забирать на фронт. Женщины, дети стали оставаться сиротами. Росли мы в страданиях, работали, фронту нужно помогать… начали собирать деньги и тому подобное. Помню, как рассказывали, что некоторые женщины доставали свои украшения – *ама*, и отдавали ее часть – *крестъїгёл*. Оно же не простое, на кончике с тыльной стороны пришил православный крестик из церкви, поэтому помогало, Бог берег. Его отдавали. Но целиком украшение никто не отдавал, потому что нельзя, его нужно беречь. Украшение мать передавала своей дочери как оберег» (информант Самсонова (Порханова) Лидия Николаевна, 1932 г. р., уроженец с. Сидельниково Звениговского района Республики Марий Эл).

Более молодое поколение также делилось обрывочными сведениями из рассказов своих родителей или бабушек: «На фронт отправляли все, помогали всем, чем только могли. В те годы еще сохранились у народа золотые и серебряные деньги (монеты), у тех, кто смог их сохранить. Они потом все свои сбережения отправили на фронт, женщины отправляли свои национальные украшения – *шийдарман*, *аршаи*, пояски, они были сделаны из старинного серебра. Даже последние деньги отдавали» (информант Милютин Герман Степанович, 1961 г.р., уроженец д. Янгранур Советского района Республики Марий Эл).

«Слышал от своей бабушки, рассказывала, что для фонда обороны собирали деньги и некоторые отправляли серебряные монеты из национального женского украшения *ама*, доставая их по несколько

штук... Бабушка еще говорила, что у тех, кто отдавал часть украшений, у них мужья и сыновья вернулись домой живыми» (информант Мартынов Анатолий Григорьевич, 1989 г.р., уроженец с. Сидельниково Звениговского района Республики Марий Эл).

Также в рамках сбора материала для данного исследования был зафиксирован небольшой объем устного материала вне рамок официальных экспедиций в Горномарийском районе Республики Марий Эл. Были записаны народные рассказы следующего содержания: «Во время войны начали собирать у народа разные предметы и вещи в помощь для фронта, не только из колхоза брали, еще, кто чем может, тем помогали, давали свое. В основном говорили о сборе денег, только лишних денег ни у кого тогда не было, где хоть там. Зато помню, как женщины отдавали свои праздничные украшения, которые надевали на свадьбы (*шериүәши*, *тәңгән кайтан*). Не все отдавали, некоторые оставляли, хотя лишнего и этого не было у людей. Моя мама отдала тонкую длинную с мелкими серебряными монетами *тәңгән кайтан*, видимо, принадлежавшую когда-то моей прабабушке. «Лишь бы для пользы ушла», – помню ее слова вдогонку» (информант Соколова (Савельева) Ираида Николаевна, 1935 г.р., уроженка д. Юнготы Горномарийского района Республики Марий Эл).

«Мой отец на войну не ходил, его оставили работать в тылу, очень тоже было тяжело и здесь, много руководил различными работами в сельпо, досталась ему с лихвой тяжелая работа. Потом нам рассказывал, как собирали для отправки на фронт много одежды, шерсти, зерна, и деньги собирали. Говорил, давали все, у кого что имеется, каждый чем мог, тем и помогал. Отдавали старинные монеты, которые вешают на шею в качестве украшения, рассказывал, как они лежали кучками и ярко блестели, и переливались, словно драгоценный букет, помню его слова» (информант Соловьева (Изокова) Ольга Александровна, 1940 г.р., уроженка с. Еласы Горномарийского района Республики Марий Эл).

В целом необходимо отметить, что тематическая направленность зафиксированных материалов данного этапа работы опирается на полновесную веру информантов в то, что пожертвованные в Фонд обороны семейные реликвии в виде национальных украшений, трепетно хранившиеся в семье много лет, имели определенную

энергетическую и даже магическую силу и, выступая в качестве оберега, несли в себе и единую идею сплочения народа против врача, и, безусловно, помогали близким, находящимся на войне, берегли их от ранений и гибели.

Свои серебряные украшения жертвовали на нужды фронта и другие народы, в том числе финно-угорские. Так, по информации известного удмуртского этнографа Е.В. Поповой во время сбора полевого материала по народному традиционному костюму среди башкир и удмуртов на вопрос: «Почему не сохранились старинные серебряные украшения?» многие информанты отвечали, что во время войны они были сданы государству, в Фонд обороны, поэтому утрачены.

Таким образом, подводя итоги исследования источниковедческой базы по данной проблеме, следует отметить, что значительную часть информации дают именно полевые материалы, обогащающая содержание документов живыми свидетельствами и воспоминаниями.

Источники и литература

1. Голос Сталинграда. – 2015. – 21 апр.
2. Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. П-1. Оп. 5. Д. 724.
3. ГАРМЭ. Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 182.
4. Женщины Марийской АССР. – Йошкар-Ола, 1968.
5. Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. док-тov. – Йошкар-Ола, 2005.
6. Марийская правда. – 1941. – 12 авг.
7. Михайлов С. Собрание сочинений. – Чебоксары, 2004.
8. Молотова Т.Л. Марийский традиционный костюм. – Йошкар-Ола, 1992.
9. Павленко В. Патриотический вклад населения Средней Азии и Казахстана в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2003. – № 1. – Т. 10. – С. 195–205.
10. Требушкова О.А., Свечников С.К. История Марийского края в живописных полотнах (на примере исторической экспозиции Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева) // Вестник Мар. гос. ун-та. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2015. – № 4. – С. 63–70.

O.A. Koshkina,
T.L. Molotova,
M.V. Penkova

MARI NATIONAL SILVER DECORATIONS FOR THE DEFENSE FUND (1941–1945): TO THE PROBLEM OF SEARCHING SOURCES

Abstract. The article deals with the topic of collecting Mari national silver jewelry for the Defense Fund. Particular attention is paid to the source base. Archival documents, periodicals and field research are involved.

Keywords: Mari silver jewelry, Defense Fund, World War II, sources, documents, field research.

УДК [355.484(470.344«19/20»):001.8]:030

Н.Б. Смирнова

ОСОБЕННОСТИ НАПИСАНИЯ СТАТЕЙ О ВОЕНАЧАЛЬНИКАХ В ЭЛЕКТРОННУЮ «ЧУВАШСКУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ»

Аннотация. В статье рассмотрены принципы написания статей о военных высшего офицерского состава в электронную Чувашскую энциклопедию. Изучены источники информации о данных персоналиях с конкретными примерами.

Ключевые слова: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, электронная Чувашская энциклопедия, военачальники, биографические статьи, поиск и сбор информации.

В 2006–2011 гг. Чувашский государственный институт гуманитарных наук выпустил четыре тома «Чувашской энциклопедии». Статьи, посвященные выдающимся личностям, занимают в ней значительное место (более 40 %). Работа над ними продолжается и в интернет-версии энциклопедии, функционирующей с 2012 г. по адресу <http://enc.cap.ru>. Среди множества биографий важное место занимают жизнеописания военных. Как правило, в энциклопедии размещаются статьи о высшем офицерском составе со званием «генерал-майор», «генерал-лейтенант», «генерал-полковник», «контр-адмирал», «вице-адмирал».

В сбор информации о военачальниках в бумажную версию энциклопедии большой вклад внесли краеведы В.Ф. Степанов, В.И. Кудягинин, А.Д. Бикалов, В.М. Бурмистров и др. В электронной версии написанием новых биографий и актуализацией имеющихся статей в течение длительного времени занималась кандидат исторических наук Н.Б. Маясова (Смирнова).

Структура биографий выглядит следующим образом: фамилия, имя, отчество, даты рождения и смерти (если человек умер), воинское звание (в скобках дата его присвоения). Затем следует образование, ученая степень и звание (если имеются), с какого года человек призван в армию и послужной список. В нем перечислены основные места и даты службы. Отдельно отмечается год выхода в запас или в отставку. Затем упоминаются награды и объекты, названные их именами, если имеются. Если человек является Героем Советского Союза или Российской Федерации, указывается полная дата присвоения звания. Кроме того, добавляется информация о мемориальной доске или бюсте и месте их установления. В статье черно-белая фотография помещается начиная со звания «генерал-лейтенант» и «вице-адмирал». В электронной «Чувашской энциклопедии» публикуются данные не только об уроженцах республики, но и о чувашах, родившихся за ее пределами.

Специфика подготовки жизнеописаний военных высшего офицерского состава заключается в том, что необходимо использовать специальную терминологию, хорошо разбираться в воинских званиях, подробно исследовать послужные списки как в военное, так и в мирное время. Поиск информации о генералах и адмиралах осложняется тем, что они, как правило, служили и служат за пределами Чувашии, в основном в Москве. В определенной мере проблему можно решить с помощью научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук. В 1960–1970-е гг. старший научный сотрудник института Н.И. Иванов по поручению директора, доктора исторических наук, профессора В.Д. Димитриева, выявлял сведения о военачальниках, как уроженцах республики, так и чувашах из других регионов. Материалы, собранные им, находятся на хранении в отделе II. Они представлены документами на военных, получивших генеральские и адмиральские звания

в советское время. Большую ценность представляют анкеты, заполненные ими собственноручно, копии автобиографий, личные листки по учету кадров, копии личных дел, послужных списков и служебных отзывов, справки о служебной деятельности, выписки из приказов по увольнению в запас, постановления о присвоении воинских званий. В них в большинстве случаев можно найти дату рождения, сведения об образовании, подробности служебной деятельности, определить наличие ученой степени, награды. Кроме того, там указаны адреса на момент заполнения документов. Их можно выявить и в справках о местожительстве. С помощью данных видов источников определяется дальнейшее направление поисков. Возможно, родственники военных проживают там же, и от них можно будет получить недостающую информацию. Тем не менее она относится лишь к определенному году (на момент написания автобиографии), и полностью написать статью на их основе не всегда возможно, необходим дополнительный поиск. С течением времени могло измениться многое, например, место службы, и этот факт остается неизвестным.

Важные сведения можно найти в справках об аттестации, карточках взысканий и поощрений, партийных и боевых характеристиках, справках о правительственные наградах, копиях наградных листов, представлений к наградам, листов званий и назначений. В выписках из приказов отмечается боевая деятельность героев статей. Значительный интерес представляют подробные справки о службе в годы Великой Отечественной войны. Большую помощь оказывают и вырезки из газет со статьями о военных, переписка генералов и адмиралов с Н.И. Ивановым, справки о состоянии здоровья, свидетельства о болезни, некрологи, справки из военкоматов и Центрального архива Министерства обороны. Важные сведения можно найти в воспоминаниях военачальников, текстах и сценариях передач о них по телевидению. Так как военные присылали свои фотографии, там можно найти и материалы для иллюстраций.

Кроме того, при подготовке статей о высшем офицерском составе значительную роль играет обращение в Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации, военные комиссариаты, администрацию кладбищ. Отдельно стоит выделить переписку и беседы по телефону с самими героями статей. Так, в 2015–

2019 гг. Н.Б. Смирновой активно велась переписка с уроженцем Чебоксарского района, генерал-майором авиации П.Е. Егоровым [3], неоднократно имели место беседы с генерал-лейтенантом М.Я. Яковлевым [5], родившимся в Канашском районе. Первый из них проживал в г. Хабаровске, второй – в Москве. Помимо того, активно поддерживались контакты с генерал-майором юстиции Е.С. Ильдюгановым, чувашем из Приморского края, ныне проживающим в Москве [4].

Значительную помощь в поиске информации оказывает творищество офицеров «Сыны Отечества». Оно объединяет более 400 выходцев из Чувашии – офицеров, представителей силовых структур, правоохранительных органов. В течение длительного времени организацию возглавляет вице-адмирал В.А. Ильин [2]. «Сыны Отечества» ведут активную работу по патриотическому воспитанию молодежи, формированию у молодых людей гражданского самосознания, регулярно встречаются со школьниками в городах и районах республики, проводят смотры-конкурсы кадетских классов, оказывают шефскую помощь военнослужащим из Чувашии, проходящим срочную службу в Президентском (кремлевском) полку. Информация о присвоении генеральского звания очередному уроженцу республики или представителю чувашского народа поступает в основном от них.

В 2020 г. Чувашским книжным издательством была выпущена книга «Военно-мемориальные объекты и воинские захоронения в Чувашской Республике». В ней представлен свод объектов культурного наследия мемориального искусства, памятников и мемориальных сооружений, увековечивающих память погибших при защите Отечества, а также воинских захоронений, имеющихся на территории Чувашии. При работе над книгой в течение нескольких лет Национальная библиотека республики подготовила базу данных военных памятников. С ее помощью можно найти новые мемориальные объекты, посвященные военачальникам, и зафиксировать информацию в статьях о них. Отдельного внимания заслуживают адреса, где расположены памятники: названия улиц, парков, скверов и т.д. Они также могут носить имена генералов или адмиралов. К примеру, в с. Шихазаны имеется памятник Неизвестному солдату, который расположен на улице генерала В.М. Михайлова [1].

Информация о военачальниках также востребована создателями других электронных ресурсов, таких как «Герои страны», «Элита армии».

Таким образом, написание статей о военных высшего офицерского состава имеет свою специфику, требует особого подхода и предельной достоверности. Значительную роль при их подготовке играют контакты за пределами Чувашии. Кроме того, описание биографий играет значительную роль в патриотическом воспитании молодежи и повышает чувство гордости за выдающихся земляков.

Источники и литература

1. Бикалов А.Д., Степанов В.Ф. Михайлов Виктор Михайлович // Чувашская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnc=3407> (дата обращения: 8 мая 2022 г.).
2. Кудягин В.И. Ильин Владислав Алексеевич // Чувашская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnc=2838> (дата обращения: 8 мая 2022 г.).
3. Малясова Н.Б. Егоров Петр Егорович // Чувашская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnc=5393> (дата обращения: 11 мая 2022 г.).
4. Малясова Н.Б. Ильюганов Евгений Степанович // Чувашская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnc=5423> (дата обращения: 8 мая 2022 г.).
5. Степанов В.Ф., Малясова Н.Б. Яковлев Михаил Яковлевич // Чувашская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnc=4932> (дата обращения: 11 мая 2022 г.).

N.B. Smirnova

FEATURES OF WRITING ARTICLES ABOUT MILITARY LEADERS IN THE ELECTRONIC «CHUVASH ENCYCLOPEDIA»

Abstract. The article discusses the principles of writing articles about military senior officers in the electronic Chuvash encyclopedia. The sources of information about these personalities with specific examples have been studied.

Keywords: Chuvash State Institute of Humanities, electronic Chuvash encyclopedia, military leaders, biographical articles, search and collection of information.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИСТОРИКОВ

Аннотация. В статье проводится анализ издававшейся после 2000 г. в англоязычных странах (Великобритания, США, Австралия, Канада, Ирландия) научной литературы, посвященной Великой Отечественной войне. Констатируется повышение интереса к изучению Великой Отечественной войны на основании того, что в достаточно большом объеме появляются монографии и статьи, как непосредственно посвященные кампаниям на Восточном фронте, так и рассматривающие ее в более широком контексте Второй мировой войны. Этим же обусловлен выбор англоязычных стран. Большинство исследований опираются на издания, опубликованные задолго до 2000-х гг., однако во все больших объемах начинают использоваться архивные материалы, что делает современные научные труды более объективными. В статье сделаны выводы о частичной трансформации историографической традиции, существовавшей во второй половине XX в.: новые подходы повлекли за собой смену акцентов и пересмотр некоторых устоявшихся точек зрения.

Ключевые слова: Вторая мировая война, историография, Красная армия, Вермахт.

Англоязычные историки всегда с большим интересом изучали события Великой Отечественной войны, что говорит о значительной актуальности темы. До начала масштабного открытия отечественных архивов зарубежную историографию отличала односторонность в освещении ее истории, господствовала тенденция в повторении немецких оценок хода, основных событий и результатов боевых действий, принижение значения роли СССР в победе союзных войск.

В 1990-х гг. стали появляться гораздо более объективные исследования. В книге «Почему победили союзники» профессор Эксетерского университета (Великобритания) Р. Овери утверждает, что вклад СССР в победу гораздо более значительный по сравнению с союзниками [36, р. 98]. Американский историк У. О'Нил отмечал, что без участия в войне Советского Союза нацистская Германия,

вероятнее всего, не потерпела бы поражение [34, р. 7]. Современная зарубежная историография Великой Отечественной войны представлена как работами, написанными в соответствии с концептуальными установками времен холодной войны, так и исследованиями, авторы которых предпринимают попытки изучить историю войны с разных сторон и с привлечением разных типов источников. Цель – провести анализ этих публикаций. Новизна работы заключается в том, что впервые данные публикации комплексно проанализированы и объединены в одной статье.

Исследования, опубликованные в новейшее время, но содержащие выводы, схожие с принятыми в историографии времен холодной войны, свойственны главным образом британским историкам. Они отмечают в качестве факторов, способствовавших победе Красной армии, губительное вмешательство в армейское командование Гитлера, ленд-лиз, тяжелые погодные условия [48, р. 42; 47, р. 60; 45, р. 133; 18, р. 30–31, 84; 30, р. 96; 26, р. 53; 25, р. 34; 6, р. 106]. Тезис о погодных условиях поддерживает американский историк К. Лютер [23, р. 261]. Его соотечественник Дж. Мегаржи и британский историк Д. Кэмбелл объясняют поражение Вермахта проблемами в логистике [27, р. 88, 91, 100, 103; 5, р. 14], а также недооценкой командованием Вермахта сил Красной армии [28, р. 103]. Идею о том, что переброска частей Люфтваффе на Средиземное море в 1941 г. значительно ослабила Вермахт, выдвигают историки из Университета Глазго [25, р. 32, 36, 37; 33, р. 193–194].

Профессор Канзасского университета (США) Б. Меннинг и профессор колледжа Генерального штаба США Дж. Хаус соглашаются с большинством британских коллег в вопросах логистики и ленд-лиза [29, р. 235, 237]. Ф. О'Брайен (Университет Глазго, Великобритания) добавляет, что переброска немецкой армии в Советский Союз осложнялась тем, что железные дороги были шире, чем в странах Западной Европы [32, р. 612]. В другой работе этот британский историк заявил, что воздушно-морская война между немцами, англичанами и американцами была решающей кампанией Второй мировой войны [33, р. 485]. Профессор истории Университета Калгари (Канада) Дж. Феррис повторяет тезисы «классических» западных трудов по истории Великой Отечественной войны, считая, что главные причины поражения Германии на Восточном фронте – это

ошибки немецкого командования, недооценка сил Красной армии, а также особая некомпетентность Гитлера [10, р. 658].

Представленная выше когорта историков, как правило, в своих работах опирается на положения публикаций своих соотечественников прошлого века, либо на произведения, относящиеся к литературно-публицистическим трудам, не являющимся научными, которые начали публиковаться в нашей стране в конце 80-х гг. XX в.: «Ледокол» В. Суворова, «Бочка и обручи, или когда началась Великая Отечественная война?» М. Солонина и др. Тем не менее данные работы по отношению к отечественной историографической традиции находятся в явном меньшинстве. Давно опубликованы фундаментальные исследования по Великой Отечественной и Второй мировой войне, целый ряд историков, например В.Г. Кикнадзе, в своих исследованиях противостоят попыткам «умалить вклад России (СССР) в Победу над германским фашизмом (нацизмом)» [1, с. 8].

Авторам ряда современных публикаций на английском языке свойственен пересмотр некоторых указанных их соотечественниками оценок и более глубокий анализ фактов, однако, в отличие от группы историков, представленных ниже, в этих работах еще присутствуют некоторые тенденциозные оценки, ограничивающие их объективность. Преподаватель Университета Калгари (Канада) А. Хилл, сосредоточивший в своей статье внимание на ленд-лизе, пишет о том, что британским танкам требовалась серьезная модификация [14, р. 289, 291]. Он же в монографии отмечает, что Красная армия лучше смогла адаптироваться к реальным условиям боевых действий, одним из недостатков Красной армии он считает партизанское движение, которое было плохо организованным, слабо поддерживалось сельским населением [16, р. 253, 276]. Позже его мнение относительно партизанских отрядов значительно изменится: в 2019 г. он напишет, что к партизанам присоединились большое количество как мужчин, так и женщин [15, р. 19].

Канадский и американский историки М. Олив и Р. Эдвардс сосредотачивают свое внимание на недостатках Вермахта, при этом в работе не остается без внимания яростное сопротивление Красной армии [35, р. 7]. Преподаватель Университета Западной Австралии М. Еделе, с одной стороны, приходит к выводам о том, что сражения

на Восточном фронте были решающими во Второй мировой войне, что именно здесь хребет Вермахта был сломан. С другой стороны, историк отмечает, что Красная армия была смесью современного и средневекового [8, р. 169, 173, 174].

Преподаватель Университета Нового Южного Уэльса (Австралия) Д. Шталь в статье, опубликованной в 2012 г., повторяет ряд выводов, свойственных ранней послевоенной историографии, о недооценке соперника и проблеме с логистикой, но также не обходит стороной тот факт, что разведка Красной армии была одним из ключевых факторов победы в войне [42, р. 23, 31, 38]. В монографии, увидевшей свет в 2013 г., Шталь также приходит к уже известным в историографии выводам о сложных погодных условиях, о том, что осенью 1941 г. большое количество немецких самолетов было переброшено на Средиземное море. В то же время историк отмечает, что советская кадровая система позволяла постоянно отправлять на фронт новые силы, что полностью перехитрило предположения немецкой разведки [41, р. 4, 19, 20, 22, 40, 45, 68]. В другом исследовании взгляды Штала еще более эволюционируют в сторону объективного изучения роли СССР во Второй мировой войне, что выразилось в главной идее работы: боевые действия в Северной Африке и Европе были второстепенными по сравнению с войной на Востоке [43, р. 1–2, 273].

Профессор Канзасского университета (США) Д. Стоун, как и многие военные англоязычные историки, в качестве одной из главных причин поражения Вермахта называет грязь и дожди, однако, по его мнению, Германия проиграла еще и в производственной войне [44, р. 339, 341]. Э. Модсли в 2015 г., в отличие от своей монографии, изданной в 2011 г., уже не называет погоду основной причиной неудач немецкой армии. Решающими факторами, по его мнению, были советские резервы и яростное сопротивление советских солдат. При этом Модсли повторяет тезис из своей предыдущей работы о переводе большого количества немецких самолетов в Средиземное море в 1941 г. [24, р. 78, 80]. Военный историк из США Дж. Рэйди отмечает, что исход войны определили несколько факторов, самыми существенными из которых были следующие: некомпетентное планирование и плохая

логистика, а также отсутствие четких и достижимых целей немцев, с одной стороны, и эффективная оборона советских войск – с другой [2, с. 160].

Некоторые современные англоязычные историки выступают за полный пересмотр оценок войны на Восточном фронте. Причем современные исследования, в которых присутствует подобный подход, чаще всего принадлежат перу американских авторов. Например, У. Мюррей и А. Миллет пишут, что из всех союзников именно СССР на протяжении всей войны развивал боевую мощь, необходимую для уничтожения нацистской Германии [31, р. 410, 483]. Д. Гланц обвиняет ряд западных историков в «маскировке» советского вклада в победу [13, р. XV]. Д. Шталь также считает, что многие западные историки призывают вклад Советского Союза в победу [40, р. 21]. У. Данн пишет, что Советский Союз победил бы вне зависимости от открытия западными союзниками второго фронта [7, р. XIII–XXI], Р. Аткинсон – что высадка в Нормандии заставила нацистскую Германию сражаться на трех фронтах одновременно, однако она имеет гораздо менее значительный характер, чем боевые действия на Востоке [3, р. 1–45]. С. Фриц указывает на то, что примерно восемь из десяти немецких солдат, которые погибли, были убиты на Восточном фронте, и приходит к выводу о том, что именно Красная армия сломала хребет Вермахту [11, р. XXI–XXII]. Британские историки К. Лоу, Р. Эванс, Э. Бивор, П. Кенеди, а также профессор Университетского колледжа Корка (Ирландия) Дж. Робертс отмечают, что СССР участвовал в гораздо большем количестве боевых действий, в сравнении с союзниками [22, р. 323; 9, р. 214; 4, р. 113, 522; 38, р. 42; 19, р. 183].

Ряд американских историков высказывают точку зрения о важности советских кадровых резервов и быстро проведенной эвакуации промышленности [12, р. 21, 22; 17, р. 251; 46, р. 120]. Профессоры Университета Юты Р. Смелзер и Э. Дэвис считают, что именно о советское оружие действительно сломалась немецкая армия, не менее 80 % которой воевало на Восточном фронте [39, р. 1–2, 12, 13, 19, 248–249]. Р. Киршубель пишет, что пока Германия боролась с относительно небольшими, либо более слабыми государствами,

фактор неожиданности работал; против СССР эта тактика оказалась неудачной [20, р. VI–VII, 2, 79], в более поздней монографии историк приходит к выводу о том, что война между СССР и Германией определила исход Второй мировой войны [21, р. 15]. Дж. Рэди и Ч. Шарп считают утверждение про «Генерала Грязь» обычным немецким оправданием [37, р. 30, 237].

Таким образом, современная англоязычная историография Великой Отечественной войны представлена достаточно значительным количеством исследований, что говорит о сохранении интереса к изучению данной темы. Главным образом это исследования ученых из Великобритании и США.

Источники и литература

1. Кикнадзе В.Г. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: историческая правда о ключевых событиях и явлениях в вопросах и ответах. – М., 2020.
2. Рэйди Д. Дальше ни шагу: сражение за Наро-Фоминск 20–31 октября и 1–3 декабря 1941 года. Часть вторая // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2021. – Том 7. – № 1 (25). – С. 113–164.
3. Atkinson R. The Guns at Last Light: The War in Western Europe, 1944–1945. – New York, 2013.
4. Beevor A. D-Day: The Battle for Normandy. – London, 2010.
5. Campbell D. German Infantryman versus Soviet Rifleman: Barbarossa 1941. – Oxford, 2014.
6. Cornish N. Hitler versus Stalin: The Eastern Front 1941–1942: Barbarossa to Moscow. – Barnsley, 2016.
7. Dunn W.S. Hitler’s Nemesis: The Red Army, 1930–1945. – Mechanicsburg, 2009.
8. Edele M. Militaries Compared: Wehrmacht and Red Army, 1941–1945 // A Companion to World War II. Volume I. – Hoboken, 2013. – P. 169–185.
9. Evans R.J. The Third Reich at War. – London, 2008.
10. Ferris J. Intelligence // The Cambridge History of the Second World War. Volume I. Fighting the War. – Cambridge, 2015. – P. 637–663.
11. Fritz S.G. Ostkrieg. Hitler’s War of Extermination in the East. – Lexington, 2011.
12. Glantz D. An Annotated Chronology of the War on the Eastern Front // Steve Myers, Hugh Foster, Keith E. Bonn. Slaughterhouse: The handbook of the Eastern Front. – Bedford, 2004. – P. 15–66.

13. *Glantz D.* Colossus Reborn: The Red Army at War, 1941–1943. – Kansas, 2005.
14. *Hill A.* British “Lend-Lease” Tanks and the Battle for Moscow, November – December 1941 — A Research Note // Journal of Slavic Military Studies. – 2006. – No. 19. – P. 289–294.
15. *Hill A.* Soviet Partisan Versus German Security Soldier. – Oxford, 2019.
16. *Hill A.* The Red Army and the Second World War. – Cambridge, 2017.
17. *Hitchcock W.I.* The Bitter Road to Freedom: A New History of the Liberation of Europe. – New York, 2008.
18. *Jukes G.* The Second World War. Volume 5: The Eastern Front 1941–1945. – New York & London, 2003.
19. *Kennedy P.* Engineers of Victory: The Problem Solvers Who Turned the Tide in the Second World War. – London, 2013.
20. *Kirchubel R.* Hitler’s Panzer Armies on the Eastern Front. – Barnsley, 2009.
21. *Kirchubel R.* Operation Barbarossa: The German Invasion of Soviet Russia. – Oxford, 2013.
22. *Lowe K.* Inferno: The Devastation of Hamburg, 1943. – London, 2007.
23. *Luther G.W.* Barbarossa Unleashed: The German Blitzkrieg Through Central Russia to the Gates of Moscow June–December 1941. – Atglen, PA. 2013.
24. *Mawdsley E.* Thunder in the East: The Nazi-Soviet War, 1941–1945. – London, 2005.
25. *Mawdsley E.* December 1941: twelve days that began a world war. – New Haven; London, 2011.
26. *Mawdsley E.* Thunder in the East: The Nazi-Soviet War, 1941–1945. – London, 2015.
27. *Megargee G.* War of Annihilation: Combat and Genocide on the Eastern Front, 1941. – Lanham, 2006.
28. *Megargee G.P.* Inside Hitler’s High Command. – Lawrence, 2000.
29. *Menning B., House J.* Soviet strategy // The Cambridge History of the Second World War. Volume I. Fighting the War. – Cambridge, 2015. – P. 213–244.
30. *Merridale C.* Ivan’s War. The Red Army 1939–1945. – London, 2005.
31. *Murray W., Millett A.* A War to be Won: Fighting the Second World War. – Cambridge, 2000.
32. *O’Brien P.* Logistics by land and air // The Cambridge History of the Second World War. Volume I. Fighting the War. – Cambridge, 2015. – P. 608–636.
33. *O’Brien P.* How the War Was Won. Air-Sea Power and Allied Victory in World War II. – Cambridge, 2015.

34. *O'Neill W.* World War II. A Student Companion. – New York, 1999.
35. *Olive M., Edwards R.J.* Operation Barbarossa, 1941. – Mechanicsburg, 2012.
36. *Overy R.* Why the Allies Won. – London, 1995.
37. *Radey J., Sharp C.* The Defense of Moscow 1941: The Northern Flank. – Barnsley, 2012.
38. *Roberts G.* Stalin's Victory? The Soviet Union and World War II // History Ireland. – 2008. – Vol. 16. – P. 42–48.
39. *Smelser R., Davies E.J.* The Myth of the Eastern Front: The Nazi-Soviet War in American Popular Culture. – Cambridge, 2008.
40. *Stahel D.* Operation Barbarossa and Germany's Defeat in the East. – Cambridge, 2009.
41. *Stahel D.* Operation Typhoon. Hitler's March on Moscow, October 1941. – Cambridge, 2013.
42. *Stahel D.* Radicalizing Warfare: The German Command and the Failure of Operation Barbarossa // Nazi Policy on The Eastern Front, 1941. Total War, Genocide and Radicalization. – Rochester, 2012. – P. 19–44.
43. *Stahel D.* The Battle for Moscow. – Cambridge, 2015.
44. *Stone D.* Operations on the Eastern Front, 1941–1945 // The Cambridge History of the Second World War. Volume I. Fighting the War. – Cambridge, 2015. – P. 331–357.
45. *Taylor B.* Barbarossa to Berlin. A Chronology of the Campaigns on the Eastern Front 1941 to 1945. Volume 1: The Long Drive East 22 June 1941 to 18 November 1942. – Staplehurst, 2003.
46. *Weinberg G.* German strategy, 1939–1945 // The Cambridge History of the Second World War. Volume I. Fighting the War. – Cambridge, 2015. – P. 107–131.
47. *Westwood D.* German Infantryman. Volume 2: Eastern Front 1941–43. – Oxford, 2003.
48. *Winchester C.* Ostfront: Hitler's War on Russia 1941–1945. – Oxford, 2000.

I.A. Suzdaltsev

THE GREAT PATRIOTIC WAR AS ESTIMATED BY MODERN ENGLISH-SPEAKING HISTORIANS

Abstract. The article describes the analysis of scientific literature published after 2000 in Russian-speaking countries (Great Britain, USA,

Australia, Canada, Ireland) dedicated to the Great Patriotic War. An increase in interest in the Great Patriotic War is stated on the basis of the fact that in a sufficiently large volume of meteorological monographs and articles, as especially important campaigns on the Eastern Front, they explore it to a greater extent of the Second World War. Most of the studies are based on a publication published before the 2000s, however, republican archival materials begin in increasing volumes, which makes modern scientific works more objective. The article found conclusions about the partial transformation and tradition that existed in the second half of the 20th century: new attempts to draw attention to the change in emphasis and the revision of some established points of view.

Keywords: World War II, historiography, Red Army, Wehrmacht.

УДК 94(47).084.8

В.Г. Харитонова

ТРУДОВОЙ ПОДВИГ КРЕСТЬЯНСТВА ЧУВАШИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. История Великой Отечественной войны актуальна на современном этапе. Круг тем и научных поисков с каждым годом расширяется, раскрываются новые страницы боевого и трудового подвига народа. В региональных исследованиях также больше внимания стали уделять малоисследованным вопросам жизни общества в трудные военные годы. В данной статье сделана попытка анализа работ, раскрывающих трудовой подвиг крестьянства Чувашии в годы Великой Отечественной войны, подведены итоги изучения данной проблемы в региональной историографии и обозначены дальнейшие задачи научных изысканий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, трудовой подвиг, крестьянство, Чувашия, историографический обзор.

История Великой Отечественной войны вызывает интерес не только у исследователей, но и общественности. Чем больше времени отделяет нас от военных лет, тем актуальнее становится изучение трудового подвига народа в годы войны. В соответствии с российским законодательством труженики тыла приравнены к ветеранам Великой Отечественной войны, что отражает значимость их

вклада в дело Победы [45]. С 1 марта 2020 г. федеральным законом в целях увековечения подвига тружеников тыла во время Великой Отечественной войны установлено почетное звание Российской Федерации «Город трудовой доблести» [46]. 20 мая 2021 г. звание «Город трудовой доблести» присвоено Чебоксарам [43]. Среди военной тематики вклад тружеников тыла и значимость данного вклада в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. практически всегда находили отражение в исторических исследованиях. В региональной историографии имеются труды, в которых показана перестройка экономики на военный лад, отражена напряженная работа всего населения, независимо от сферы деятельности, на Победу над фашистскими захватчиками [3; 8; 18; 26; 52]. В исследований, посвященных Великой Отечественной войне, приуроченных к 80-летию начала Великой Отечественной войны и 80-летию трудового подвига строителей оборонительных рубежей в военные годы, уделено внимание не только событиям на фронте, но и жизни в тылу [5; 6; 39; 40].

Актуальность исследования определяется важностью всестороннего изучения истории села и жизни сельского населения Чувашской Республики в военные годы. В связи с актуализацией изучения данной тематики появляется необходимость в осмыслении и обобщении достижений исторической науки по освещению трудового подвига крестьянства в годы Великой Отечественной войны и определения задач дальнейшего изучения, в том числе на региональном уровне.

Накануне Великой Отечественной войны сельские жители составляли 87,8 % всего населения республики. Около 150 тыс. селян были призваны на защиту Отечества и сражались на фронтах, более 80 тыс. из них не вернулись к родным очагам [27, л. 97, 100]. Сельскому населению пришлось взять на себя огромную ответственность: послать сыновей и дочерей на фронт, на промышленные предприятия, лесозаготовки, строительство оборонительных сооружений и обеспечивать производство сельскохозяйственной продукции. К примеру, первые публикации о строителях оборонительных рубежей в республике так и назывались: «На рубеже обороны – одни колхозники».

Вплоть до середины 1980-х гг. за рамками работ историков оставались многие вопросы сельской действительности. Как

отмечает И.И. Бойко, перечень публикаций о Великой Отечественной войне, изданных в Чувашии, достаточно обширен, что нельзя сказать об исследованиях чувашского села [9, с. 57]. Необходимо отметить, что в статье И.И. Бойко сделан наиболее полный историографический анализ работ, посвященных теме: война и Чувашия. Хронологические рамки публикации завершаются первым десятилетием XXI в. Достоинством работы является обзор научных трудов по многим сферам жизни общества в годы войны. Одна из первых историографических работ о войне выполнена Г.А. Варюхиным, в ней особое внимание уделено изучению истории местных советов в годы Великой Отечественной войны [10]. Краткий обзор литературы по теме «Чувашская АССР в годы Великой Отечественной войны» был сделан В.Л. Кузьминым [24]. Обзорный характер носит работа Н.И. Иванова «Некоторые итоги изучения истории сельского хозяйства и советского крестьянства Чувашской АССР» [16]. Историографии трудов, отражающих трудовой подвиг крестьянства автономных республик Приуралья и Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны, посвящена работа З.Г. Хамитовой [47].

Начальный период историографии данной проблематики относится ко второй половине 1940-х гг. – середине 1950-х гг. Вышедшие в этот период статьи, брошюры и очерки скорее носят научно-популярный, чем научный характер. В них нашли отражение следующие темы: трудовые подвиги тружеников тыла, участие жителей Чувашии во всенародной помощи фронту. Материалы об участии колхозного крестьянства, женщин и подростков в помощи фронту показаны в работе М.А. Андреева «Чувашия в годы Великой Отечественной войны». В разделе, посвященном труженикам тыла, рассказывается о патриотических починах колхозного крестьянства, приведены примеры трудового героизма колхозниц, молодежи [3, с. 46–64]. Определенный вклад внесли в разработку темы публикации, посвященные 25- и 30-летию республики [7; 11; 25]. Подобные работы были изданы во многих республиках и регионах страны. Так, в сборнике, посвященном 25-летию Татарской АССР, приводится сравнительная оценка развития сельского хозяйства Татарии с Чувашской и Марийской АССР [15, с. 70–78]. Работы, изданные в республике в этот период, отличаются справочным, обобщающим характером, с четко обозначенной идеологической

направленностью. Узость корпуса источников, неточные, а зачастую недоступные статистические данные, незавершенность событий не позволяли прийти к обоснованным и достоверным выводам. В то же время в них нашли отражение наиболее актуальные для того времени проблемы жизни села и развития сельскохозяйственной отрасли. Представляется значимым для исследователя оценка событий современниками и их видение ситуации. В конце первого периода исследования темы в 1950 г. была подготовлена рукопись монографического исследования В.В. Чебухова «Колхозы и колхозное крестьянство Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», она хранится в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук [51]. В рукописи впервые нашли систематическое и обобщенное отражение разделы о положении колхозов и колхозного крестьянства в предвоенные и военные годы, перестройка их работы в условиях военного времени, трудовой героизм простых тружеников, женщин и молодежи, помощь крестьянства Красной армии и ряд других сюжетов. Рецензенты рукописи, кандидаты исторических наук С. Азатян (Москва) и Х. Гимади (Казань), дали довольно высокую оценку работе, отметив пионерский характер труда. Но в целом автору не удалось уйти от политической направленности исследования, идеализации положения сельского населения, что вероятнее всего было связано с доступностью источников.

Для второго периода историографии (вторая половина 1950-х гг. – середина 1980-х гг.) характерно расширение проблематики и источников базы исследований, переход к более глубокому теоретическому осмыслению проблем военного времени. В сентябре 1957 г. было принято специальное постановление ЦК КПСС о необходимости разработки подлинно научной истории Великой Отечественной войны [31]. В результате в 1960–1965 гг. вышли в свет шесть томов «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» [19]. Сельское хозяйство и крестьянство также становятся объектом исследования чувашских историков. В работе Н.М. Мурышкина «Патриотизм трудящихся Чувашии в годы Великой Отечественной войны», выполненной на основе большого фактического архивного материала, носящего комплексный характер, была сделана попытка раскрытия вклада трудящихся Чувашии в победу.

Раздел, посвященный крестьянству, носит название «Трудовой подвиг тружеников сельского хозяйства Чувашии в годы войны», в нем приведены многочисленные примеры самоотверженного труда сельского населения [26, с. 79–112]. В 1958 г. опубликована статья М.А. Андреева «Социалистическое сельское хозяйство Чувашии в годы Великой Отечественной войны» [4]. В статье А.В. Космовского освещается трудовой подвиг колхозников Чувашии в годы Великой Отечественной войны [23]. Общая картина развития чувашского села и сельского хозяйства нашла отражение в обобщающих работах по истории Чувашской АССР [21, с. 115–116, 121–122, 122–125] и очерках истории Чувашской областной организации КПСС. Авторами очерка рассматриваются вопросы формирования и обучения механизаторских кадров в годы войны, подготовка руководящих работников и специалистов для села, вопросы общего руководства сельским хозяйством. В книге отмечается, что сельское хозяйство республики столкнулось с большими трудностями, вызванными сокращением трудовых ресурсов на селе, нехваткой техники и квалифицированных специалистов, тяжелым продовольственным положением. Но ценой огромных усилий колхозам Чувашии удалось сохранить в начальный период довоенный уровень сельскохозяйственного производства [30, с. 315–367].

Ряд аспектов темы рассматривались на конференциях историков-аграрников Среднего Поволжья. В научных региональных конференциях, проведенных в 1976–1988 гг. в городах Йошкар-Оле, Саранске, Чебоксарах, Казани, изучены малоисследованные темы, внедрялись новые подходы в крестьяноведение и методологию исследований [33, с. 3].

В последующие годы историки Чувашии продолжили изучение крестьянской проблемы в исследованиях общего и специального характера. В 1989 г. увидела свет первая часть «Очерков истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии». Авторы главы о войне А.В. Космовский и О.В. Космовская показали реальное положение в сельском хозяйстве, сложившееся в 1941–1945 гг. Ими отмечается, что в годы войны произошло значительное сокращение урожайности валового сбора зерновых культур в республике, были расширены посевные площади под картофель, что позволило увеличить валовой сбор данной культуры. При этом государственные планы

по заготовке сельскохозяйственной продукции колхозами и колхозниками в основном выполнялись, несмотря на имеющиеся трудности. В животноводстве дело обстояло лучше, и колхозы Чувашии оказали значительную помощь освобожденным от фашистов территориям. Авторам удалось показать морально-психологическую ситуацию и материальное положение сельских жителей, обозначив трудности военного времени. Глава насыщена богатым фактическим материалом, извлеченным из архивов, освещющим тему многосторонне и комплексно [29, с. 181–225]. В специальных трудах нашли отражение малоисследованные сюжеты тыловой жизни, вопросы развития образования, культуры, здравоохранения, роли молодежи в помощи фронту, в том числе на селе [1; 2; 38, 41; 44]. Достаточно успешно освещена история Чувашской республики в годы Великой Отечественной войны в книге «История Чувашии новейшего времени». Автор Г.А. Александров наиболее комплексно осветил положение населения, связанное с военным временем, взаимоотношение власти и народа, реальные права и обязанности тружеников села [20, с. 227–234]. Продолжение изучения реального материального положения населения республики, в том числе сельского, в годы войны сделано А.Д. Григорьевым [14]. В его труде проанализирована деятельность органов власти по реализации государственной политики в области продовольственного снабжения населения, переходу к карточной системе. Впервые показана работа колхозных рынков республики и быт населения. В целом А.Д. Григорьевым системно и подробно описана политика государства по социальному обеспечению населения. Предметом исследования М.А. Широковой стала сельская интеллигенция Чувашской АССР, ее роль в формировании духовного потенциала сельского сообщества, в том числе комплексное освещение получило влияние священнослужителей на духовную атмосферу общества. Автором уделено внимание национальному фактору, становлению новых групп интеллигенции [54]. Женский труд в сельскохозяйственном производстве, массовое вовлечение женщин в общественную, социально-экономическую жизнь, трудовой героизм жительниц тыла нашли отражение в работе С.Б. Харитоновой [50]. Автор подчеркивает, что женские трудовые ресурсы использовались в годы войны предельно напряженно. Деятельности

правоохранительных органов на селе в годы войны посвящена статья Иванова Н.Ф., в ней затронуты аспекты общественно-политической ситуации в сельской местности Чувашии [17]. В статьях Ф.Н. Козлова раскрыты социальные условия строителей оборонительных рубежей в Чувашии [22]. В.Г. Харитонова посвятила работы малоисследованным сюжетам повседневной жизни сельчан, общественно-политической ситуации на селе в первый период Великой Отечественной войны [48; 49].

Необходимо отметить, что развитие различных населенных пунктов и районов республики, сведения о героях и участниках Великой Отечественной войны, деятельность отдельных личностей, вклад местного сообщества в помощь фронту и развитие производств, положение населения в годы войны нашли отражение в широком круге публицистических и краеведческих работ, в средствах массовой информации. В 2005 г. в республике издан библиографический указатель «Чувашия в годы Великой Отечественной войны», где можно ознакомиться с тематикой исследований [53].

На современном этапе авторы имеют более широкие возможности для поиска и обобщений, расширения тематики изысканий, что связано с вводом в научный оборот нового корпуса источников, ранее недоступных для исследователей, открытием доступа к засекреченным фондам [12; 28; 32; 34; 39].

На межрегиональных, всероссийских и международных конференциях раскрываются новые сюжеты, в том числе по истории Поволжья и России [13; 35; 36; 37; 40].

С точки зрения развития региональной историографии, исследовательский интерес к теме был снова востребован обществом в связи с реализацией Указа Главы Чувашской Республики О.А. Николаева «Об объявлении в Чувашской Республике 2021 года Годом, посвященным трудовому подвигу строителей Сурского и Казанского оборонительных рубежей» № 134 от 9 мая 2020 г. [42]. Участие населения Чувашии в строительстве оборонительных сооружений на территории республики в октябре 1941 – январе 1942 г. оставалось в тени исторических исследований, прежде всего из-за недоступности комплекса источников для исследователей. Данная проблема оставалась одной из менее изученной в истории Великой Отечественной войны, не только в Чувашии, но и во многих регионах России.

В исследованиях, посвященных Великой Отечественной войне и 80-летию трудового подвига строителей оборонительных рубежей в военные годы, выполненных в 2020–2022 гг., наметился новый подход к изучению ранее малоисследованных тем, таких как: повседневная жизнь и быт сельского населения, взаимоотношения власти и общества, организация работ и возведение оборонительных сооружений, трудовой фронт, героизм и общественное настроение. Больше внимания стали уделять сохранению исторической памяти о вкладе тружеников тыла в Победу в Великой Отечественной войне, вопросам патриотического воспитания молодежи, проведению археологических и поисковых работ. Широкое движение развернулось по сбору, публикации воспоминаний и свидетельств участников строительства оборонительных рубежей, в основном сельских жителей [39; 40, с. 334–351]. Одновременно были поставлены новые задачи. На наш взгляд, сегодня принципиальным становится выявление, описание и анализ событий не только на уровне страны и региона, но и отдельных районов, городов, сел и деревень героизма нашего народа, как на фронте, так и в тылу. На решение этих исследовательских, научных, просветительских, информационных задач, военно-патриотического и духовно-нравственного воспитания молодого поколения направлено проведение межрегионального патриотического марафона «Подвиг в тылу», посвященного трудовому подвигу строителей Казанского обвода и Сурского оборонительного рубежа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., межрегиональной научно-практической конференции «Трудовой подвиг в тылу: строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей», приуроченной к 80-летию строительства Волжского оборонительного рубежа. Организаторами данных мероприятий выступили Министерство культуры Республики Татарстан, Министерство культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики и ряд научных и культурных учреждений.

В целом, оценивая работы, изданные после 1985 г., следует отметить, что их авторы имели более широкие возможности для поиска и обобщений, расширения тематики изысканий, что связано с вводом в научный оборот нового корпуса источников, ранее недоступных для исследователей, открытием доступа к засекреченным

фондам, появлением новых технических и коммуникационных возможностей. Безусловно, сделан позитивный шаг вперед по сравнению с первыми исследованиями, наметился новый подход к оценке проблем сельского населения и села. В то же время в большинстве случаев не удалось выйти на уровень комплексной истории крестьянства и чувашского села в военные годы, показать взаимосвязь событий, ситуаций и специфику жизни и труда. Несмотря на многообразие тем, работ, уже имеющихся в республике, остается круг вопросов, требующих новых исследований или рассмотрения с учетом новых источников и методологии, междисциплинарного подхода специалистов широкого гуманитарного профиля. Необходимо отметить важность изучения повседневной жизни населения, уклад которой непосредственным образом сказывался во многих экономических и социальных сферах, прежде всего в труде, настроении и поведении людей.

Источники и литература

1. Алексеев Г.А. Здравоохранение в Чувашии: Исторический очерк. – Чебоксары, 1972.
2. Алексеев Г.А. Медики Чувашии в годы войны. [1941–1945 гг.]. – Чебоксары, 1995.
3. Андреев М.А. Чувашия в годы Великой Отечественной войны. – Чебоксары, 1945.
4. Андреев М.А. Социалистическое сельское хозяйство Чувашии в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 16. – Чебоксары, 1958. – С. 3–28.
5. Андреев О.В., Широкова М.А. День Победы приближали как могли. Чувашия в годы Великой Отечественной войны: документальные очерки. – Чебоксары, 2020.
6. Андреев О.В., Касимов Е.В., Козлов Ф.Н., Широкова М.А. Подвиг тружеников Чувашии: строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей. – Чебоксары, 2021.
7. Андреева З.А. Советы Чувашии за 25 лет. – Чебоксары, 1945.
8. Ахазов Т.А. Перестройка народного хозяйства Чувашской АССР на военный лад в начальный период Великой Отечественной войны советского народа 1941–1945 гг. // Ученые записки ЧНИИ (история, этнография, социология). Вып. 40. – Чебоксары. 1968. – С. 38–68.
9. Бойко И.И. Великая Отечественная война 1941–1945 годов в исследованиях историков Чувашии // Актуальные вопросы истории и культуры

- чувашского народа [Сб. ст.] / сост. и науч. ред. Николаев Г.А. – Чебоксары: ЧГИГН, 2011. – Вып. 1. – С. 52–79.
10. *Варюхин Г.А.* Об изучении истории местных Советов периода Великой Отечественной войны // Ученые записки Чувашского государственного педагогического института. Вып. 25. – Чебоксары, 1966. – С. 158–174.
11. В братской семье народов СССР. – Чебоксары, 1950.
12. В тылу как на фронте: документы, воспоминания, статьи. – Чебоксары, 2015.
13. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: подвиг народа и уроки истории: сб. ст. по материалам Междунар. науч. онлайн конфер. (г. Казань, 20–21 окт. 2020 г.). – Казань, 2020.
14. *Григорьев А.Д.* Материальное положение и быт населения Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Чебоксары, 2008.
15. 25 лет Татарской АССР (1920–1945). [Сб. ст.]. – Казань, 1945.
16. *Иванов Н.И.* Некоторые итоги изучения истории сельского хозяйства и советского крестьянства Чувашской АССР (Обзор литературы) // Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья. – Саранск, 1981. – С. 258–262.
17. *Иванов Н.В.* Исторические особенности деятельности НКВД Чувашской АССР в сельской местности (накануне и в годы Великой Отечественной войны) // Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (к 65-летию Победы). – Чебоксары, 2010. – С. 94–100.
18. *Ижойкин А.Ф.* Развитие промышленности и транспорта Чувашии в годы Великой Отечественной войны // Вопросы археологии и истории Чувашии. Ученые записки ЧНИИ. Вып. 19. – Чебоксары, 1960. – С. 199–223.
19. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. (в 6 томах). – М., 1960–1965.
20. История Чувашии новейшего времени. Книга 1. 1917–1945. – Чебоксары, 2001.
21. История Чувашской АССР. Т. 2. – Чебоксары, 1967.
22. *Козлов Ф.Н.* Социальные условия строителей оборонительных рубежей в Чувашии // Строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей – трудовой подвиг народов Поволжья: материалы Межрегион. науч.-практ. конфер. (г. Чебоксары, 22 июня 2021 г.). – Чебоксары, 2021. – С. 101–109.
23. *Космовский А.В.* Трудовой подвиг колхозников Чувашии в годы Великой Отечественной войны // Труды молодых ученых и специалистов Чувашского сельскохозяйственного института. Вып. 2. – Чебоксары, 1970. – С. 7–21.

24. Кузьмин В.Л. Чувашская АССР в годы Великой Отечественной войны (Краткий обзор литературы) // Вопросы истории Чувашии. Труды НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ЧНИИ). Вып. 4. – Чебоксары, 1975. – С. 316–337.
25. Матвеев А.М. 25 лет Чувашской автономной Советской Социалистической Республике. – Чебоксары, 1945.
26. Мурышкин Н.М. Патриотизм трудящихся Чувашии в годы Великой Отечественной войны. – Чебоксары, 1959.
27. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. II. Ед. хр. 1755.
28. Неизвестная война: Секретные постановления Совнаркома Чувашской АССР и Чувашского обкома ВКП(б) за 1941–1945 гг. [Электронное издание]. – 2010.
29. Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии: [В 2 ч.]. Часть 1. – Чебоксары, 1989.
30. Очерки истории Чувашской областной партийной организации КПСС. – Чебоксары, 1974.
31. Постановление ЦК КПСС «Об издании труда «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» от 12 апреля 1957 г. // Сборник важнейших решений КПСС. – М., 1961.
32. Под грифом «секретно»: Неизвестные и малоизвестные страницы истории Чувашии времен Великой Отечественной войны: сб. док-тov. – Чебоксары, 2016.
33. Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья: Сб. материалов VI регион. науч. конфер. историков-аграрников Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола, 2002.
34. «Протянули сотни километров противотанковые рвы и заграждения...»: возведение на территории Чувашии Сурского и Казанского оборонительных рубежей (по документам государственных архивов Чувашской Республики): сб. док-тov и материалов. – Чебоксары, 2021.
35. Регионы России в военной истории страны: сб. материалов Межрегион. науч.-практ. конфер., г. Йошкар-Ола, 20–21 нояб. 2019 г. – Йошкар-Ола, 2020.
36. Регионы России в военной истории страны. Вып. II: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конфер., г. Йошкар-Ола, 18–19 ноября 2020 г. – Йошкар-Ола, 2021.
37. Регионы России в военной истории страны. Вып. III: сб. материалов III Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конфер., г. Йошкар-Ола, 17–18 ноября 2021 г. – Йошкар-Ола, 2021.

38. Соколова В.И. Молодежь Чувашии в годы Великой Отечественной войны, восстановления и развития народного хозяйства (1941–1945 гг.). – Чебоксары, 2008.
39. Строители безмолвных рубежей: сборник воспоминаний участников строительства Сурского и Казанского оборонительных рубежей на территории Чувашии в годы Великой Отечественной войны. – Чебоксары, 2021.
40. Строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей – трудовой подвиг народов Поволжья: материалы Межрегион. науч.-практ. конфер. (г. Чебоксары, 22 июня 2021 г.). – Чебоксары, 2021.
41. Сухова Е.В. Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (на материалах Чувашской АССР). – Чебоксары, 2008.
42. Указ «Об объявлении в Чувашской Республике 2021 года Годом, посвященным трудовому подвигу строителей Сурского и Казанского оборонительных рубежей» от 9 мая 2020 г. // URP: <http://www.cap.ru/doc/laws/2020/05/09/decreet-134> (дата обращения 14.07.2022).
43. Указ о присвоении почетного звания «Город трудовой доблести» // URLP:<http://kremlin.ru/events/president/news/65623> (дата обращения 18.07.2022).
44. Ухьянкин С.П. Школьники фронту. – Чебоксары, 1970.
45. Федеральный закон от 12.01.1995 г. № 5 «О ветеранах»// URLP:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5490/829921fe2ff81b6d1b0323e38f28debb655ab62/ (дата обращения 18. 07. 2022).
46. Федеральный закон от 01.03.2020 № 41 «О почетном звании Российской Федерации „Город трудовой доблести“» // URLP:<http://www.publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18. 07. 2022).
47. Хамитова З.Г. Трудовой подвиг крестьянства автономных республик Приуралья и Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны (Историография вопроса) // Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья. – Саранск, 1981. – С. 280–287.
48. Харитонова В.Г. Труд и повседневный быт сельских жителей Чувашии в первый период Великой Отечественной войны // Строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей – трудовой подвиг народов Поволжья: материалы Межрегион. науч.-практ. конфер. (г. Чебоксары, 22 июня 2021 г.). – Чебоксары, 2021. – С. 226–241.
49. Харитонова В.Г. Общественно-политическая ситуация на селе в годы Великой Отечественной войны: на примере Чувашской АССР // Регионы России в военной истории страны. Вып. III: сб. материалов III Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конфер., г. Йошкар-Ола, 17–18 ноября 2021 г. – Йошкар-Ола, 2021. – С. 324–336.

50. Харитонова С.Б. Женщины в сельском хозяйстве Чувашии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 126–133.
51. Чебухов В.В. Колхозы и колхозное крестьянство Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 261.
52. Чебухов В.В. Участие трудящихся Чувашии во всенародной помощи Советской Армии в годы Великой Отечественной войны // Вопросы археологии и истории Чувашии. Труды ЧНИИ. – Чебоксары, 1960. – С. 222–255.
53. Чувашия в годы Великой Отечественной войны: Ретроспективный библиографический указатель публикаций в периодических изданиях за 1941–1945 гг. – Чебоксары, 2005.
54. Широкова М.А. Сельская интеллигенция Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны: состав и деятельность: дис. ... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2013.

V. G. Kharitonova

**LABOR FEAT OF THE PEASANTRY OF CHUVASHIA DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR: RESULTS AND OBJECTIVES
OF THE STUDY**

Abstract. The history of the Great Patriotic War is relevant at the present stage. The range of topics and scientific searches is expanding every year, new pages of the people's military and labor feat are revealed. Regional studies also began to pay more attention to little-researched issues of society during the difficult war years. This article attempts to analyze the works revealing the labor feat of the Chuvash peasantry during the Great Patriotic War, summarizes the results of studying this problem in regional historiography and identifies further tasks of scientific research.

Keywords: Great Patriotic War, labor feat, peasantry, Chuvashia, historiographical review.

ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

УДК 903.39

А.В. Акилбаев

ДРЕВНЕМАРИЙСКИЕ ГОРОДИЩА

Аннотация. В статье дается обзор марийских городищ VI–XI вв. Рассматривается их назначение и приводится характеристика оборонительных возможностей.

Ключевые слова: средневековье, марийцы, городища.

Древнемарийские городища I тысячелетия расположены на обширной территории от правобережья Волги до бассейна Вятки. Их нахождение условно можно разделить на несколько групп: ветлужские, волжские (устыя Суры, Ветлуги и прилегающие территории), центральные (Малая и Большая Кокшаги, притоки Вятки). Пока нет повода делать какие-либо выводы на основе выделенных групп, потому как значительные территории (например, Поветлужье) остаются слабо исследованными в археологическом плане. На сегодняшний день известно порядка 30 городищ [7, рис. 32, 53]. Точное число назвать затруднительно, поскольку часть их, расположенных на приграничных, контактных территориях, трудно поддается культурной интерпретации или имеет различные суждения об этнической принадлежности.

Городища этого периода довольно трудно (широко) датируются. Поэтому нельзя сказать: функционировали ли они единовременно. Бессспорно, можно лишь утверждать, что такие памятники маркируют пути продвижения марийских племен в период «обретения родины», то есть заселения Ветлужско-Вятского междуречья и со-пределльных территорий Волги.

Вероятно, укрепленные поселения возникали, когда группа населения приходила на новую территорию и начинала осваивать ее. Для противостояния возможным агрессорам строились небольшие крепости. Все они имеют схожий облик: выбирался высокий и узкий мыс, выходящий, как правило, на реку (мыс должен быть огражден с двух сторон оврагами), и перерезался рвом и валом. Иногда строились дополнительные валы в слабых с точки зрения обороны местах. На площадке находились различные постройки. Таким образом получалась настоящая крепость, защищенная с трех сторон крутыми склонами (достигающие нескольких десятков метров), а с напольной стороны – валом и рвом. Вопрос об оборонительных сооружениях на валу сложен. Скорее всего, это были различные столбовые или каркасно-столбовые конструкции (типа частокола). На рис. 1 приведено возможное изображение таких сооружений, выполненное А.В. Михеевым по материалам Ардинского городища в Кильмарском районе Марий Эл [5, рис. 6]. Не исключено, что ров и подходы к городищам также имели дополнительные сооружения: «волчьи ямы», колья (как во рву Сиухинского I городища) [4, с. 150].

Городища в большинстве случаев занимают небольшую площадь, на которой едва ли может уместиться одна усадьба. То есть постоянных жителей они едва ли имели, их использовали как укрепление на случай нападения врагов. Население жило в неукрепленных селениях и в период опасности собиралось в городище. Возможно, такие укрепления могут показаться несерезными, но оценивать их нужно в контексте исторических реалий. Марийское население, прия на новую территорию, столкнулось с пермскими финнами, стоявшими на одном уровне в социальном и военно-техническом плане. Войско и пермских финнов, и марийцев представляло собой племенное ополчение, которое насчитывало несколько десятков, а может сотен человек, если проводить аналогии с сибирскими народами [8, с. 128]. А война – стычка этих небольших вооруженных групп. Естественно, не было представления о планомерной осаде крепостей. Исход боя решал штурм. То есть городище нужно было для кратковременных боевых действий, иначе говоря, переждать набег. Стоит отметить, что свои прямые функции городища выполняли редко, так как не зафиксированы следы пожаров или военного разорения.

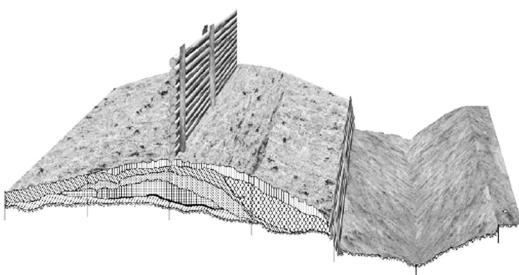

Рис. 1. Оборонительные сооружения Ардинского городища
(по Михееву А.В., 2018)

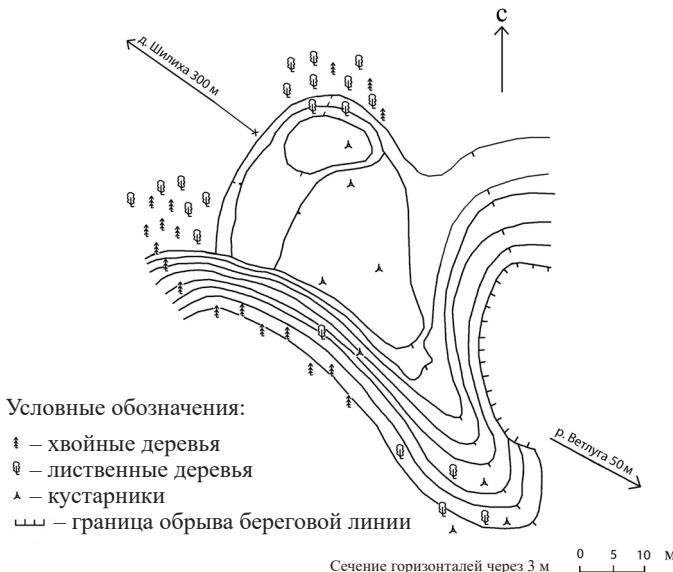

Рис. 2. Топографический план Шилихинского городища

Вооружение этого периода хорошо известно по материалам могильников. Это копья, топоры, незначительное количество экземпляров клинового оружия. Лук и стрелы являлись ведущим оружием. Конницы или тяжелого защитного вооружения не было [6, с. 31; 6, с. 7–15].

Городища, как уже упоминалось, строились по одному принципу. Для примера рассмотрим Спасское и Шилихинское городища, расположенные в Нижегородском Поветлужье и осмотренные автором в 2009 г. в рамках археологической разведки этих территорий.

Спасское городище находится в 200 м к северо-западу от церкви с. Спасского Ветлужского района Нижегородской области. Городище занимает мыс правого берега р. Ветлуги, образованный рекой и оврагом, по которому протекает ручей. Площадка имеет подтреугольную форму, вытянута с северо-запада на юго-восток и занимает площадь 1350 кв. м (45×30 м), ограждена с напольной (южной) стороны изогнутым валом высотой до 2 м, шириной около 4 м. Ров не прослеживается, вероятно, снивелирован в результате хозяйственного освоения.

Первоначально памятник обследован в 1925 г. экспедицией Начально-исследовательского института антропологии Московского университета [3, с. 110]. В 1957 г. городище осмотрено Марийской археологической экспедицией. Осмотр выявил керамику, которая была датирована I тыс. н.э. [9, с. 6].

Шилихинское городище (рис. 2) расположено в 300 м к юго-востоку от д. Шилиха Ветлужского района Нижегородской области. Занимает высокий мыс правого берега р. Ветлуги. Площадка городища имеет подтреугольную форму, вытянута с северо-запада на юго-восток, имеет площадь 750 кв. м (30×25 м) и ограждена с напольной (северо-западной) стороны чуть изогнутым валом, высотой около 3 м, шириной около 10 м, длиной 27 м, и рвом, шириной около 2 м и глубиной до 1 м. С одной стороны ров соединяется с оврагом, с другой – переходит в естественное углубление в рельефе (промоину), соединяющееся с обрывом.

Памятник открыт Марийской археологической экспедицией в 1957 г. [9, с. 5]. В 1958 г. городище изучено раскопом в 80 кв. м., выявившим наличие двух слоев: V–IV вв. до н.э. и I тыс. н.э. На валу обнаружены остатки оборонительных сооружений [2, с. 15]. То есть марийское население использовало уже имеющееся городище ананьинской культуры раннего железного века.

Таким образом, Спасское и Шилихинское городища – типичные древнемарийские городища рассматриваемого периода, в виде мыса, огороженного валом и рвом, и характеризующиеся небольшими размерами.

Со II тысячелетия роль городищ падает, что может быть свидетельством полного освоения занятых территорий и спадом военной активности. Косвенно это подтверждает уменьшение предметов вооружения в могильниках X–XI вв.

Источники и литература

1. Акылбаев А.В. Предметы вооружения из мариийских могильников IX–XIII веков // Марийский край в военной истории России. – Йошкар-Ола, 2019. – С. 7–15.
2. Архипов Г.А. Городища и селища Поветлужья и Горьковского Заволжья (к истории марийско-славянских контактов) // Археология и этнография Мариийского края. Вып. 6. Поселения и жилища Мариийского края. – Йошкар-Ола, 1982. – С. 5–50.
3. Бадер О.Н. Городища Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии СССР. № 22. – М., 1951. – С. 110–158.
4. Ефремова Д.Ю. Сиухинское I городище: результаты археологического исследования 2009–2010 гг. // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 6. – Йошкар-Ола, 2012. – С. 147–165.
5. Михеев А.В. Средневековый слой Ардинского городища (по материалам исследований 2013 года) // Поволжская археология. № 1 (23). – Казань, 2018. – С. 241–252.
6. Никитина Т.Б. История населения Мариийского края в I тыс. н.э.: по материалам могильников. – Йошкар-Ола, 1999.
7. Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья. – Йошкар-Ола, 2002.
8. Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. – Новосибирск, 1987.
9. Халиков А.Х., Безухова Е.А. Материалы к древней истории Поветлужья (археологическое исследование в Ветлужском районе Горьковской области в 1957 году). – Горький, 1960.

A.V. Akilbaev

SETTLEMENTS OF ANCIENT MARI CULTURE

Abstract. In this article reviews of the settlements of Mari culture of VI–XI centuries. The characteristic of defensive possibilities is given.

Keywords: Middle Ages, mari, settlements.

СОСЛОВНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ТЕМНИКОВСКИХ ТАТАР

Аннотация. После завоевания Московским государством в XVI в. Среднего Поволжья и Приуралья под властью Русского государства оказались тысячи татар с уже сформировавшейся элитой общества, много-вековыми традициями государственной власти, а также с другой верой. В таких условиях явно проступала необходимость создания новой системы социальных и политических взаимоотношений между русским правительством и мусульманской знатью. Основное внимание в статье уделено специфике службы мусульманской аристократии, условиям их ратной деятельности, роли и места в военных кампаниях Московского государства. В статье также рассматриваются особенности вовлечения татарских феодалов в систему государственного пожалования России. Статья подготовлена с использованием имеющихся исторических источников и литературы.

Ключевые слова: татары, военная служба, Московское государство, военная элита, служилое сословие.

Важной частью привилегированного военно-служилого сословия России XVI–XVIII вв. являлись татарские темники. Будучи потомками феодальной знати Золотой Орды и позже отделившихся от нее ханств, татарские воины сохранили многовековой опыт в организации военного дела и играли важную роль в военно-политической деятельности Русского государства.

После присоединения Московским государством в XVI в. Среднего Поволжья и Приуралья появилась необходимость выработки новых социальных и политических отношений в регионе. Правительство Русского государства встало на путь последовательной политики в отношении мусульманской знати, военная поддержка которой была необходима в условиях сложной и нестабильной ситуации внутри и вне России. Это встречало определенное понимание и со стороны татарской знати, особенно той ее части, которая еще до 1552 г. вошла в состав Русского государства. Вместе с переходом

на службу татарские феодалы закрепляли за собой земельные наделы и другие преференции, тем самым врастая в систему русского государственного пожалования. Органично влившись в состав военно-служилого сословия, татарские темники стали неотъемлемой частью военной истории России, что демонстрирует участие татарских воинов во многих военных конфликтах XVI–XVIII вв.

Так, многие средневековые источники отмечают, что татарские воины, «с детства не расстающиеся с конем» [2, с. 113], являются превосходными всадниками. Отмечается также сила и стойкость татарских ратников, которые будучи «сбиты с коня, продолжают и голыми руками биться» [2, с. 113]. Известна и татарская конница, всадники которой чаще всего были вооружены луком и стрелами, саблями, кинжалами. Военное ремесло являлось образом жизни татарских темников, и это определило политику царского правительства по отношению к ним. Наличие военной подготовки у мусульманских воинов объясняло заинтересованность русских царей в использовании татарских отрядов как ресурса для отстаивания своих военных интересов, в то время как самим татарам практически ничего не приходилось «ломать» в системе собственных представлений государственности.

Основным родом деятельности, которую выполняло служилое татарское население для Русского государства, являлась ратная служба. Значительная часть темниковских татар несла сторожевую и пограничную службу, суть которой состояла в разведке, дозоре и организации застав. Кроме сторожевой существовала еще и станичная служба, которая осуществлялась дозорными конными отрядами – «станицами», которые также выдвигались «в поле» [5, с. 89]. Отлично знавшие тактику военного боя в степи служилые татары несли эффективную и результативную службу на южных рубежах страны, которые нередко подвергались набегам со стороны крымских татар и кочевников Евразии.

Татарские царевичи принимали активное участие во внутренней и внешней политике Русского государства. Особенно их многовековой опыт ратников проявился в период Ливонской войны (1558–1583), где численность татарских отрядов «достигала 30 тысяч воинов» [2, с. 173]. Известно, что в 1557 г. касимовский правитель Шах-Али хан, отправленный Иваном Грозным против Ливонии, навел там «боязнь и разорение великое» [4, с. 218].

Татарская военная элита также активно привлекалась к участию в русско-польской войне в 1632 г. В этой военной кампании приняли участие 1228 «князей и мурз и татар и тарханов», в том числе 88 человек из Казанского уезда, 55 человек из Свияжска, семеро из Курмыша, 159 из Алатыря, 268 из Касимова, 222 из Темникова, 147 из Арзамаса, 174 из Кадома, 88 из Шацка» [4, с. 227–228].

В период Смутного времени татарские войска привлекались к подавлению антиправительственных восстаний, а также для борьбы с царевичем-самозванцем. Как сообщает Маржерет (француз, побывавший в Русском государстве в 1601–1606 и 1611 гг.): «Царь собирает многочисленное войско из ратников», к которым «присоединяют до 20 000 всадников казанских и черемисских, до 7 или 8000 наездников мордовских и татарских, коим определено жалование от 8 до 30 рублей» [1, с. 185].

Благодаря своим высокопрофессиональным навыкам служилые татары становились важной и неотъемлемой частью военной силы Русского государства. За отстаивание военно-политических интересов России татарское военное сословие щедро вознаграждалось. Государство обеспечивало их землями, городами, за счет которых осуществлялось материальное содержание служилых татар, денежным и продовольственным довольствиями. Жалованная грамота царя Ивана Грозного, датированная 1580 г., сообщает, что «царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси пожаловал есми кадомского Ишея мурзу Богданова сына Бедишева в Мещере с Тялдемские морды, что по реке по Мокше ясаком, семь рублей с полтиною» [1, с. 158]. «Кормление» татарских князей и их свиты происходило, прежде всего, с «черных людей» тех краев, где «испомещалась» татарская феодальная знать [5, с. 86].

Уже в первой половине XVI в. татарское военное сословие имело мало отличий от других служилых слоев Русского государства. Важным является тот факт, что при избрании нового царя на Земском соборе 1613 г. присутствовали представители татарской аристократии. В грамоте, которая утверждала возвведение на московский престол Михаила Романова, есть подписи восьми татарских князей и мурз из Темникова, Кадома, Симбирска [5, с. 67].

Но уже с указа Петра I от 13 ноября 1713 г. социальный статус служилых татар был серьезно подорван. Данный законодательный

акт предписывал служилому иноверческому населению, владевшему земельной собственностью, перейти в христианскую веру. В указе сказано: «басурманам магометанской веры, за которыми есть поместья и вотчины с крестьянами православной веры креститься в полгода». Важным условием для нежелающих принять новую веру являлось то, что «ежели они в полгода не крестятся, то те их поместья и вотчины с людьми и крестьянами взять и отписать на Великого Государя» [6, с. 34]. Этот и последующие указы способствовали переводу мусульманских помещиков в статус податного населения, приводили к тому, что у татарских феодалов отбирались все владения вместе с крепостными крестьянами, исповедовавшими православие. Вследствие этого многие представители татарского военно-служилого сословия переходили в христианскую веру, так как это являлось единственным возможным условием владения землей и крепостными. Христианизированная татарская аристократия впоследствии слилась с русским дворянством.

Источники и литература

1. Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. – Казань, 1995.
2. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. III. – СПб., 1866.
3. Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. – М., 2006.
4. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. I. – Саранск, 1940.
5. История татар Пензенского края. Т. 2. – М., 2021.
6. Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995.

**Yu.A. Zeleneev,
D. A. Gappasova**

STATE BELONGING OF TEMNIKOVO TATARS

Abstract. After the conquest of the Middle Volga and the Urals by the Moscow state in the 16th century, thousands of conquered Tatars with an already formed elite of society, centuries-old traditions of state power, as well as with a faith different from Orthodoxy, were under the rule of the Russian state. Under

such conditions, the need to create a new system of social and political relations between the Russian government and the Muslim nobility clearly emerged. The main attention in the article is paid to the specifics of the service of the Muslim aristocracy, the conditions of their military activities, their role and place in the military campaigns of the Muscovite state. The article also discusses the features of the involvement of Tatar feudal lords in the system of state awards in Russia. The article was prepared using the available historical sources and literature.

Keywords: tatars, military service, Muscovy, military elite, service class.

УДК 94(47) «862/1054»

В.Л. Ларионов

ВОЕННЫЙ ФАКТОР В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье анализируются социально-экономические и политические предпосылки и геополитические условия формирования Древнерусского государства. Автор подчеркивает, что становление государства – это длительный исторический процесс. Особое внимание уделено месту войн и иных вооруженных форм в истории становления отдельных элементов Древнерусского государства.

Ключевые слова: государство, территория, суверенитет, публичная власть, князь, военная дружина, ополчение, дань, война, бунт, имперская политика.

В современной политологии под государством понимается основной институт политической системы, организующий, направляющий и контролирующий совместную деятельность и отношения людей, общественных групп, классов, распространяющий свою власть на всю территорию и население страны, имеющий специальный аппарат управления и принуждения к выполнению своей воли. Традиционно выделяют следующие основные признаки государства:

- территория, очерчивающая границы государства;
- суверенитет – полномочия верховной власти внутри страны и независимость на международной арене;
- наличие политической публичной власти, выступающей от имени народа, и специального слоя профессионалов – управленцев;

- монополия на легитимное применение силы;
- исключительное право на взимание налогов и сборов, эмиссия денег;
- право на издание законов и иных нормативных актов.

Кроме того, к признакам государства относятся единое экономическое, информационное, энергетическое пространство, национальная или многонациональная культура, менталитет, идеология, государственная символика.

Процесс формирования государственности – это не единовременный акт, а длительный исторический процесс. Причем эволюция и видоизменение элементов государств происходит на протяжении всей истории их существования. Формирование государств осуществлялось под воздействием разнообразных факторов: экономических, социально-исторических, геополитических, демографических, духовно-нравственных, религиозных, военных и иных. В данной статье мы предпримем попытку рассмотрения влияния военного фактора на процесс становления Древнерусского государства.

Актуальность изучения заявленной темы связана с учетом насущных потребностей современного общества, в частности с необходимостью формирования системы национальной безопасности для современного Российского государства.

Под Древней Русью, Древнерусским государством, а также другими названиями необходимо понимать раннефеодальное государство, объединявшее более двух десятков разноязычных народов, среди которых основное ядро составляла древнерусская народность. Традиционно считается, что Древнерусское государство возникло в конце IX в.

Формально решение вопроса о том, какое событие считать началом истории становления российской государственности, связано с именем императора Николая I. Высочайшим Указом от 21 августа 1852 г. он официально признал 862 г. начальным в истории российской государственности [1, с. 12]. Указ был принят к исполнению Министерством народного просвещения, и многие поколения россиян с детства усвоили и продолжают усваивать летописную версию образования нашего государства. Автором данной идеи стал выдающийся российский историк Н.М. Карамзин, который, скрупулезно изучив все известные к тому времени

литературные источники, пришел к выводу, что «начало российской истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай: славяне добровольно уничтожают свое древнее народное правление и требуют государей от варягов, которые были их неприятелями... и рассеянные племена славянские основали государство...» [5, с. 41]. Таким образом, по свидетельству летописца монаха Нестора в 862 г. славяне новгородские, кривичи, весь и чудь отправили посольство за море к варягам-руси, сказать им: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: идите княжить и владеть нами». Тогда братья именем Рюрик, Синеус и Трувор, знаменитые или родом, или делами, согласились принять власть над людьми, которые, умея сражаться за вольность, не умели ею пользоваться. [5, с. 41]. Следует отметить, что в эпоху военно-колонизационных миграций различных народов примеры приглашения иноземных дружинников либо на службу с целью защиты от чужеземных грабителей, либо с целью управления ими не были экстраординарными явлениями. В качестве примера можно вспомнить о приглашении Хенгиста и Хорсы королем бриттов Вортингерном для обеспечения защиты от нашествий внешних врагов. По этому поводу Е.А. Мельникова пишет, что если привести параллели с историей других народов, то оказывается, что легенда о призвании правителей из-за моря лежит в основе многих народов. Ведь и Русская земля пошла, по свидетельству летописца, от призыва из-за моря трех братьев, Рюрика, Синеуса и Трувора. И польское государство было создано призванием Кракома. В англосаксонской эпической поэме «Беовульф», как и в скандинавской саге о конунгах «Сага о Скельдунгах», сообщается о прибывшем из-за моря основателе датской королевской династии Скильде Сквинге [6, с. 7].

Следует отметить, что еще в VII–VIII вв. у восточных славян, расселившихся по территории от Балтийского моря до Черного и от Вислы до притоков Оки, уже сформировался ряд предпосылок, способствующих формированию государственных отношений. К таким можно отнести:

1. Успехи в развитии экономики. Усовершенствование орудий труда позволили значительно улучшить качество обработки почвы. Это, в свою очередь, привело к появлению излишков производства,

которые можно было использовать для содержания дружины и аппарата управления.

2. С началом активного использования торгового пути «Из варяг в греки» в X в. возникла необходимость обеспечения безопасности данной транспортной артерии. Киев и Новгород – два центра будущей древнерусской государственности – стояли на конечных точках этого торгового пути, соединявшей скандинавские страны с Византией. Для обеспечения безопасности данной торговой артерии потребовалось собрать все племена, жившие вдоль нее, под единой властью.

3. Имущественная и социальная дифференциация общества. В ходе колонизации славянскими племенами новых земель разрывались родовые связи, на смену родовым общинам приходили общины территориальные. В условиях, когда теперь на одной территории проживали не родственники, но соседи, потребовалось выделить собственность отдельных семейств (скот, орудия труда, домашнюю утварь, конечный продукт). Выделение семейной собственности вызвало разделение общества вначале по имущественному, а затем и по социальному признаку.

4. Постоянная военная опасность, исходящая от соседних племен, стала причиной повышения роли князей и его военной дружины. Дружины располагала оружием, что давало ей преимущество в решении спорных вопросов. Военно-дружинная знать со временем занималась только войной, грабежами и за счет захваченных трофеев могла не заниматься производительным трудом. Дружины и князья были связаны не только отношениями военной службы, но и другими интересами. Первые обеспечивали авторитетность вторых, вторые – состоятельность первых. В условиях почти непрерывных войн, которые с VI в. славяне вели на южном и юго-восточном направлениях, роль дружины и князей становилась все более важной для благополучия всего общества, а роль старейшин постепенно отходила на второй план.

Геополитические условия складывания древнерусской государственности включали в себя обилие рек; различия в природно-климатических условиях земель; равнинный характер территории; отсутствие естественных границ; протяженную границу со Степью. Наличие большого количества крупных и малых рек разбивали территорию расселения восточных славян на мелкие островки, затерянные в огромных лесных массивах. Широкие и бурные реки,

густые леса препятствовали налаживанию контактов между различными племенами, создавали локальные общности, иногда даже не подозревающие о наличии соседей. Идея единства племен вряд ли могла вообще появиться в таких условиях.

Различия в природно-климатических условиях – лесистый север и степной юг, плодородные земли и болота – также не способствовали складыванию общих интересов. Люди, жившие в разных условиях, вели различный образ жизни, находились на разном уровне цивилизационного развития. Собрать их воедино в рамках большого государства представлялось большой проблемой.

Равнинная территория будущего государства, отсутствие естественных границ и протяженная граница со Степью являлись скорее неблагоприятными для формирования государства обстоятельствами. Нападения степных кочевников значительно тормозили процесс общественного развития, заставляли население приграничных районов сосредотачиваться на решении преимущественно военных задач, что оказывало негативное влияние на экономическое развитие.

С западными соседями славянам приходилось бороться в силу соперничества, так как они сами обнаруживали стремление к созданию государства и к приращению своих земель за счет чужих территорий. С другими, южными и восточными соседями, приходилось отбиваться от их разбойниччьих набегов и разорений; наконец, с северными племенами – более слабыми в экономическом и военном развитии – пришлось бороться в силу собственного роста и в естественном стремлении к расширению пределов государства. К борьбе с соседями, к внешним войнам побуждали Русь и другие обстоятельства... [8, с. 9].

Таким образом, в условиях постоянной угрозы с запада, юга и юго-востока славянским племенам приходилось отстаивать свою независимость. По отношению к северным племенам славяне вели завоевательные войны. В период Великого переселения народов на евразийском континенте межплеменные конфликты, связанные миграционными процессами, затрагивали почти все племена, включая и славянские. Поэтому важнейшим фактором в процессе генезиса основных элементов государства у большинства народов, в том числе и на Руси, стала военная организация. Организация войны с целью завоеваний новых территорий, захвата добычи в основном определяла политическое содержание истории той эпохи периода формирования государственности.

Военная деятельность основывалась на полководческих функциях князя и осуществлялась прежде всего в интересах защиты его княжества, обеспечения безопасности торговых путей, а также для осуществления колонизационной политики на малозаселенных землях южной Руси. В этом контексте вся сложная дружиная организация представляет собой ядро, составную часть войска, военной организации княжества и одновременно как аппарат управления внешней и внутренней политикой русских князей – крупнейших светских феодалов эпохи в более поздние периоды.

Как уже было отмечено выше, признаком государства является то, что его юрисдикция определена территориальными границами. Вся политическая история правления первых русских князей свидетельствует, что каждый правитель стремился расширить и защитить свою территорию.

На первом этапе становления элементов государственности в Древней Руси отдельные предводители дружин формируют собственные институты власти, чаще военного или сакрального назначения. Эта тенденция прослеживается и в легенде о призвании варягов. В ней имеется прямое упоминание о наличии у славян определенных органов управления и необходимости внешней силы для решения насущных задач. Призвание варягов также определяется ярко выраженным военным моментом. Летописи упоминают прежде всего военные функции первых правителей. Власть Рюрика простиралась на Новгород, кривичей, меря и мурому, он объединил под своим началом весь север и северо-запад восточнославянских и угро-финских земель [5, с. 41–45]. Варяги, призванные на Русь, выступали в роли разрозненных дружины, неподконтрольных единому правителю. Отдельные дружины во главе со своим предводителем основались на территории разных славянских племен.

На данном этапе формирования элементов государственности, который можно обозначить временными рамками от 862 до 885 г., преобладают объединительные варианты, причем иногда не военным путем. Из всех «языков» и градов, покоренных Рюриком, Аскольдом и Диром, Олегом, чисто военный путь летописец называет только для древлян и северян, которых Олег «при-мучи»,

«победи» [7, с. 10, 23], и добавляет к этому списку Смоленск. Цели их деятельности по большей части экономические – сбор дани, осуществление контроля над путями уже не только на Восток, но и в «Греки». Именно этот вид «захватнических» или грабительских военных механизмов с явным «торговым» оттенком был главным для варварской державы Олега и Игоря в период фазы ее расцвета, формально его хронологические рамки можно обозначить 886–941 гг.

Вещий Олег расширил территорию своих владений за счет захвата земель у древлян (883), северян (884), радимичей (885), а в 882 г. он объединил Новгород и Киев, подчинил племя уличей [5, с. 45–51]. Игорь Старый способствовал освоению русских поселений на Таманском полуострове, также воевал с печенегами, греками.

В 946–947 гг. во времена правления княгини Ольги был проведен комплекс мер, целью которых было предотвращение злоупотреблений во время сбора дани, определение ее объемов и сроков уплаты. Фактически со своей дружиной Ольга обезжалла подвластные земли и вводила «уставы и оброки, дани и погосты», также учреждала сельские судебно-административные округа и устанавливала податные оклады [5, с. 52–57].

Интересно, что, в отличие от предшествующего этапа, теперь славяне и русы уже не противостоят в военном отношении, действуют совместно, а некоторые конфликты между ними возникают лишь при дележе военной добычи. Об этом свидетельствует «Повесть временных лет», сообщая историю о неудачном походе Игоря. Игорь при этом назван в качестве предводителя похода лишь в одном из русских источников («Повесть временных лет») и в одном византийском [2, с. 57].

Данный период характеризуется многочисленными войнами. При этом для одних князей они носили захватнический характер, для других – оборонительный. Особенностью такого этапа является так называемый «имперский эксперимент» Святослава Игоревича. Так можно определить краткосрочный период правления этого князя, который предпринял попытку создания владения «имперского» типа. В 964 г. Святослав Игоревич подчинил вятичей, воевал с болгарами, печенегами, византийцами [5, с. 57–69].

«Имперским» войнам Святослава Игоревича присущи следующие характерные черты: «воссоединение территорий в единую, равную по статусам структуру с попыткой создания новой столицы

обычно на границах земель либо даже на новых землях». Святослав, его воеводы, воины, союзники, новые подданные явно преследовали в этих войнах свои цели, но среди них не было государственного строительства Руси, расширения подвластных земель. Он как бы разрывает то поступательное движение к подлинной государственности, которое начала Ольга на ограниченных еще «варварскими полями» территориях, завершив реформами показательно-карательную, мистически-устрашающую, но все же внутреннюю войну.

В период правления великого князя Ярополка (972–980) велись постоянные междуусобные войны [5, с. 69–72]. Владимир I Святославович завоевал приграничную Червенскую Русь в 981 г., вновь присоединил вятичей (981–982), покорил ятвягов (983), радимичей (984) и белых хорватов (991) [5, с. 72–83]. Ярослав Мудрый утвердил свою власть на Чудском озере и основал там Юрьев (1030). При нем протяженность границ Руси составляла около 7 тыс. км [5, с. 95–102]. В 1119 г. Владимир Мономах присоединил Минское княжество [5, с. 131].

Таким образом, военный фактор был решающим в процессе территориального становления Древнерусского государства, установления правил сбора дани, подавления бунтов и проведения активной внешней политики. Важнейшим фактором в становлении элементов государственности было зарождение имущественного неравенства и выделение военной дружины. Военная дружина была необходима для сдерживания враждебных соседних племен, для завоевания, покорения других территорий и племен, для подавления бунтов. Наличие института принуждения в виде дружины, ополчения давало гарантии определенного суверенитета. Никто не проектировал создание основных элементов государства – военной дружины, территории, очерченные границами, административное управление, казначейства, суды и т.д. Все складывалось стихийно, они возникали в ходе решения насущных проблем.

Источники и литература

1. Выскочеков Л. Николай И. Серия «Жизнь замечательных людей». Вып. 173. – М., 2008.
2. Диакон Л. История. – М., 1988.

3. Дэнн Е. 1150 лет российской государственности // Введенская сторона. – 2012. – № 3. – С. 27–29.
4. Ерохин А.С., Шинаков Е.А. Война как фактор государствогенеза в раннесредневековой Англии и Древней Руси // Вестник Брянского университета. – 2015. – № 2. – С. 154–158.
5. Карамзин Н.М. История государства Российского. – М., 2010.
6. Мельникова Е.А. Меч и лира. – М., 1987.
7. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. – М., 1908.
8. Сухотин Н.Н. Война в истории русского мира. – СПб., 1898.
9. Файзрахманов Р.Х. Войны и вооруженное насилие как фактор Российской государственности // Российский юридический журнал. – 2013. – № 5. – С. 81–84.

V.L. Larionov

THE MILITARY FACTOR IN THE FORMATION OF THE OLD RUSSIAN STATE

Abstract. The article analyzes the socio-economic and political prerequisites and geopolitical conditions for the formation of the Old Russian state. The author emphasizes that the process of state formation is a long historical process. Particular attention is paid to the place of wars and other armed forms in the history of the formation of individual elements of the Old Russian state.

Keywords: state, territory, sovereignty, public authority, prince, military squad, militia, tribute, war, rebellion, imperial policy.

УДК 903.222

Е.Г. Шалахов

МЕТАТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ ДРЕВНИХ ВОИНОВ ЕВРАЗИИ: НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКИХ ГРУППИРОВОК (УСТЬ-ВЕТЛУЖСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ)

Аннотация. Статья посвящена изучению каменного инвентаря из воинских захоронений базовых памятников типа Сейма-Турбино. Кремневые наконечники стрел с прямоусеченным основанием – самый распространенный тип метательных орудий подвижных сейминско-турбинских

группировок, встречены и при изучении ставшего знаменитым Юринского (Усть-Ветлужского) могильника. Номенклатурные и морфологические особенности кремневых наконечников стрел с треугольным и прямоугольным черешком также соотносятся с находками, сделанными на Сейминской дюне и Шустовой горе (Турбино I) в прошлом веке. Очевидно, что для изготовления наконечников стрел, поднятых на Усть-Ветлужском могильнике, использовалось местное кремневое сырье, полученное древними мастерами при разработке одного из месторождений на правом берегу Волги.

Ключевые слова: археология, бронзовый век, метательное оружие, наконечник стрелы, Усть-Ветлужский могильник.

Усть-Ветлужский (Юринский, Усть-Ветлуга) грунтовый могильник начала позднего бронзового века открыт автором в ходе археологических разведок и сборов, предпринятых осенью 2000 г. в окрестностях несуществующей ныне русской деревни Сутыри [5, с. 230; 8, с. 91–92; 9, с. 188; 15, с. 75]. Некрополь находится в 4 км к востоку от пос. Юрино – районного центра Республики Марий Эл, в 350 м к северо-западу от современного устья р. Ветлуги, на дюнах левого берега Чебоксарского водохранилища.

В 2001–2006 гг. погребальный памятник был раскопан Б.С. Соловьевым (Марийская археологическая экспедиция). В могилах собрано бронзовое оружие – наконечники копий, ножи, топоры-кельты, – принадлежавшее воинам древних сибирских и алтайских племенных группировок, мигрировавших в Восточную Европу [10, с. 103–109; 11, с. 168–174]. Погребальные комплексы Усть-Ветлуги датируются XIX–XVII вв. до н.э. [16, с. 112].

Почти весь металл из прослеженных в раскопе и разрушенных Чебоксарским водохранилищем захоронений подробно описан и проанализирован в статьях Б.С. Соловьева [7, с. 56–69; 8, с. 92–93; 10, с. 110–111].

Настоящая работа предваряет будущую полную публикацию метательного оружия, собранного нами в 2000–2008 гг. на месте размытых погребений Усть-Ветлужского могильника сейминско-турбинского типа.

Из закрытых комплексов памятника происходят лишь четыре из 27 экз. кремневых наконечников для стрел: 2 экз. найдены в погребении № 6 на нижней площадке могильника (раскоп 2003 г.); 2 экз.

расчищены при исследовании статусного захоронения на вершине Сутырской дюны (погребение № 15 в раскопе 2005 г.). Остальные кремневые наконечники (23 экз.) являются подъемным материалом с размытых участков некрополя эпохи бронзы. Наибольшая концентрация находок кремневых наконечников отмечена нами на берегу Чебоксарского водохранилища под раскопом 2003 г. (предположительно, остатки колчанного набора из несохранившегося погребения) [14, с. 83–84] и к северо-востоку от него – вблизи современной часовни святого Димитрия Солунского.

Кремневый комплекс Усть-Ветлуги представлен несколькими типами наконечников для стрел, которые различаются по оформлению насада или черешка (рис. 1.1–12).

К *I типу (основному)* относятся наконечники стрел треугольной или подтреугольной формы с прямоусеченным основанием (найдены 22 экз.) (рис. 1.1–8), которые имеют полные аналогии в погребальных комплексах Турбинского I, Сейминского и Решенского могильников [1, с. 122, рис. 60, 4–7; 2, с. 97, рис. 90; 3, с. 130–131, рис. 1, 2–7]. О.Н. Бадер называл их «турбинскими» [2, с. 97].

Ко *II типу* принадлежат наконечники треугольной формы с вогнутым основанием (всего 2 экз.) (рис. 1.12), которые обнаруживают некоторое сходство с кремневыми стрелами из условного могильника сейминско-турбинского типа Бор-Ленва [4, с. 62, рис. 3, 6, 8]. В крупных могильниках Окского и Камского бассейнов – в Сейме, Решном, Турбине – они вообще отсутствуют. Любопытно, что серия кремневых наконечников для стрел с вогнутым основанием и намеченными шипами-жальцами имеется в опубликованных материалах раскопок святилища Шайтанское Озеро II [6, с. 74, рис. 13], вещевой комплекс которого сохранил, что немаловажно, следы сейминско-турбинских металлургических инноваций.

Определенный интерес вызывает *III тип* кремневых наконечников Усть-Ветлужского некрополя (2 экз.). Это крупные наконечники стрел с вытянуто-треугольным пером и широким черешком подпрямоугольной формы (рис. 1.10, 11). Аналоги нашим наконечникам известны по находкам в погребениях Решенского могильника, где их собрана значительная серия [13, с. 231, рис. 104, 8–11].

И, наконец, к *IV типу* кремневых стрел Усть-Ветлужского погребального памятника относится наконечник с вытянуто-треуголь-

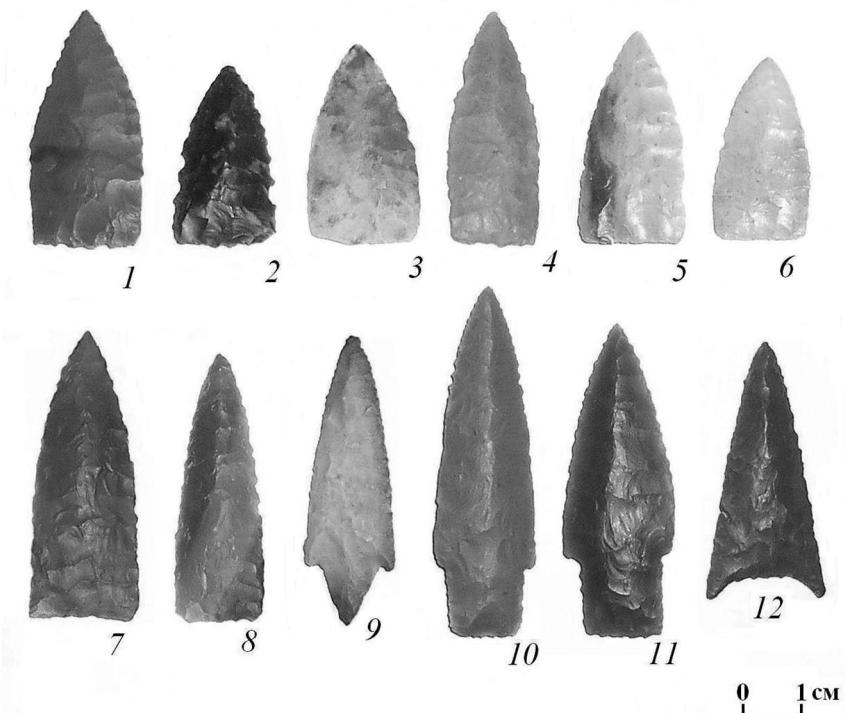

Рис. 1. Метательное оружие сейминско-турбинских популяций (могильник Усть-Ветлуга): 1–8 – кремневые наконечники стрел турбинского типа (подъемный материал 2000–2008 гг.); 9 – кремневый наконечник стрелы сейминского типа (подъемный материал 2004 г.); 10–11 – кремневые наконечники стрел решенского типа (подъемный материал 2002, 2006 гг.); 12 – кремневый наконечник стрелы с вогнутым основанием (подъемный материал 2002 г.).

ным пером, коротким черешком треугольной формы и жальцами (рис. 1.9). По О.Н. Бадеру, это 2-й тип стрел Сеймы – «может быть назван сейминским» [1, с. 121]. Действительно, по своим пропорциям и технике обработки широких граней, находка 2004 г. имеет весьма близкие аналогии в вещевом комплексе Сейминского могильника [1, с. 122, рис. 60, 1, 2].

В качестве заготовок для усть-ветлужских наконечников использовались довольно крупные (различного сечения) отщепы кремневого сырья высокого качества. Весь кремень, вероятно, валунного происхождения. Сырьевой базой для сейминско-турбинских

оружейников, оставивших Усть-Ветлужский могильник, могли служить Юльяльские выходы кремня на правом берегу р. Волги – на территории соседнего с Юринским Горномарийского района Республики Марий Эл [5, с. 318–319]. Здесь, неподалеку от выходов валунного кремня, В.В. Никитиным зафиксированы остатки Юльяльской кремнеобрабатывающей мастерской и собрана большая коллекция каменных и кремневых артефактов [5, с. 71], среди которых присутствуют изделия сейминско-турбинского облика – наконечники стрел треугольной или треугольно-усеченной формы и обломок кремневого ножа-вкладыша [8, с. 90–91].

Абсолютное большинство наконечников обработано аккуратной уплощающей ретушью, нанесенной с двух сторон. Некоторые экземпляры кремневых стрел имеют выраженную продольную грань в верхней части пера, предназначавшуюся, по всей вероятности, для увеличения пробивной мощности оружия.

Таким образом, кремневые наконечники стрел из Усть-Ветлужского могильника, сопоставимые с метательными орудиями других базовых памятников сейминско-турбинского типа, являются не только самой распространенной категорией погребального инвентаря у носителей древних сибирских и приуральских бронз, но и ценнейшим источниковым материалом для изучения технологических приемов, существовавших в кремнеобработке эпохи палеометалла Северной Евразии.

В заключение отметим, что кремневый комплекс из погребений Усть-Ветлужского могильника наглядно подтверждает мнение исследователей сейминско-турбинского транскультурного феномена об агрессивном характере «социальных объединений» (группировок) воинов-мигрантов бронзового века, «сыгравших выдающуюся роль» в формировании системы Евразийской металлургической провинции [12, с. 75, 86; 13, с. 271].

Источники и литература

1. Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. – М.: Наука, 1970. – 176 с.
2. Бадер О.Н. Древнейшие металлургии Приуралья. – М.: Наука, 1964. – 176 с.
3. Бадер О.Н., Черников В.Ф. Новые находки сейменского типа у с. Решное на Оке // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – С. 130–132.

4. Денисов В.П., Кузьминых С.В., Черных Е.Н. Могильники сейминско-турбинского типа в Волго-Камье // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1988. – С. 46–69.
5. Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат, 2009. – 416 с.
6. Сериков Ю.Б., Корочкина О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 2 (38). – С. 67–78.
7. Соловьев Б.С. К вопросу о социально значимых захоронениях сейминско-турбинского типа // Материалы и исследования по археологии Поволжья. – Йошкар-Ола: МарГУ; МарНИИЯЛИ, 2010. – Вып. 5. – С. 56–69.
8. Соловьев Б.С. Находки сейминско-турбинского времени в Марийском Поволжье // Древности Поволжья и Прикамья / Серия «Археология и этнография Марийского края». – Вып. 25. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2001. – С. 90–96.
9. Соловьев Б.С. Об абаевском компоненте Юринского могильника // Абаевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: материалы Междунар. науч. конфер. – Чебоксары: ЧГИГН, 2003. – С. 188–192.
10. Соловьев Б.С. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004 гг.) // Российская археология. – 2005. – № 4. – С. 103–111.
11. Соловьев Б.С., Шалахов Е.Г. Воинское погребение Юринского могильника // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья. – Чебоксары: ЧГИГН, 2006. – С. 168–174.
12. Черных Е.Н. Каргалы: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 200 с. – (Каргалы. Т. V).
13. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.
14. Шалахов Е.Г. Колчанный набор из разрушенного (размытого) комплекса лучника на сейминско-турбинском Юринском могильнике // Вопросы исторической науки: материалы II Междунар. науч. конфер. – Челябинск: Два комсомольца, 2013. – С. 83–85.
15. Шалахов Е.Г. Погребальный инвентарь Юринского (Усть-Ветлужского) могильника сейминско-турбинского типа: кремень и нефрит // История и археология: материалы Междунар. науч. конфер. – СПб.: Реноме, 2012. – С. 75–77.
16. Юнгер X., Карпелан К. О радиоуглеродных датах Усть-Ветлужского могильника // Российская археология. – 2005. – № 4. – С. 112.

**THROWING WEAPONS OF ANCIENT WARRIORS OF EURASIA:
ARROWHEADS OF THE SEYMA-TURBINO GROUPS
(UST-VETLUZHHSKY COLLECTION)**

Abstract. This article is devoted to the study of stone inventory from military graves of basic monuments of the Seyma-Turbino type. Flint arrowheads with a straight-cut base are the most common type of throwing tools of mobile Seyma-Turbino groups, and they were also found when studying the famous Yurinsky (Ust-Vetluzhsky) burial ground. The nomenclature and morphological features of flint arrowheads with triangular and rectangular petioles also correlate with the finds made on the Seyma dune and Shustova Mountain (Turbino I) in the last century. It is obvious that local flint raw materials obtained by ancient craftsmen during the development of one of the deposits on the right bank of the Volga were used to make arrowheads raised at the Ust-Vetluzhsky burial ground.

Keywords: archeology, Bronze Age, throwing weapons, arrowhead, Ust-Vetluzhsky burial ground.

УДК 94(477.7)«9»

Е.Н. Шумилов

**О ПРОТИВОСТОЯНИИ БУЛГАР И РУСОВ В XII–XIII вв.
ЗА ОБЛАДАНИЕ ПУШНЫМИ БОГАТСТВАМИ ЮГРЫ**

Аннотация. Статья посвящена проблеме борьбы волжских булгар и русов в Югре за контроль над территорией пушного промысла. Опираясь на письменные источники и материалы археологических раскопок последних десятилетий, автор дает общую картину происходивших событий. При этом события разделены на два периода: ранний (предыстория), когда русы и булгары мирно взаимодействовали в Предуралье, и поздний, когда они вступили в схватку за пушные богатства Югры в Зауралье. Особое внимание уделено специфике их торговли и сбора дани с аборигенов. В конечном итоге победа оказалась на стороне булгар, сумевших вписаться в политическую и экономическую систему Золотой Орды.

Ключевые слова: булгары, русы, Югра, пушнина, противостояние.

В последнее время исследователи проявляют заметный интерес к предуральско-зауральским связям в эпоху существования вымской, родановской и кинтусовской археологических культур. Наиболее плодотворно эту тему разрабатывает нефтеюганский археолог С.Г. Пархимович [10]. По его мнению, в процессе колонизации Югры представителями родановской и вымской культур предков коми, протекавший в XII–XIII вв., важную роль играла торговля [11, с. 145–153]. Сыктывкарский археолог Э.А. Савельева вносит в этот вопрос существенные корректизы, отмечая, что «*важным источником жизнедеятельности вымских коми стало и обслуживание ... русских дружинников и купцов*» при их продвижении в Зауралье [16, с. 17].

Проясним ситуацию, которая сложилась в Предуралье к XII в. В этот период предки коми-пермяков проживали на территории, известной позднее как Пермь Великая (в восточных письменных источниках она именовалась страной Вису (Ису) и Верхней Булгарией), в археологическом плане это родановская культура. Территория их северных соседей коми-зырян в позднее средневековье получила известность как Пермь Малая или Пермь Вычегодская, а археологам известна как вымская культура [14, с. 70–76].

Волжские булгары, начав свои торговые связи с предками удмуртов в IX в., очень скоро поняли, что гораздо выгоднее принуждать пермских финнов платить дань, чем с ними торговать. К началу X в. они уже господствовали в стране Вису, откуда доставляли в метрополию меха соболей и черных лисиц [13, с. 74].

Однако мех соболя Предуралья отличался невысоким качеством, в отличие от меха зауральского соболя. Поэтому неудивительно, что уже в первой половине X в. булгары установили контакты с угорским населением Западной Сибири – страной Йура (Югрой), путь до которой из страны Вису (Ису) составлял 12 дней [1, с. 195]. Несомненно, их проводниками в Сибирь были представители vogulov (манси), живших на западном склоне Уральского хребта в бассейне реки Вишеры. Путь на восток, получивший позднее наименование Вишерский, шел вверх по Вишере, затем – по ее левому притоку Велсу, с Велса – на ее левый приток Посьмак. Далее надо было преодолеть горы и выйти на реку Тальтию, правый приток Ивделя, а с Ивделя на Лозью [25, с. 76–77].

Первое время шла меновая торговля, без личных контактов, посколькуaborигены Западной Сибири «из-за дикости и пугливости торгууют так: они оставляют товары в каком-либо месте и удаляются от него ...» [1, с. 195]. Это сведения из труда «Геодезия» (1025 г.) восточного ученого аль-Бируни, который заимствовал их у арабского географа аль-Джейхани, жившего в первой половине X в.

Однако такое сообщение выглядит довольно странным, так как булгары могли использовать в качестве переводчиков предков vogulov, которые жили как на западном, так и восточном склонах Урала. Да и зауральскими торговцами, скорее всего, первоначально выступали именно они. Более того, подобная торговля была подробно описана (со слов купцов) в первой половине XII в. арабским путешественником ал-Гарнати, и она относилась к торговле между Йура и народом, жившим на побережье моря Мрака (Северного Ледовитого океана) [12, с. 32–33].

Ал-Гарнати утверждает, что у жителей страны Йура нет войны и, следовательно, мечи им не нужны, а восточные клинки, приобретаемые теми у булгар, предназначались для торговли с жителями страны Мрака, которые использовали их в качестве гарпунов для охоты на морских животных. Клинки были низкого качества и не могли использоваться в качестве оружия. В то же время ал-Гарнати заявляет, что основным товаром народа Йура для обмена на клинки были соболи шкуры, невольники и невольницы [12, с. 33].

Угорское население Западной Сибири, в отличие от пермских финнов, руководимых жрецами и сотниками, имело своих племенных вождей – князьков – и отличалось воинственностью. В их среде уже шел процесс формирования племенные союзов. Поэтому трудно поверить в то, что у них не было войн. Само существование невольников противоречит этому. Помимо мехов булгары остро нуждались в «живом товаре», который был очень востребован на исламском Востоке. Несомненно, что они, подобно более поздним европейским колонизаторам в Африке, использовали в своих интересах межплеменные конфликты. А спрос на рабов стимулировал у народа Йуры межплеменные войны и захват пленных, которых они продавали булгарам. Помимо клинков за свой пушной и «живой» товар угры получали не отраженные в книге ал-Гарнати вещи:

серебряную посуду, украшения и прочие изделия, которые стали известны благодаря работам археологов и случайным находкам [22, с. 138–147].

Со временем в Верхней Булгарии (стране Вису) сформировалась местная булгарская элита, ставшая посредником между жителями Зауралья и метрополией булгар. Верхнекамские булгары доставляли товары, приобретенные у угров, обычно по Каме зимой на собачьих упряжках в города Булгарии, а там их покупали мусульманские купцы Востока [1, с. 195].

Несколько иная картина сложилась в землях предков зырян в бассейне Вычегды. Около 1020 г. с подачи Ярослава «Мудрого» в Юго-Восточном Приладожье на землях русов-колбягов, промышлявших сбором дани пушниной с финских племен, возникло Ладожское ярлство шведов [19, с. 234]. Если раньше ладожане собирали дань с Беломорья, то теперь это стало невозможно делать, поскольку Ярослав отдал его в пользование норвежцам [23, с. 38–40]. Для сборщиков дани оставался один путь – на восток. Первое время они плавали вдоль побережья Северного Ледовитого океана к Полярному Уралу [21, с. 17]. Позднее, ко второй половине XI в., им удалось найти более удобный путь к пушнине Предуралья – через реки Северную Двину и Вычегду – в земли предков коми-зярян – представителей вымской культуры, которые были обложены данью [16, с. 17].

В районе порога Кичиль-кось у реки Выми, притока Вычегды, археологи раскопали могильник, датируемый XI–XIII вв. Из 233 погребений их особый интерес вызвали 20 захоронений в южной части могильника. В оборудованных по языческому обряду могилах исследователи обнаружили 76 серебряных монет, отчеканенных в Западной Европе в XI–XII вв. Все монеты были изогнуты, так как служили окантовкой для деревянных чаш. Еще одним примечательным артефактом стали железные ножи с деревянными ручками. Ручки были обмотаны серебряной и бронзовой проволокой. Подобные вещи были найдены и в курганах Юго-Восточного Приладожья. Помимо мужских на археологическом памятнике были выявлены и женские захоронения, в которых были погребены неместные женщины [15]. Отсюда можно сделать вывод, что ладожане ходили в дальние походы с женами. Примечательно, что точно такие же

вещи были найдены в ряде погребений на территории родановской культуры. Их датируют XII в. [2, вып. II]. В то же время в вымской культуре известны многочисленные булгарские вещи [17, с. 89–96]. А это значит, что отношения между ладожанами и верхнекамскими булгарами в XII в. были дружественными.

Если с вымцев ладожане брали дань, то с сибирской югрой они, как и булгары, торговали уже в XI в. На могильнике Усть-Балык, расположенному близ Нефтеюганска, археолог В.И. Семенова обнаружила в комплексе XI в. артефакты, местом производства которых было Приладожье и Ярославское Поволжье [18, с. 42–44]. Иными словами, русы торговали собственной продукцией.

На реке Вычегда и в верховьях Печоры также проживали представители западной группы vogulov [20, с. 31]. Очевидно, именно они указали русам путь в Западную Сибирь через Уральский хребет. Этот путь пролегал по реке Вычегде с выходом через волок на верховье Печоры. Затем был переход через Уральские горы к Северной Сосьве и Лозье [25, с. 76–77].

В XII в. на реках Вычегда, Вымь и Сысола возникают русские поселения [16, с. 17]. Таким образом, здесь создается опорная база для проникновения русов в Западную Сибирь. Убийства сборщиков дани в 1187 и 1193 гг. говорят о том, что в XII в. русы перешли от тактики торговых отношений к грабежу местного населения. В Югре они столкнулись с наличием у местного населения укрепленных городков и военных дружины. Эти городки при сопротивлении приходилось брать штурмом. События 1193 г. свидетельствуют, что русам удалось обложить данью какую-то часть югры, от которой они требовали соболей и серебра [9, с. 229, 232–233]. А серебро могло быть только одно, то, что местные жители получили ранее от торговли с булгарами, другого не было. В научной среде развернулась оживленная дискуссия относительно того, как правильно называть данное серебро: закамское или закаменское (зауральское) [6, с. 244–247]. В принципе, это не так уж важно: серебро было булгарское. Действия русов заметно отличались от действий булгар. Последним нужны были меха и рабы, тогда как русам – меха и серебро.

По материалам археолога В.А. Могильникова, в бассейне Оби можно выделить несколько основных групп памятников с древне-

русскими артефактами: это верховья реки Войкара, притока Оби в ее нижнем течении, по реке Ляпине, притока Северной Сосьвы, по реке Лозьве (в верховьях ее притока Тавды), на средней Туре, являющейся притоком Тобола. Отдельные вещи, связанные с Русью, разбросаны на обширной территории Сургутского Приобья и верхнего Иртыша [4, с. 148–183]. Это свидетельствует об активной торгово-данической деятельности русов на обширной территории. Их мобильность обуславливалась передвижением в летний период на судах, а зимой, скорее всего, на упряжках с собаками. В пользу этого говорят захоронения собак в курганах Юго-Восточного Приладожья и использование ездовых собак русскими в походе 1499 г. на Югру [7, с. 64–65].

К настоящему времени в Приобье выявлены три поселения, где в XII–XIII вв. проживали русы: Шеркалы I, Перегребное I, Уки II. Скорее всего, это были их опорные пункты. Вместе с русами жило и вымское население [8, с. 23–24]. Вымцы, будучи на родине плательщиками дани, вряд ли играли здесь заметную роль и находились на второстепенных позициях.

Однако по данным археологов В.М. Морозова и С.Г. Пархимовича, материалы из комплексов Шеркалы I и Перегребное I имеют аналогии не только в вымской культуре, но и родановской. Более того, в Шеркалах I обнаружены керамические светильники – жировики, известные только у булгар [8, с. 27]. К сожалению, археологи не дают ответа на вопрос: кто поселился здесь раньше: булгары или русы. Письменных источников, отражающих их вооруженное противостояние в Югре, нет. Но есть косвенные. После середины XII в. в источниках нет никаких упоминаний о торговле булгар с населением побережья моря Мрака. То есть русы отрезали их от рынка сбыта клинков. Более того, русы отнимали у аборигенов сильное серебро, полученное от булгар в результате мирной торговли. Это говорит о военном превосходстве русов над булгарами, не сумевшими принудить население Югры бесплатно отдавать им свои богатства.

Монгольское нашествие и обложение завоевателями Руси данью привело к тому, что сборщики дани сами стали платить дань. Тогда как булгары сумели очень быстро вписаться в новые политico-экономические условия, созданные Золотой Ордой, став ее частью.

Они восстановили торговые связи, нарушенные монгольским вторжением. Правда, теперь страна Вису стала именоваться Чулыманом. Арабский ученый Аль-Омари (аль-Умари, 1301–1349 гг.) сообщает, что купцы «Булгарские ездят до Чулымана, а купцы Чулыманские ездят до земель Югорских» [5, с. 108]. С восстановлением торговых связей булгары постарались избавиться от своих агрессивных конкурентов. Это послужило причиной ухода русов и связанных с ними вымцев из Западной Сибири во второй половине XIII в. [24, С. 7–10]. Торговля золотордынцев с Югрой продолжалась вплоть до разгрома Орды среднеазиатским эмиром Тимуром в 1390 г. [3, с. 223].

Источники и литература

1. *Абу Райхан Бируни*. Избранные произведения, т. VII. Математические и астрономические трактаты. – Ташкент, 1987.
2. *Белавин А.М., Крыласова Н.В.* Огурдинский могильник. – Пермь, 2012. (Археология Пермского края. Свод археологических источников; Вып. II).
3. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды. – М., 1985.
4. *Жук А.В.* Русские люди в Югорской земле X–XIII вв. (к 85-летию В.А. Могильникова) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Пермь, 2017. – № 13. – С. 148–183.
5. Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. – М., 2003.
6. *Курлаев Е.А.* «Серебро закамское» и летописная Югра // V Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. 11–14 декабря 2019 г. – Ханты-Мансийск – Екатеринбург, 2019. – С. 244–247.
7. *Миллер Г.Ф.* Описание Сибирского царства и всех произошедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державой по сии времена. Книга 1. – СПб., 1750.
8. *Морозов В.М., Пархимович С.Г.* Миграции древних коми в Нижнее Приобье // Известия Уральского государственного университета. – 1997. – № 7. – С. 23–27.
9. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М., Л., 1950.
10. *Пархимович С.Г.* О контактах населения Нижнего Приобья и Северного Приуралья в начале II тысячелетия н.э. // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург, 1991. – Вып. 20.

11. Пархимович С.Г. О контактах населения Нижнего Приобья и Северного Приуралья в начале II тысячелетия н.э. // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: сб. материалов Всерос. науч. конфер. в 2 ч. – Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург, 2018. – Ч. 1.
12. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153). – М., 1971.
13. Путешествие Ибн-Федлана на Волгу. – Л., 1939.
14. Савельева Э.А. Историко-культурные связи населения бассейна р. Вычегды и Верхнего Прикамья в эпоху средневековья (по материалам вымской и родановской археологических культур) // Вестник Пермского университета. – 2021. – Вып. 1 (52). – С. 70–76.
15. Савельева Э.А. Кичилькосянский I могильник XI–XIII вв. – Сыктывкар, 2019.
16. Савельева Э.А. Этнокультурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье // Культурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье. – Сыктывкар, 2013. Вып. 18.
17. Савельева Э.А., Королев К.С. Торгово-экономические связи Перми вычегодской с Волжской Булгарией // Известия Коми научного центра УрО РАН. – Сыктывкар, 2011. – Вып. 3 (7). – С. 89–96.
18. Семенова В.И. Импорт и местные подражания ему в контексте этнических связей нижнеобского населения (конец I – середина II тыс. н.э.). // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. – Новосибирск, 1995. – Т. 2. – С. 42–44.
19. Снорри Стурлусон. Круг Земной. – М., 1980.
20. Соколова З.П. Обские угры // Этническая история народов Севера. – М., 1982.
21. Татищев В.Н. История российская. – М., Л., 1963. – Т. 2.
22. Федорова Н.В. Торевтика Волжской Болгарии. Серебряные веци X–XIV вв. из зауральских коллекций // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Пермь, 2003. – № 3. – С. 138–147.
23. Шаскольский И.П. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. – 1945. – № 14. – С. 38–40.
24. Шумилов Е.Н. Уход новгородцев из Западной Сибири во второй половине XIII в.: причины и последствия // Северный регион: наука, образование, культура. – Сургут. 2017. – № 2 (36). – С. 7–10.
25. Ястребов Е. Древние дороги Урала // Уральский следопыт. – 1990. – № 12. – С. 76–77.

E.N. Shumilov

**ABOUT THE CONFRONTATION OF THE BULGARS AND RUS
IN THE XII–XIII CENTURIES FOR THE POSSESSION
OF THE FUR RICHES OF UGRA**

Abstract. The article is devoted to the problem of the struggle of the Volga Bulgars and Rus in Ugra for control over the territory of the fur trade. Relying on written sources and materials of archaeological excavations of recent decades, the author gives a general picture of the events that took place. At the same time, the events are divided into two periods: the early (prehistory), when the Russ and Bulgars peacefully interacted in the Urals, and the late, when they entered into a battle for the fur wealth of Ugra in the Trans-Urals. Special attention is paid to the specifics of their trade and the collection of tribute from the aborigines. In the end, the victory was on the side of the Bulgars, who managed to fit into the political and economic system of the Golden Horde.

Keywords: Bulgars, Russ, Yugra, furs, confrontation.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XVII–XIX ВЕКОВ

УДК 94(47).083

А.В. Ануфриев

«ИРКУТЦЫ» – ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ: К ИСТОРИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ ИРКУТСКОГО ДРАГУНСКОГО ПОЛКА

Аннотация. Статья посвящена воссозданию Иркутского драгунского полка. Основываясь на воспоминаниях и архивных источниках, автор рассказывает о периоде пребывания полка в г. Борисове в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: боевая подготовка, Борисов, драгунский, Иркутский, история, полк, П.К. Ренненкампф.

Каждый полк русской императорской армии имел интересную и оригинальную историю. Но даже на этом фоне отличается Иркутский драгунский полк. Сформированный в Сибири в конце XVIII в., он прожил интереснейшую и оригинальнейшую жизнь. Здесь была и охрана границы с Китаем и переброска в Белоруссию, участие в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах, русско-турецкая война и подавление польского мятежа 1831 г. ... Дважды создаваемый как драгунский, полк дважды (в 1812 и 1908 гг.) становился гусарским. Данная статья посвящена возрождению полка в 1895 г. и периоду его квартирования в городе Борисове.

12 сентября 1895 г. император Николай II издал Высочайший приказ: «Сформировать 49-й Архангелогородский и 50-й Иркутский драгунские полки, из названных полков образовать 1-ю отдельную кавалерийскую бригаду». Иркутский драгунский полк, как свидетельствует Е. Альбовский, был сформирован из эскадронов шести полков. Каждый полк выделил эскадрон «в полном составе людей и лошадей, со всеми вещами (кроме обмундирования первого срока,

оружия и седел)» [1, с. 307]. Формирование началось еще до появления Высочайшего приказа: всем армейским кавалерийским полкам было приказано к 1 мая 1895 г. представить списки «поэскадронно офицерам, нижним чинам и описи лошадям» и запрещалось после этого менять состав, поскольку армейское руководство боялось, что «иркутцам» и «архангелогородцам» попытаются передать наихудший резерв. К середине сентября 1895 г. стало ясно, кто они, возрожденные «иркутцы». Иркутский драгунский полк был сформирован из 2-го эскадрона 5-го Лейб-Курляндского драгунского полка, 3-го эскадрона 11-го Харьковского драгунского полка, 6-го эскадрона 14-го полка литовских драгун, 2-го эскадрона 17-го Волынского драгунского полка. 5-й эскадрон 20-го Ольвиопольского драгунского полка и 4-й эскадрон 23-го Вознесенского полка завершили формирование новых «иркутцев».

Местом дислокации обоих создаваемых полков был выбран город Борисов Минской губернии. Эскадроны прибывали железной дорогой. «Иркутцы» и «архангелогородцы» заняли место выбывшего 162-го Ахалтыхского пехотного полка в частных казармах вблизи станции «Борисов» Московско-Брестской железной дороги. Однако их прибытие было омрачено некоторой неготовностью казарм к встрече новых квартирующих. Как пишет историограф полка Е. Альбовский, казармами заведовали «господин Колодеев и его два компаньона» [1, с. 308]. Иван Хрисанфович Колодеев был личностью неординарной, и его деятельность заслуживает отдельного описания. Это, в частности, позволит пролить свет и на строительство знаменитых «колодеевских» казарм, которые сохранились в новой части города Борисова, и понять, почему иркутские и архангелогородцы были разочарованы первым приемом в Борисове.

Иван Колодеев являлся крупнейшим землевладельцем Борисовского уезда в конце XIX – начале XX в. Его отцом был генерал-майор Хрисанф Иванович Колодеев, боевой офицер, который прошел Кавказскую войну, Крымскую военную кампанию 1853–1857 гг., командовал 45-м Азовским пехотным полком, был Военно-уездным начальником в Ошмянском, Виленском и Борисовском уездах, принимал участие в подавлении восстания 1863 г. За усердную службу ему и были пожертвованы земли к юго-востоку от Борисова. «23 июня 1865 Высочайше утверждена инструкция, согласно которой

«из свободных... 9 западных губерниях казенных земель и ферм составляются для продажи служащим и желающим водвориться в Западном крае лицам русского происхождения участки двух разрядов: 1) от 300 до 600 дес., и 2) от 600 до 1000 дес., и по «особом уважениям и свыше размера...». По инструкции на такие же участки делились и «необремененные долгами имения». Именно таким и было имение Красное Борисовского уезда. [4]. После смерти Хрисанфа Ивановича в 1876 г. имение перешло к его супруге, но в 1883 и 1884 гг. сестра Ивана Хрисанфовича, а затем и его мать отказались от наследства в его пользу. Отныне имение Красное оказалось в его личном владении.

Личностью Иван Хрисанфович был неординарной: он фактически основал и развил Новоборисовский посад, проектировал каналы, разбивал парки, дороги. Однако прославило его еще и страстное увлечение коллекционированием. Иван Хрисанфович увлекался историей Отечественной войны 1812 г. Коллекция И.Х. Колодеева включала, «не считая значительной коллекции гравюр, планов, карт, чертежей и рисунков, одних книг на русском и иностранных языках – более 7000 названий, составляющих в общей сложности около 11 000 томов» [3, 11].

Иван Хрисанфович никогда не закрывал двери своего поместья перед исследователями и интересующимися, принимал гостей охотно и с удовольствием показывал свою коллекцию. Вероятно, гостями его усадьбы часто были иркутские драгуны, поскольку есть исторические свидетельства, что Иван Хрисанфович пытался наладить хорошие отношения с прибывшими. Драгунов он приветствовал широко, «гостеприимно и радушно предлагая хлеб-соль», всех офицеров через некоторое время по прибытии пригласили на большой обед с целью знакомства с местным сообществом [1, с. 308].

Казармы, в которых должны были поселиться «иркутцы» и «архангелогородцы», И.Х. Колодеев начал строить за несколько лет до прибытия драгун – в феврале 1892 г., и предназначались они для 162-го Ахалцыхского пехотного полка.

Историограф полка Е. Альбовский отмечал, что увиденное в первые дни приезда солдат и офицеров не обрадовало. Пришлось испытывать тесноту, неустроенность, сопровождаемые осенней распутицей. Два кавалерийских полка, естественно, не могли даже

с нужным комфортом поместиться там, где раньше находился только один пехотный полк. Кроме того, приостановка строительства домов для офицеров привела к тому, что, несмотря на то что стройка была возрождена, полностью дома к осени 1895 г. отстроить не успели. Городок Борисов произвел на господ офицеров гнетущее впечатление: «На улице грязь по колено и никого, кроме юрких, всюду сновавших евреев, которые, по-видимому, все торгуют здесь поголовно, – писал Евгений Альбовский. – При незначительном населении (около 15 000) всякого поражает обилие лавочонок. Невольно задаешься вопросом, зачем их здесь столько и кто в них покупает. Борисов, перенесший в свое время столько военных погромов и так часто уничтожаемый пожарами, неизменно в течение двух веков сохранял свой жалкий вид».

Поезда с драгунами прибывали обыкновенно на станцию «Борисов» к 7 вечера, к 10 заканчивалась выгрузка, в полной темноте офицеры и солдаты отправлялись в конюшни, где зачастую не хватало даже колец, чтобы привязать лошадь. Их ждала пустая, сырья, еле освещенная казарма с голыми досками. Для офицеров не предусмотрели даже гостиные. Солдаты ложились спать на доски, а офицеры возвращались в вагоны, и первую ночь проводили там. «Скверное чувство неопределенности искупалось только необыкновенной приветливостью начальства, встречавшего свои эскадроны. Но, во всяком случае, первое время было тяжело на сердце у каждого», – писал Е. Альбовский. Офицеры облюбовали местный вокзал, где «за обедом и стаканом вина» заводили знакомства. Особенно невесело было семейным, поскольку нужно было пристраивать жен и детей. «Но все были грустны и недовольны. Лишь только один потер от восторга руки – буфетчик» [1, с. 309].

Чтобы не тормозить дело формирования, а главным образом чтобы не ставить людей в неопределенное положение, следовало бы образовать штаб полка и нестроевую команду за некоторое время еще до прибытия эскадронов. Если пехотные полки прислали на время портных, то они же могли бы прислать и других мастеровых, которые к сбору полка построили бы нужнейшее и приспособили бы помещение.

Следовало бы, чтобы такое важное и необходимое лицо, как заведующий хозяйством, далее казначей и адъютант (тем более что

они переведены были по выбору командира полка) прибыли бы раньше эскадронов, а не позже, как случилось на деле. Командир полка, приехавший за много времени на место до прибытия эскадронов, не имея помощников и рабочих, ничего, конечно, поделать, не мог. И был в первое время поэтому полный хаос, дурно отзывающийся на всем. Люди, как бы арестованные в наказание, долго ваялись на голых досках, пока шились им тюфяки. По вечерам они сидели в темных казармах – ламп не было. Не было околодка, где бы можно было подать помочь больным и куда положить их. Не было скамеек, на чем сесть, кружки, чтобы напиться воды, миски, чтобы пообедать; словом, ничего – за что ни возьмись. В Борисове ничего нельзя было достать, все нужное приходилось выписывать из Москвы и других городов, а время шло да шло. Летом все это было бы еще ничего, но стояла дождливая осень и надвигались холода.

В РГВИА были найдены документы, рассказывающие о том, как был расквартирован в Борисове полк. Второе дело в фонде Иркутского драгунского полка носит название «О расквартировании 50-го Драгунского Иркутского полка (описание, чертежи штабных зданий и казарменных расположений, план пос. Ново-Борисова и г. Борисова)». Документ сухо констатирует: Полк расквартирован на расстоянии 1 версты от железнодорожной станции Борисов, казарменные помещения расположены на возвышенной местности близ правого берега р. Березины. Почва песчаная с примесью глины, почвенные воды около 9 саж ... по имеющимся колодцам. Вода хорошего качества. В окрестностях казармы большие сосновые леса. Климат умеренный. Казарменные помещения, принадлежащие частным владельцам домов, состоят из 3 каменных зданий, двухэтажных крытых и отапливаемых печами. Расположение казармы в виде буквы Г. В каждом их этаже – по 27 комнат, 56 окон, 33 печей. В этих зданиях размещено 6 эскадронов. По 3 в каждом здании. Третье здание, в котором помещается бригадный штаб, комната для писарей, карцер, караульные помещения, околосоток, саперная школа, кухня, хлебопечка, столовая. Карцер состоит из 4 светлых и 4 темных небольших комнат и отапливается голландской печью. Вентилируется помещение сквозными отдушниками. Двор казарменный не мощеный. Отхожие места, мусорные и помойные ямы устроены

на заднем дворе и находятся на расстоянии 11 саженей от колодца, снабжающего полк водой. Вода хорошего качества» [9].

В делах полка имеется подробный план размещения бригады в «Колодеевских казармах» и план города Борисова и посада Ново-Борисова, составленный 25 апреля 1903 г. старшим врачом 50-го Иркутского драгунского полка колледжским советником Тюриковым.

После того как размещение было завершено, пришло время для новой формы. «Иркутцы», как писал Е. Альбовский, получили форму «общего армейского покроя», отличие составлял цвет мундира и фуражки – они были коричневыми «при желтом докладе и серебряном приборе» [1, с. 310]. Вскоре открылось офицерское собрание, где начала создаваться новая полковая семья. «Все ее члены шли туда, привлекаемые задушевной простотою, любезностью охотно делившего с ними досуги командира на службе, старшего товарища вне ее. В мирных долгих беседах все узнавали друг друга. И здесь-то незаметно клялся прочный фундамент, зарождался здоровый дух, без которого, как без цемента, немыслима никакая воинская часть», – писал Е. Альбовский.

За несколько лет пребывания в Борисове «иркутцы» могли наблюдать, как менялся город – росли улицы, появились почта, телефон, сформировался посад Новоборисов. Летом 1897 г. Иркутский драгунский полк в составе 1-й отдельной кавалерийской бригады участвовал в больших маневрах под Белостоком «в Высочайшем присутствии» и на смотре заслужил царское «спасибо».

Отдельная страница из жизни полка и всей 1-й отдельной бригады связана с именем П.К. Ренненкампфа, знаменитой «желтой опасности», как его называли подчиненные за пристрастие к форме забайкальских казаков с желтым приборным цветом. После «китайского похода», проведенного во главе сводного отряда, в основном состоящего из забайкальских казаков, Павел Карлович получил под свою команду регулярную часть – с июля 1901 по январь 1904 г. он командовал Отдельной кавалерийской бригадой, размещенной в Ново-Борисове. О стиле его командования подробно пишет в своих воспоминаниях начальник штаба бригады Генерального штаба капитан В. Дрейер: «На всякого, кто его видел в первый раз, он производил потрясающее впечатление. Выше среднего роста,

атлетического сложения, с грудью циркового борца, громадными подусниками, большими серыми глазами, звучным голосом, перекрывавшим на учении звуки труб и конский топот, с двумя Георгиевскими крестами, только что полученными за Китайский поход, Павел Карлович являл собой совершенно законченный тип прирожденного военного. Отлично образованный, порою остроумный, необыкновенно жизнерадостный и почти всегда веселый, он поражал своей простотой с подчиненными, особенно с молодыми офицерами. За свою долгую службу я не знал ни одного человека, который бы так любил свое военное дело. Чрезвычайно требовательный на службе, а это особенно чувствовалось старшими начальниками, Ренненкампф являлся непревзойденным учителем солдат и офицеров. Но, как у всякого, у него были, конечно, свои недостатки. Например, он не отличался справедливостью и беспристрастностью, выискивал всякие способы, чтобы вконец извести своего подчиненного, который ему почему-то не нравился. Любимчиков, часто мало способных, он наоборот, выдвигал.

...Ежедневно с утра Ренненкампф выезжал на учение полков. Как вихрь носился он по громадному плацу, отдавая приказания, делая замечания и под конец переходя на немые учения – маневрирование по сигналу трубача. С учения, в сопровождении дочери от второго брака, которая ждала отца на опушке леса вблизи плаца, Ренненкампф карьером мчался домой, рубя по дороге шашкой молодые сосны. Рубка, а на ней были помешаны все, была его излюбленным занятием после учения. По вечерам, примерно раз в неделю, в полковых собраниях играла музыка, молодежь танцевала, а Ренненкампф, приведя свою жену (это была третья), засаживался за игру в карты.

По окончании полковых и бригадных учений начинались малые маневры для подготовки к большим в районе Минска. Полки оставались в поле почти целый день, а к вечеру наш небольшой штаб – три офицера и сам Ренненкампф – занимал в ближайшей деревне «халупы», где располагались на ночлег. Для дневки обыкновенно выбиралось местечко или уездный городок, где отдых проходил довольно интересно. Хорошо победав, выпив по 2–3 рюмки водки и съев каждый с полсотни раков, а Ренненкампф мог съесть и полторы, мы выходили на прогулку.

Появление кавалерии в еврейском местечке или городке производило необычайную сенсацию. Барышни облекались в свои праздничные платья и к вечеру выходили гулять по кругу в местном сквере или городском саду. Мы тоже прихорашивались и Ренненкампф, колонно-вожатый, весело произносил: «Идем смотреть выводку кобылиц». Девицы сперва конфузились, затем делались более смелыми и на громкие комплименты генерала хихикали и дарили его своими улыбками. Расставив ноги, выпятив богатырскую грудь, Ренненкампф, не стесняясь, делал комплименты: «Посмотрите, какая красавица! Ну, а вот эта – настоящий ганноверский гунтер Пальмгрена». Поручик Пальмгрен, офицер с большими средствами, ездил на великолепной кобыле-гунтере, бравшей высоченные препятствия… В конце августа начинались большие маневры, продолжавшиеся около недели, где Ренненкампф со своей бригадой конницы проявил все качества превосходного кавалерийского начальника» [2, с. 29–31].

Полк по своему составу фактически не отличался от остальных армейских кавалерийских полков РИА. Отчет о состоянии 1-й кавалерийской бригады позволит нам нарисовать общий портрет полка. В полку числилось 39 офицеров, за год на службу прибыло семь офицеров (три из них после окончания кавалерийских училищ, два произведены из подпрапорщиков, один призван из запаса, один пришел переводом из другой части). Убыло за этот же год девять офицеров (три из них ушли со службы в запас, пять были переведены в другую часть, а один навсегда покинул сей мир).

По вероисповеданию большинство офицеров были православными – 34 человека, имелось и трое католиков (в т.ч. один из них был командиром эскадрона). Все офицеры полка имели военное образование, половина из них закончила кадетский корпус и военные училища – 19, а другая половина юнкерские училища – 18. По семейному положению большинство офицеров были не обременены узами брака, только 11 из 37 имели жен, и только шесть из них имели детей. На строевом смотре парадные мундиры офицеров «иркутцев» не блестали множеством наград, ибо только трое из них имели российские ордена.

Нижних чинов в полку должно было числиться 1087, на лицо имелось 1051. За год полк принял 295 новых воинов и отправил

в запас 241, уволено со службы по болезни было 13 и 23 получили длительный отпуск по болезни. Полк комплектовался жителями западных губерний европейской России, что отражалось на его этническом составе. Подавляющее большинство драгун было русскими по происхождению – 991 человек из 1051 (но стоит вспомнить, что тогда под словом «русские» понимали не только великороссов, но и «мало- и белороссов»). Имелись в строю полка 82 татарина, 30 евреев и поляки. По вероисповеданию львиную долю давали православные – 853 человека, но в рядах полка имелось 147 католиков, 30 «лиц иудейского вероисповедания», 50 приверженцев ислама, 23 старообрядца («раскольника» по документам) и один лютеранин. Большинство воинов полка были неграмотны, знали чтение и письмо только 429 человек, а не умели «не читать, не писать» – 505. Полк был и своеобразной школой – за год выучились грамоте в полку 20 человек. Подавляющее большинство иркутских драгунов были холостяками, только 14, в большинстве своем сверхсрочники, имели жену и детей. Девять драгун носили на своих мундирах медали «За усердие» и «За спасение погибавших». У большинства служба шла спокойно и успешно, но вот 19 драгун числились в «штрафном разряде».

За что же наказывали бойцов – чаще всего за пьянство и буйства. Так, в приказе по полку № 283 от 10 октября 1906 г. мы находим, что «вследствии ходатайства командующего 5-го эскадрона взводный унтер-офицер Федор Поляков за пьянство и нерадение в службе смещается с должности взводного унтер-офицера», и документы о предании суду рядового Кулика за самовольную отлучку, где он напился, пьяным был замечен на улице пор. Чирковым, вызывающе вел себя и обругал взводного унтер-офицера, отказавшись идти под арест [8, л. 32–47; 10, л. 10].

Ну и какой же кавалерийский полк без лошадей? В полку на 1 января 1902 г. в наличии имелось 38 офицерских казенных и 843 лошадей для нижних чинов. Особой статьей были клички лошадей, попробуй придумать имена почти тысячам красавцев и красавиц. Вот тут уж фантазия разворачивалась – в одном строю стояли Плюгавый и Румянец, Одесская и Промывка, Тарантас соседствовал с Обворожителем, Плевна с Родителем. Обносок стоял в одном строю с Одурелой, а Пуля с Рельефом и Спором.

«Лошадей для армии покупали по всей России, но многие из наших вороных лошадей прибыли с Дона, где чистокровный породистый жеребец, если я не ошибаюсь, стоил всего 3 рубля. Армия покупала все их потомство, четырехлеток, за 400 рублей, что, естественно, было выгодно местным заводчикам. Этих лошадей направляли в один из так называемых резервных полков, которые были не чем иным, как тренировочным лагерем, который поставлял обученных лошадей в разные полки. В этом лагере лошадь проходила годичный курс обучения. Лучшие лошади предлагались офицерам за 450 рублей... У офицера должно было быть как минимум две лошади. Всем лошадям, закупленным армией в течение одного года, давали клички, начинавшиеся с одной и той же буквы. Буквы следовали в алфавитном порядке, поэтому, зная кличку лошади, можно было определить год ее приобретения. Лошади служили восемь лет, а затем продавались с аукциона» [6].

Особо внимательно следили за здоровьем лошадей. Почти в каждом строевом приказе фиксируется отдельной строкой количество больных лошадей. Так, в приказе по полку от 3 октября 1906 г. констатировалось: «Больных лошадей – 32 (из них слепых на один глаз – 3, ревматизмом болеют – 3, слабосильных – 4, воспаление легких у 3 лошадей, а плеврит у одной). Больные лошади выводились из строевого состава и передавались в другие части или продавались местному населению – «выранжированы лошади на 1275 руб., и переданы 163-му пехотному полку (за ними за 2 лошади долг), и Борисовскому исправнику (из приказа по полку). Солдат относился к своей лошади, не как к средству передвижения, а как к другу и члену семьи – «Помимо обычной дневной порции: 9 фунтов зерна и 9 фунтов сена, лошади получали оставшийся у солдат хлеб. Молодые солдаты, не привыкшие у себя дома к ежедневной порции мяса, поначалу ели меньше хлеба, чтобы покормить своих лошадей» [6].

Полки бригады обустраивались в Новоборисове всерьез и надолго. Большое их недовольство вызывали инфекционные заболевания воинов полков. Так, по мнению командира 49-го драгунского полка – «Очагом этой заразы (сыпного тифа) является стекольный завод Краевского и К, находящийся в соседстве с расположением

Полка» и для предотвращения заболеваний предлагалось переместить данный завод в другое место, подальше от расположения полка.

Командир 50-го Иркутского драгунского полка был недоволен отсутствием бани в Новоборисове для офицеров – «желательно иметь отдельную баню для офицеров, т.к. в г. Борисове таковой не имеется. В большинстве офицеры для этой цели ездят в г. Минск, что сопряжено с большими расходами».

В 1901 г. был открыт бригадный сводный лазарет на 66 коек, а для менее опасных больных в каждом полку имелся околоток на 12 мест. И они не пустовали – бичем здешних мест были инфекционные заболевания. Так, 3 октября 1906 г. в лазарете лежали 12 человек больных конъюнктивитом и три человека больных с трахомой. В случае необходимости драгуна отправляли на долечивание и восстановление в длительный отпуск домой [8, л. 93]. «Рядовые солдаты не имели отпусков, им даже не просто было получить увольнительные, чтобы сходить в город. По крайней мере, в первые месяцы службы, пока новобранцы не приобретали необходимый внешний вид и манеры, им не позволялось покидать казармы. Только в особых случаях им разрешалось на несколько дней съездить домой; как правило, причиной служила болезнь или смерть какого-то из близких родственников» [6]. Так, в начале сентября в отпуск на 15 дней поехал драгун Е. Козлов и на 25 суток рядовые И. Францев и А. Слепнев.

Особое внимание уделялось питанию солдат, и первое место, куда всегда отправлялись проверяющие, была солдатская столовая – «кроме 2 и 3/4 фунтов черного хлеба каждый солдат ежедневно получал 1/4 фунта мяса, чай и сахар. На завтрак был чай с хлебом, в обед щи из квашеной капусты с мясом, на ужин гречневая каша. У каждого солдата была своя тарелка и миска. Многим солдатам это было в диковинку. В русских деревнях вся семья, сидя вокруг стола, обычно ела из одной большой деревянной миски. Мясо, порезанное на маленькие кусочки и брошенное в суп, удавалось поесть разве что раз в неделю. Следуя привычкам, солдаты собирались группами по трое-четверо,сливали свои порции в одну большую миску и дружно хлебали из нее...» [6].

Но главной задачей, конечно, была боевая подготовка полка. Занятия проводились каждый день, исключения делались только

по воскресеньям и праздничным дням. «Завтра по случаю празднования Рождества Пресвятой Богородицы в полку занятий и работ не производить. Нижних чинов православного вероисповедания от править в бригадную церковь командами при унтер-офицерах» (из приказа № 350 от 7 сентября 1906 г.).

Все шло по заведенному плану – эскадроны попеременно выходили в караулы, проводили строевые смотры и выездку, стреляли. Офицеры получали новые звания. Так высочайшим приказом от 1 сентября 1906 г. поручики Пальгрен, Косович, Титов и Бородаевский производились в штаб-ротмистры, а корнеты Буренстам, Комоцкий, Ломакин и Шантырь – в поручики. Кто-то, как историограф полка Альбовский, уходил в отставку, кто-то уезжал в отпуск. Полк функционировал как хорошо отлаженный механизм.

Отдельно и более серьезно готовились разведчики полка, так в полевом сезоне 1901 г. всего проведено 46 занятий (в т.ч. два ночных) по темам «уничтожение и порча железнодорожного пути, порча телеграфа». Разведчики совершали как малые полевые выходы – 43 версты (Новоборисов – д. Горелый Лог), так и средние – 150 верст (Новоборисов – Смолевичи – Минск – Новоборисов) и длинные полевые выходы – 248 верст (Новоборисов – Витебск – Новоборисов), пройдя шесть переходов при однодневке через Минскую, Могилевскую и Витебскую губернии [8, л. 52].

Полк активно привлекался к подавлению крестьянских бунтов в Прибалтике. Так, в послужном списке автора истории полка, ротмистра Евгения Александровича Альбовского, в разделе командировок указано об отправке «В город Митаву Курляндской губернии с эскадроном для содействия гражданским властям (июнь 1905 – февраль 1906)». Обычно для выполнения этих задач выделялся разъезд драгун. Так, в приказе по полку № 283 от 10 октября 1906 г. сообщалось: «Прибывших из местечка Прекульне Курляндской губернии рядовых 5-го эскадрона в числе пяти человек, находившихся в командировке для содействия гражданским властям, полагать на лицо». Сам историограф полка оставил об этой командировке подробные воспоминания [7].

После обнародования Манифеста 17 октября 1905 г. Прибалтика просто «загорелась». По словам историков, «впечатление от таких массовых разгромов и поджогов было ошеломляющее. Достояние

многих дворянских поколений, накопленное веками, богатые древние здания замков, хозяйствственные усовершенствования, дорогие библиотеки и картинные галереи, всякие коллекции оружия и изящных искусств – все это грабилось и обращалось в дым».

Для подавления мятежей правительство было вынуждено перебросить войска из соседних регионов. Попал в этот список и Иркутский драгунский полк, отправивший в Прибалтику сводный отряд. В Гольдингене хозяинчиали с декабря революционеры, был убит городской голова и стреляли в полицейского пристава. Для вывоза денег и документов из гольдингенского казначейства был командирован из Газенпotta отряд из двух эскадронов 50-го драгунского Иркутского полка под начальством ротмистра Альбовского. Между тем с целью овладеть казенными деньгами собралась и засела в лесу близ Газенпotta шайка в 500 вооруженных батраков, которые разграбили станцию «Мариенгоф» и стали портить железнодорожный путь от Газенпotta в Либаву. Ротмистр Альбовский, двинувшись с эскадроном и двумя ротами, выбил шайку из лесу и рассеял ее: латышей убито 40, в отряде же убит один драгун и шесть ранено дробью [5].

После прекращения активных боевых действий сводный отряд был возвращен на место дислокации в Борисов.

Недолго дислоцировался полк в Борисове, но офицеры полка оставили свой след в городской истории, именно по их инициативе и на собранные ими деньги был установлен памятник в честь битвы на Березине в 1812 г. Автором монумента стал корнет полка Н.В. Зарецкий. Жизненный путь Николая Васильевича был тернист и извилист. Родился Н. Зарецкий 9 мая 1876 г. в Липецке Тамбовской губернии, образование получил в Тверском кавалерийском училище, откуда выпущен на действительную службу в 50-й Иркутский драгунский полк. На военной службе он увлеченно изучал историю Отечественной войны 1812 г. и занимался живописью и ежегодно участвовал в выставках «Нового общества художников». В 1901 г. местный помещик, коллекционер предметов эпохи 1812 г. И.Х. Колодеев заказывает корнету Зарецкому проект памятника в честь переправы французской армии через реку Березину в 1812 г. 14 ноября 1901 г. состоялось торжественное открытие и освящение памятника (остатки которого сохранились до

1962 г., а впоследствии по инициативе борисовских краеведов памятник был заново отстроен).

Перед Первой мировой войной бригада была передислоцирована в Ригу, где находилась до начала войны.

Источники и литература

1. Альбовский Е.А. История Иркутского полка (50-й Драгунский Иркутский полк). – Минск, 1902.
2. Дрейер В. Генерал П.К. Рennenкамп // Военная быль. – 1965. – № 74.
3. Иван Хрисанфович Колодеев: пропавшая коллекция. Электронный ресурс: <http://gpib.livejournal.com/22077.html>.
4. Карпова И.А. К истории земельных владений И.Х. Колодеева. Электронный ресурс: <http://www.borlib.by/kolodeevskie-chteniya/kolod-chteniya-3>.
5. Красный архив. – 1925 г. – № 4–5.
6. Литтмайэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911–1920. Электронный ресурс: <http://7lafa.com/book.php?id=123096&page>.
7. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 400. Оп. 17. Д. 14669.
8. РГВИА. Ф. 3535. Оп. 1. Д. 1.
9. РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 2.
10. РГВИА. Ф. 3607. Оп. 1. Д. 3.
11. Тиханович Л.Л. Хрисанф Иванович Колодеев: русский генерал, исследователь-ботаник, землевладелец Борисовского уезда. Электронный ресурс: <http://www.borlib.by/kolodeevskie-chteniya/kolod-chteniya-3>.

A.V. Anufriev

“IRKUTSK RESIDENTS” – THE SECOND BIRTH: ON THE HISTORY OF THE REVIVAL OF THE IRKUTSK DRAGOON REGIMENT

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of the Irkutsk Dragoon Regiment. Based on memoirs and archival sources, the author tells about the period of the regiment's stay in Borisov in the late XIX – early XX centuries.

Keywords: combat training, Borisov, dragoon, Irkutsk, history, regiment, P.K. Rennenkampf.

УДК 94(438)

С.Н. Васильцова,
Т.Н. Жуковская

РОССИЙСКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА 1830–1831 гг. ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ: ОСНОВНЫЕ КОНФЛИКТЫ ПАМЯТИ

Аннотация. В статье рассматривается восприятие современниками ноябрьского восстания 1830 г. и последовавшей за этим русско-польской войны 1830–1831 гг. На основе мемуарных источников, оставленных как русскими, так и польскими очевидцами событий, проводится анализ конфликтных точек национальной памяти двух народов об этих событиях. Среди мемуаристов – представители военной элиты, светского общества, литераторы, деятели польской эмиграции. Делается вывод о том, что война 1830–1831 гг. наложила неизгладимый отпечаток на восприятие народами друг друга, а также на последующую историю их взаимоотношений.

Ключевые слова: ноябрьское восстание 1830 г., русско-польская война 1830–1831 гг., историческая память, мемуаристика.

Начиная с XVI в. история Российского государства и история Речи Посполитой тесно переплелись между собой, что не раз выливалось в затяжные конфликты. Наиболее тяжелый осадок в памяти обоих народов оставили те столкновения, когда одна из сторон угрожала государственности другой. Так было во времена Смуты в Московском государстве, разделов Речи Посполитой 1772 и, особенно, 1793–1795 гг., или Отечественной войны 1812 г., когда в составе наполеоновских войск в Россию вступили многотысячные польские легионы. Ноябрьское восстание 1830 г., вспыхнувшее неожиданно для российского общества, «детронизация» Николая I революционным польским Сеймом и последовавшая за этим русско-польская война не только воскресили в памяти старые обиды, но и породили у русских и поляков новые основания для рефлексии о совместном прошлом. При этом те и другие оценивали происходящее через опыт так называемого «мирного пятнадцатилетия» (1815–1830 гг.), существования конституционного Царства Польского в составе империи, когда оба народа оказались объединены под скипетром российского императора и тесно взаимодействовали между собой.

Платформой для дискуссий о недавней войне стали периодическая печать и многочисленные произведения польской и русской литературы, ставшие предметом научного анализа. Как писал историк литературы В.А. Хорев, «из всех феноменов культуры именно литературе – в силу эмоционального воздействия ее языка – выпадает преобладающая роль в закреплении тех или иных форм общественного сознания и психологии» [9, с. 101]. Понять, насколько прочно образ русско-польской войны был закреплен в национальном сознании двух народов и как видоизменялся с течением времени, можно на основании источников личного происхождения, в частности мемуаров, к которым мы и обратимся. Корпус этих источников впечатляет по своему объему: о русско-польской войне 1830–1831 гг. писали представители практически всех слоев общества: военачальники и младшие офицеры, т.е. лица, непосредственно принимавшие участие в военной кампании. Оставили свои свидетельства об этом конфликте и гражданские лица: чиновники, дамы высшего света, литераторы, находившиеся вдали от эпицентра военного конфликта. Далеко не все имеющиеся источники, по крайней мере, с российской стороны опубликованы. Среди русских мемуаристов – несколько высших государственных сановников, приближенных к Николаю I (К.А. Бенкendorф, М.А. Корф). Особого внимания заслуживают немногочисленные, но крайне содержательные женские воспоминания, оставленные дочерью министра внутренних дел А.Д. Блудовой, княгиней Н.И. Голицыной, Наталией Кицкой – польской патриоткой, женой генерала Людвика Кицкого, героя битвы под Гроховым. Женщины, далекие от фронта, не менее болезненно переживают эту войну, чем комбатанты, беспокоятся за близких и за судьбу родины.

Примечателен тот факт, что как русские, так и польские мемуаристы отсчитывают начало конфликта не с 29 ноября 1830 г. (Варшавского восстания), а с рубежа 1825–1826 гг. В это время начала работать следственная комиссия по выявлению участников патриотических организаций в Царстве Польском, связанных с декабристами. По словам генерал-майора К.П. Колзакова, результаты ее работы раскрыли истинное содержание отношений между двумя народами, заставили «затрепетать и прийти в ужас» русскую колонию в Варшаве: «Недоверчивость и тайная злоба стали вкрадываться

в русском обществе против поляков; это был первый, явный повод к разрыву двух племен, начинавших было сближаться...» [6, с. 443]. Аналогичное замечание встречается и у польского мемуариста генерал-инженера К.И. Колачковского, который в связи с активизировавшейся деятельностью тайных польских организаций писал, что Варшава в годы, предшествовавшие восстанию, находилась «как бы на вулкане» [5, с. 555]. С другой стороны, в эти годы была ограничена гласность сеймовых заседаний, введена цензура. Это, по мнению героя Отечественной войны генерал-лейтенанта Д.В. Давыдова, лишило поляков возможности пропагандировать идеи сопротивления в народе и глубоко оскорбило их, зародив скрытую неприязнь в отношении российского правительства [3, с. 10]. Ретроспективно оценивая настроения поляков накануне восстания, мемуаристы акцентируют внимание на мотивах скрытой обиды и взаимного недоверия: радикально настроенные поляки были уверены, что русская администрация в скором времени сведет на нет действие Конституции 1815 г. и превратит Царство Польское в одну из многочисленных российских губерний; русские же думали, что все это время поляки вынашивали план будущей революции, прикрывшись «маской доброжелательности».

Если обратиться к описанию непосредственно самой русско-польской войны представителями противоборствующих сторон, то можно заметить больше единодушия среди русских, нежели польских современников. Так, подавляющее большинство русских наблюдателей именует поляков народом, склонным к анархии и потому неспособным управлять своим в прошлом независимым государством, а также конструктивно построить работу Сейма. По мнению Д.В. Давыдова, только «единодержавный дух» Российского государства мог усмирить «непостоянство поляков» и «направить их частные усилия к одной общей цели» [3, с. 31]. Эту точку зрения не могли разделить польские патриоты, к числу которых принадлежала Наталия Кицкая. В своих воспоминаниях она не раз возвращается к благородному и мученическому образу Польши, терпящей притеснения от «московского ига»: «...Несчастные поляки, которых угнетали, бросали в тюрьмы, гнали в Сибирь, били палками, заковывали в цепи и т.д. и которые боролись за свое освобождение», – это настоящие герои, вызывающие гордость у мемуаристки [4,

с. 175–176]. Столь яркий образ отсылает к концепту «польского мессианства» и свободолюбия, приписываемых характеру польского народа, который был развернут после восстания в публицистике и литературе польской эмиграции 1830–1840-х гг. Примечательно, что в мемуарах польских очевидцев восстания он встречается не так часто [2, с. 38].

Многие русские современники пытались понять причины Варшавского восстания, но, в отличие от поляков, считали их недостаточными для того, чтобы поднимать оружие против России, тем более что именно последняя, в их представлении, обеспечила процветание польского края после наполеоновских войн. Например, начальник Главного штаба и командующий российскими войсками в польской кампании И.И. Дибич в беседе с польским офицером Ф.И. Вылежинским говорил: «Вы получили конституцию. Правда, она не всегда строго соблюдалась, но это не была вина царствующего Императора <...> Во всяком случае это не может служить оправданием революции, ибо, несмотря на все это, в Польше все-таки было больше хорошего, чем дурного» [2, с. 28–29]. Подобное представление разделяли многие русские, убежденные, что окруженные царскими милостями поляки не посмеют поднять оружие против своих благодетелей. Крушение подобных надежд и породило устоявшееся представление о польской «неблагодарности», а поляках как «изменниках», «мятежниках», развернутое в русской публицистике того времени.

Более того, русские современники воспринимали выступление поляков как направленное непосредственно против императора Николая I, а поскольку в их представлении он олицетворял собой весь русский народ, то через него оскорблению наносилось и всей России. Русские мемуаристы оперируют концептом «польской измены» общеславянскому единству и Российскому государству, частью которого они представляли Царство Польское 1815–1830 гг. Наглядно выразила эти чувства А.Д. Блудова: «Само собой разумелось, что без Царя ничего и немыслимо, что Царь и Россия это одно и то же и что Он олицетворяет в себе Отечество и народ. <...> Это была обида общая всех и каждого, и долгие столетия кровавой борьбы смутно, но неотразимо овладели душой всякого Русского, и бессознательные Минины и Хмельницкие шли в рядах рекрутов,

вызванных на войну с Ляхами» [1, с. 2070–2071]. Но если для русских мемуаристов Николай I представлял как добрый государь, авторитет которого в тот момент усилился решительными мерами по борьбе с холерой и личным усмирением холерного бунта в столице, то для наиболее радикальных поляков он стал воплощением негативных качеств: отступления от конституционных свобод, жестокости. Так, Н. Кицкая была убеждена, что на выступление поляков Николай I может ответить только «палаческой расправой» и что сама природа царизма «немедленно требует жертву, мучения которой тешили бы его оскорбленное самомнение» [4, с. 191]. Близкие к ней по убеждениям поляки видели в императоре не своего благодетеля и проводника Божьей воли, а обычного человека, порой мстительного и жестокого, власть которого должна ограничиваться законом. Поэтому, если для русских мемуаристов несомненным достоинством представляется преданность монархической особе и, соответственно, олицетворенной в ней родине, то в понимании Кицкой высочайшей похвалы заслуживают преданность польскому народу, самопожертвование, стойкость в борьбе за национальную независимость.

Не меньше волновала мемуаристов роль польского народа в рассматриваемом конфликте. Русские современники, особенно офицеры, непосредственно участвовавшие в кампании, были убеждены, что восстание было подготовлено оторванной от народа польской аристократией, а простые крестьяне выступление вовсе не поддержали и были насилием вовлекаемы в организацию ополчений. Так, граф К.Ф. Толь отмечал, что, несмотря на реквизиции продовольствия, производимые русской армией, местные жители с неохотой сражались против нее и что восстание, вопреки всем стараниям его руководителей, не приобрело «национального» характера [8, с. 15].

Настроения жителей в осажденной Варшаве изображались искаженно, действовал эффект «расчеловечивания» врага, что особенно заметно в оценках Д.В. Давыдова. Поэт-партизан писал, что в городе бушевали «сатурналии и неистовства всякого рода», «вооруженное шляхетство и бездомная сволочь рыскали по городу, <...> словом, наглость и самонадеянность, столь свойственная полякам в минуты успеха, проявилась здесь в полном блеске» [3, с. 17].

Польские авторы оценивали собственный народ, его настроения и действия в критической ситуации иначе. В частности, лидер

польской эмиграции Мауриций Мохнацкий отмечал двойственную природу польского народа: с одной стороны, это самый простой, бесхитростный люд, который не преследует никаких корыстных целей и в едином порыве поднимается против притеснителей в критические минуты истории, но с другой – ему противостоит категория дельцов из купцов, банкиров, фабрикантов и преуспевающих чиновников в русской администрации, которые только и заботятся что о личном благополучии и ожидают от царского правительства наград за свою лояльность – другими словами, это те лица, которые «рискуют потерять много» [7, с. 559]. Именно первой категории людей Мохнацкий воздает уважение, а ко второй относит всех руководителей восстания на его начальном этапе и вменяет им в вину постигшие поляков неудачи. Повторяющиеся описания героизма польских крестьян, сражающихся против русской армии, встречаются и на страницах воспоминаний Наталии Кицкой. Пользуясь известиями, полученными от мужа-генерала и романтизируя польский народ, мемуаристка пишет: «Местные жители из деревень и лесов, в которых они прятались от москалей, толпами несли нам остатки запасов, не разграбленных неприятелем, и все это даром. Как только нас увидят, плачут от радости. Когда мы уезжаем, отчаянно рыдают, целуют нам ноги...» [4, с. 251]. Любопытно, что, используя местное имя «мы», мемуаристка представляет польскую армию и польский народ единым целым, а себя – частью этого целого.

Военные мемуаристы, участвовавшие в боевых действиях, уделяли большое внимание технической стороне кампании: оценивали тактику, анализировали ход сражений и подготовленность сторон. В русских мемуарах нередко встречаются сопоставления настоящей кампании с недавней войной против Наполеона, ее победный исход служил для них основанием говорить о непобедимости русской армии вообще. Это объясняет тот факт, что военачальники создавали мемуары, преследуя цель оправдать собственные действия или действия какого-то другого лица или, наоборот, найти виновника всех несчастий в лице фельдмаршалов: одни приписывали все ошибки И.И. Дибичу, другие его преемнику И.Ф. Паскевичу. Похожая ситуация наблюдалась и в польском лагере, когда польские авторы искали конкретных виновных в неудаче общего дела: для М. Мохнацкого – это были члены Административного совета, для Н. Кицкой –

«диктатор» восстания Юзеф Хлопицкий, для Хржановского – Ян Скржинецкий и т.д.

При сравнении оценок хода военных действий противостояние фиксируется по линии «русские мемуаристы – польские патриоты», однако далеко не все поляки разделяли точку зрения последних. Среди поляков было немало лиц, лояльных русским властям, оставшихся в Российской службе, которые высказывали суждения, близкие русским мемуаристам. К их числу можно отнести, например, Ф.И. Вылежинского, К.И. Колачковского, А. Хржановского, прелата Буткевича и др. В целом их взгляд на польское восстание был пессимистичен: как и русские, они отдавали должное вкладу России в политическое и экономическое развитие Царства Польского, разделяли представление о непобедимости армии противника, ставили под сомнение национальный характер развернувшейся войны. Они не умалчивали об эксцессах с польской стороны, описывали сцены насилия с неконтролируемой толпой варшавян, которая запугивает руководителей восстания и в моменты страха расправляется с русскими пленными. Тем не менее, влекомые национальным чувством и чувством долга, они делали выбор и присоединялись к восставшим, даже если понимали, что те не имели шансов на победу. На страницах своих воспоминаний Колачковский восклицал: «Я прежде всего поляк! Коль скоро польский народ восстает, я не намерен отделять своей судьбы от судьбы народа. Если он хочет погибнуть, то и я погибну» [5, с. 563]. Подобного рода заявления не представляются анахронизмом, попыткой «задним числом» представить себя польским патриотом и тем самым оправдаться в глазах читателей. Скорее, наоборот, зная итог действий упомянутых польских авторов и то, что ноябрьское восстание не имело шансов на победу, можно говорить об искренности и смелости их заявлений.

Таким образом, ноябрьское восстание 1830 г. и последовавшая за ним военная кампания породили набор новых конфликтов и противоречий во взаимоотношениях русских и поляков и в их представлениях друг о друге. Новые жертвы с той и другой стороны воскресили в национальной памяти болезненные воспоминания о прежних исторических конфликтах. Представления польской и русской сторон о причинах и поводах восстания, его исторических шансах на успех и результатах разительно отличались друг от друга. При

этом среди русских современников наблюдался больший консенсус в оценке событий, варьировалась лишь степень сочувствия к противнику и понимания его положения. В то же время поляки четко разделялись на безусловных сторонников восстания и на лиц, воспринимавших его крайне скептически и зачастую вынужденных в силу тех или иных обстоятельств принимать сторону восставших. В целом, очевидно, что русско-польская война 1830–1831 гг. стала ярким и значимым «местом памяти» в истории обоих народов, как русского, так и польского. Ее последствия в виде ликвидации политической самостоятельности Царства Польского и ограничительных мер в сфере администрации, полиции, образования, идеологии и культуры отразили долговременную стратегию политической унификации, избранную Николаем I. После 1831 г. изменяется статус польской окраины в составе Российской империи, при этом как в Царстве Польском, так и в самой России, огромную привлекательность и влияние приобретает национальная идея.

Источники и литература

1. Блудова А.Д. Записки графини Антонины Дмитриевны Блудовой // Русский архив. – 1873. – Кн. 2. – № 11. – Стб. 2049–2138.
2. Вылесинский Ф.И. Император Николай и Польша в 1830 году. Материалы для истории Польского восстания 1830–1831 гг. – СПб., 1905.
3. Давыдов Д.В. Записки партизана Дениса Давыдова: воспоминания о польской войне 1831 года // Русская старина. – 1872. – Т. 6. – № 7. – С. 1–38.
4. Кицкая Н. Главы из «Воспоминаний» // Война женскими глазами: Русская и польская аристократки о польском восстании 1830–1831 годов. – М., 2005. – С. 166–286.
5. Колачковский К.И. Польша в 1814–1831 гг. // Русская старина. – 1902. – Т. 110. – № 6. – С. 553–574.
6. Колзаков К.П. Воспоминания. 1815–1831 // Русская старина. – 1873. – Т. 7. – № 4. – С. 423–455; № 5. – С. 587–612.
7. Мохнацкий М. Польское восстание в 1830–1831 гг. // Русская старина. – 1884. – Т. 43. – № 9. – С. 545–566.
8. Толь К.Ф. Краткий журнал пребывания моего в действующей армии в минувшую польскую войну со времени прибытия фельдмаршала графа Паскевича-Эриванского к оной до отъезда моего в С.-Петербург // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. – 1867. – Кн. 2. – С. 1–75.

9. Хорев В.А. Роль польского восстания 1830 г. в утверждении негативного образа Польши в русской литературе // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. – М., 2000. – С. 100–109.

S.N. Vasil'tsova,
T.N. Zhukovskaya

THE RUSSIAN-POLISH WAR OF 1830–1831 THROUGH THE EYES OF CONTEMPORARIES: THE MAIN CONFLICTS OF MEMORY

Abstract. The article is devoted to the perception of the November Uprising of 1830 and the subsequent Russian-Polish war of 1830–1831 by its contemporaries. The analysis of the conflict points of the national memory is carried out on the basis of memoirs left by eyewitnesses from Russians and Poles. Among the memoirists, there are representatives of the military elite, secular society, writers, figures of Polish emigration. It is concluded that the war of 1830–1831 left an indelible imprint on the perception of peoples of each other, as well as on the further history of their relationships.

Keywords: November uprising of 1830, Russian-Polish war of 1830–1831, historical memory, memoirs.

УДК 94(47)

Г.Ф. Горбашова

РУССКИЕ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ В АНГЛО-БУРСКОЙ ВОЙНЕ

Аннотация. В представленной статье рассматривается участие в англо-бурской войне русских сестер милосердия в составе Российского общества Красного Креста и Русско-голландского отряда в Трансваале. Исследуются особенности их «путешествия», мотивы участия в деятельности двух российских санитарных отрядов, их работа в созданных госпиталях Южной Африки на основе воспоминаний русских сестер милосердия. Это позволяет, во-первых, рассмотреть отношение русских сестер милосердия к англо-бурской войне, а также их отношение к бурам, во-вторых, показать сложности работы в созданных русскими в Южной Африке госпиталях.

Ключевые слова: Южная Африка, Трансвааль, англо-бурская война, сестры милосердия, Российское общество Красного Креста, Русско-голландский отряд.

Англо-бурская война 1899–1902 гг. занимала особое место в истории России. Российское правительство внимательно отслеживало ситуацию в Южной Африке, но при этом оно заявило о своем нейтралитете. Это заявление не означало, что Россия отстранилась от этого важнейшего конфликта – англо-бурской войны. В России усиливалось чувство давней неприязни к Великобритании, и страна еще помнила дипломатическое поражение после русско-турецкой войны, а англо-русское соперничество в Персии и Средней Азии делало отношения между странами открыто враждебными [8, с. 5]. Надо сказать, что российское правительство, заинтересованное в получении информации о характере военных действий в Трансваале из разных источников, с самого начала вооруженного конфликта направляло в качестве наблюдателей официальных и тайных военных агентов с целью сбора разведывательных данных для Генерального штаба. Но в то же время оно содействовало широкому развитию добровольческого движения на юге Африки, в котором принимали участие не только офицеры, но и гражданские лица: бедные горожане, выходцы из крестьян, купцы и аристократы, репортеры, юристы и учителя церковно-приходских школ. Сестры милосердия искренне и бескорыстно «желали послужить благому делу оказания помощи раненым и больным воинам в Южной Африке» [7]. Важно отметить, что в воспоминаниях русских сестер милосердия присутствует сюжет о восприятии войны русским обществом. Так, по словам С. Изъединовой, русское общество горячо откликнулось, проявило свое участие и симпатии в многочисленных пожертвованиях, но особый интерес, по ее мнению, вызвало создание русско-голландского санитарного отряда на общественные пожертвования.

В Южную Африку для оказания помощи бурам было отправлено два медицинских отряда: Российский отряд Красного Креста, под руководством врача Кускова (так называемый правительственный отряд. – Г.Г.) и Русско-Голландский отряд – добровольческий, под руководством пастора Гиллота. В основном в эти отряды зачислялись лица с медицинским образованием – врачи (ординатор 1-й Московской Градской больницы Н. Александровский, полевой хирург А. Садовский, доктор К. Реннекампф, услугами которого пользовался в период войны президент Трансваала П. Крюгер, и др.). В состав Российского отряда Красного Креста (далее РОКК)

были включены сестры милосердия: Любовь Михайловна Стравинская – незамужняя, православного вероисповедания, Амалия Фридриховна Тауц – незамужняя, мещанка г. Юрьева, исповедания лютеранского; Адель-Елисавета Каролина Аль – дочь купца, незамужняя, вероисповедания лютеранского; Ольга Александровна Бадумгартен – дворянка, незамужняя, вероисповедания лютеранского из общины Св. Георгия; сестры милосердия из Александровской общины в Санкт-Петербурге: Ольга Клавдиевна Тихомирова – дочь губернского секретаря, православного вероисповедания, Вера Николаевна Макарова – дочь коллежского асессора, православная, Татьяна Соловьевна – сестра милосердия, доброволица, дворянка, Н. Онкоева, Э. Зандина [1].

Надо сказать, что отбор в состав русско-голландского отряда производился гораздо строже, чем в РОКК. По воспоминаниям С. Изъединовой, «от русских требовалось знание немецкого языка», «желательность знакомства с голландским и английским» [4, с. 3]. В состав в основном брали российских немцев, преимущественно из Прибалтики. Обязательным условием для всех членов отряда было соблюдение нейтралитета по отношению к воюющим сторонам. Санитарный отряд должен был состоять только наполовину из русских, другую же половину его членов должны были набрать в Голландии во главе с доктором-голландцем для удобства отношений с правительством Трансваля. Этот медицинский отряд должен работал в Трансваале и Оранжевом Свободном государстве и оказывать значительную помощь местному населению. Из сестринского состава в русско-голландский санитарный отряд вошли старшая сестра Иозефина Ежевская из Крестовоздвиженской общины, С.В. Изъединова из Георгиевской общины, Амалин Якобсен, Иоганна Мейер из Александровской больницы, Гильда Мейсен из Евангелической больницы [2, с. 5].

Кстати, следует заметить, что С. Изъединова указывает на некоторые различия в форме сестер милосердия двух медицинских отрядов. Так, в отличие от сестер правительственного отряда, взятых из Георгиевской и Александровской Петербургских общин, с их коричневым костюмом, для сестер милосердия русско-голландского отряда была выдана серая из «обыкновенной серой холстины, головная косынка и фартук обычного образца русских общин».

При этом она отмечает с долей юмора наличие несколько странного на вид красного креста, нашитого на необычном месте – а именно на задней части косынки, болтающегося на затылке, «малого размера», который «совсем терялся, и при работе в поле приходилось рассчитывать, конечно, уже не на него, а на общий вид костюма», более того с иронией и сарказмом указывает и на причину введения такого знака отличия, «...чтобы англичане по нам не стреляли, когда мы станем удирать» [5].

Прошения об отправке в Трансвааль писали и люди, не имевшие медицинских знаний. Например, среди добровольцев, желавших попасть в состав РОКК, была «тайная Мария З», возможно была госпожа Попова – жена отставного офицера Генерального штаба Ольга Николаевна Попова, владелица известной библиотеки черкесов, издательница многих полезных книг, помощница смоленского губернатора, очень образованная женщина, говорящая отлично на французском, немецком и английском языках, со средствами, была согласна пожертвовать на нужды Красного Креста до 500 рублей [1]. О причине своей неожиданной поездки инкогнито в бурские республики сама Мария З. называла личные мотивы [6, с. 4].

Еще одна представительница русских женщин-добровольцев была принята в отряд РОКК, ехала за свой счет – это дочь сенатора Т.Н. Соловьева, которую в отряде называли драгоценным членом отряда, взявшая на себя функции заведующей хозяйством, «кормила членов отряда», «готовила по-русски вкусно», но по семейным обстоятельствам она будет вынуждена покинуть отряд [2, с. 13, 144].

Вполне уместно, на наш взгляд, обратить внимание и на ряд обращений русских женщин (в основном из крупных городов России. – Г.Г.) к пастору Голландской общины господину Гиллоту. Так, фельдшерица-акушерка Антонина Ивановна Альтковская пишет, что, «не имея возможности оказать нашим африканским братьям денежную помощь», она и ее подруги желали бы быть командированными в качестве сестер милосердия в Трансвааль. Не зная, куда обратиться и как привести это желание в исполнение, они решили обратиться к пастору Гиллоту за указаниями [2, с. 284], и при этом она указывает свой адрес, по-видимому, рассчитывая получить ответ. С такой же просьбой обращается и жительница Харькова Н.И. Смирницкая.

Анализируя мотивы участия, важно отметить, что причинами отправиться на войну были немалый опыт работы сестер милосердия, в том числе и в полевых условиях, стремление помочь бурам, «облагороженное рыцарским порывом помочь, спасти слабого и угнетенного», сочувствие бурскому народу, а также и личные причины.

Итак, главное управление Российского Красного Креста приняло решение снарядить на войну санитарный отряд для оказания помощи Трансваалю, как стороне явно в ней нуждающейся. В состав санитарного отряда РОКК из 33 человек вошел уполномоченный Российского общества Красного Креста и одновременно главный врач Н.И. Кусков (приват-доцент Петербургской военно-медицинской академии). Министерство иностранных дел России делало все возможное, чтобы ускорить отправку санитарного отряда к бурам. Главное управление РОКК находилось под патронатом императрицы Марии Федоровны, которая была августейшей покровительницей Общества. Так, 25 ноября 1899 г. члены отряда были приняты императрицей Марией Федоровной, а 27 ноября в честь отъезжающих был отслужен молебен. Во время службы, по воспоминаниям сестры милосердия О. фон Баумгартен (представительницы правительенного санитарного отряда под руководством Кускова. – Г.Г.), батюшка обратился к медикам «...с прочувствованным словом, прося не забывать, что мы посланы Россией и наша обязанность поддерживать честь дорогой родины, добросовестно исполняя наш долг...» [2, с. 1]. При этом сестры милосердия оценивали свою командировку в Африку как огромную жизненную удачу. Разумеется, правительственный отряд Красного Креста получил необходимое снаряжение, в частности список вещей, выданных складом Георгиевской общиной по ценам, установленным ревизионной комиссией 3 декабря 1899 г.: бурки – три, платья – пять, шаровары – четыре, сапоги черные – четыре, рубашки фланелевые – восемь, кушаки – четыре, портпледы – четыре. Отряд был снабжен и госпитальным имуществом (на 25 кроватей), вез с собой палатки для больных и персонала, прекрасно снабженную аптеку, обильное количество перевязочного материала, инструменты и запас провианта, рассчитанный на больных и на персонал на 3,5 месяца, в виде всевозможного рода консервов. По-видимому, это было связано с неизвестностью о положении с продовольствием в Трансваале. Не были забыты

никакие мелочи, касающиеся жизни и содержания как больных, так и персонала [2, с. 16–17]. Естественно, что оснащение и отправление санитарного отряда требовало немало рутинной, ежедневной работы от рядовых членов и руководителей РОКК.

Отряд РОКК выехал из Санкт-Петербурга в Одессу в расчете успеть на пароход Русского общества пароходства и торговли, отходивший из Одессы круговым рейсом на Порт-Саид. В составе отряда был и уполномоченный (он же врач. – Г.Г.), пять врачей, четыре фельдшера, восемь сестер милосердия, 12 санитаров и два хозяйственных администратора отряда. Состав врачей был наполовину военный, наполовину гражданский. Фельдшеры были: трое из Николаевского военного госпиталя, один из Константиновского военного училища; четыре сестры Александровской, четыре – Георгиевской общин; санитары выбраны из числа нижних чинов, по преимуществу из пехотных гвардейских частей Петербургского гарнизона, а также администратор-фармацевт, специальный начальник санитаров, капитан запаса гвардии, окончивший курс академии Генерального штаба. Вместе с ними ехала добровольно, за свой счет, в качестве сестры милосердия, госпожа Соловьева, желавшая послужить делу помощи больным и раненым бурам [2, с. 32]. Из Одессы отряд Красного Креста рассчитывал выехать 3 декабря, но пришлось отсрочить отъезд еще на два дня и отплыть лишь 5 декабря. По словам доктора Кускова (руководителя отряда. – Г.Г.), предложенный им пароход, отправлявшийся 3 декабря из Одессы, не вполне отвечал своему назначению как по своим размерам, так и по удобствам. Решено было отплыть из Одессы на пароходе «Королева Ольга», принадлежащем Русскому обществу пароходства и торговли, который и по внушительному виду своему, и по большому грузу обещал не поддаваться морской качке. И здесь мы сталкиваемся с вниманием, заботой жителей Одессы, которая проявилась в организации культурной программы, включающей в себя посещение спектаклей малороссийской группы Крапивницкого и цирка Морица, а также прогулки по городу – осмотр достопримечательностей Одессы. Большинство жителей города интересовал один вопрос: не боятся ли представители отряда отправляться в трудный и далекий путь в «неведомый край, где в воздухе слышен только свист пули и грохот пушечных выстрелов и разрывающихся бомб?». Впрочем, как

отмечает доктор Кусков, сестры милосердия Касперовской общины не «выезжали в итальянскую оперу». По-видимому, их патриотический настрой и осознание трудностей работы не позволял им участвовать в обыденных развлечениях. 3 декабря 1899 г. был отслужен молебен в домовой церкви Касперовской общины, на котором присутствовали председатель и члены Одесского управления Общества Красного Креста, графиня Капнист, градоначальник граф Шувалов с супругой. По сообщениям Ф. Попова, на пристани собралась большая толпа, явившаяся сюда специально для того, чтобы проводить отъезжающий отряд. В качестве провожающих были и начальник Одесского порта адмирал Перелешин, председатель Одесского управления Красного Креста М.Е. Качурин, генерал Мишин и представители Одесского городского общественного управления. Все это должно было свидетельствовать о поддержке российского общества и значимости отряда, отправляющегося в Трансвааль.

Далее отряд из Константинополя отправляется в Смирну, затем в Пирей, и 13 декабря должен быть в Александрии, в Порт-Саиде пересаживается на пароход Французского общества, на котором должны были добраться до порта Лоренсу-Маркеш [2, с. 28]. И уже на поезде отправились к границе Трансваала – Комати-Порту, оказавшись во владениях Трансваала увидели первого вооруженного бура. В Комати членов санитарного отряда встретил трансваальский чиновник, высланный из Претории; здесь «ждали несколько часов второго поезда, на котором следовали военные агенты», в Преторию прибыли 25 января, на 45-й день по выезде из Санкт-Петербурга. По словам сестер милосердия, везде им оказывали самый радушный прием, что, конечно, не укрылось от британских властей, следивших за настроениями европейского населения.

Свободное время «путешествия» сестры милосердия посвящали написанию писем домой и изучению голландского языка; учителями были голландские военные агенты, но «бурский язык оказался мало схожим с чистым голландским, которому нас учили». Кстати, на наш взгляд, не было ничего удивительного, что в письмах присутствовало и описание таких фактов, как «морское крещение», «прелести морской болезни», буря под Лоренцо, что «нельзя было держаться на ногах на палубе» и описание необычного климата [2, с. 33]. Так, Мария З. (госпожа Попова. – Г.Г.) в своих воспоминани-

ях описывает невыносимую и нестерпимую жару, «в воздухе тишина была необыкновенная, – ни малейшего дыхания ветерка», но, пожалуй, более интересным, по словам самой русской женщины-добровольца, является описание городов, которые встречались на ее пути: «пришло поневоле в течение нескольких дней заняться наблюдением над этим колоссальным центром (Марселеем. – Г.Г.), который своей демократической внешностью представляет столь разительный контраст с нарядной Ниццей». В Ницце бросается в глаза «роскошь, богатство и полное отсутствие чего-либо говорящего о величии ума и сердца (за исключением разве кладбища – Герцена и Гамбетты), настолько в Марселе – труд, труд и труд, есть тут чему поучиться и не в продолжение пяти дней» [6].

Второй отряд – русская часть русско-голландского добровольческого санитарного отряда – отправлялся вслед за правительенным отрядом из Санкт-Петербурга в Южную Африку 14/27 декабря 1899 г. Отъезд медиков стал настоящей демонстрацией солидарности и сочувствия бурам. Хотя русско-голландский санитарный отряд был малоизвестным широкой общественности, но осенью 1899 г. российские журналисты стали призывать к сбору пожертвований для отправки частного санитарного отряда к «африканерам». С. Изъединова, в отличие от журналистов, обратила внимание на ряд достаточно негативных моментов перед отправкой отряда. Это, прежде всего, страшная давка, бесконечные рукопожатия незнакомых людей и невозможность проститься с друзьями. Отряд состоял из русских врачей (Борнгаупт, Лилиенфельд, фон Ренненкампф, Вебер, Кухаренко, Лоренсен и Вебер), а также голландских врачей (врача-хирурга, докторов фон Диссель и Ромейн), которые должны были присоединиться к отряду в Неаполе, пяти сестер из России (Иозефина Ежевская – сестра Крестовоздвиженской общины, С.В. Изъединова из Георгиевской общины сестер милосердия, Амалин Якобсен и Иоганна Мейер из Александровской больницы, Гильда Мейсен из Евангелической больницы), двух санитаров (исключительно голландцев. – Г.Г.), администратора из Голландии (д-р фон Леерсум). Помощником в хозяйственной части доктор фон Леерсум взял знакомого уже с Трансаalem инженера господина фон Мойэна, в обязанности которого входили заведование всей хозяйственной частью экспедиции и забота о продовольствии и передвижении отряда

в незнакомой, редко населенной стране при тяжелых условиях военного времени [2, с. 268, 302].

Отъезд русско-голландского отряда был назначен на 14 декабря 1899 г. поездом на Берлин, Мюнхен, Рим и Неаполь, где члены отряда должны были встретиться с голландскими товарищами и сесть на пароход немецкой Южно-Африканской линии «Канцлер». Так, С. Изъединова пишет, что отряд оказался «щедро снабженным» членами комитета, а также и неизвестными друзьями: «были тут закуски, вино, фрукты, конфеты в таком количестве, что их хватило еще на корабле и кое-что даже пришлось выбросить». При этом, по ее мнению, «начало поездки не сулит еще нам опасности от лишений, а разве только от излишества» [2, с. 299]. «Путешествие» русских сестер милосердия в Берлин вызвало интерес у пассажиров поезда, который был полон «элегантной публикой». Скромный русско-голландский отряд был объектом любопытства и особого интереса к сестрам милосердия, и чувства доброжелательности со стороны дам – пассажиров этого поезда. Итак, в Берлине их встретил представитель Германского Красного Креста. Здесь они впервые встретились с немецкими трансваальскими добровольцами. По словам одной из сестер милосердия, это были не только молодые офицеры, но и «пожилые, заслуженные офицеры», опытные офицеры Генерального штаба. Остановились в Центральной гостинице (Central hotel), где им даже сделали значительную скидку. Но Берлин для членов отряда – это не только отдых, но и возможность пополнить запасы, то есть «всем необходимым приноровленным и к потребностям тропического климата». По сообщению специального русского корреспондента и сестер милосердия, «с утра же отправились мы все в так называемый тропический магазин (Tropen handlung) некоего фон Типпельскирха, поставщика немецкой колониальной армии, у которого имеется громадная фабрика в Берлине, чтобы закупить все необходимое для нашего отряда: шляпы, обувь, белье и так далее» [2, с. 304]. При этом и санитарный отряд Германского Красного Креста, шедший также в Трансвааль, закупал все необходимое в этом магазине, и русско-голландский медицинский отряд «воспользовались готовым списком нужных вещей». Безусловно, данный факт свидетельствовал не только о доброжелательном отношении немцев к русским, направляющимся на помочь бурам, но

и возможности отряда решить часть практических задач, так как большая часть представителей русско-голландского отряда имела «самое неверное представление о том, что необходимо для пребывания в тропических странах» [2, с. 304]. Так, например, русским врачам посоветовали запастись тонкими жестяными чемоданами-сундуками, потому что деревянные сундуки и кожаные чемоданы разъедаются в Южной Африке большими муравьями (термитами), которых там очень много. Другой полезный совет заключался в том, чтобы не запасаться шерстяным бельем, столь распространенным в Германии, но совершенно непригодным на юге, так как в Красном море развивается от шерстяного белья особенная, чрезвычайно мучительная кожная сыпь, носящая странное название «красной собаки». И далее русско-голландский отряд из Берлина направился в Мюнхен и в Рим, здесь сестры милосердия оказались к самому Новому году. Им удалось присутствовать на торжественном богослужении в соборе Святого Петра.

На пути в Неаполь произошло два события. Первое – русская часть отряда встретила в поезде трех голландских врачей, дожнявших второй отряд Голландского Красного Креста, ушедший уже два месяца тому назад, задержанный вместе с другими пассажирами английским крейсером и находящийся теперь в Дурбане. И второе – отряду пришлось впервые оказать медицинскую помощь. Какой-то человек выбросился из окна вагона на полном ходу поезда, сильно расшибся и переломал себе несколько ребер. Его привели в чувство, перевязали раны и доставили в Неаполь. И далее путешествие должно было быть продолжено на пароходе, до отплытия которого оставалось еще три дня для знакомства с окрестностями Неаполя, прежде всего Сорренто, Помпеи, для посещения Везувия.

Дальнейший путь санитарный отряд должен был проделать на пароходе Германо-африканского общества «Канцлер». Прибыли и голландцы с главным врачом фон Леерсумом, с которым члены отряда познакомились еще в Петербурге, также еще два врача, один фон Диссель, ассистент Амстердамской хирургической клиники, и Ромейн, молодой врач, ординатор той же клиники, и пять голландских сестер милосердия, работавших в Амстердаме и принадлежавших к так называемому Белому Кресту [2, с. 305].

Как отмечает в своих воспоминаниях С. Изъединова, «многих из нас неприятно поразили размеры полномочий главного врача и начальника отряда», который имел право не только бесконтрольно распоряжаться всеми материальными средствами отряда и рабочей силой его членов, но еще мог удалить «всякого неугодного ему члена», не допускал какого-либо протеста со стороны врачей и мог даже лишить средств членов отряда для возвращения домой, что, по ее словам, конечно, должно было служить побуждением для неимущих членов отряда подчиняться даже неразумным и некорректным выходкам и требованиям. Будучи женщиной с высоким чувством справедливости, она не могла принять этого и ее даже «покоробила эта отдача нас на полный произвол» этого господина, хотя и «хорошо рекомендованного». Так, еще 11 декабря 1899 г. в квартире пастора Гиллота были подписаны условия поездки в Южную Африку на средства Комитета помощи бурам. Ее чувства разделяли и другие члены отряда. Но при этом желание принять участие в экспедиции в Южную Африку, согласие других членов этого отряда признать сложившуюся ситуацию заставили С.Изъединову, так же как и других, согласиться с этим, хотя и сознавая «неправильное и фальшивое положение». Было бы неверным и несправедливым говорить только о чувстве недовольства и раздражения С. Изъединовой. Так, в своих мемуарах она с уважением пишет о пасторе Гиллоте и о его встрече российского персонала отряда: наконец, после бесконечных треволнений и хлопот все собрались на завтрак у пастора Гиллота, «пожелавшего напутствовать нас, по его выражению, рыцарей и сестер Красного Креста». Кроме его напутствия, было произнесено еще несколько речей, «высказано много умных и благородных мыслей, выпито много тостов за отряд и его будущую деятельность, жертвователей и организаторов, успех дела» [2, с. 297]. Что же касается взаимоотношений между российской и голландской частью санитарного отряда, то недоразумения начались с самого начала «путешествия»: игнорирования правил вежливости голландцами, употребление голландского языка в присутствии русских, обсуждение русских членов отряда, при этом «далеко не в дружелюбном, а часто и в саркастическом тоне», в их словах присутствовало «убеждение в культурном превосходстве и важности голландского языка...» [2, с. 302]. Было бы неверным не учитывать и мнение доктора

Вл. Кухаренко о сестрах милосердия медицинского голландского отряда. По его словам, все медицинские сестры – опытные, получившие основательное хирургическое образование, теоретическое и практическое. При этом он не оставил без внимания и их костюм – черное платье, черная шапочка с белым бантом и брошки с белым крестом.

Что же касается обстановки на «Канцлере», она была очень доброжелательной: отмечали русский Новый год, члены санитарного отряда собирались на палубе вокруг русского самовара, которым их снабдил на дорогу Голландский Петербургский комитет, затем появился оркестр («любезность со стороны капитана»), исполнивший русский, голландский, немецкий, португальский и трансваальский гимны. К застолью присоединились и другие пассажиры, пили шампанское, вели задушевные беседы, вспоминая родных, оставшихся в России [2, с. 309]. Не забывая при этом, что на всех кораблях, отправляющихся в Южную Африку, присутствовали английские шпионы (со слов капитана корабля. – Г.Г.). Так, в Порт-Саиде произошла «встреча» (в военной части порта стояли два красивых белых английских военных судна. – Г.Г.). По общему мнению представителей русско-голландского отряда, англичане зло смотрели на пассажиров и на красные кресты, «нашитые на наших левых руках» [2, с. 307–308]. Так, в Адене члены русско-голландского санитарного отряда сильно опасались, что англичане задержат и станут обыскивать пароход, как они поступили с «General» и «Bundestrath»; однако опасения не оправдались.

Вместе с тем на всем пути в южную Африку, то есть на каждой остановке, члены русско-голландского отряда с интересом знакомились с достопримечательностями, с неизвестной им культурой и обычаями. Приведем несколько примеров: осмотрели достопримечательности города Бейру, которых, впрочем, немного, например, фабрику минеральных вод и льда, где угождали свежеприготовленным лимонадом, городские улицы с металлическими домами из волнистого железа. Весь город «изрезан сетью рельсовых путей, шириной не больше фута»; «экипажей, в европейском значении этого слова, нет, характерным является передвижение по улицам на тележках, которые толкают перед собой тощие и, по-видимому, голодные кафры» [2, с. 315]. В отличие от Бейру, Лоренсу-Маркеш,

по мнению сестер милосердия, очень эффектный город, совершенно европейский по внешнему виду. Широкие улицы освещались электричеством, много красивых каменных двухэтажных зданий, масса громадных английских магазинов, много ресторанов в виде павильонов со столиками на открытом воздухе.

Весьма интересным, на наш взгляд, представляется описание первых дней пребывания русских санитарных отрядов в Южной Африке. Было много официальных лиц, представителей Трансваальского Красного Креста и несколько «господ от города, в черных сюртуках и цилиндрах, со всевозможными значками в петлицах». «С каким восторгом встречали нас буры! Ружейные залпы, музыка, речи...», – писала сестра милосердия О. фон Баумгартен. Но, по словам доктора Вл. Кухаренко, не обошлось и без некоторых сложностей, прежде всего с решением здешних властей о дальнейших действиях санитарных отрядов [2, с. 326]. Было бы неверным полагать, что русские врачи и сестры милосердия сидели без дела. Сестры милосердия из русско-голландского отряда помогали в различных госпиталях и санитарном поезде – для перевозки больных и раненых с мест сражения. Так, наблюдательная сестра милосердия С. Изъединова отметила одну характерную особенность – это недоверие буров к иностранцам, что было вполне объяснимо поведением европейцев, которые нахлынули в Трансвааль с открытием его рудных богатств и по вине которых, наконец, разгорелась эта война. Но по ее же словам, «врачи своими знаниями и сердечным отношением... приобрели доверие и симпатии буров», их опыт работы в полевых условиях, помочь раненым привели к вполне заслуженному уважению буров.

Стоит отметить также и отношение С. Изъединовой к «туземному населению» и местным нравам: она «отнюдь не относилась к местному черному населению столь высокомерно, как буры, тем не менее открыто излагала свое мнение о превосходстве белых» [2, с. 395]. Складывается впечатление, что она, как и другие представители европейских стран, была «заражена» идеей превосходства «белых» по отношению к «туземному черному населению». По ее мнению, культурная наследственность определила преобладание «идеи и нравственного начала» у белых, кафры же «действуют на

основе инстинктов и привитых воспитанием хороших или дурных привычек» [2, с. 396]. Тем не менее русско-голландский отряд, как отмечает С. Изъединова, благожелательно относился ко всем слоям населения «африканерских республик». При этом важным является тот факт, что русский отряд выгодно отличался от всех остальных отрядов, прежде всего своим гуманным отношением к больным из кафров, которых врачи впервые ставили в одинаковые условия с белыми, но вместе с тем подчинялись местным предрассудкам, отводили им особое помещение. Надо отдать должное С. Изъединовой, она высказывала и свои критические замечания по поводу голландских обычаяев, так, в частности, русских сестер милосердия «изводили» голландский обычай начинать трудовой день в 6–6.30 часов, «проглатывая в кровати чашку кофе, по большей части отвратительного», и даже «милые хозяева частных домов», приютившие русских медицинских сестер, отправляют своих горничных с чашкой чаю или кофе в 8–8.30 [2, с. 351]. Главным для всех сестер милосердия была ежедневная работа в организованных русскими госпиталях, поэтому у нее возникло определенное чувство неудовольствия и в какой-то степени даже раздражение, «дурное отношение», установившееся между начальником этого отряда Кусковым (руководитель РОКК. – Г.Г.) и местным населением и властями. По ее мнению, именно поэтому отряд хорошо обеспеченный материальными средствами и медицинским персоналом долго не мог приступить к работе [2, с. 104–105].

Организация и оказание врачебной помощи раненым и больным находилось в руках Главного управления Красного Креста, пользующегося покровительством и финансовой поддержкой правительства. Какой-либо военно-медицинской организации не существовало [2, с. 39]. За период работы русских санитарных отрядов в Трансваале были организованы несколько стационарных и «летучих» госпиталей и излечены сотни раненых и больных. Так, были организованы госпитали в Ньюкасле, Фольксруте, Брандфорте и тыловой госпиталь в Кардорпуте, в Кронstadtе и др., где на излечении находилось значительное количество раненых и больных. По словам сестры милосердия Софии Изъединовой, персонал отряда пользовался заслуженным уважением. Приведем пример из письма

сестры милосердия русско-голландского отряда Йозефины Ежевской. Она пишет, что в Фольксрутской больнице «работы много, лежит уже 50 человек раненых и больных» [2, с. 372]. Количество раненых зависит от битв на полях сражений: чем больше и горячее бой, тем больше прибывает оттуда раненых. Кроме того, они должны были оказывать помощь и раненым, проезжающим по железной дороге мимо г. Фольксруте.

Разумеется, сестры милосердия вспоминали не только трудности, но и личные отношения между членами отряда. Так, в Кронstadtе усердной помощницей была сестра Йоганна Мейер, а Амалия Якобсон, которая, находясь почти бессменно одна при палате в 30–40 человек, преимущественно тифозных, еще находила время (урывая от сна послеочных дежурств) прибегать на кухню, помогать в затруднениях [2, с. 402–403]. По воспоминаниям сестры милосердия санитарного отряда Российского общества Красного Креста Ольги фон Баумгартен: работы много, лазарет переполнен, приходится дежурить ночью, кроме раненых много тяжелых больных. В ее воспоминаниях говорилось не только о тяжелой многомесчайной работе на чужбине сестры милосердия, но и о климатических условиях страны: жаркое лето, «невыносимая жара», при том идут постоянно дожди [2, с. 190].

Вполне уместными являются, на наш взгляд, и высказывания сестер милосердия об отношении к сотрудникам русско-голландского отряда. Так, по словам С. Изъединовой, проявился интерес к «иностранным новому типа, приехавшим не с намерением грабить богатства страны, а из сочувствия к нему лично и для помощи», при этом бескорыстное побуждение членов отряда всегда встречало полное доверие, хотя им и часто задавали коварный вопрос: «Не желаете ли вы и ваши доктора после окончания войны получить у нас казенные назначения?» [2, с. 353]. И лучшим доказательством их бескорыстия, по мнению С. Изъединовой, служили слова об обязательном возвращении домой и о том, что их отряд был снаряжен на пожертвования русских людей. Отметим, что ей не раз приходилось разговаривать с «бурами самого различного общественного положения и образования», и выяснилось, что никакой принципиальной вражды между бурами и иностранцами попросту не было. Можно привести слова С. Изъединовой, отражавшие

отношение сестер милосердия к далекой стране на юге африканского континента: «... несмотря на все неудобства и неудовольствия, из этой поездки я впервые вынесла любовь к стране, к ее земле и жителям, сроднившую меня с ними, с их интересами и судьбой». По ее мнению, такое отношение было, по-видимому, из-за того, что «страна буров» напоминала ей Россию: «...нигде, кроме африканского фельда, я не испытывала чувства родного простора, едва заметных проселочных дорог, незагроможденности горизонта плоской, малозаселенной земледельческой страны» [4, с. 157].

Все рассмотренные материалы дают возможность сделать следующий вывод: в истории англо-бурской войны русские добровольцы-медики, принимавшие участие в составах санитарного отряда Российского общества Красного Креста и Русско-голландского санитарного отряда, продемонстрировали свою самоотверженность и идеализм, желание выступать в защиту слабых и угнетаемых. В состав санитарных отрядов, направленных к бурам, были отобраны медики – врачи, студенты старших курсов медицинских факультетов учебных заведений, фельдшеры, сестры милосердия, санитары. Были созданы госпитали в Ньюкасле, Фольксруте, Брандфорте, в Кардорпте, в Кронстадте.

Источники и литература

1. Англо-бурская война. 1898–1902. По архивным материалам и воспоминаниям очевидцев. – М., 2001.
2. Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. В 13 томах. Т. 9. – М., 2012.
3. Воспоминания о Трансваале сестры милосердия общины Св. Георгия О. фон Баумгартен, 1899–1900. – СПб., 1901.
4. *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. 1903 // <https://search.rsl.ru/ru/record/01003712814>.
5. *Изъединова С.* Воспоминания сестры милосердия (Отрывки). Зов Африки. Записки путешественников. – М., 1992 (Библиотека журнала «Вокруг света» в шести томах, т. 3).
6. *Мария З.* Как я была добровольцем в Трансваале. – Киев. 1901.
7. <https://statehistory.ru/360/Russkie-dobrovoltsy-na-YUge-Afriki-v-period-anglo-burskoy-voyny/>.
8. *Шубин Г. В.* Участие российских подданных в англо-бурской войне 1899–1902 гг. // Ученые записки Института Африки РАН. – М., 1999.

RUSSIAN SISTERS OF MERCY IN THE ANGLO-BOER WAR

Abstract. Russian sisters of Mercy participated in the Anglo-Boer War as part of the Russian Red Cross Society and the Russian-Dutch detachments in the Transvaal. This article discusses the participation in the Anglo-Boer War of the Russian Sisters of Mercy in the Russian Red Cross Society and the Russian-Dutch detachments. The features of their “journey”, the motives for participation in the activities of two Russian sanitary detachments, their work in established hospitals in South Africa based on the memories of Russian sisters of mercy are investigated. This allows, firstly, to consider the attitude of the Russian sisters of mercy to the Anglo-Boer War and secondly, to show the difficulties of working in the hospitals created by the Russians in South Africa.

Keywords: South Africa, Transvaal, Boer War, sisters of mercy, Russian Red Cross Society, Russian-Dutch Detachment.

УДК 94(47).072.5

А.Ю. Гусарова

ОНИ ОСВОБОЖДАЛИ РОССИЮ ОТ НАПОЛЕОНА: РАТНЫЕ ПОДВИГИ ЖИТЕЛЕЙ ЧУВАШИИ ВО ВРЕМЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.

Аннотация. Ровно 210 лет назад в русской истории произошло величайшее событие – Отечественная война 1812 г. Во время боевых действий ярко проявились героизм, мужество, патриотизм и беззаветная любовь всех слоев общества к своему Отечеству. Свой вклад в разгром французских захватчиков, в завершение кровопролитных наполеоновских войн, которые на протяжении многих лет сотрясали Европу, внесли жители Чувашии, о чем свидетельствуют документы, рассказывающие об участии чувашских солдат непосредственно на полях сражений. В статье на основе архивных документов из фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики показаны ратные подвиги жителей Чувашии во время Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., заграничные походы, военная история, патриотизм, русская армия, Наполеон.

В 2022 г. в России отмечается сразу несколько знаковых событий в отечественной истории, среди них 210-летие Отечественной войны 1812 г. Победа русских войск над силами Великой армии Наполеона стала предметом национальной гордости для современников и сегодня пробуждает высокие патриотические чувства у их потомков. Не удивительно, что, несмотря на давность лет, не иссякает у специалистов-историков интерес к изучению этого периода истории Российского государства.

В народной памяти война 1812 г. оставила глубокий след. Все народы Российской империи приняли участие в освобождении Родины и дальнейшем разгроме противника за ее пределами. Поэтому так важно изучение героического прошлого. Как говорилось выше, отечественная историография о событиях 1812 г. довольно богата, но что же касается региональной историографии, то данная тематика не получила должного отражения в научной литературе.

Впервые чувашские историки обратились к теме Отечественной войны 1812 г. в 1942 г., когда вышел сборник документов по Акрамовскому крестьянскому восстанию, на страницах которого можно было встретить биографические справки о руководителях крестьян – участниках Отечественной войны 1812 г.: С. Семенове, С. Афанасьеве и М. Евдокимове [3].

В 1944 г. была издана брошюра историка П.Г. Григорьева об участии чувашского народа в Отечественной войне 1812 г., в которой были немного освещены такие вопросы, как процесс формирования народного ополчения на территории Чувашии, особенности рекрутских наборов, помощь чувашского народа регулярной русской армии, участие наших земляков в боевых действиях [8].

В последующем материалы П.Г. Григорьева с некоторыми дополнениями были использованы в учебных пособиях по истории Чувашии [2], [13], [16], [19].

Новый этап в изучении темы пришелся на конец 1990-х гг. В 1996 г. на страницах газеты «Советская Чувашия» была напечатана статья Г.И. Григорьевой об уроженцах Чувашии – участниках войн с наполеоновской Францией, Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг. [9]. Ранее, в 1993 г., в хрестоматии по истории Чувашии было опубликовано несколько документов из фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики [14].

В 2001 г. на страницах «Краткой чувашской энциклопедии» была напечатана статья с обобщенной информацией о помощи населения Чувашии действующей русской армии и участии наших земляков в боевых действиях [10]. В 2009–2011 гг. появились аналогичные, но более обширные статьи историка Ю.В. Гусарова [11], [12]. В 2010 г. в совместной монографии В.М. Бурмистрова и П.М. Груздевой об участии уроженцев Чувашии в войнах дореволюционной России отразились материалы и об Отечественной войне 1812 г. [1].

В честь празднования 200-летия Отечественной войны 1812 г. Государственный исторический архив Чувашской Республики выпустил сразу два значимых издания: сборник документов «Отечественная война 1812 года. Документы и материалы из фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики» [18] и одноименное мультимедийное издание [17].

Начавшаяся 12 июня 1812 г. Отечественная война была крупнейшим событием в жизни российского общества начала XIX в. Выяснившаяся с самого начала войны малочисленность наших войск в сравнении с армией Наполеона, недостаточность и медленность обычных средств комплектования армии в подобное время побудили императора Александра I призвать на борьбу с врагом все население России. 6 (18) июля, перед отъездом Государя в Москву, было написано возвзвание к первопрестольной столице и манифест о всеобщем ополчении [15, с. 258].

Манифест этот был читан в церквях, в дворянских собраниях, в городских думах, и не было места в России, где бы возвзвание Государя не произвело восторженный решимости нести все в жертву Отечеству. Отныне борьба с Наполеоном получила значение народной и священной войны.

Участие уроженцев Чувашии в кампании 1812–1814 гг. прослеживается в основном в трех аспектах: в составе регулярной русской армии после рекрутских наборов до 1812 г.; в составе русской армии вследствие наборов 1812–1814 гг.; в составе основного и добавочного народного ополчения. Большинство выходцев из Чувашии были награждены орденами и медалями.

Ниже публикуются фрагменты служебных документов нескольких солдат и ополченцев со сведениями об их участии в боевых действиях.

Уроженец д. Кармалы Цивильского уезда **Мирон Алексеевич Алексеев** родился в 1770 г. В возрасте 20 лет вступил в рядовым в Пермский пехотный полк, в составе которого участвовал в боевых действиях в Финляндии во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. Затем в составе полка находился в Польше в 1792–1793 гг., принимал участие в подавлении восстания Тадеуша Костюшко. В 1805 г. сражался под Кремсом, где был ранен в левую ногу. В ходе сражения под Аустерлицем 20 ноября 1805 г. он был захвачен в плен, где находился в течение двух лет. После заключения Тильзитского мира и последующего обмена военно-пленными он участвовал в боях в ходе русско-шведской войны 1808–1809 гг. После перехода основных сил французской армии через польско-русскую границу в июне 1812 г. сражался в приграничных боях и 19 июня при канонаде г. Вилькомир. В дальнейшем участвовал в битве при мызе Якубовой 18 июля, а на следующий день – при Клястицах, когда русский корпус П.Х. Витгенштейна разбил корпус Удино. Пермский полк был в боях при мызе Голодчинь 20 июля и при мызе Сдольне 30 июля, после которых, разбив французов, преследовал их до Полоцка, под которым 5 и 6 августа в составе корпуса П.Х. Витгенштейна потерпел поражение от франко-баварских войск Л.Г. Сен-Сира. Мирон Алексеев находился на позиции под Полоцком до 6 октября, а затем участвовал во втором крупном сражении под этим городом 6–8 октября, в частности находился в составе отряда, который в ночь с 7 на 8 октября штурмом овладел Полоцком и преследовал французов до Чашников [4, л. 15–15 об.].

В сражении под Чашниками 18–19 октября участвовал в разгроме неприятеля и последующем преследовании его до р. Неман, которая была форсирована передовыми частями авангарда русской армии 16 декабря. Со второй половины декабря 1812 г. Мирон Алексеев находился в составе Пермского полка, вместе с которым побывал в Пруссии, Шлезии, Богемии и королевстве Саксония. 24 марта он участвовал в блокаде и удержании неприятеля при крепости Магдебург. В дальнейшем сражался: 20 апреля – при Люцене, 8–9 мая при Баутцене. За последний бой был награжден знаком отличия Военного ордена св. Георгия [4, л. 15 об.]. Во второй половине августа 1813 г. под селениями, расположенными в Саксонии и Богемии,

Богемская армия, в состав которой входил Пермский пехотный полк, вела арьергардные и локальные бои с французами после отступления от Дрездена. 2, 4 и 6 октября участвовал в знаменитой «Битве народов», которая произошла под саксонским городом Лейпциг, после чего преследовал разбитые французские войска до р. Рейн. После взятия крепости Кель 3 января 1814 г. в составе своего полка переправился на территорию Франции, где принимал участие в блокировании Страсбурга, боях при Труа и Лобресель, после чего маршем проследовал до Парижа, во взятии которого участвовал 16 марта 1814 г. [4, л. 16].

Другой уроженец Цивильского уезда – рядовой **Иван Андреевич Андреев** из д. Урмаево. Вступив на службу в 1793 г., свой боевой путь начал с похода против французских войск в составе второй коалиции в 1799 г. С 27 октября 1805 г. участвовал в коалиционных войнах 1805–1807 гг. в составе корпуса генерала от кавалерии Л.Л. Беннигсена, с которым побывал в Пруссии и Австрийской империи. Иван Андреев принимал участие в сражениях под Пултуском 14 декабря 1806 г., при Янково в январе 1807 г. и далее – при Гуттштадте и Гейльсберге в мае и Фридландском сражении 2 июня 1807 г. В последнем, как известно, Наполеону удалось нанести поражение русской армии под командованием Л.Л. Беннигсена, что привело к заключению Тильзитского мира. Войну 1812 г. встретил в составе 1-й армии М.Б. Барклая де Толли. В ее рядах он дрался под Витебском 14 июля, а 5 августа участвовал в сражении объединенных русских войск с французской армией под Смоленском и получил ранение в левую руку и ладонь, «отчего пальцами владения не имеет» [5, л. 10 об.–12].

Уроженец д. Починок-Бобыть Цивильского уезда **Степан Васильев** вступил на службу рядовым 13 июля 1794 г. Он участник заграничного похода русской армии 1813 г. После вступления российских войск в Австрийскую империю и Саксонию участвовал в сражении при Дрездене 14–15 августа. После поражения союзнические войска отступили в Богемию, где под селением Кульм дали бой неприятельскому корпусу генерала Д.Ж.Р. Вандама, который завершился поражением последнего 18 августа. Степан Васильев участвовал в битве при Лейпциге 4–6 октября, а затем преследовал

отступавших французов через герцогства Франкфурт, Мекленбург-Шверин, королевства Бавария, Вестфалия и Вюртенберг. 23 декабря 1813 г. попал в плен при переправе р. Рейн. После освобождения продолжил службу в Цивильской инвалидной команде [4, л. 10].

Иван Григорьевич Григорьев родился в д. Уты Камаево поле (ныне д. Вудоялы Ибресинского района) Цивильского уезда в 1774 г. 8 октября 1812 г. вступил рядовым в Кексгольмский grenadierский полк. С 28 июня 1813 г. находился в Богемии, а затем в Саксонии. После отступления союзных войск до Теплица сражался при Кульме 18 августа, где был ранен. 25 марта 1815 г. его произвели в унтер-офицеры и в августе того же года определен в Цивильскую инвалидную команду [4, л. 17–18].

Ефим Леонтьевич Попов родился в 1775 г. в г. Алатырь в семье солдата. В 1796 г. был зачислен рядовым в Нижегородский гарнизонный батальон. В 1802 г. его перевели в Новоингерманландский пехотный полк, где в 1807 г. был произведен в унтер-офицеры, а в 1808 г. принял должность квартирмейстерского писаря. С 25 июля 1805 г. по 15 января 1808 г. Ефим Леонтьевич участвовал в походах русской армии в Галиции, Силезии, Австрийской империи, Моравии и Венгрии [7, л. 33]. Участник второго этапа русско-турецкой войны 1806–1812 гг., когда после завершения Слободзейского перемирия, в 1809–1810 гг. русская армия развернула активные наступательные действия против турецких крепостей на р. Дунай.

Во время кампании 1812 г. батальоны Новоингерманландского пехотного полка находились в составе 7-го пехотного корпуса 2-й Западной армии и участвовали в сражении под Смоленском и Бородино. 12 октября 1812 г. участвовал в боях под Малым Ярославцем, после которого Наполеон перешел от наступательных действий к отступлению, и преследовал неприятеля до Вильно [7, л. 33 об.].

Во время заграничных походов получил чин фельдфебеля и досшел до Парижа. В 1819 г. вернулся на родину и одновременно получил повышение в звании подпоручика с переводом в фурштатский 2-й батальон 1-й бригады, в феврале 1821 г. назначен в Алатырскую инвалидную команду. По высочайшему приказу от 25 октября

1828 г. определен в Тенгинский пехотный полк, в котором позднее служил М.Ю. Лермонтов. Спустя полтора года ушел в отставку в чине поручика [7, л. 34].

Штабс-капитан **Семен Иванович Толстой** родился в 1779 г. в семье крепостных крестьян с. Семеновского Алатырского уезда, принадлежащих поместьику графу И.П. Салтыкову. На службу вступил 18 сентября 1804 г. рядовым в Уланский его императорского высочества цесаревича полк. 19 февраля 1809 г. произведен в унтер-офицеры [7, л. 30]. С августа 1805 г. участвовал в походах в Галицию, Силезию и Моравию до границ Австрии. В решающем сражении третьей коалиции против армии Наполеона под Аустриецем получил ранение в грудь [7, л. 30 об.]. 9 апреля 1806 г. вернулся в Россию. Спустя год Уланский полк был отправлен в Пруссию, где сосредоточился театр боевых действий, и принял участие во взятии Гуттштадта 24 мая 1807 г., битве при Гейльсберге 29 мая, Фридландском сражении 2 июня. В итоге битва завершилась поражением русской армии и привела к скорому подписанию Тильзитского мира.

Во время русско-шведской войны 1808–1809 гг. принимал участие в боевых действиях на территории Финляндии. 12 декабря 1809 г. его перевели в лейб-гвардии Драгунский полк младшим вахмистром. Отечественную войну 1812 г. встретил в этом полку. 28 июня вблизи местечка Мир Новогрудского уезда Гродненской губернии российские войска под командованием атамана М.И. Платова нанесли поражение французско-польским кавалерийским частям. 13–14 июля Семен Иванович участвовал в бою под Витебском близ местечка Островно между арьергардом 1-й армии под командованием генерала А.И. Остермана-Толстого и авангардом французской армии маршала Миората. Все это привело к отступлению русских войск к Смоленску, где объединенные русские войска дали бой французской армии 4–5 августа, после которого русская армия была вынуждена отступать по направлению к Москве.

В крупнейшем сражении Отечественной войны 1812 г. – Бородинской битве Семен Иванович за отличие в бою был награжден знаком отличия Военного ордена св. Георгия [7, л. 31]. Через два дня после Бородино, 28 августа, принял участие в бою под

Можайском. Во время нахождения основных сил русской армии у Тарутино он с 15 по 22 сентября воевал в арьергардных боях под Москвой.

12 октября участвовал в уничтожении французского авангарда под Малоярославцем, а 5–6 ноября дрался с неприятелем под Красным. С начала 1813 г. он прошел через великое герцогство Варшавское, Пруссию и Силезию до Саксонии, где сражался во всех крупнейших битвах в период заграничной кампании 1813 г. – при Люцене, Бауцене, Дрездене, Кульме, Лейпциге, Буттштедте. Во время Кульмского сражения 17–18 августа был награжден знаком отличия прусского Железного креста [7, л. 31 об.]. 28 ноября 1813 г. получил повышение в чине старшего вахмистра.

Во время заграничного похода 1814 г. дошел до Франции и принимал участие в перестрелках при Монмирайе и Фер-Шемпенуазе. Уже в мае вернулся в Россию. 16 сентября 1818 г. получил чин прапорщика, 21 января 1819 г. переведен в Митавский драгунский полк поручиком, а со 2 января 1821 г. определен в Алатырскую инвалидную команду, из которой был уволен в 1831 г. в чине штабс-капитана [7, л. 32]. Имел серебряную медаль «В память Отечественной войны 1812 года» (вручалась участникам войны) [7, л. 31 об.].

Порфирий Герасимович Аристархов родился в 1795 г. в г. Цивильске в семье священника. После обнародования Манифеста от 6 июля поступил вольноопределяющим в Казанское ополчение в 1-й пехотный полк в чине урядника 9 октября 1812 г. Участвовал в заграничном походе 1813 г. и был в Польше, Силезии и Саксонии. Находился в действительных сражениях 5 и 25 октября под Дрезденом. В боевых действиях принимал участие до ноября 1814 г., когда официально были распущены все внутренние ополчения. В марте 1815 г. вернулся на родину. В июне 1816 г. его определили в Казанскую казенную палату в чине подканцеляриста, а в 1825 г. переведен в Цивильский земский суд коллежским регистратором [6, л. 21 об. – 23].

Уроженец с. Алманчино Ядринского уезда **Алексей Ямбиков** обучался в Казанской духовной семинарии. 1812 г. застал Ямбикова «в 3 российском классе». Желая послужить родине, поступил во

2-ю конную сотню Казанского ополчения под командование майора А.И. Апехина. Исполняя должность сотенного писаря, вместе с сотней был в заграничном походе 1813 г. против французского войска. С 21 июля 1814 г. по 10 января 1815 г. воевал в Польше, Богемии, Саксонии, Вестфалии, Мекленбурге, Ганновере, Гольштинии и Пруссии. Участвовал в сражении под Дрезденом, и при блокаде Гамбурга находился на передовых постах. Возвратившись в Казань в чине урядника, 2 января 1816 г. он получил «рукоположение» на 2-е дьячковское место в с. Сугут-Торбиково Ядринского уезда [14, с. 218].

Бурный рост национального самосознания и патриотический подъем народных масс, возникший во время Отечественной войны 1812 г., во многом помог победить армию Наполеона. Многие уроженцы Чувашии вписали свое славное имя в летопись той народной войны. Они в составе регулярной армии и народного ополчения участвовали в первых приграничных боях, крупных сражениях и заграничных походах.

Источники и литература

1. Бурмистров В.М., Груздева П.М. Солдаты Чувашии в войнах России с XVII века до 1918 года. – Чебоксары, 2010.
2. В помощь учителю истории (Материалы по истории Чувашской АССР). – Чебоксары, 1964.
3. Восстание чувашского крестьянства в 1842 г.: Сборник архивных документов. – Чебоксары, 1942.
4. ГИА ЧР (Государственный исторический архив Чувашской Республики). Ф. 4. Оп. 1. Д. 274.
5. ГИА ЧР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 335.
6. ГИА ЧР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 655.
7. ГИА ЧР. Ф. 193. Оп. 5. Д. 116.
8. Григорьев П.Г. Чувашский народ в Отечественной войне 1812 г. – Чебоксары, 1944.
9. Григорьева Г. Воевали чуваши во славу России // Советская Чувашия. – 1996. – 7 сент.
10. Григорьева Г.И., Изоркин А.В. Уроженцы Чувашии в войнах России с наполеоновской Францией, Отечественной войне 1812 // Краткая чувашская энциклопедия. – Чебоксары, 2001. – С. 419–420.

11. Гусаров Ю.В. Отечественная война 1812 // Чувашская энциклопедия. Т. 3. – Чебоксары, 2009. – С. 344–345.
12. Гусаров Ю.В. Уроженцы Чувашии в войнах с наполеоновской Францией, Отечественной войне 1812 // Чувашская энциклопедия. Т. 4. – Чебоксары, 2004. – С. 320–321.
13. Данилов В.Д., Павлов Б.И. История Чувашии: С древнейших времен до конца XX века. – Чебоксары, 2003.
14. История родного края. Учебное пособие. Хрестоматия. Часть 1. – Чебоксары, 1993.
15. История русской армии. – М., 2006.
16. История Чувашской АССР. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – Чебоксары, 1983.
17. Отечественная война 1812 года. Документы и материалы из фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики [Электронное издание]. 2013.
18. Отечественная война 1812 года. Документы и материалы из фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики. – Чебоксары, 2012.
19. Страницы истории Чувашии. Учебное пособие. – Чебоксары, 2001.

A.Yu. Gusalova

THEY FREED RUSSIA FROM NAPOLEON: FEATS OF MILITIES OF THE RESIDENTS OF CHUVASHIA DURING THE PATRIOTIC WAR OF 1812

Abstract. Exactly 210 years ago, the greatest event in Russian history took place – the Patriotic War of 1812. During the fighting, heroism, courage, patriotism and selfless love of all segments of society for their Fatherland were vividly manifested. The population of Chuvashia also contributed to the defeat of the French invaders, to the end of the bloody Napoleonic wars that shook Europe for many years, as evidenced by documents telling about the participation of Chuvash soldiers directly on the battlefields. The article shows the feats of arms of the Chuvash people during the Patriotic War of 1812 and the foreign campaigns of the Russian army of 1813–1814 on the basis of archival documents from the funds of the State Historical Archive of the Chuvash Republic.

Keywords: Patriotic War of 1812, foreign campaigns, military history, patriotism, Russian army, Napoleon.

А.М. Иванов,
К.В. Купченко,
Н.Н. Федоскин

УКРЕПЛЕНИЯ ВЯЗЬМЫ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБОРОНЫ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА XVII в.

Аннотация. Статья, посвящена истории строительства Вяземской крепости, возведенной в начале 1630-х гг. из-за обострившихся отношений России и Речи Посполитой. После заключения Деулинского перемирия в 1618 г. Вязьма становится пограничным городом. В марте 1619 г. в Вязьму направлены войска с указом царя Михаила Федоровича, повелевавшем начать строительство крепости в городе. Но только в 1629 г., после возведения Можайской крепости, начинается строительство в Вязьме. Авторы работы рассказывают как о строительстве Вяземской крепости, так и ее роли в военных компаниях XVII в.: в войне 1631–1634 гг. за Смоленск, русско-польской войне 1654–1667 гг., после которых значение крепости падает и Вязьма превращается в тыловой город.

Ключевые слова: городские укрепления, Деулинское перемирие, Поляновский мир, Смутное время, Смоленское воеводство.

Центральный холм у излучины реки Вязьмы, получивший впоследствии название Соборный, с XII в. был обнесен деревянной оградой («тыном», «частоколом») из поставленных вертикально и заостренных сверху бревен. В это время городские укрепления еще не имели башен, а только проездные ворота. В стенах на уровне человеческого роста прорезались бойницы.

Появление в конце XIV в. огнестрельного оружия, а затем артиллерии внесло свои изменения и в конструкцию городских крепостей. И в XV–XVI вв. Вяземская крепость, охватывавшая территорию вокруг Соборного холма – «верхний город», состояла из поставленных впритык срубов – «городен», заполненных внутри землей и камнями. Вокруг укреплений «Верхнего города», особенно с его восточной стороны, на холме располагался посад, на котором в 1594 г. насчитывалось около 500 дворов с населением 575 человек мужского пола. К «Верхнему городу» по радиальным направлениям стекались улицы-дороги, ведущие из Москвы,

Смоленска, Калуги. Во время литовского разорения в начале XVII в. город был почти полностью разрушен, и к 1615 г. осталось только 150 дворов [3, с. 214].

В начале XVII в. события Смутного времени и польское вторжение затормозили развитие традиционной православной культуры Смоленского края. Из-за изнурительных многолетних войн с поляками и бедствий, причиняемых этими войнами, силы России еще были слишком слабы, чтобы вести борьбу с внешними и внутренними врагами разом. Однако действия русских против Польши были успешны: Вязьма, Дорогобуж и Белый были отняты у поляков в марте 1614 г., Смоленск же возвращен не был. Война с Польшей продолжалась до 1618 г. Во время этой войны Вязьма по-прежнему была сильным оплотом против поляков [2, с. 22]. По Деулинскому перемирию 1618 г. Смоленск на несколько десятилетий отошел к Речи Посполитой. Из присоединенных смоленских и северских земель было создано Смоленское воеводство. Оно состояло из двух поветов (округов) – Смоленского и Стародубского. В Смоленский повет вошли Смоленский, Дорогобужский, Рославльский и Бельский уезды. Восточные области Смоленской земли остались под властью Московского царя [3, с. 216–217].

После заключения Деулинского перемирия Вязьма становится пограничным городом. Царь Алексей Михайлович отдает указ о спешном усилении крепостей передовой линии обороны – Пскова, Острова, Опочки, Торопца, Ржева, Можайска и Вязьмы. Город служит главным прикрытием на дорогах, ведущих в Замосковье, водных путей на Оку в Калугу, на Верхнюю Волгу в Старицу и Тверь [4, с. 255].

В марте 1619 г. в Вязьму направлены войска под предводительством воевод Хованского, Феодора Головина и Димитрия Скуратова с указом царя Михаила Федоровича, повелевавшем: «В Вязьме город и острог поделать и укрепить совсем накрепко, и колодец велеть выкопать, и тайник сделать, и ров велеть выкопать, и надолбы около города и острога поделать, как в осадное время сидеть надежно и бесстрашно, и наряд по городу и по острогу поставить и устроить пушкарей к наряду».

В 1622 г. Вяземские воеводы Феодор Василевич Волынский, Иоанн Степанович Урусов и дьяк Гавриил Богданов получили указ

Михаила Феодоровича: «...надобно в Вязьме осада укрепить. ...приехав в Вязьму, ключи городовые и острожные и наряд (пушки), зе-лие (порох) и свинец, пушечные запасы, и деньги... взять у Ф. Головина, Д. Скуратова и дьяка П. Пахирева. ...осаду им велети со всеми укрепите, и всяких людей со всякими бои в осаде росписати и велети им по городу стояти в день и ночь с великим бережением, неоплошно. ...а город велети на ночь замыкати за час до ночи, а из утра отмыкати в час дни» [2, с. 28]. Но только в 1629 г., после возведения Можайской крепости, начинается строительство в Вязьме.

В это время воеводой в Вязьме был брат полководца Дмитрия Михайлович Пожарского князь Роман Михайлович Пожарский, который 16 мая 1631 г. сообщал в Москву, что на вооружении города находились: «три полуторные, две полковые пищали, 10 волоконен, 6 тюфяков, 18 пищалей затинных». В 1631 г. «...князь Роман Пожарский, да Иван Колтовский, да дьяк Петр Копкин... передали город ... князю Иоанну Кашину да Даниилу Замыкину, да дьяку Тимофею Агееву».

К этому времени из Москвы рассыпались грамоты в Белозерск, Вятку, Нижний Новгород о срочном вызове в Вязьму «мастеров для каменных работ». «...Белозерских сыскных и наших записных каменщиков и кирпичников и горшечников выслали бы их к нам к Москве ... чтобы затем нашему вяземскому городовому каменному и кирпичному делу молчания не было». В город присылаются казенные каменщики, кирпичники, плотники, мостовщики, которые «будучи более квалифицированными мастерами-профессионалами, выступают в качестве руководителей работ, обучают своему искусству учеников и мобилизуемых на строительство «даточных» наемных работников из крестьян, посадских и «приборных» ратных людей (стрельцов, пушкарей, казаков). Для руководства земляными работами в Вязьму приезжает Хриштоп Дальгамер – «цесарские земли горододелец». Весной 1631 г. он писал в Москву, что «...кроме 80-ти плотников, которые делают деревянное дело в городе, да те же плотники и копают и носят землю и подымают и колотят сваи и иные дела делают. Нет больше никого, а нужны опытные каменщики для возведения башен и окладки кирпичом, рвов, чтобы можно было всю нечистою воду изо рва выпроводить» [2, с. 29].

Приказ Каменных дел посыпает в Вязьму зодчего Мирона Вельяминова с «подмастерьем каменных дел» Антипов Константиновым, выдающимся русским зодчим, одним из немногих мастеров, умевших «составлять чертежи». Школу строительного мастерства Антип прошел на возведении Смоленской крепости (1595–1602) под руководством русского зодчего Федора Коня и своего отчима Лаврентия Возоулина. После лихолетья «смутного времени» Антип Константинов с Лаврентием Возоулиным с 1628 г. строили главный Михайло-Архангельский собор в Нижнем Новгороде в честь народного ополчения, освободившего Москву. По окончании строительства в Вязьме Антип Константинов в 1635–1636 гг. вместе с известными мастерами Баженом Огурцовыми, Трефилом Шарутиным и Ларионом Ушаковым возводил главные жилые покои русских царей в Московском Кремле, наиболее крупное гражданское здание XVII в. – Теремный дворец в Московском Кремле. Последние годы мастера прошли в Нижнем Новгороде на строительстве Печерского монастыря [3, с. 217–218].

В Вязьме за три года – с 1631 по 1634 – возводится мощная крепость с двумя линиями обороны. Внутренний «Верхний город» состоял из острога, в который входили пять деревянных башен, соединенных земляным валом, протяженностью 170 сажен (357 м) и высотой до 10 сажен (18–25 м) и глубокий ров. «Верхний город» опоясывался «нижним» «Большим городом», имевшим вид неправильного многоугольника, состоявшего из шести каменных башен, соединенных между собой деревянными стенами, стоявшими на земляном валу высотой от 8 до 16 м и длиной 1,49 км. Деревянные стены состояли из 187 городен четырехметровой высоты. По верху стен из городен шел боевой ход, который сверху перекрывался двухскатной стропильной кровлей, запиравшейся со стороны города на стойки-столбы.

В 1631 г. в Большом городе были шесть каменных башен, из них башни с проезжими воротами, третьи ворота тайничные в городской стене к реке Вязьма: «...Московские ворота с тремя боями; глухая Духовская со средним боем; Ротвинская наугольная башня с верхним боем; Смоленские ворота с тремя боями; угловая башня напротив Ильинского монастыря; воротная Фроловская башня с тремя боями» [2, с. 28]. Каждая башня и ворота имели свое название, связанное с близлежащими церквями, слободами или направлениями

дорог. На протяжении веков эти названия менялись. До наших дней в документах сохранились такие названия, как Фроловские (Тайничные), Смоленские (Пречистенские), Московские (Духовские) и Троицкие ворота; Воеводская (Московская), Духовская (Калужская), Ротвинская (Ильинская), Караульная (Раскатная), Фроловская и Спасская башни [6, с. 182].

Вяземская крепость, возвышающаяся на высоком берегу, имела суровый непреступный вид. Лишенная всяких украшений, ощетинившаяся пушками, она наводила страх на врагов, вселяла уверенность ее защитникам. Крепость сыграла важную роль в войне 1631–1634 гг. за Смоленск. Здесь останавливались и пополняли запасы крупные силы русских войск, создавались склады артиллерии и боеприпасов. В сентябре – октябре 1633 г. поляки совершают несколько безуспешных попыток захватить Вязьму. В декабре 1633 г. отряды, вышедшие из Вязьмы, разбили польско-литовские войска у Дорогобужа. В 1634 г. при речке Поляновке в 17 верстах от Вязьмы заключен Поляновский мир. И вновь всего в 40 верстах от города, у села Зарубежье, проходит граница русских владений. В 1634 г. были проведены работы по ремонту крепости. До 1654 г. Вяземская крепость обеспечивала защиту западных пограничных областей и оборону внутренних районов страны.

Во второй половине XVII в. финансовое положение Вяземской крепости ухудшается. «Многие обнищали, а иные стали в стрельцы и казаки, а иные от долга и грабежу разбежались», – читаем мы в летописи. Башни быстро разрушались, часть деревянных стен гнила, в подвалах башен стояла вода, обрушились подземные ходы. Новая война за Смоленск в 1654 г. заставляет принять меры по ремонту Вяземской крепости. В «Малом городе» подправлены деревянные стены. В городе квотировалась артиллерия и несколько полков войск. После заключения Андрусовского перемирия между Россией и Речью Посполитой в 1667 г. Вязьма превращается в тыловой город, его значение как крепости падает.

В 1687 г. в Вязьме оставалось шесть башен каменных, «городовую стену во многих местах раскрыло и без кровли та стена гниет». Значение города как крепости упало, но в 1670–1690-х гг. еще продолжаются работы по ремонту стен. В эти годы «деревянные стены «Малого города» с западной стороны и дубовый тын с восточной

заменяются единым рубленым городом». Из «Малого города» за город к мельничному пруду к Вязьме реке проводится тайник (подземный ход) с выходом «мерою» – длиною 16 сажень (около 34 м); и колодезь вычищен; для выхода грунтовых вод выводится подземная труба к реке. Последнее оживление на крепостных стенах «имело место быть» в начале XVIII в. В Вязьме по поручению Петра I царевич Алексей организует военную базу по снабжению армии, восстановливаются земляные валы.

К концу XVIII в. Вязьма окончательно теряет свое военное значение, укрепления перестают поддерживаться должным образом, от крепости остаются лишь каменные башни. В 1776–1778 гг. крепость имела уже только пять башен. Эти же пять полуразрушенных башен упоминаются на планах города 1779 и 1798 гг. В описи к плану 1798 г. записаны: «каменная ветхая башня (угловая Никитская у реки Вязьмы); каменная башня в коей хранится соль (Богородицкая на торговой площади); каменная башня в коей хранится вино (Спасская)» [3, с. 221].

В октябре 1812 г. французы при отступлении подорвали сохранившиеся башни. В 1837 г. от некогда грозной Вяземской крепости осталась только Спасская угловая башня. В 1836 г. игумения Аркадиевского монастыря Августа, из рода князей Ширинских-Шахматовых, обращалась к императору Николаю I с просьбой о том, чтобы срыть Спасскую башню. Но он в журнале Комитета Министров отметил: «отнюдь не трогать, но можно, исправив, отдать монастырю» [5, с. 21, 60]. В этом же году вышло постановление правительства «об исправлении башни в Вязьме», и городской голова купец второй гильдии Исидор Петрович Неронов решил «...принять на себя издержки по сему предмету до 5162 руб. 56 коп. простирающиеся на сей счет». По предложению губернатора, «...сие было дозволено с тем, чтобы здание это сохранило тот же самый вид, в каком оно теперь находится...». Пространство, занимаемое башней, составляло 69 сажень и один аршин (почти 148 кв. м), длина – восемь сажень и два аршина (18,5 м), ширина – восемь сажень (17,07 м); наибольшая высота от основания – шесть сажен один аршин (13,51 м), кроме крыши, вышина которой чуть больше трех сажен (около 13 м). Четыре стены имеют 24 бойницы разной формы и величины. Толщина стен в нижнем ярусе до 6 м, во втором и третьем

до 4,2 м. Стены башни книзу расширяются, отклоняясь от вертикали на 20°. Внутри башня имеет три яруса: нижний имеет вид подвалов, второй ярус соединяется с третьим винтообразной лестницей. В нижнем ярусе по центру северного и восточного фасадов симметрично сгруппированы большая бойница с двумя малыми стрельницами по бокам. На других участках симметрия нарушена, и оси амбразур развернуты для удобства обстрела. Амбразуры всех бойниц завершены полуциркулярными сводами, а стрельниц – ступенчатым, с напуском кирпича. Через юго-западный угол башни проходит винтовая лестница, объединяющая ярусы и сводчатый проход в башню во втором ярусе. Наиболее сложно устроен третий ярус. В его стене по всему периметру проходит боевая галерея шириной до 1,5 м. Ярус был перекрыт полуциркулярным сводом по оси север – юг. Квадратное помещение четвертого яруса имело в юго-западном углу выход на стену крепости. Четвертый ярус был разобран в середине XVIII в. В дальнейшем башня использовалась под кладовые монастыря. В XIX и XX вв. при строительных работах в центре города находили остатки подземных ходов и «подслушов», служивших для сообщения крепости с посадом и ведения боевых действий в тылу врага.

К концу XX в. от Вяземской крепости сохранился прекраснейший образец русского оборонного зодчества – Спасская башня. Мощные стены и бойницы выдержали многократные нападения врагов, временщиков и времени. После закрытия монастыря в начале 20-х гг. XX в. башню использовали под различные хозяйствственные нужды. Сильным разрушениям подверглась Спасская башня – «крепость», как с уважением называют ее вяземичи – во время Великой Отечественной войны. В марте 1943 г. немцы взорвали сводчатые перекрытия башни, винтовую лестницу, уничтожена крыша, сильно повреждена внутренняя поверхность стен. В таком состоянии Спасская башня находилась до 1974 г. С 1974 по 1980 г., учитывая историческое значение памятника, была проведена его реставрация. Восстановлены кладка наклонной внешней поверхности стен первого яруса, уничтоженного в XIX в., сделана крытая тесаная кровля. Проект реставрации был разработан смоленским архитектором Александром Петровичем Силановым. Чертежи завершения башни были составлены московским архитектором Дмитрием Сергеевичем Соколовым.

Источники и литература

1. Архитектурные памятники Смоленской области в двух частях. Часть 2. – М., 1987.
2. Виноградов И.П. Исторический очерк г. Вязьмы с древнейших времен до XVII в. – М., 1890.
3. Иеромонах Даниил (Сычев). Вязьма. Очерки истории. – М., 1997.
4. Иванов А.М. Межконфессиональные отношения на Смоленщине в польский период истории края (1611–1654 гг.) // Россия, Запад, Восток: диалог культур и цивилизаций: сб. науч. трудов междунар. науч.-практ. конфер. – Стерлитамак, 2018. – С. 255–257.
5. Поклон из Вязьмы // Альманах «Памятники Отечества». – 1996. – № 3.
6. Суханова В.А. Памятные места Смоленщины. – Смоленск, 2003.

**A.M. Ivanov,
K.V. Kupchenko,
N.N. Fedoskin**

STRENGTHENING OF VYAZMA IN THE SYSTEM OF ENSURING THE DEFENSE OF THE MUSCOVITE STATE OF THE XVII CENTURY

Abstract. The article is devoted to the history of the construction of the Vyazma fortress, built in the early 1630s due to the aggravated relations between Russia and the Polish-Lithuanian Commonwealth. After the conclusion of the Deulin truce in 1618, Vyazma became a border town. In March 1619, troops were sent to Vyazma with the decree of Tsar Mikhail Fedorovich who ordered to begin the construction of a fortress in the city, but only in 1629, after the construction of the Mozhaisk fortress, construction began in Vyazma. The authors of the work tell both about the construction of the Vyazma fortress and its role in the military companies of the XVII century: the war of 1631–1634 for Smolensk, the Russian-Polish war of 1654–1667, after which the value of the fortress falls and Vyazma turns into a rear city.

Keywords: city fortifications, Deulin truce, Polyanovsky peace, Time of Troubles, Smolensk voivodeship.

ПОРТ-АРТУР И КВЖД КАК ПРЕДПОСЫЛКИ К РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ

Аннотация. В 90-е гг. XIX в. Российская империя начинает активную внешнюю политику на Дальнем Востоке. В частности, это связано со строительством КВЖД, которая позволяла увеличить военное присутствие в регионе. Но именно из-за данного проекта столкнулись интересы России и Японии, у которой к тому же отняли и Порт-Артур. Также эта стройка стала причиной разлада с Англией, и в итоге оставшись без союзников и с агрессивным противником в лице Японии Российская империя оказалась втянута в ненужную для нее войну, которой можно было избежать. Таким образом, из-за железной дороги, которая должна была помочь освоению дальних территорий России на востоке, началась японо-китайская, а после и русско-японская войны.

Ключевые слова: Россия, Япония, КВЖД, Порт-Артур, японо-китайская война, русско-японская война, Германия, Маньчжурия.

Одним из наиболее взрывоопасных регионов мира в конце XIX и начале XX в. становится Китай, где переплетаются политические, экономические и территориальные интересы, как европейских государств, так и молодого японского милитаризма и экспансиионизма. Борьба за превращение Китая в колонию этих государств, раздел Цинской империи на сферы влияния носил как дипломатический, так и военный характер. Одним из наиболее ожесточенных направлений стал Северный Китай, где столкнулись интересы прежде всего России и Японии, за спиной которой находились Великобритания и США.

Используя тяжелое внутреннее и внешнеполитическое положение Китая, Российская империя смогла навязать Цинской империи ряд договоров, прежде всего стоит упомянуть Пекинский договор 1860 г., согласно которому Россия получала значительные земли по реке Амур и на Дальнем Востоке. Выйдя на границы Маньчжурии, царское правительство начало рассматривать ее как свою сферу влияния и в перспективе стремилось распространить свое влияния и на

Корею. Александр III, начав грандиозную стройку Сибирской железной дороги, предпочитал вести строительство по русской территории, но Николай II согласился с продолжением железной дороги через Маньчжурию, территория которой сразу же стала рассматриваться как огромный вытянутый русский сettльмент, обладавший правом экстерриториальности. Это позволило не только удешевить строительство, решить вопросы переброски военных резервов России на Дальний Восток, в том числе ввиду сокращения времени перевозки, но и создать предпосылки для активного освоения и заселения северо-восточной части Китая и Кореи [3, с. 75–77].

Усиление позиций России в этой части Китая вызвало раздражение Англии и США, которые рассматривали планы по строительству железной дороги, которая должна была связать южные провинции и Маньчжурию, под их контролем. Это позволило бы наводнить внутренний Китай товарами и значительно снизить конкурентоспособность русских капиталов. Именно вопрос железнодорожного строительства и контроля над ним стал одним из центральных в этот период, что сделало КВЖД камнем преткновения между различными государствами.

Но особое недовольство выразила Япония, которая еще со времен Хидэёси рассматривала Корею и Северный Китай как сферу своего исключительного влияния. Стремясь не допустить усиления России в этом регионе и самой усилить свое влияние, Япония развязала войну против Китая и достаточно быстро одержала победу над этой ослабевшей империей. Проницательный С.Ю. Витте считал, что предпринятая Японией война является следствием того, что началось строительство Сибирской дороги. Главной же целью России в тот момент было недопущение войны с Японией, которую поддерживала Англия [6]. Поэтому Российская империя в союзе с Францией и Германией смогла не допустить аннексии Японией Ляодунского полуострова и Порт-Артура по Симонесекскому мирному договору 1895 г. Но лишь затем, чтобы в очередной раз укрепить свои позиции. В своем докладе министр иностранных дел А.Б. Лобанов доказывал, что России выгоднее иметь в союзниках Китай, от которого можно получить незамерзающий порт в Желтом море, а также необходимую часть Маньчжурии, которая была нужна для завершения строительства железной дороги, прозванной Великим

трансазиатским путем [6]. Вследствие этого в 1895 г. русские своим вмешательством в японо-китайскую войну остановили победоносное шествие Японии и лишили ее плодов побед. Разумеется, у Японии были слишком амбициозные требования. Поэтому вместо Ляодунского полуострова, который дал бы Японии политический перевес на Желтом море, ей дали остров Формозу [10, с. 12–13]. Именно данная ситуация и вызвала в Японии взрыв антирусских настроений, что стало точкой начала подготовки к решению вопроса силовыми методами со стороны Японии.

Сразу же выступить против России Империя восходящего солнца не могла. Она опасалась союзников России, поддержавших ее в ограничении японских территориальных претензий по результатам японской победы над Китаем. Помимо всего прочего Япония не была готова к новой войне экономически, сказывалась нехватка ресурсов и новейшего вооружения.

Германия, как союзник России, была также против слишком многочисленных территориальных претензий Японии по окончанию Японо-Китайской войны. Но стоит учитывать, что Германия преследовала свои территориальные интересы, и так как они совпадали с российскими, то сложился своего рода «союз» двух государств по этому вопросу. Германский кайзер так писал к русскому царю по этому поводу: «Для России великой задачей будущего является дело цивилизации азиатского материка и защиты Европы от вторжения желтой расы... Я сделаю все, что в моей власти, чтобы поддержать спокойствие в Европе и охранить тыл России, чтобы никто не мог помешать твоим действиям на Дальнем Востоке» [7]. Ситуация складывалась так, что Россия смогла бы получить для себя территориальную уступку от Китая за заступничество, и Германия своей поддержкой рассчитывала получить новые территории и для себя. В похожем была заинтересована еще одна страна – Франция, поэтому вместе три европейские державы смогли дипломатически надавить на Японию и заставить отказаться от Ляодунского полуострова, который был возвращен Китаю. Помимо всего прочего Германия преследовала цель сорвать русско-английские переговоры о союзе, так как противостояние Японии и России означало бы охлаждение отношений последней с Англией, которая в тот момент была основной союзницей Японии. Все это по плану Вильгельма II,

германского императора, должно было втянуть Российской империю в дальневосточную авантюру, что ослабило бы русскую угрозу Ближнему Востоку и Центральной Европе.

Германия смогла добиться своего и именно с захвата желанного для нее порта Цзяо-Чжоу и началась захватническая цепочка событий. 4 января 1898 г. Германия получила данную бухту в аренду сроком на 99 лет. После чего по этому примеру Россия также добилась для себя аренды Порт-Артура, а Англия соблюла свои интересы и захватила Вей-хай-вей. К данному выводу можно прийти, изучив телеграмму министра иностранных дел Н.М. Муравьева: «Ввиду состоявшегося занятия Киао-Чао германской эскадрой, которая намерена, по-видимому, остаться в бухте на неопределенное время, государь император признал необходимым повелеть, чтобы отряд нашей Тихоокеанской эскадры отправился для временной стоянки в Порт-Артур, на что уже последовало согласие со стороны китайского правительства» [4, с. 4]. Но добившись своих целей, союзники России уходят в сторону, оставив ее в одиночестве. В то же время русские дипломаты не пошли на компромисс с Японией, которая усиливалась благодаря английской и американской помощи.

Такой пересмотр итогов победной для Страны восходящего солнца войны с Китайской империей вызвал среди японской общественности, особенно ее милитаристских кругов, крайнее возбуждение. Современники отмечали, что давление, оказанное европейскими державами, «не пришлось по нраву гордой и тщеславной японской нации, упоенной недавними победами, и стремления ее, задержанные на время, остались на будущие времена ее политическим идеалом» [11, с.13].

Одновременно Россия решила проблему незамерзающей военно-морской базы, что было настоятельной необходимостью в военном противостоянии с Японией. В декабре 1897 г. русская эскадра вошла в Порт-Артур, а в марте 1898 г. с Китаем был подписан договор об условиях аренды на 25 лет южной части Ляодунского полуострова (так называемой Квантунской области) со всеми портами и прилегающими островами [10, с. 13–14]. Таким образом, Порт-Артур превратился в главную военную базу русской Тихоокеанской эскадры, а соседний порт Дальний объявлялся открытым коммерческим портом.

На Японских островах занятие Квантунской области русскими вызвало очередной прилив возмущения. «Занятие вами Порт-Артура проложило глубокую борозду между Россией и Японией. Это занятие породило в японцах несомненную жажду мщения» [10, с. 14]. Так говорил японский посланник в Лондоне виконт Хаяши российскому послу.

Порт-Артур был нужен Японии не только как хорошая морская военная база, какой она показала себя во время японо-китайской войны. Но и прежде всего этот порт должен был стать плацдармом для дальнейшего наступления на материк, что было жизненно необходимо для такой быстроразвивающейся страны, которой необходимы были новые земли и ресурсы. В свою очередь, для России это был просто более выгодный порт из всех, но при этом имперские амбиции не были подкреплены ресурсами и военными силами на этой территории, хотя это было первой линией обороны на случай войны с Японией. Тогда как защита сухопутных границ была практически невозможна ввиду большой протяженности и небольшого количества войск, расквартированных на Дальнем Востоке.

Когда Российская империя смогла получить в аренду Порт-Артур и Квантунскую область, то все проекты по развитию Дальнего Востока сместились в сторону новоприобретенных территорий. Выйти к берегам Желтого моря через железную дорогу стало восприниматься как необходимость. В итоге Приамурский край и порт Владивосток отошли на второй план, и теперь все устремления повернулись к новому незамерзающему Порт-Артуру и к новому торговому пункту – городу Дальнему [4, л. 310].

К сожалению, успехи дипломатических побед России имели и обратную сторону. Эти территориальные приобретения заставили активизировать строительство железной дороги, из-за чего пришлось произвести дополнительное финансирование в этот проект. И в итоге бюджет стал составлять примерно 400 млн. рублей [1]. Конечно, все это было ради того, чтобы как можно быстрее связать Западный и Восточный океаны, что по задумке должно было сильно подорвать остальные мировые торговые пути и принести огромный доход благодаря этой магистрали. Но помимо раздутого бюджета наметились и другие проблемы, а именно то, что в спешке при введении дороги в эксплуатацию оказалось, что для окончательной

готовности строительства требуется еще примерно 80 млн. [1]. Это было вызвано тем, что вскрылись различные дефекты на многих участках дороги из-за топографических ошибок, к тому же многие станции были временными, страдала инфраструктура, не хватало товарного состава. А для торгового пути данные проблемы были очень важны.

Помимо этого, вместо развития русских территорий и постепенного увеличения населения, большие деньги, можно сказать, вливались в освоение чужого края. От строительства железнодорожной магистрали (КВЖД) обе стороны получили существенную выгоду. Россия значительно укрепила позиции на Дальнем Востоке, а Китай, получая твердые гарантии вооруженной защиты от новых агрессий со стороны Японии, мог начать экономическое освоение огромного Маньчжурского края, по территории которого как раз пролегала железная дорога и в территорию которого Российской империя активно вливала свои финансы. До этого эта территория рассматривалась правящей династией Цин как заповедная зона ее предков – маньчжур.

И в итоге из-за всех проблем товарное движение оказалось для этой дороги под вопросом: так как город Дальний в первое время оказался не самым успешным торговым городом; так как японские и китайские суда туда не заходили из-за дальнего расположения; помимо этого инфраструктуру еще не успели развить до соответствующего уровня; тогда как иностранные государства предпочитали везти свои товары через более выгодный Порт-Артур.

Единственным товаром, что активно начали перевозить, оказалось чай, но и его было мало, всего около 6 млн. пудов в год [1], что при высокой стоимости доставки и нехватки товарных вагонов и складов на протяжении всего пути делало это предприятие убыточным. И в итоге можно сделать вывод, что строительство этой дороги в коммерческом плане провалилось. Но в стратегическом и политическом плане железная дорога исправно выполняла свои функции. Что и показала русско-японская война, когда по железной дороге перевозили исключительно боевые части [9].

Стоит заметить, что получение концессии Российской империи на постройку Восточной железной дороги осложняло отношения с Англией, которая в то время продвигала политику «открытых дверей» по отношению к Китаю. Успешное же завершение строи-

тельства данной железной дороги вело бы к доминированию России в Маньчжурии и Северном Китае, а также к чрезмерному усилению в Корее, чего Великобритания допустить не могла, поэтому английские дипломаты выбрали в качестве орудия против Российской империи Японию, которая самостоятельно не могла противостоять против одной из сильнейших европейских держав, но с помощью англичан это было осуществимо. Несмотря на разрешения ряда спорных моментов между Англией и Россией во время раздела Китая [8, с. 44], угроза со стороны Российской империи в Великобритании оценивалась высоко. В результате англичане перешли к политике военной и финансовой помощи Японии в модернизации флота.

Строительство КВЖД и приобретение Порт-Артура казались в то время победой русской дипломатии, но эта победа оказалась пирровой. Вероятнее всего, оставалась перспектива избежать войны, если бы Порт-Артур остался в руках японцев. Но при этом на особом совещании в 1895 г. говорилось, что при расположении русских войск в Маньчжурии была бы сведена на нет угроза, исходящая от Порт-Артура, но данный шаг представлял бы проблему для проведения железной дороги, для которой необходим был конечный пункт на данной территории [6]. Это говорит о том, что страна была поставлена в крайне тяжелое дипломатическое положение именно из-за строительства железной дороги. Вместо намеченной Александром III цели по развитию своих дальневосточных регионов, Российская империя при Николае II использовала этот грандиозный проект для того, чтобы развивать свои завоевательные планы на этих территориях. Что в конечном итоге столкнуло ее против Японии и поддерживающих ее стран, но в тот момент Россия была не готова к ведению боевых действий на Дальнем Востоке. И в результате именно строительство Азиатской магистрали в совокупности с арендой Порт-Артура раздуло огонь вражды между двумя государствами, все это вылилось в тяжелейшую войну, из которой Российская империя вышла побежденной. Война вскрыла и огромную коррупцию в государственном и военном руководстве страны, отсутствие стратегических планов и потерю союзников. Страна понесла огромный военный, материальный и, главное, репутационный ущерб. И все это началось с решения по постройке железной дороги через спорную территорию Маньчжурии.

Источники и литература

1. 1903 г. По личным воспоминаниям // Вестник Европы. – 1904. – № 12.
2. Бархатов М.Е. История русско-японской войны. – СПб., 1907.
3. Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. – М., 1960.
4. Всеподд. записка министра ин. дел (6 апреля) 25 марта 1895 г. // РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1465. Л. 310
5. Гостенков А.В. Начало германской мировой политики. Оккупация Цзяочжоу // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2010. – № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nachalo-germanskoy-mirovoy-politiki-okkupatsiya-tszyaochzhou> (дата обращения 02.09.2022).
6. Журнал Особого совещания (1 февраля) 20 января 1895 г: [Электронный ресурс]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/18801900/Perv_sagi_russk_imp/text1.htm?ysclid=l7otlu492u875476009 (дата обращения 31.08.2022).
7. Захват Германией Киао-Чао в 1897 г: [Электронный ресурс]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/18801900/Zachvat_Kiao_Cao/pred.htm?ysclid=l7ouhxt6ng316895384 (дата обращения 31.08.2022).
8. Игнатьев А.В. Витте-дипломат. – М., 1989.
9. Китайско-восточная железная дорога: Исторический очерк 1895–1903 гг. По личным воспоминаниям // Вестник Европы. – 1904. – № 12.
10. Шишиов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. – М., 2001.
11. Шишиов А.В. Разгром Японии и самурайская угроза. – М., 2005.

**A.A. Yarygin,
M.A. Yakovlev**

PORt ARTHUR AND THE RUSSIAN RAILWAYS AS PREREQUISITES FOR THE RUSSO-JAPANESE WAR

Abstract. In the 90s of the XIX century, the Russian Empire began an active foreign policy in the Far East. In particular, this is due to the construction of the CER, which allowed to increase the military presence in the region. But it was precisely because of this project that the interests of Russia and Japan clashed, from which Port Arthur was also taken away. This construction also caused a rift with England, and as a result, left without allies and with an aggressive opponent in the person of Japan, the Russian Empire was drawn into an unnecessary war for it, which could have been avoided. Thus, because of the railway, which was supposed to help the development of the distant territories of Russia in the east, the Japanese-Chinese, and after the Russian-Japanese war began.

Keywords: Russia, Japan, CER, Port Arthur, Sino-Japanese War, Russian-Japanese War, Germany, Manchuria.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XX ВЕКА

УДК 94(470.343)

О.Е. Ащеулов

ОЦЕНКА ПРИМЕНЕНИЯ РЕАКТИВНОЙ АРТИЛЛЕРИИ РККА В БОЯХ НА ЮГО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ В ПЕРИОД С ОКТЯБРЯ 1941 г. ПО ЯНВАРЬ 1942 г. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦАМО РФ)

Аннотация. Публикация посвящена одному из символов оружия Победы Советского Союза в годы Великой Отечественной войны – реактивным установкам БМ-8 и БМ-13 «Катюша» и оценке их применения в составе Юго-Западной оперативной группы гвардейских минометных частей в октябре 1941 г. – январе 1942 г. Публикуется рассекреченный документ из фонда Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) «Краткие выводы о применении «РС» на Юго-Западном фронте».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, гвардейские минометные части, «Катюша», Юго-Западный фронт.

В 2021 г. исполнилось 80 лет с момента принятия на вооружение Красной армии знаменитых боевых машин реактивной артиллерии БМ-8 и БМ-13, за которыми в массовом сознании прочно закрепилось ласковое имя «Катюша». Установки БМ-8 и БМ-13 стали основным вооружением образованных в 1941 г. частей полевой реактивной артиллерии, которые в целях секретности получили название «гвардейские минометные части» Красной армии. В итоге гвардейские минометные части Красной армии стали одним из символов мощи советского оружия и символом Победы Советского Союза. После окончания Великой Отечественной войны «Катюши» упоминались в газетах и книгах как мощное и эффективное оружие СССР в ходе Второй мировой войны.

Вместе с тем процесс формирования гвардейских минометных частей в годы Великой Отечественной войны (особенно в период 1941–1942 гг.) оказался недостаточно исследованным в настоящее время. Основной причиной этого послужила обстановка повышенной секретности, в которой создавались гвардейские минометные части.

Несмотря на обилие военно-исторической литературы, посвященной боевым действиям и технике Второй мировой войны, книг, касающихся истории реактивной артиллерии Красной армии в 1941–1945 гг., в настоящее время имеется единицы. В основном они носят справочно-энциклопедический характер и рассматривают тактико-технические характеристики реактивных установок, находившихся на вооружении Красной армии и других стран в период Второй мировой войны. Сведения об истории формирования и боевого применения гвардейских минометных частей в 1941–1945 гг. в данных изданиях, как правило, приводились очень кратко и без ссылок на источники и литературу. В качестве примера можно привести книги К.А. Кузнецова «Реактивное оружие Второй мировой» [1] и А.Б. Широкорада «Отечественные минометы и реактивная артиллерия» [5].

Кратко напомним основные вехи создания гвардейских минометных частей в 1941 г. Основанием для принятия на вооружение Красной армии реактивной установки «БМ-13» и одновременно рождения гвардейских минометных частей послужило постановление ЦК ВКП (б) «О развертывании серийного производства снарядов М-13, пусковых установок БМ-13 и формировании частей реактивной артиллерии».

Советское военное руководство по достоинству оценило все перспективы нового оружия. К 2 июля 1941 г. была сформирована первая экспериментальная батарея из семи реактивных установок, получившая впоследствии название «батарея Флерова». В августе 1941 г. началось формирование первого гвардейского минометного полка. Уже 8 сентября 1941 г. вышло постановление Государственного комитета обороны (ГКО) № 642, которое стало важной вехой в истории советской полевой реактивной артиллерии. Согласно данному постановлению гвардейские минометные части были выделены из состава Главного артиллерийского управления. Одновременно с этим вводилась должность командующего гвардейскими минометными частями, который должен был подчиняться непосредственно

Ставке Главного Верховного Командования (СВГК) Советского Союза. Первым командующим гвардейскими минометными частями (ГМЧ) стал военинженер 1-го ранга В.В. Аборенков, бывший до этого заместителем начальника Главного артиллерийского управления. При командующем ГМЧ был сформирован штаб, главное управление вооружений минометных частей М-8 и М-13, а также оперативные группы на основных направлениях [2, л. 188–198].

14 сентября 1941 г. было издано постановление ГКО № 672, в котором поручалось создать к 16 сентября 1941 г. в районе г. Харькова Юго-Западную оперативную группу минометных частей. Начальником этой группы стал бывший командир 8-го гвардейского минометного полка М-8 полковник А.Д. Зубанов, а начальником штаба был назначен майор В.И. Вознюк [3, л. 103–104]. Организационно в состав оперативной группы входили: командно-начальствующий состав – 65 человек, младший начсостав – 43 человека и рядовой состав – 264 человека. Оперативная группа имела в своем распоряжении 74 грузовые автомашины, пять легковых автомобилей и пять специальных машин. В качестве средств самообороны от пехоты и авиации противника в оперативной группе имелось шесть пулеметов ДП и четыре спаренные установки пулемета «максим».

Публикуемый ниже в данной статье архивный документ «Краткие выводы о применении «РС» на Юго-Западном фронте» ранее носил гриф «совершенно секретно» и находится в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации [4, л. 119–121]. Он содержит краткие выводы о боевом применении реактивных установок в составе Юго-Западной оперативной группы минометных частей в период с октября 1941 г. по январь 1942 г. В документе отмечаются достоинства и недостатки применения реактивных установок в обороне и наступлении советских войск на Юго-Западном фронте. Далее приводится текст документа.

Краткие выводы о применении «РС» на Юго-Западном фронте

I. Юго-Западная оперативная группа гвардейских минометных частей на Юго-Западный фронт прибыла во второй половине 1941 г.

Части группы участвовали в боях:

1. На участке 21 А и группы генерал-майора Комкова в районе Лебедин, Шишаки, Диканька с 21.9.1941 по 1.10.1941.

2. На участке 33 А в районе Коломак, Ландышево с 3.10.1941 по 20.10.1941.

3. С группой генерал-майора Бычковского в районе Лисичанск, Верхнее с 19.11.1941 по 2.12.1941.

4. С конным корпусом генерал-майора Крюченкина в рейде по тылам Елецкой группировки противника в направлении Касторная, Верховье и Березовец, Гремячье, Сетепева с 6.12.941 по 7.1.1942.

5. С 38-й и 6-й армиями с 16.1.1942 по настоящее время.

Кроме того, отдельные дивизионы группы действовали:

1/5 гмп и 49 огмд на участке 13 А в Елецко-Ливенской операции.

2/4 ГМП с 40 А на участке Долгое, Ново-Алексеевка с 24.11.1941 по 12.1942.

1 и 2/4 гмп с 21 А в районе Щелоково, Тетеревино с 14 по 28.2.1942. В состав группы в настоящее время входят: 4 гмп, 5 гмп, 110 огмд, 206 огмд.

II. За весь прошедший период боев дивизионы «РС» участвовали в различных видах боев:

Оборона.

А) Дивизионы «РС» в обороне дают хорошие результаты при условии тщательной, непрерывной разведки всеми средствами армии. Хорошо разведанные скопления живой силы противника, танков, обозов уничтожаются залпами дивизионов, наносится большой материальный ущерб противнику и дают большой моральный эффект. Хорошая разведка скоплений противника на направлениях его главного удара дает возможность срывать все его атаки, применяя огонь дивизионов «РС». Примером служат действия 4 гмп и дивизионов 5 гмп с 38 А на участке Коломак, Ландышево.

Когда разведка установила накапливание противника на правом фланге армии, 4 гмп был переброшен туда с левого фланга и в течение 10 дней все атаки противника на участках 434 и 1049 стрелковых полков были отбиты. Такую же роль сыграл 2/5 гмп при обороне Лозовая.

Б) Недостатками использования «РС» в обороне являются:

1) Вызов огня по плохо разведенным целям (110 огмд с 258 СД в районе Яковенково 8.2.42. 2/4 гмп с 62 СД 5.1.42).

2) Вызов огня по малым группам противника, где может быть с успехом применен огонь артиллерии и минометов (1/5 гмп с 411 СД в районе ст. Лихачево 1.3.42, 1/4 гмп с 6 кавалерийским корпусом в районе схв. Богдановка).

3) Вызов дивизионов на ОП, близко расположенные к переднему краю, без пехотного и противотанкового прикрытия (3/5 гмп с 47 СД в районе Сидоренково 6.10.41, 2/4 гмп с 62 СД в районе Рождественское 3.1.42).

Наступление.

А) Части группы поддерживали наступление 6-го кавалерийского корпуса под Лисичанском, 6 А в направлении Савинцы, Лозовая, 38 А под Волчанском и 21 А в направлении Щелоково, Тетеревино.

Хорошие результаты огонь дивизионов «РС» дает, когда он подготовлен по выходам в тыл из опорных пунктов, по местам скопления противника для контратак, по возможным путям подхода резервов. На участке 6 А на выходах из д. Ветровка залпом 1/5 гмп было уничтожено более 200 солдат и офицеров, пытавшихся отступить в лес.

На участке 38 А в Избицкое, Рубежное залпами 1 и 2/4 гмп были уничтожены на исходных положениях скопившиеся для контратаки группировки противника. Двумя залпами 2/4 гмп 15.3.42 была частично уничтожена и частично рассеяна группа пехоты, пытавшаяся контратаковать из Терновая.

Аналогичные примеры есть и в боях под Лисичанском с 6-м кавалерийским корпусом и под Тетеревино с 21 А.

Б) Недостатками использования дивизионов «РС» при наступлении является:

1) Вызов огня по опорным пунктам, который кроме звукового и некоторого морального эффекта почти ничего не дает (по Лоскутовка и Волчеяровка № 2 с 6-м кавалерийским корпусом, по Балаклея с 253 СД, по Волохов Яр с 47 СД и др.)

2) Вызов огня по мелким контратакующим группам, где может быть с успехом применен минометный и артилерийский огонь. Стрельба по таким группам только демаскирует дивизионы РС, заставляет часто менять огневые позиции, что не всегда представляется возможным (трудно проходимые дороги, открытая местность и т.д.) и дает непроизводительную и ненужную трату снарядов.

3) Выбрасывание дивизионов «РС» вслед за наступающими частями без надежного прикрытия с воздуха и от возможных контратак танков и отдельных групп пехоты оставляемых противником (2/4 гмп с 38 А 15.3.42 в районе Стар[ый] Салтов).

4) Неувязка во времени и пространстве атакующих частей с залпами дивизионов (части требуют дать в такое-то время залп, на мереясь после залпа идти в атаку, но когда дан залп – атаки нет, оказывается не готовы: 6-й кавалерийский корпус под Лоскутовка, Волчаяровка, 62 СД под Рождественское и др.).

Рейд по тылам противника.

Части группы участвовали в рейде конного корпуса генерал-майора Крюченкина в направлении Кастрорная, Верховье и Березовец, Гремячье Сетенева. Когда противник под ударами частей с фронта начинает отходить – создаются большие узлы скопления на узлах дорог, в трудно проходимых местах, зимой в населенных пунктах. Огонь дивизионов «РС» по таким скоплениям дает наибольшие результаты, наносит противнику большой материальный ущерб и дает исключительный моральный эффект. Залпами дивизионов по отходящим колоннам противника в районе Россонное, Зыбино, Кривец – уничтожено несколько тысяч солдат и офицеров, сотни повозок и машин, кроме того, противник, разбегаясь после залпа, оставлял на дорогах и в населенных пунктах транспорт, боеприпасы и даже орудия на огневых позициях (батарея 3 км севернее Зыбино).

Недостатком участия в рейде является то, что конные части, бывшие в рейде, не могли дать надежного прикрытия дивизионам, не имели достаточных противотанковых средств и когда противник начинает наступать, они оставляют дивизионы, которым приходится обороняться своими средствами. Так было под Верхней Любовшней, когда 14-я конная дивизия оставила без прикрытия 1/4 гмп, который понес потери в людях и матчасти; в районе Усть-Лески 1.1.42 6-я гвардейская кавалерийская дивизия (6 Гв.СД) отошла, оставив без прикрытия 3/5 гмп, который отбивался от наступавших танков противника своими силами и сумел один танк уничтожить и один подбить; 31.12.41 полк 1-й гвардейской стрелковой дивизии в районе Волчьи Двери отошел, оставив без прикрытия 2 и 3/5 гмп.

Примером правильного использования огня дивизионов «РС» являются:

1. 10.10.41 разведкой было установлено скопление частей противника в схв. Артем (Коломакское направление на участке 38 А) По требованию командира 7-й танковой бригады был дан залп двумя батареями 4 гмп. В результате уничтожено свыше 300 солдат и офицеров, около 50 повозок с лошадьми, более 20 автомашин и 10 орудий разных калибров.

2. В 15.00 18.10.41 было установлено движение немецкой колонны длиною до 3 км по дороге в районе Сковородиновка (40 км северо-западнее Харьков). Командир 4 гмп решил дать залп дивизиона с открытой огневой позиции. В результате было уничтожено до 2-х батальонов пехоты, тяжелая батарея с тракторами, около 50 повозок и более 30 автомашин с боеприпасами.

3. 14.12.41 двумя дивизионными залпами 4 гмп по колонне противника в районе Россошное было уничтожено около 400 солдат и офицеров и около 100 автомашин.

4. В боях за Лозовую 2/5 гмп 17 и 18.2.42 тремя двухбатарейными залпами по хорошо разведенным скоплениям противника в пос. Панютина, хутора Харченко, хуторе Домаха – уничтожил около 100 солдат и офицеров.

Одновременно имеют случаи вызова огня по неразведенным целям, по опорным пунктам, запаздывание с атакой после залпа:

1. 27.11.41. 3/4 гмп, по приказанию командира конного корпуса генерал-майора Бычковского дал три дивизионных залпа, один двухбатарейный и один батарейный залп. Израсходовано было 696 снарядов, а поражение противника было ничтожным, так как вся его живая сила была укрыта в блиндажах и каменных постройках. После залпов кавалерия должна была атаковать Лоскутовка, но все пять раз она опаздывала на 40–50 минут после залпа, и противник успевал выходить из укрытий и отбивал все атаки огнем.

2. В течение 22–25.1.42. командиром 253 СД и заместителем командира 6 А было приказано 110 огмд и 206 огмд дать 9 залпов (дивизионных и батарейных) по Балаклея. В результате всех залпов было подавлено несколько огневых точек и создано несколько точек пожара. Более ощутительных результатов эти залпы не дали, так как противник находился в укрытиях, которые снарядами «РС» не могли быть разрушены.

Нач. Опергруппы гв. м/ч СВГК ЮЗФ, генерал-майор артиллерии А.Д. Зубанов [4, л. 119–121].

Источники и литература

1. Кузнецов К.А. Реактивное оружие Второй мировой. – М., 2010.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 8.
3. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 9.
4. Широкорад А.Б. Отечественные минометы и реактивная артиллерия. – М., Мин., 2002.
5. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 12713. Оп. 1. Д. 2.

O.E. Ashcheulov

EVALUATION OF THE USE OF ROCKET ARTILLERY OF THE RED ARMY IN THE BATTLES ON THE SOUTHWESTERN FRONT IN THE PERIOD FROM OCTOBER 1941 TO JANUARY 1942 (BASED ON THE MATERIALS OF THE CENTRAL ARCHIVE OF THE MINISTRY OF DEFENSE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Abstract. The publication is devoted to one of the symbols of the Soviet Union's victory weapons during the Great Patriotic War – the BM-8 and BM-13 Katyusha rocket launchers and an assessment of their use as part of the Southwestern Task Force of the Guards Mortar Units in October 1941 – January 1942. Declassified document from the fund of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (CAMO of the Russian Federation) “Brief conclusions on the use of “RS” on the South-Western Front” is published.

Keywords: Great Patriotic War, Guards mortar units, Katyusha, South-Western Front.

УДК 94(4)«1944/45»+355.48(94)«1944/45»

A.C. Бушуев

УРОЖЕНЦЫ ПОВОЛЖЬЯ И ВОЛГО-ВЯТСКОГО РАЙОНА В СОСТАВЕ БОЕВЫХ ПОТЕРЬ РККА ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ПОЛЬШИ В 1944–1945 гг.

Аннотация. В статье на основе анализа базы данных, содержащей сведения о солдатах Красной армии, захороненных на воинском кладбище в г. Сувалки (Подляское воеводство Польши), составлен просопографический портрет уроженцев Поволжского и Волго-Вятского районов РСФСР,

погибших при освобождении северо-востока Польши от фашистов в ходе Гумбиннен-Голданской и Инстербургско-Кенигсбергской наступательных операций в 1944–1945 гг.

Ключевые слова: РККА, Красная армия, Польша, 3-й Белорусский фронт, 31-я армия, боевые потери, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, Поволжье, Волго-Вятский район.

Исследование боевых потерь Красной армии в последние годы по целому ряду причин становится одним из важных направлений изучения истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. Большая работа в этом направлении проделана как в масштабах исследования общих потерь РККА за все годы войны [5; 10; 16], так и в масштабах отдельных воинских подразделений [11; 15; 17], войсковых операций [7; 9; 12; 13] или отдельных регионов [2; 3; 6; 17; 18; 19]. Что касается региональных исследований, то их особенностью является обобщение на уровне потерь, как правило, всех уроженцев того или иного региона за все годы войны. При этом пока имеется мало исследований, посвященных отдельным аспектам участия уроженцев того или иного региона в отдельных войсковых операциях или на отдельных участках фронта. Вместе с тем возможности для такого анализа сегодня имеются.

В данной статье на основе математико-статистического анализа собранных автором сведений предполагается рассмотреть особенности состава боевых потерь Красной армии среди уроженцев Поволжского и Волго-Вятского районов при освобождении северо-восточных районов Польши на подступах к Восточной Пруссии в 1944–1945 гг.

Речь идет о районах Польши на Сувалкском направлении, где Красная армия столкнулась с ожесточенным сопротивлением на завершающем этапе войны, когда, освободив территорию Белоруссии, в июле 1944 г. вышла на рубежи государственных границ. Наиболее тяжелые кровопролитные бои продолжались здесь летом – осенью 1944 г. Основной удар приняли на себя войковые соединения 3-го Белорусского фронта, прежде всего 31-й общевойсковой армии под командованием Героя Советского Союза, генерал-полковника В.В. Глаголева [4, с. 41–42].

31-я армия, выйдя в августе 1944 г. в район г. Сувалки, заняла оборону на рубеже оз. Шельмент – оз. Вигры – оз. Сервы – д. Суха

Жечка. С конца августа фронт прекратил наступление для подготовки Гумбиннен-Голдапской наступательной операции, которая продолжалась 16–30 октября 1944 г. [1, с. 119]. За две недели боев в ходе этой операции войска 3-го Белорусского фронта прорвали оборону противника в приграничном районе и вторглись на территорию Восточной Пруссии на глубину до 50 км и до 140 км по фронту. При этом они понесли значительные потери в живой силе и технике: людские потери составили 79,5 тыс. чел., в том числе 16,8 тыс. чел. – безвозвратные потери [16, с. 316]. В конце октября – декабре 1944 г. фашисты предприняли ряд контрударов, частично отбив ранее занимаемые ими позиции. Следующий этап кровопролитных наступательных боев РККА на участке в районе Мазурских озер пришелся на зимние месяцы 1945 г., когда была начата Восточно-Прусская наступательная операция. Таким образом, войска 3-го Белорусского фронта понесли значительные людские потери в боях за освобождение этих земель летом – осенью 1944 г., зимой 1944/1945 гг.

Многие из погибших в этих боях солдат и офицеров оказались захоронены на кладбище в д. Кшывулька Сувалкского повята Подляского воеводства, ныне административно входящей в состав г. Сувалки. На сегодняшний день это одно из крупнейших советских воинских захоронений не только среди 91 известного подобного объекта на территории Подляского воеводства, но и среди всех воинских захоронений в Польше. По имеющимся сведениям, здесь покоятся 51 136 чел. [8].

Кладбище возникло в 1942 г. как место упокоения замученных фашистами советских военнопленных, содержавшихся в концентрационном лагере в Сувалках Stalag I-F, который действовал в 1941–1944 гг. Кроме 46 тыс. узников Stalag I-F, после окончания войны на кладбище в Кшывульке перезахоронили останки 5136 бойцов РККА, погибших при освобождении различных населенных пунктов Сувальщины. Из парка Конституции в Сувалках сюда перенесли останки бойцов 173-й стрелковой дивизии, освободившей город 23 октября 1944 г.

В результате изучения списков погибших и захороненных на данном кладбище (951 чел.) удалось установить, что большую часть погибших в боях за освобождение Сувалок и близлежащих населенных пунктов составили уроженцы трех крупнейших союзных республик – РСФСР (41,2 %), Белорусской (34,8 %) и Украинской ССР (17,0 %).

Уроженцы РСФСР представляют в общей сложности 57 регионов, распределение среди которых неравномерно. Волго-Вятский район с Поволжьем дают пятую часть всех погибших и захороненных здесь солдат.

Уроженцы Поволжья (49 чел.) родились в Татарской АССР (ныне – Республика Татарстан) (17 чел.), Пензенской (12 чел.), Саратовской (7 чел.), Куйбышевской (ныне – Самарской) (5 чел.), Стalingрадской (ныне – Волгоградской) (4 чел.) областях.

Волго-Вятский район (37 чел.) представлен Горьковской (ныне – Нижегородской) (14 чел.) и Кировской (10 чел.) областями, Мордовской (7 чел.), Марийской и Чувашской АССР (по 3 чел.).

Распределение погибших по местам призыва неоднородно. Так, Волго-Вятский регион демонстрирует высокую долю (80,6 %) уроженцев, призванных по месту рождения. В Поволжье – другая ситуация: треть уроженцев поволжских областей ушли на фронт из других регионов страны (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Места призыва уроженцев Поволжского
и Волго-Вятского районов РСФСР, погибших при освобождении
северо-восточной Польши, в %***

Места призыва	Уроженцы		
	Поволжья (n=49)	Волго-Вятского р-на (n=37)	обоих р-нов (n=86)
РСФСР, в том числе:	87,5	86,2	87,1
Северо-Западный район	2,0	–	1,2
Центральный район	6,1	–	3,5
Волго-Вятский район	–	80,6	34,1
Центрально-Черноземный район	2,0	–	1,2
Поволжский район	67,3	2,8	40,0
Уральский район	2,0	–	1,2
Западно-Сибирский район	6,1	–	3,5
Восточно-Сибирский район	2,0	2,8	2,4
Белорусская ССР	8,2	13,9	10,6
Казахская ССР	2,0	–	1,2
Украинская ССР	2,0	–	1,2
ВСЕГО	100,0	100,0	100,0

* Составлено по итогам анализа базы данных погибших и захороненных в Сувалках бойцов РККА (n=951).

Призыв не по месту рождения был достаточно распространенным явлением в годы войны и объясняется разными причинами, в том числе миграцией населения в предвоенные и военные годы. В некоторых случаях могли иметь место и ошибки при заполнении документов.

Теперь подробнее остановимся на составе боевых потерь Красной армии при освобождении северо-восточных районов Польши среди уроженцев Поволжского и Волго-Вятского районов РСФСР.

Как видно из приведенного графика (*см. рис. 1*), в Сувалках захоронены военнослужащие с 1894 по 1926 г. рождения. Разброс вариантов от минимального к максимальному составил 32 погодовых интервала. Наиболее часто встречается 1925 г. – в этот год родился каждый седьмой из похороненных здесь солдат. Трагедия войны тяжело прошлась по ним, ведь в 1944 г. им только исполнилось по 19 лет. Также многочисленны родившиеся в 1924 и 1926 гг. Все уроженцы 1924–1926 гг. охватывают более чем

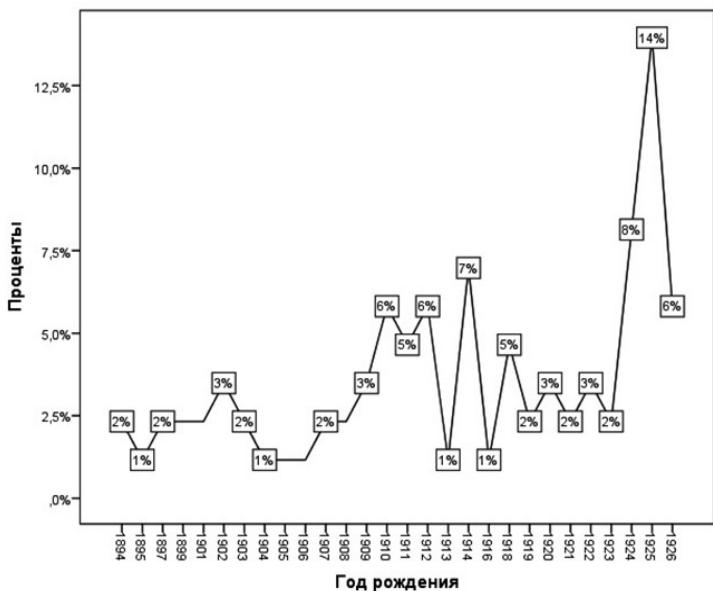

Рис. 1. Распределение погибших уроженцев Поволжского и Волго-Вятского районов РСФСР по годам рождения, в %*

* Составлено по итогам анализа базы данных погибших и захороненных в Сувалках бойцов РККА (n=951).

каждого четвертого солдата – это самые молодые из погибших здесь. Только попав в армию, они оказались в самом пекле на линии глубоко эшелонированной немецкой обороны, которую им предстояло прорывать. Медианный год рождения – 1914-й, – половина солдат родилась до него, а половина – уже после. Это, безусловно, отразилось на возрастном составе безвозвратных потерь на этом участке фронта.

Особенности возрастного состава уроженцев Поволжья и Волго-Вятского региона, погибших на этом участке фронта в ходе Гумбиннен-Голданской и Инстербургско-Кенигсбергской операций, представлены на рис. 2.

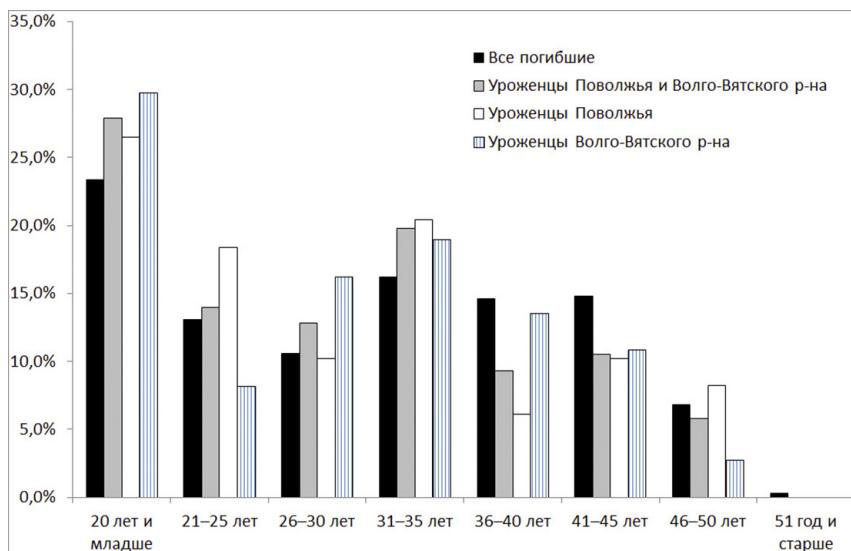

Рис. 2. Возрастной состав погибших бойцов РККА и уроженцев Поволжского и Волго-Вятского районов РСФСР, в %*

Более четверти (27,9 %) погибших здесь уроженцев рассматриваемого региона были не старше 20 лет, две пятых (41,9 %) – не старше 25 лет, а более половины (54,7 %) имели возраст до 30 лет включительно. Доля погибших в возрасте до 35 лет включительно среди уроженцев Поволжья составляет 75,5 %, среди уроженцев Волго-Вятского региона – 73,0 %. Это в среднем соответствует 74,0 % возрастного состава безвозвратных потерь в СССР за все годы войны, рассчитанному Г.Ф. Кривошеевым [16, с. 236]. Вместе

* Составлено по итогам анализа базы данных погибших и захороненных в Сувалках бойцов РККА (n=951).

с тем это существенно выше, чем в среднем среди всех погибших на Сувальшине, где в возрасте до 35 лет включительно погибло лишь 63,4 % военнослужащих. Доля солдат в возрасте старше 40 лет среди уроженцев Поволжья составляет 18,4%, среди уроженцев Волго-Вятского региона – 13,5 %, тогда как этот показатель среди всех погибших в Сувалках – 21,9 %.

Таким образом, мы видим, что наибольшие потери в ходе освобождения северо-восточной части Польши среди уроженцев Поволжья и Волго-Вятского региона пришлись на самый молодой и перспективный, с точки зрения демографического потенциала, возраст. Утрата большого количества молодых мужчин, многие из которых еще не успели обзавестись семьями, оказала в последующем негативное влияние на возрастно-половую структуру, брачность населения и рождаемость в послевоенном Поволжье.

Рассмотрев особенности возрастного состава безвозвратных потерь РККА на Сувалском направлении, подробнее остановимся на их воинском составе. В донесениях о потерях и других подобных источниках, как правило, фиксировалось последнее место службы бойцов, что позволяет провести соответствующее исследование (*см. таблицу 2*).

Как видно из *таблицы 2*, абсолютное большинство (93,7 %) погибших уроженцев Поволжского и Волго-Вятского районов несли службу в различных подразделениях 31-й армии 3-го Белорусского фронта. Это связано с тем, что на данном участке фронта действовала как раз 31-я армия. Число захороненных в Сувалках бойцов 11-й гвардейской армии существенно ниже потому, что ее подразделения в ходе Гумбиннен-Голдапской операции действовали севернее, и ее погибшие бойцы оказались захоронены на других кладбищах. Погибшие красноармейцы других армий и фронтов оказались в основном единичными случаями, попав на это кладбище в результате послевоенных перезахоронений.

Более детально рассмотрев распределение погибших по подразделениям самой многочисленной 31-й армии, можно заключить, что почти каждый пятый (18,6 %) из них служил в 173-й стрелковой дивизии, каждый седьмой (14,0 %) – в 220-й, а каждый восьмой (11,7 %) – в 331-й стрелковой дивизии.

Таблица 2

Места службы уроженцев Поволжского и Волго-Вятского районов РСФСР, погибших при освобождении северо-восточной Польши*

Место службы	Чел.	В %
1-й Белорусский фронт	1	1,2
47-я армия	1	1,2
3-й Белорусский фронт	84	98,4
5-я армия	1	1,2
11-я гв. армия	2	2,3
31-я армия, в том числе:	80	93,7
54-я стрелковая дивизия	1	1,2
62-я стрелковая дивизия	8	9,4
88-я стрелковая дивизия	2	2,4
173-я стрелковая дивизия	16	18,6
174-я стрелковая дивизия	1	1,2
220-я стрелковая дивизия	12	14,0
331-я стрелковая дивизия	10	11,7
352-я стрелковая дивизия	5	5,9
армейские штрафные роты	18	21,1
прочие армейские подразделения	7	8,2
98-й военно-строительный отряд	1	1,2
Не установлено	1	1,2
ВСЕГО	86	100,0

* Составлено по итогам анализа базы данных погибших и захороненных в Сувалках бойцов РККА (n=951).

При этом каждый четвертый боец служил в отдельных армейских штрафных ротах 31-й армии (136-й, 138-й, 140-й, 142-й ошр и др.). Высокая доля штрафников среди погибших в ходе освобождения от фашистов северо-восточной части Польши не случайна. Штрафные подразделения, созданные в РККА в соответствии с приказом Наркома обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г. [14, с. 73–75], направлялись на самые сложные участки фронта, поэтому несли серьезные боевые потери. Согласно боевому расписанию штрафных частей Красной армии, в составе 31-й армии в 1944 г. действовало 16 отдельных штрафных рот, бойцы 12 из которых идентифицированы среди захороненных в Сувалках.

Таблица 3

Воинский состав уроженцев Поволжского и Волго-Вятского районов РСФСР, погибших при освобождении северо-восточной Польши*

Воинский состав	Чел.	В %
Рядовой состав	63	73,3
Младший командный и начальствующий состав	14	16,3
Средний командный состав	7	8,1
Старший командный состав	2	2,3
ВСЕГО	86	100,0

* Составлено по итогам анализа базы данных погибших и захороненных в Сувалках бойцов РККА (n=951).

Традиционно наибольшие людские потери в любой армии во время любых войн приходятся на рядовой состав. Как видим в *таблице 3*, и здесь три четверти всех захороненных в Сувалках бойцов – уроженцев рассматриваемого региона – составляют рядовые красноармейцы и ефрейторы. К младшему командному составу относится каждый шестой погибший здесь военнослужащий, в том числе пять сержантов, шесть младших и один старший сержант, двое старшин. На средний и старший командный состав приходится соответственно 8,1 и 2,3 % из захороненных здесь. Офицеры представлены четырьмя младшими лейтенантами, одним лейтенантом, двумя старшими лейтенантами, одним капитаном, одним подполковником.

Подробнее познакомимся с судьбами некоторых из них – такими разными и такими похожими...

Подполковник Архипов Илья Матвеевич (1909 г.р.), уроженец с. Старый Мачим Шемышейского района Пензенской области, мобилизованный по месту рождения, служил заместителем по политчасти командира 1160-го стрелкового полка 352-й стрелковой дивизии и погиб в бою в феврале 1945 г. За проявленный героизм был награжден орденом Красной Звезды (22.01.1944) и медалью «За отвагу» (15.06.1943) [22, л. 158 об.; 23, л. 122–122 об.].

Капитан Файзуллин Тимур Камалович (1910 г.р.), уроженец Мензелинского района Татарской АССР, призванный Ленинским РВК Северо-Казахстанской области Казахской ССР, служил комендантом роты 1311-го стрелкового полка 173-й стрелковой дивизии.

Был награжден орденом Красной Звезды (6.04.1944). В начале августа 1944 г. погиб в бою у д. Дворчишко (ныне в составе Сейненского повята Подляского воеводства Польши) [20, л. 100 об.; 24, л. 216–216 об.].

Старший лейтенант Попугаев Кузьма Иосифович (1920 г.р.), уроженец с. Шугурово Сосновоборского района Пензенской области, призванный Томским РВК Новосибирской области, служил командиром батареи 979-го артиллерийского полка 173-й стрелковой дивизии. Был награжден орденами Красной Звезды (18.08.1944) и Отечественной войны 2-й степени (8.11.1944). Погиб в бою в январе 1945 г. у д. Францишково (ныне в составе Сувалкского повята Подляского воеводства Польши) [21, л. 20 об.; 25, л. 392–392 об.; 27, л. 259–259 об.].

Сержант Ларионов Афанасий Самсонович (1912 г.р.), уроженец д. Маловитлино 2 Салобелякского района (ныне в составе Яранского района) Кировской области, призванный Йошкар-Олинским РВК Марийской АССР, служил разведчиком взвода пешей разведки 1160-го стрелкового полка 352-й стрелковой дивизии. Был награжден медалью «За отвагу» (28.07.1944). Погиб в декабре 1944 г. в бою у д. Орлово (ныне в составе Сувалкского повята Подляского воеводства Польши) [29, л. 66; 26, л. 94].

Ефрейтор, стрелок Мамутин Никанор Иванович (1925 г.р.), уроженец Еласовского района Марийской АССР (ныне в составе Горномарийского района Республики Марий Эл), призванный по месту рождения, служил в 104-м стрелковом полку 62-й стрелковой дивизии. Погиб в октябре 1944 г. у д. Пшистайне (ныне в составе Сувалкского повята Подляского воеводства Польши) [28, л. 129].

Расклад потерь по армейским должностям дополняет картину. Освобождая от фашистов Сувалки и их окрестности, свои жизни сложили уже упомянутые выше заместитель командира 1160-го стрелкового полка 352-й стрелковой дивизии – 36-летний подполковник И.М. Архипов и командир батареи 979-го артиллерийского полка 173-й стрелковой дивизии – 24-летний старший лейтенант К.И. Попугаев. Свое упокоение в Сувалках нашли также шесть командиров взводов, один командир роты, два командира отделений, один командир орудия.

Самой массовой группой оказались стрелки (41 чел.), из которых подавляющее большинство (90,2 %) пришлось на рядовых красноармейцев, остальные – на военнослужащих в звании ефрейтора (3 чел.) и младшего сержанта (1 чел.). К этой же группе могут быть отнесены записанные в документах как пулеметчики (4 чел.) – они также приходятся на эти группы воинских званий. Артиллеристов в этом списке представляют орудийные номера (2 чел.) и минометчики (2 чел.). Сложили здесь свои жизни также саперы (7 чел.), разведчики и связисты (по 4 чел.), повара (2 чел.), ездовой, шофер и писарь (по 1 чел.).

В целом мы видим, что понесенные Красной армией потери оказались существенными не только для рядовых бойцов по их численности, но и для молодых командиров, которые могли в будущем составить офицерский костяк Красной армии. Кроме того, потери нес не только основной боевой состав сражающихся полков и дивизий, но также обслуживающий и вспомогательный персонал.

Составленный на основе анализа базы данных просопографический портрет солдат и офицеров Красной армии – уроженцев Поволжского и Волго-Вятского районов РСФСР, погибших напольской земле и захороненных в Сувалках, – не является полным из-за ограниченности имеющихся сведений. Вместе с тем, на наш взгляд, он может представлять определенный интерес как для исследователей, так и для широкой общественности.

Источники и литература

1. Алексеев М. Начало боев в Восточной Пруссии // Военно-исторический журнал. – 1964. – № 10. – С. 119–122.
2. Арсентьев Н.М., Котков С.К., Скворцова Л.Г. Цена победы: хроника безвозвратных потерь жителей Республики Мордовия на фронтах Великой Отечественной войны. – Саранск, 2005.
3. Бушуева О.Ю. Безвозвратные людские потери Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Самара, 2012.
4. Глазунов Н. 31-я армия на завершающем этапе Белорусской операции // Военно-исторический журнал. – 1981. – № 6. – С. 41–47.
5. Гриф секретности снят: потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование. – М., 1993.

6. Иванов А.А. Боевые потери народов Татарстана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... док-ра ист. наук: 07.00.02. – Казань, 2001.
7. Киселев О.Н. Динамика потерь личного состава Красной армии в ходе сражения за Суомуссалми зимой 1939–1940 гг. По документам российского государственного военного архива // Клио. – 2014. – № 9(93). – С. 109–120.
8. Кладбище воинов СА и военнопленных. Паспорт воинского захоронения (2012 г.) №13/34/II. Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_zahoronenie86390844/.
9. Литвиненко В.В. Наступательные операции советских войск в Московской битве. Людские потери Красной армии и вермахта // Вестник Академии военных наук. – 2022. – № 1(78). – С. 133–141.
10. Литвиненко В.В. Цена великой победы // Военно-исторический журнал. – 2018. – № 12. – С. 37–45.
11. Мизеров И.И. Боевые действия 1-й и 3-й воздушных армий в первой Ржевско-Сычевской операции: потери и их восполнение // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: История России. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 145–159. – <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-145-159>.
12. Олейник Н.Б., Сяков Ю.А., Тургаев А.С. Любанская наступательная операция 1942 г.: подготовка к сражению, начало боевых действий, анализ потерь. – СПб., 2006.
13. Пермяков И.А., Фитисов А.И. Организация персонального учета потерь личного состава боевых частей Западного фронта в ходе Спас-Деменской операции (7–20 августа 1943 г.) // Военно-исторический журнал. – 2018. – № 4. – С. 38–43.
14. Приказ Народного комиссара обороны Союза ССР № 227 от 28 июля 1942 г. // Военно-исторический журнал. – 1988. – № 8. – С. 73–75.
15. Прокина А.И., Катионов О.Н. Боевые потери 11-й гвардейской стрелковой дивизии в июне 1944 года в период проведения операции «Багратион» // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. – 2019. – № 2(6). – С. 61–66.
16. Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. – М., 2001.
17. Синенко В.А. Потери и боевые успехи 83-й гвардейской стрелковой дивизии, принимавшей участие в восточно-прусской операции 1945 года // Человечество против фашизма: люди, народы, государства: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-й годовщине Великой Победы, Омск, 24 апреля 2020 г. – Омск, 2020. – С. 155–160.

17. Скворцова Л.Г. Безвозвратные потери уроженцев Республики Мордовия в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Саранск, 2004.
18. Скворцова Л.Г. Боевые потери уроженцев Куйбышевской области, Мордовской и Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны (сравнительный анализ) // Экономическая история. – 2015. – № 3(30). – С. 32–41.
19. Скворцова Л.Г. Боевые потери уроженцев Мордовии в годы Великой Отечественной войны (сравнительный анализ) // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 4–3(64). – С. 199–205.
20. ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации). Ф. 33. Оп. 11458. Д. 387.
21. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 724.
22. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 563785. Д. 4.
23. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 3050.
24. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 3500.
25. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 1578.
26. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 4888.
27. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 5707.
28. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1291.
29. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1382.

A.S. Bushuev

**NATIVES OF THE VOLGA AND VOLGA-VYATKA REGIONS
AS PART OF THE CASUALTIES OF THE RKKA DURING
THE LIBERATION OF NORTH-EASTERN POLAND
IN 1944–1945**

Abstract. In the article, based on the analysis of the database with information about the soldiers of the Red Army buried at the military cemetery in the city of Suwalki (Podlaskie Voivodeship of Poland), a prosopographic portrait of the natives of the Volga and Volga-Vyatka regions of the RSFSR, who died during the liberation of the north-east of Poland from the Nazis, was compiled during the Gumbinnen-Goldap and Insterburg-Königsberg offensive operations in 1944–1945.

Keywords: RKKA (Wokers and Reasants Red Army), Red Army, Poland, 3rd Belorussian Front, 31st Army, casualties, the Great Patriotic War, the World War II, the Volga region, the Volga-Vyatka region.

БОРЬБА АК-ШЕИХСКОГО ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА В 1941–1942 гг.

Аннотация. В статье рассматриваются основные боевые операции Ак-Шеихского партизанского отряда на территории оккупированного Крыма в 1941–1942 гг. На сегодняшний день, к сожалению, борьбе уроженцев Ак-Шеихского района в отечественной историографии уделяется незначительное внимание. Автор анализирует вопросы внутренней организации отряда от процесса формирования в августе 1941 г. в п. Ак-Шеих до его слияния в середине 1942 г. с Ялтинским партизанским отрядом. Раскрыт значительный вклад Ак-Шеихского партизанского отряда в общее дело разгрома немецко-румынских захватчиков на территории Крыма в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Крым, Ак-Шеихский партизанский отряд, Ялтинский партизанский отряд, Феодосий Степанович Харченко, Петр Денисович Дядюшкин, Николай Петрович Кривошта.

Проблема изучения партизанского движения на территории Крыма в годы Великой Отечественной войны на сегодняшний день является недостаточно освещенной в отечественной историографии. И это несмотря на ряд написанных монографий и научных статей, защищенную докторскую и кандидатскую диссертации. Дело в том, что история Движения Сопротивления тесно переплетена со спецификой межнациональных отношений на территории Крымского полуострова в период нацистской оккупации. Это явилось одной из причин, по которым доступ к ряду архивных источников бывшего партийного архива Крымского обкома Коммунистической партии Украины (ныне Государственный архив Республики Крым. – В.И.) был ограничен для широкого ряда исследователей.

В научных изысканиях крымских историков широко освещена деятельность партизанских формирований уроженцев Симферополя, Севастополя, Судака, Феодосии, Старого Крыма, Керчи, однако о действиях партизан – уроженцев степных районов полуострова рассказано весьма мало. К их числу относится Ак-Шеихский

партизанский отряд (Ак-Шеихдо 1944 г. – центр одного из крупнейших районов северо-западного Крыма, ныне п. Раздольное, Раздольненский район Республики Крым. – В.И.).

Энтузиастов и исследователей-краеведов, занимающихся этой темой, уже практически не осталось в живых. Именно поэтому настоящая статья посвящена сохранению памяти о героической деятельности бойцов и командиров Ак-Шеихского партизанского отряда в боях с немецко-румынскими захватчиками.

Формирование Ак-Шеихского партизанского отряда началось в августе 1941 г. Подбором бойцов руководили секретари Ак-Шеихского райкома ВКП(б) Макаров, Цырульников и Попов. Главным критерием отбора служила идеологическая составляющая. Отбирали в основном коммунистов, комсомольцев, преданных Советскому государству [22, с. 2; 11, с. 40; 12, с. 433; 13, с. 562]. В этот период из Херсонской области прибыла группа советских партийных работников, которую возглавлял председатель Каланчакского райисполкома Ф.С. Харченко. Оперуполномоченный Особого Отдела при Ялтинском партизанском отряде Степан Ипатьевич Становский пишет об ак-шеихцах следующее: «Он был (отряд. – В.И.) сформирован преимущественно из партизан Южной Украины, которые пришли в Крым перед самой оккупацией его. Командовал отрядом Федосей Степанович Харченко, бывший председатель Скадовского райисполкома» [17, с. 109].

Именно Ф.С. Харченко был утвержден Ак-Шеихским райкомом партии командиром одноименного партизанского отряда [5. л. 52, 74, 122; 7]. Комиссаром назначили бывшего директора Смидовичской МТС, работавшего в августе 1941 г. председателем райисполкома, И.К. Понедельникова. Начальником штаба был утвержден Н.П. Балахонов, директор совхоза «Манай». Ак-Шеихский партизанский отряд официально был создан постановлением Крымского обкома ВКП (б) от 28 октября 1941 г. [22, с. 2].

Дислокация 4-го района партизанского движения Крыма на 10 ноября 1941 г. представляла собой следующее:

– Ак-Шеихский партизанский отряд (командир Ф.С. Харченко, комиссар И.К. Понедельников) – 35 человек;

– Бахчисарайский партизанский отряд (командир М.А. Македонский, комиссар В.И. Черный) – 80 человек;

- Ак-Мечетский партизанский отряд (командир К.Н. Калашников, комиссар Кочевой) – 120 человек;
- Ялтинский партизанский отряд (командир Мошкарин, комиссар Белобродский) – 120 человек;
- Красноармейский отряд (создан из отступающих частей Красной армии. – *Прим. авт.*; командир Аединов, комиссар Сухиненко) – 100 человек [16, с. 100].

Местом базирования Ак-Шеихского района являлась юго-восточная территория Бахчисарайского района, расположенная в горнолесной зоне.

В числе первых бойцов отряда были: первый секретарь райкома комсомола П.Д. Дядюшкин; заведующие отделами райкома партии П.П. Великанов и Л.Н. Паниотов; уполномоченный «Минзага» Г.А. Кондратенко; председатель рыбколхоза М.И. Шостак; директор «Заготзерно» И.И. Урсол (в феврале 1942 г. он стал начальником штаба отряда); завхоз Ак-Шеихской школы Е.Д. Брежнев, агроном райзо Г.Ф. Глускер. Фактически эти бойцы составили костяк отряда. В сентябре – октябре 1941 г. в ряды отряда влилось пополнение – так называемые «окруженцы» и добровольцы из числа жителей Крымской АССР. Уроженцы степных районов полуострова ушли в лес, к месту дислоцирования. Отряд уже состоял из 75 бойцов.

Наиболее точные упоминания о базировании Ак-Шеихского партизанского отряда принадлежат комиссару Бахчисарайского партизанского отряда В.И. Черному [20; 21].

«База Акшеихского (так в тексте. – *В.И.*) партизанского отряда размещалась на северном склоне хребта, что лежал между безымянными высотками, поднимавшимися в сторону шахты, и «зимовья Бортникова» (один из партизанских командиров Крыма. – *В.И.*), как в шутку называли некоторые острословы район леса, где размещалась штабная база Четвертного района партизанских отрядов. На запад от стоянки Акшеихского отряда, километрах в трех по правому берегу Качи, крутыми извилинами вилась шоссейная дорога от шахты в Бахчисарай. Наша группа подошла к Акшеихскому отряду со стороны дороги, спускавшейся от Чайра в низину долины Писары. Здесь у хозяев оказалась застава», – так вспоминает свое знакомство с Ак-Шеихским партизанским отрядом комиссар Бахчисарайского партизанского отряда В.И. Черный [20, с. 61].

Одним из первых боевых столкновений стала встреча 2 ноября 1941 г. группой бойцов Ак-Шеихского отряда на шоссе в 4 км от села Коуш немецкой разведгруппы (мотоцикл, танкетка и легковой автомобиль). Произошел бой, в котором партизаны одержали победу. Кроме того, штаб 4-го партизанского района провел совместную боевую операцию вместе с Ак-Шеихским партизанским отрядом. Это была спланированная атака на гарнизон деревни Коуш. Главная задача этой операции состояла в том, чтобы найти и предать правосудию местных коллаборационистов. Один из предателей был доверенным лицом командования 4-го партизанского района при закладке продуктовой базы. Когда начались боевые действия, он дезертировал из отряда, перешел на сторону врага и не только выдал тайники с продовольствием, но стал проводником нацистов. Грабеж продуктов питания вызвал голод и поставил под сомнение само существование партизанского отряда, как боеспособной единицы [20, с. 61].

Согласно плану операции, Бахчисарайский партизанский отряд должен был войти в деревню Коуш по южному склону прилегавших к ним высоток, в том месте, где шоссейная дорога на г. Бахчисарай смыкалась с окраиной. В центре деревни Коуш действовать должен был Красноармейский отряд. Ставилась задача овладеть как можно скорее складами с продовольствием и промтоварами, оставшимися от местного сельпо и разбавленными реквизированными или похищенным у местных жителей вещами.

Ак-Шеихскому партизанскому отряду ставилась задача войти в деревню по северным склонам Крымских гор [20, с. 63]. Сама боевая операция прошла очень четко и слаженно. Оперативные группы всех трех отрядов быстро решили поставленные командованием 4-го района задачи и соединили свои силы в центре деревни Коуш. Дома коллаборационистов были подожжены, а дезертира-проводника схватили на месте и расстреляли по суду военного времени [20, с. 65].

Успешная операция крымских партизан привела к тому, что немцы, опасаясь дальнейших атак, превратили деревню Коуш в сильно-укрепленный пункт с системой дзотов, ходов сообщений, проволочных заграждений и полностью заминировали подступы к деревне [15, с. 229]. Нацисты постоянно опасались удара из горно-лесистой местности Бахчисарайского района.

8 ноября 1941 г. бойцы отряда взорвали два моста на шоссе, которое вело от Бешуйских угольных копей в Бахчисарай. Партизаны наладили связь с местным населением, в частности с шахтерами поселка Чайр, добывавшими каменный уголь в шахте Коуш-Копи. Где они прятали запасы продовольствия, принимали и лечили раненых партизан и красноармейцев [20, с. 56].

Командующий партизанским движением Крыма Алексей Васильевич Мокроусов приказал Ак-Шеихскому отряду устроить засаду между шахтерским поселком и селом Шелковичное. Место для засады было выбрано отличное – бойцы заняли позицию у реки, а на возвышенности расположились гранатометчики.

Бой произошел в середине декабря 1941 г. [9, с. 3]. Соответствующее приказание отдал Феодосий Степанович Харченко. Левый фланг под командованием комиссара И.К. Понедельникова составляли Леонид Паниотов, Петр Дядюшкин, Анна Михайловна Василькова и Матвей Гоздев. Правым флангом командовал Феодосий Степанович Харченко. Именно он должен был пропустить вражескую колонну вперед [9, с. 3]. Партизаны пропустили мимо себя арьергард немецкой гусеничной и автомобильной колонны и ударили по основной части немецкого конвоя. «А вот и основная колонна. В это время слышится выстрел, а вслед за ним – взрыв. В гущу врагов летят гранаты партизан. Несколько минут, и вражеская колонна разгромлена», – так вспоминал об этом бое П. Дядюшкин, бывший начальник штаба Ак-Шеихского партизанского отряда [10, с. 4]. Вражеская колонна была разгромлена. «Враг растерялся. Мгновенно прервалось пение, машины врезались одна в другую. Гитлеровцы опомнились не сразу. Лишь спустя некоторое время справа от нас взвилась осветительная ракета. Немцы открыли огонь из пулеметов и минометов» [9, с. 3].

13 декабря 1941 г. небольшая группа партизан устроила засаду возле села Чайр, куда по сообщению разведки, должна была прибыть немецкая карательная экспедиция. Силы были неравными, но ак-шеихцы решили дать бой противнику. В архивных документах так сказано об успешных действиях ак-шеихцев у с. Чайр: «Объединившись несколькими отрядами вместе – мы пошли разбить заставших фашистов в деревне Коуш. В этой операции погиб от фашистской пули комсомолец тов. Ткаченко. Здорово поплатились

фашисты и их слуги за смерть нашего товарища. Тогда нами было расстреляно до 30 предателей и сожжено много их домов. Их превозмощение и скот мы забрали с собой. Так мы на эту деревню налетали несколько раз с большим успехом для нас и с очень большим уроном для противника. В середине декабря прошлого года фашисты заехали в лес для прочески его от партизан. Наш отряд знал, что они к вечеру должны возвращаться обратно и сделали засаду. Показалась одна танкетка, 4 мотоциклиста и 20 автомашин с фрицами. Нас было всего 30 человек. Как только фашисты приблизились, их засыпал град партизанских пуль, полетели гранаты. Нами было разбито три автомашины и побито много фашистов. Обозленные этим фашисты через некоторое время стали расправляться над женщинами и детьми рабочих поселка Чайр, обвиняя их в содействии партизанам. Ими были зверски расстреляны женщины и дети. Поселок дотла сожгли, сожгли также и постройки шахты» [4, л. 36; 22, с. 3].

В воспоминаниях комиссара Бахчисарайского партизанского отряда В.И. Черного также упоминаются строки о Чайрской трагедии: «В тот день (13 декабря 1941 г. – В.И.) на рассвете в рабочий поселок шахтеров фрицы приехали на 21 машине. Те, что остановились в поселке, бесчинствовали несколько часов. Осыпывали тщательно, перевернули все вверх дном в каждой квартире. Били людей прикладами, орали: «Партизан!» А что еще – не понять было. Прямо в помещении библиотеки фашисты подожгли книги. Сожгли и клуб, и библиотеку. Из школы вытащили во двор все учебники и учебные пособия и тоже сожгли» [20, с. 70]. Как видим, мощные концентрированные удары крымских патриотов заставили развернуть карательную деятельность нацистов против мирного населения, поддерживающего партизан.

Январь 1942 г. прошел в ожесточенных схватках с врагом. Партизаны взрывали мосты, уничтожали узлы телефонной и телеграфной связи, проводили боевые вылазки, налеты на пункты базирования противника небольшими группами и одиночные рейды снайперов-одиночек на вражескую территорию. С.И. Становский так отмечает в своих воспоминаниях деятельность Ак-Шеихского отряда в этот период: «На путях от Симферополя до Керчи действовали отряды первого и второго районов: Зуйский, Джанкойский, Раздольненский (там отмечено в источнике, на самом деле Ак-Шеихский. – В.И.)

и другие. На южных путях – Севастопольский, Ялтинский, Черноморский (Ак-Мечетский. – В.И.), Алуштинский, Судакский и Феодосийский. Особенно удачно провел в это время боевую операцию Раздольненский отряд под командованием Михаила Ильича Чуба». В с. Ускут (ныне Приветное – село в городском округе Алушта Республики Крым. – В.И.) размещался вражеский полк и береговая артиллерия. 13 января 1942 г. М.И. Чуб организовал засаду, в которую попались гитлеровцы. Партизаны нанесли значительный урон противнику, а отступили только тогда, когда колонна врага попыталась зайти партизанам в тыл. Потерь, как сообщает С.И. Становский, у Ак-Шеихского отряда не было [17, с. 56].

3 февраля 1942 г. Ак-Шеихский партизанский отряд под руководством З.Ф. Амелинова провел совместную операцию с Красноармейским отрядом (командир А. Аединов) на вражеский гарнизон в деревне Стиля. В бою отличились партизаны Д.М. Аверьянов и А.А. Сахаров [4, л. 154].

22 февраля 1942 г. ак-шеихцы и ялтинцы собрались в кошаре, находившейся поблизости Биюк-Узенбаша, для координации проведения совместной боевой операции. Возглавил объединенные силы командир Ялтинского партизанского отряда Николай Петрович Кривошта. Петр Денисович Дядюшкин вместе с Анной Михайловной Васильковой сформировали разведгруппу из учащихся симферопольских школ (в нее, в частности, входил бывший ученик Анны Михайловны – Михаил Кузерин). Командиром разведывательного рейда был назначен Степан Игнатьевич Становский (известный под прозвищем «дядя Степа». – В.И.) [17, с. 111–113]. П. Дядюшкин и А.М. Василькова получили разрешение у командира Ак-Шеихского партизанского отряда Феодосея Степановича Харченко действовать совместно с разведчиками Ялтинского отряда. Вместе с П. Дядюшкиным и А.М. Васильковой работали юные разведчики-комсомольцы: Михаил Кузерин, Юрий Тимохин, Анатолий Серебряков, Михаил Горемыкин [6, с. 3].

Выполняя задание, в селе разведчики узнали, что немцы получили в помощь две автомашины и наладили мельницы для обеспечения мукой своих частей. П. Дядюшкин так передает полученные от юных разведчиков данные: «Две грузовые машины прибавились, – первым ответил Серебряков. – Точно, – подтвердил Юра Тимохин.

— Одна возле школы, там, где и вчерашие, а другая — возле колодца. — И мельница сегодня работает, — вставил Миша Горемыкин. — Значит, мука будет, да и пшеница нам не помешает» [6, с. 3].

Получив эти ценные сведения, на рассвете Ак-Шеихский и Ялтинский отряды ворвались в село. Немецкий гарнизон был разгромлен полностью, его автомашины были уничтожены. Причем партизаны пытались завести ряд машин, чтобы увезти их в тыл, но оставшиеся моторы не заводились. Поэтому партизаны вынуждены были их взорвать [6, с. 3]. В итоге, Ак-Шеихский и Ялтинский отряды разгромили немецкий гарнизон в деревне Биюк-Озенбаш (ныне с. Счастливое Бахчисарайского района Республики Крым. — В.И.). В ходе удачной партизанской атаки у нацистов были захвачены запасы продовольствия — мука и пшеница, жизненно необходимые для выживания отряда.

В последующих боевых операциях смертью храбрых пали Анатолий Серебряков, Юрий Тимохин, Михаил Горемыкин и Михаил Кузерин [6, с. 3; 7, с. 3].

9 марта 1942 г. командование партизанским движением в Крыму отдало приказ об объединении отрядов: Колайского с Ичкинским, Ялтинского с Ак-Шеихским. Командиром объединенного Ичкинско-Колайского отряда был назначен М.И. Чуб, комиссаром — В.К. Полянский, а Ялтинского — соответственно Ф.С. Харченко и Н.Г. Трофименко [16, с. 90; 4, л. 188].

В апреле 1942 г. произошло слияние Ак-Шеихского отряда с Ялтинским, командиром которого был назначен Николай Петрович Кривошта [14], бывший командир погранзаставы в Феодосии [22, с. 3]. С.И. Становский об этом событии отмечает следующее: «Районный штаб согласился на слияние отрядов. Командиром объединенного отряда был выдвинут партизанами и утвержден штабом Кривошта, а Харченко охотно взялся за снабжение отряда продовольствием и был назначен начхозом» [17, с. 114; 12, с. 434; 13, с. 562].

Карательные операции против партизан, проводимые гитлеровцами, вынуждали совершать изнурительные рейды, чтобы избежать окружения. При этом пополнить запасы воды и продовольствия не было возможности. Вследствие этого — физическое и психоэмоциональное истощение, нередко приводившее к смерти. Несмотря на то что зимой 1941–1942 гг. самолетами удавалось

вывозить раненых, больных и истощенных партизан, многие однако к тому времени уже погибли [22, с. 3]. Так от ран скончался начальник штаба Ак-Шеихского отряда Н.П. Балахонов, погибли бойцы Г.Ф. Глускер, Г.И. Гришко, А.И. Коренюк, Я.И. Мищенко, А.Я. Гарбуз, М.Н. Шостик, Г.А. Кондратенко и мн. др. Бывший заведующий военным отделом райкома партии, командир диверсионной группы П.П. Великанов попал в плен и был расстрелян карателями. От ран и истощения скончался бывший заведующий отделом пропаганды и агитации райкома партии Л.Н. Паниотов. 15 октября 1942 г. в бою погиб смертью храбрых бывший командир Ак-Шеихского партизанского отряда Ф.С. Харченко. Его тело похоронили в уроцище Красный Камень.

К моменту освобождения Крыма от гитлеровских захватчиков из состава прежнего Ак-Шеихского отряда в строю остались только трое: П.Д. Дядюшкин, И.И. Урсол и П.Г. Очигов, из 27 человек первоначального состава [22, с. 3]. Именно поэтому в апреле 1942 г. остатки отряда слились с Ялтинским партизанским отрядом [22, с. 3; 11, с. 41].

В своем рапорте командующему Северо-Кавказским фронтом С.М. Буденному о боевой деятельности крымских партизан с 1 ноября 1941 г. по 1 июля 1942 г. И.З. Вергасов, командующий 4-го партизанского района Крыма, отмечал следующее: «За период существования 4–5 районов имели следующие потери: убитыми 120 человек, умерло от голода – 150 человек, дезертиров – 200 человек, пропало без вести – 100 человек, оставшийся личный состав исключительно боевой, среди них есть слабые и раненые до 40 человек» [16, с. 106]. Фактически, партизанскому движению Крыма к середине лета 1942 г. гитлеровцами был нанесен весьма существенный удар. Оправившись от него «народные мстители» смогли только в следующем 1943 г., проведя значительную реорганизацию своих отрядов: партизанские отряды преобразовали в бригады, объединенные в январе 1944 г. в три соединения (Северное, Южное и Восточное). Оставшиеся в живых бойцы Ак-Шеихского партизанского отряда закончили войну в Крыму в этих трех соединениях.

20 марта 1942 г. И.З. Вергасов получил приказ о слиянии 4-го и 5-го районов [3]. Согласно приказу, он назначался командиром района, комиссаром Абляз Аединов, начальником штаба подполковник

Щетинин, старшим УОО Витенко. Происходит объединение партизанских отрядов, и в результате такого слияния к 25 марта 1942 г. ситуация выглядела следующим образом:

- Ялтинский партизанский отряд (объединенный с Ак-Шеихским) – 95 человек, командир Н.П. Кривошта, комиссар А.Н. Кучер;
- Севастопольский партизанский отряд (объединенный с Балаклавским) – 60 человек, командир М.Н. Зинченко, комиссар А.Н. Черников;
- Ак-Мечетский партизанский отряд – 70 человек, командир А.Т. Ткачев, комиссар Ткаченко;
- Красноармейский отряд – 75 человек, командир А. Аединов, комиссар Швец;
- Бахчисарайский отряд – 80 человек, командир М.А. Македонский, комиссар В.И. Черный;
- Штаб объединенного партизанского района – 15 человек. Всего на 1 апреля 1942 г. в этом районе действовало 395 бойцов [16, с. 105].

Рис. 1. Эволюция Ак-Шеихского партизанского отряда
(август 1941 г. – апрель 1944 г.)

Несмотря на то обстоятельство, что хронологически деятельность отряда завершается началом 1943 г., несколько строк следует все же уделить судьбе бойцов отряда после указанного периода.

Так, П.Д. Дядюшкин, один из уцелевших чудом бойцов Ак-Шеихского партизанского отряда, в конечном счете оказался в рядах 5-го комсомольско-молодежного отряда. Он с трудом пережил голодную зиму 1942 г., смог эвакуироваться на Большую землю – самолет доставил его в госпиталь в Сочи.

После лечения он возвратился в Крым, был назначен комиссаром 5-го партизанского отряда и помощником комиссара по комсомолу 3-й бригады Восточного соединения партизан Крыма. Последний был создан 26 октября 1943 г. преимущественно из молодежи Старо-Крымского района (собственно говоря отсюда и название. – В.И.). Этот партизанский отряд входил в состав 3-й бригады Восточного соединения партизан Крыма. Командиром был назначен А. Вахтин, начальником штаба – Шепелев [18, л. 1].

Дядюшкин П.Д., в частности, повествовал о том, как самоотверженно сражалась молодежь 5-го комсомольско-молодежного отряда. В состав этого формирования входила молодая комсомолка Лидия Шведченко, отличавшаяся необыкновенной храбростью и безрассудством. Так, в одном из боев она вышла на дорогу и автоматной очередью в упор расстреляла немецкую автомашину. Во время операции под городом Старый Крым взорвала семитонную машину с немецким экипажем, подорвала 50 телеграфных столбов. К сожалению, во время проведения разведывательной операции Лидия Шведченко попала во вражескую засаду и вскоре погибла накануне освобождения Крыма [10, с. 4].

Командир Восточного партизанского соединения В. Кузнецов отдал приказ отрядам готовиться к штурму города Старый Крым. Был разработан детальный план действий. 11-й отряд должен был перекрыть дорогу Старый Крым – Грушевка, а комсомольско-молодежный отряд во главе с А. Вахтиным должен был взять под свой контроль дорогу Феодосия – Старый Крым в районе села Изюмовка. Этими действиями следовало отвлечь внимание противника, в то время как все прочие отряды В. Кузнецова под своим контролем вел на штурм Старого Крыма.

11 апреля 1944 г. П.Д. Дядюшкин вместе с бойцами отряда А. Вахтина оставил засаду на мосту, который вел к Старому Крыму. С основной частью отряда он вошел в деревню Изюмовка и решительным ударом захватил ее [3, л. 7].

Вместе с ним в этой операции принимали участие Александр Горюнов, Борис Периоти, Владимир Токарев, Василий Коцюба. Патриотам удалось внезапным ударом из засады захватить четыре немецких тягача с артиллерийскими орудиями. Взяв немцев в плен, юные партизаны приказали гитлеровцам через переводчика открыть огонь по их гарнизону в Старом Крыму.

Последствия удара не заставили долго ждать: немецкий гарнизон, к тому времени начавший процесс эвакуации и организовавший массовые расправы над мирными жителями, запаниковал. В самом городе началась детонация снарядов и взрывались автомашины. В копии отчета о деятельности отряда, хранящегося в фондах Феодосийского музея древностей, узнаем о том, как партизаны уничтожали немецкий гарнизон: «Обе улицы были окружены со всех сторон. Завязался ожесточенный бой. Каратели яростно сопротивлялись. Молодые партизаны из-за каждого угла метко разили врага. Каратели были в отчаянии. В ход пошли гранаты. Эсэсовцы не сдержали напора. Их ряды быстро стали редеть. Некоторые из них пытались спастись бегством в лес, но и там их настигали пули группы комиссара (Ахметова. – В.И.). Через три часа бой закончился. Карательный отряд в 80 человек был полностью уничтожен» [3, л. 7].

В результате проведенной операции бойцами П. Дядюшкина врагу был отрезан путь отступления из Старого Крыма. 13 апреля 1944 г. Восточное соединение партизан Крыма встречало наступающие части Отдельной Приморской армии [8, с. 2; 2, с. 298].

Подводя итоги, следует отметить следующее:

– Ак-Шеихский партизанский отряд был сформирован в августе 1941 г. из партийных работников Ак-Шеихского района. В результате ожесточенных схваток с врагом, погодно-климатических условий, недостатка провианта, оружия и боеприпасов, отсутствия дисциплины, ряды уроженцев Ак-Шеиха значительно поредели и отряд был расформирован;

– Личный состав пережил некоторую эволюцию: сначала ак-шеихцы начинали свой боевой путь в Бахчисарайском районе, позже

продолжили борьбу в рядах Ялтинского партизанского отряда, а закончили войну на территории Крымского полуострова в рядах 5-го комсомольско-молодежного отряда А. Вахтина в районе г. Старый Крым;

– К моменту празднования 40-летия Победы советского народа над фашизмом в годы Великой Отечественной войны в живых из бойцов Ак-Шеихского отряда остался только П.Д. Дядюшкин. После окончания войны он работал редактором районной газеты в Первомайске, затем директором школы на Южном берегу Крыма. П. Дядюшкин после войны также проживал в г. Ялте, являлся воспитателем Ливадийской школы-интерната [6, с. 3; 16, с. 3]. Степан Игнатьевич Становский после войны, будучи на пенсии, проживал в г. Ялте. Анна Михайловна Василькова, также пенсионер, проживала в г. Ленинграде [1].

Источники и литература

1. Василькова Анна Михайловна. Год рождения: ___. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero38095857/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3DBасилькова%26first_name%3DAнна%26middle_name%3DMихайловна%26date_birth_from%3D%26static_hash%3Dea752d1899abf9e738a1cea9d5614209v1%26data_vibitiya_period%3Don%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagradynagrad_doc%3Anagradyn_uchet_kartoteka%3Anagradyn_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezni%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Apotery_doneseniya_opoteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%26page%3D1%26grouppersons%3D1&search_view_id=podvigchelovek_yubileinaya_kartoteka1519071460 (дата посещения: 29.06.2022).

2. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткая история. – М., 1984.

3. Вергасов Илья Захарович. Год рождения: ___. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero123789676/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26date_birth_from%3D%26static_hash%3Dea752d1899abf9e738a1cea9d5614209v1%26group%3Dall%26typ

es%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%26page%3D1%26grouppersons%3D1%26last_name%3DBергасов%26data_vibitiya_period%3Don%26first_name%3Дилья%26middle_name%3DЗахарович&search_view_id=pamyatcommander11871 (дата посещения: 29.06.2022).

4. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П-151. Оп. 1. Д. 454.

5. Государственный архив Херсонской области (ГАХО). Ф. П-3652. Оп. 2. Д. 1. Л. 52, 74, 122.

6. *Дядюшкин П.* Возмездие // Курортная газета. – 1969. – 22 февр.. – № 38 (6993). – С. 3.

7. *Дядюшкин П.* Один лишь бой // Советский Крым. – 1978. – 22 февр.. – № 38 (10478). – С. 3.

8. *Дядюшкин П.* Последний удар // Курортная газета. – 1969. – 13 апр.. – № 73 (7028). – С. 2.

9. *Дядюшкин П.* Уходили в поход партизаны. Молодежи в пример // Курортная газета. – 1973. – 3 авг.. – № 151 (8131). – С. 3.

10. *Дядюшкин П.* Юности в пример. К 30-летию партизанского движения в Крыму // Авангард. – 1971. – 25 нояб.. – № 141 (1776). – С. 4.

11. *Жемеров В.Г.* На земле Раздольненской (страницы истории, люди, факты, события). – Севастополь, 2007.

12. История городов и сел Украинской ССР: в 26 т. Крымская область. – Киев, 1974.

13. Історія міст і сіл Української РСР: в 26 т. Кримська область. – Київ, 1974.
14. Кривошта Николай Петрович. Год рождения: ___. ___. 1916. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_kartoteka1370562261/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3DKривошта%26static_hash%3Dea752d1899abf9e738a1cea9d5614209v1%26data_vibitiya_period%3Don%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_

spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%26page%3D1%26grouppersons%3D1%26fir_st_name%3DНиколай%26middle_name%3DПетрович&search_view_id=podvigchelovek_nagrazhdenie11531694 (дата обращения: 29.06.2022).

15. Крым в период Великой Отечественной войны 1941–1945. Сборник документов и материалов. – Симферополь, 1973.

16. Партизанское движение в Крыму в период Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. 1941–1942. – Симферополь, 2006.

17. *Становский С.И.* Партизаны (Записки разведчика). [Записки участника Ялтинского партизанского отряда. Ноябрь 1941 – октябрь 1942]. – Симферополь, 1959.

18. Фонды Муниципального бюджетного учреждения культуры «Феодосийский музей древностей муниципального образования городской округ Феодосия Республики Крым» (МБУК РК ФМД). Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. МБУК РК ФМД). Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

19. Харченко Феодосий Степанович. Год рождения: ___.1898. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie12023374/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3DXарченко%26first_name%3DФеодосий%26middle_name%3DСтепанович%26date_birth_from%3D%26static_hash%3Dea752d1899abf9e738a1cea9d5614209v1%26data_vibitiya_period%3Don%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_nostranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%26page%3D1%26grouppersons%3D1&search_view_id=podvignagrada_kartoteka1102481094 (дата посещения: 29.06.2022).

20. *Черный В.И.* Долгом призванные: Документальная повесть. – Симферополь, 1985.

21. Черный Василий Ильич. Год рождения: ___.1913. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero92455348/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3DЧерный%26first_name%3DBасилий%26middle_name%3DИльич%26static_hash%3Dea752d1899abf9e738a1cea9d5614209v1%26data_vibitiya_period%3Don%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_nostranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%26page%3D1%26grouppersons%3D1&search_view_id=podvignagrada_kartoteka1102481094

[kart_in_inostranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%26page%3D1%26grouppersons%3D1&search_view_id=smperson_guk3003695](#) (дата посещения: 29.06.2022).

22. Шматок И. Ак-Шеихский партизанский отряд // Авангард. – 1981. – № 56 (5231). – С. 2–3.

V. A. Ivanov

FIGHT OF THE AK-SHEIKH GUERRILLA DEPARTMENT IN 1941–1942

Abstract. The article deals with the main combat operations of Ak-Sheikh-partisan detachment on the territory of the occupied Crimea in 1941–1942. Today, unfortunately, little attention is paid to the struggle of the natives and residents of the Ak-Sheikh region in domestic historiography. The author analyzes the issues of the structural organization of the detachment during 1941–1942 from formation to the merge with the Yalta partisan detachment and the loss of the primary name. It is shown the significant contribution made by Ak-Sheikh partisan detachment to the defeating the German-Romanian invaders on the territory of the Crimea in the years of Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War, Crimea, Ak-Sheikh partisan detachment, Yalta partisan detachment, Feodosy Stepanovich Kharchenko, Petr Denisovich Dyadyushkin, Nikolai Petrovich Krivoshta.

УДК 94(470) «1904/1905»

А.Н. Кудрявцев

УВЕКОВЕЧИВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПАМЯТИ ПАВШИХ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1904–1905 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦАРЕВОКОКШАЙСКОГО УЕЗДА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Аннотация. В данной статье рассматривается процесс увековечивания в России памяти павших в русско-японской войне 1904–1905 гг. Представлены мероприятия по организации и их реализация на местах.

Ключевые слова: русско-японская война 1904–1905 гг., Российской императорской армия, солдаты, Царевококшайский уезд Казанской губернии, военные памятники.

В ночь на 27 января (9 февраля) 1904 г. японский флот внезапно атаковал Тихоокеанскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде г. Порт-Артура, а днем того же дня крейсер «Варяг» – канонерскую лодку «Кореец» у порта Чемульпо. Так начиналась русско-японская война 1904–1905 гг.

В целом сама война хорошо изучена. Практически сразу после ее завершения появились работы, анализирующие ошибки и недостатки, приведшие к поражению Российской империи в войне. В них преимущественно описывается общий ход боевых действий. Много исследований посвящено участию российского флота в боевых действиях на море, в том числе отдельным кораблям. Однако малоизученными остаются вопросы, связанные с аспектами войны на региональном уровне, такие как деятельность военных и гражданских властей, органов местного самоуправления в мобилизационных процессах, помощи семьям низших чинов участников боевых действий [1, с. 7].

В данной статье пойдет речь об одном, на наш взгляд, достаточно любопытном эпизоде из жизни страны, происходившем уже много позже завершения боевых действий, но имеющем непосредственное отношение к русско-японской войне 1904–1905 гг.

К десятилетнему юбилею начала войны Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям, созданное в г. Санкт-Петербурге после завершения войны, образовало особую Комиссию, которой «поручило озаботиться установкою поминальных досок во всех приходских церквях, в которых умершие славной смертью защитники Родины числились прихожанами, и занести имена их на эти доски для вечного поминовения» [3, с. 3]. Место Почетного Председателя в данной комиссии занимал брат Николая II Великий Князь Михаил Александрович. Комиссия заручилась от центральных учреждений – Святейшего Синода, Министерства внутренних дел, Военного министерства, Министерства финансов – поддержкой в данном мероприятии.

Синод и Военное министерство постановили своим подведомственным учреждениям оказывать содействие. Министерство

внутренних дел разрешило открытие подписки по всей стране для привлечения населения к участию в установке мемориальных досок. Министерство финансов должно было обеспечить бесплатную пересылку досок по железным дорогам.

Комиссия при посредстве Императорской Академии Художеств объявила конкурс на проект поминальной доски, который выиграл проект С.О. Овсянникова. Затем комиссией был объявлен конкурс на изготовление поминальной доски из металла, который выиграло предложение одного из Санкт-Петербургских металло-литейных заводов – доска из особого сплава меди, олова и цинка с ценой от 65 до 145 руб. Однако выставленная цена была сочтена высокой для заказчиков на местах. В итоге был найден образец мемориальной доски из особого сорта чугуна, изготовленный на Каслинском заводе художественного литья (ныне Каслинский завод архитектурно-художественного литья, Челябинская область, г. Касли) по цене 10 руб. за штуку [3, с. 4].

Высота доски была около метра, ширина чуть более полуметра, украшалась двуглавым орлом, рамкой, мечом, венком и розетками. Вся фурнитура могла бронзироваться или позолачиваться в зависимости от желания заказчиков. Основной текст состоял из слов «За Веру, Царя и Отечество живот свой положивших в войну с Японией в 1904–1905 годах», сопровождавшихся сведениями о погибшем. Надпись о персоне должна была заключать: имя, отчество, фамилию солдата, населенный пункт происхождения, воинский чин и название воинской части, в составе которой он находился, например: «Иванов Иван Иванович, д. Ивановки, ефрейтор, N-ский полк» (см. илл.).

Принимались во внимание и разные конфессии. Так, для представителей иных христианских вероисповеданий предполагалась замена восьмиконечного креста на четырехконечный с исключением из заглавной надписи слов «За Веру». Те же изменения предусматривались и для иных конфессий с заменой на соответствующий каждой религии религиозный символ.

В зависимости от набора фурнитуры итоговая цена варьировалась от 10 до 25 руб., кроме того, в размере одной копейки оплачивалась каждая буква сверх 200 лимитированных. Перевозку по железной дороге до ближайшей к месту заказа железнодорожной станции взяло на себя Министерство финансов и сделало ее для заказчиков бесплатной [3, с. 6–8].

Образец мемориальной доски

В фондах Государственного архива Республики Марий Эл (ГА РМЭ) в материалах Царевококшайской земской управы сохранились данные от волостных правлений о погибших в русско-японской войне уроженцах Царевококшайского уезда. [2, л. 59–91]. В соответствии с этими данными, поданными волостями в июле 1914 г.:

из Арбанской волости погиб один солдат: Световидов Дмитрий Андреевич, рядовой, 104-й пехотный Устюжский полк, д. Данилкино, приход церкви с. Нуры;

из Больше-Шигаковской – два: Тихонов Константин, 149-й пехотный Черноморский полк, д. Кожла-сола; Смирнов Никита Андреевич, рядовой, 58-й пехотный Прагский полк, с. Кожла-сола;

из Вараксинской – три: Ершов Яков Иванович, матрос I статьи, броненосец «Ослібя», д. Марково, приход Троицкой церкви г. Царевококшайска; Белов Игнатий Иванович, матрос I статьи, крейсер «Жемчуг», д. Туруново, приход Троицкой церкви г. Царевококшай-

ска; Плотников Михаил Трофимович, старший боцман, броненосец «Князь Суворов», приход Воскресенского собора г. Царевококшайска (все погибли в Цусимском сражении. – А.К.);

из Моркинской – один: Кириллов Тимофей, рядовой, 16-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, ранен на Волчих горах (оборона г. Порт-Артура. – А.К.) и умер от раны 17 июля 1904 г., д. Кучко-Памаш, приход Богоявленской церкви с. Морки;

из Петровской – четыре: Волков Степан Петрович, кочегар, броненосец «Бородино», д. Пахомово, приход церкви с. Сурты (погиб в Цусимском сражении. – А.К.); Никитин Кирилл Никитович, фельдфебель, 97-й пехотный Лифляндский полк, 5-я рота, с. Малое Акашево; Павловский Петр Никитич, матрос, броненосец «Император Александр III», починок Ежово, приход церкви с. Сурты (погиб в Цусимском сражении. – А.К.); Сапожников Яков Алексеев, д. Негодяево, артиллерийский квартирмейстер I статьи, броненосец «Наварин», приход церкви с. Михайловское (погиб в Цусимском сражении. – А.К.);

из Ронгинской – один: Полянин Филипп Афанасьевич, д. Шулиярамор;

из Шиншинской – три: Васильев Андрей Васильевич, коменддор, броненосец «Победа», д. Нуж-Ключ (оборона г. Порт-Артура. – А.К.); Кошкин Алексей Николаевич, матрос II статьи, броненосец «Победа», д. Нуж-Ключ (оборона г. Порт-Артура. – А.К.); Петров Сергей Алексеевич, матрос, броненосец «Ослябя», с. Русский Уртем (погиб в Цусимском сражении. – А.К.).

Кулле-Киминская и Сотнурская волости отписались о том, что таковых погибших в волостях нет. Данных по Кшкловской волости не обнаружено. Итого по данным волостных правлений – 15 человек. Анализируя приведенные данные, стоит обратить внимание на несколько аспектов. Во-первых, очевидно, что не все подававшие данные в полной мере делали это в соответствии с имевшимися предписаниями. Очевидно, это первичные данные, если бы не начавшаяся Первая мировая война, то в условиях реализации проектаувековечивания памяти павших в русско-японской войне переписка в целях уточнения данных и заполнения тех или иных лакун продолжилась.

Во-вторых, не следует воспринимать этот список как полный среди уроженцев уезда. В целях уточнения данных по одной из персон – Никитину Кириллу Никитовичу, фельдфебелю 97-го пехотного Лифляндского полка, уроженцу с. Малое Акашево Петриковской волости, автор обратился к метрической книге по мобилизации данного полка, хранящейся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) в фондах Петроградской духовной консистории. В соответствии с данной метрической книгой вместе с К.Н. Никитиным в этом же бою 22 февраля 1905 г. (по старому стилю. – А.К.) под д. Юхуантунь (в ходе Мукденского сражения. – А.К.) погиб Виктор Миронович Кутузов, рядовой 2-й роты 97-го пехотного полка, уроженец д. Пимьян Большешигаковской волости [4, л. 117 об.–118], не указанный в поданном волостным правлением списке.

Видимо, волостные данные – лишь одно из звеньев в цепи сбора сведений о павших в войне уроженцах уезда. Для централизованного накопления информации о солдатах русско-японской войны уездному земству следовало обратиться еще и к управлению уездного воинского начальника, ведающего призывом и военными вопросами на местах; уезному казначейству, назначавшему пенсию по потере кормильца вдовам и семействам не вернувшихся с войны. Однако начало новой войны внесло свои корректизы в данный процесс.

Представленный волостями список потерь показывает, что давляющее большинство (9 из 15) составляют моряки. Семь из них погибли в Цусимском сражении, двое – при обороне Порт-Артура. Вопрос о мобилизационных мероприятиях в уездах Марийского края остается вовсе неизученным, часть уездов попадала под одну из девяти частных мобилизаций времен войны, часть – нет [1, с. 482–495]. Однако характер потерь показывает, что если Царевококшайский уезд и касалась одна из мобилизаций, то она значительный вклад в список потерь не внесла.

Подытоживая, можно сказать, что период начала прошлого века до кануна Первой мировой войны в региональной истории содержит еще множество открытых тем, ждущих своих исследователей. Региональные призывные и мобилизационные мероприятия русско-японской войны, как предвестницы мировой; вопросы зарождающейся системы социального обеспечения военных и их

семейств в России и ряд других остаются в целом белым пятном в отечественной историографии.

Источники и литература

1. Бирюк С.Н. Русская пехота в русско-японской войне 1904–1905 гг.: «На сопках Маньчжурии». – М., 2021.
2. Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. 18, Оп. 1. Д. 932.
3. Увековечение памяти воинов, погибших в войну с Японией в приходских церквях на местах их Родины. – СПб., 1914.
4. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 128. Д. 838.

A.N. Kudryavtsev

INSTALLATION OF RUSSIAN SOLDIERS FALLEN DURING RUSSO-JAPANESE WAR MEMORIALS (BY TZAREVOKOKSHAIKUEZD OF KAZAN PROVINCE DOCUMENTS)

Abstract. In this article author gives are review of Russian soldiers fallen during Russo-Japanese War memorials in eve World War I. Presented local activities for they installation.

Keywords: Russo-Japanese War, Russian imperial army, soldiers of war, Tzarevokokshaisk uezd of Kazan province, war memorials.

УДК 94.47

М.В. Оськин

ГЕРМАНСКАЯ ФОРТИФИКАЦИОННАЯ СИСТЕМА НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Планируя военную агрессию в Европе, вылившуюся в Первую мировую войну 1914–1918 гг., германский Генеральный штаб исходил из неизбежности войны на два фронта – против Франции на западе и против России на востоке. Немецкому руководству предстояло сделать тщательный расчет первого периода войны, чтобы, выиграв на одном фронте, на котором будет наноситься главный удар, не проиграть

на втором. Перенося направление удара против Франции, нельзя было допустить, чтобы в то время, как победоносные немецкие армии ворвутся в Париж, русские сумели бы достичь Берлина. Во имя выигрыша времени на Западе, германское руководство накануне Первой мировой войны максимально укрепляло свой восточный фронт крепостями и иными фортификационными сооружениями.

Ключевые слова: фортификация, крепостная система, форт-застава, тет-де-пон, тяжелая артиллерия, укрепленный район.

Первая мировая война для агрессора – Германской империи – протекала в борьбе на несколько фронтов, из которых два – Западный во Франции и Восточный в России – были основными. Исходя из сложившегося неравенства сил, что было ясно задолго до 1914 г., немцы сделали ставку на «молниеносную войну» – блицкриг, который предполагал мощнейший удар по Франции максимумом сил и средств через Бельгию в обход Парижа. Уничтожение французской армии и, следовательно, вывод Франции из войны должно было за кончиться в течение первых шести недель со дня объявления общей мобилизации. Тем самым германцы должны были продержаться на Восточном фронте в течение этих самых шести недель. Это была нелегкая задача, если учитывать необходимость создания превосходства в силах и средствах на Западе, при одновременном противостоянии громадной русской численности на Востоке.

Для этого львиная доля вооруженных сил Австро-Венгрии должна была активными действиями сковать русских в Галиции и Южной Польше. Немедленный удар по русским должен был спутать расчеты русских военачальников и связать русских борьбой с австро-венграми. Однако же сами немцы могли выделить для боев на Востоке только одну армию прикрытия (8-ю), в то время как против Франции отправлялись семь армий. Следовательно, немецкий план Большой Европейской войны на ее первом этапе, по мысли составителя плана войны А. фон Шлиффена, подразумевал стратегическую оборону на Востоке, впредь до поражения Франции. При этом оборона Восточной Пруссии (колыбели германской монархии) должна была носить активный характер, чтобы суметь не позволить русским разгромить Австро-Венгрию.

Германское руководство справедливо предполагало, что русские армии вторжения по своей численности будут превосходить

немецкую 8-ю армию. Поэтому немцы, в стремлении нивелировать русское преимущество в численности войск и раздробить их на части, должны были усилить свою оборону наилучшим использованием местности, усиленной фортификационными сооружениями. А именно – образованием крепостных районов и связывающей их в целях усиления обороноспособности современной инфраструктурой. Германия ассигновала на свои восточные крепости существенные суммы: 1912 г. – 26 892 351 марку, 1913 г. – 96 295 116 марок, 1914 г. – 66 539 978 марок [1, с. 31]. Причина повышения финансирования – это изменение русского военного планирования в 1910 г. с оборонительного на наступательный. Русская разведка сообщала: «весыма крупное ассигнование – 97 млн. рублей – испрашивается на усиление инженерной обороны государства, причем главным образом, по имеющимся сведениям, предположено усилить крепости восточного фронта, а именно Кенигсберг, Грауденц и Познань. Это, по-видимому, указывает на то, что Германия в настоящее время считает свою восточную границу недостаточно обеспеченной в инженерном отношении» [7, с. 8].

Немцы понимали, что русское планирование предполагает удар прежде всего по Восточной Пруссии. Но вот характер борьбы в этой провинции предугадать было трудно. Ведь русские могли как ввязаться в осаду крепостей большими силами, так и ограничиться блокадой их резервными войсками, продолжая наступление вглубь Германии в случае успеха приграничных боев. Поэтому укрепленные районы Германии на восточной границе строились в две линии: 1. река Дайме с Кенигсбергом в качестве редюита – река Ангерап с Летценским укрепленным районом на фланге. 2. линия Нижней Вислы с первоклассными крепостями Данциг (Гданьск) и Торн на флангах. Предполье данной линии, на которой следовало измотать наступавшего с востока противника – река Древенц – Дейч-Эйлау – Эльбинг. Вдоль линии Вислы немцы создали две группы крепостей: 1. Данциг – Мариенбург – Диршау, 2. Торн – Фордон – Кульм – Грауденц. Назначение: один район приковывает к себе наступающего неприятеля, а другой – служит базой для организации контрудара во фланг: «таким образом, барьер Вислы – не мертвая стена, расчитанная лишь на “абсолютное” сопротивление фугасному снаряду осадной артиллерии, а “операционный базис”, то есть целый

район, в котором путем применения долговременной фортификации и железных дорог до возможного предела облегчено маневрирование армий» [6, с. 67]. В районе крепостей строились и мосты через Вислу – Торн, Фордон, Грауденц, Диршау, Кульм.

Маневрируя между двумя фортификационными линиями, связанными между собой густой сетью железных дорог, германская армия прикрытия получала возможность сдерживать русское вторжение восточнее того района, который ни в коем случае нельзя было сдать – Берлина. Действуя с опорой на крепостные районы, 8-я германская армия получала задачу обеспечения исполнения главной цели – «Больших Канн» во Франции, в течение того времени, что потребуется для этого. Как говорит профессор В.В. Яковлев, в 1914 г. на своей восточной границе Германия располагала: «1) мощным бастионом Восточной Пруссии, образованным границей, укрепленной Мазурскими озерами и крепостью Кенигсберг – крепостью наполовину сухопутной, наполовину приморской. Этот бастион позволял немцам скоплять значительные силы для активной операции во фланг русским армиям, дебуширующим со Средней Вислы; 2) преграждающей линией реки Висла, образованной крепостями Грауденц, Кульм, Фордон и Торн; 3) крепостью Познань на реке Варта; 4) тыловой линией реки Одера, не имевшей крупного значения и отмеченной второстепенными крепостями Кюстрин, Глогау и Бреславль» [9, с. 8].

Германские крепости на Нижней Висле, перекрывающие путь из Восточной Пруссии вглубь Германии, представляли собой сильные тет-де-поны – предметные укрепления по обоим берегам реки. Следовательно, они не позволяли русским сделать Вислу своей надежной оборонительной линией даже в случае форсирования Вислы на отдельных участках. Крепости Торн, Грауденц, Данциг (Гданьск) и Мариенбург вынуждали бы русских либо безоглядно наступать на Берлин, либо тратить время на осаду и/или штурм каждого тет-де-пона.

Помимо того, зная, что у русских нет сильной тяжелой полевой артиллерии, способной в краткие сроки взломать немецкую оборону штурмом, немцы сохраняли на Востоке и устаревшие укрепления, способные удерживаться, да и то с большим трудом, лишь против 6-дюймовых гаубиц. Русская тяжелая полевая артиллерия

начала войны – это один-единственный мортирный дивизион на армию. В то время как германцы имели тяжелый артиллерийский дивизион в каждом перволинейном корпусе, русские – только в армии, насчитывавшей три-пять корпусов. Такими устаревшими укреплениями являлись Данциг, Глац, Нейссе, Глогау, Кюстрин, Шпандау, Магдебург, Кульм, Грауденц, Мариенбург, Бреславль, Летценские форты.

Соответственно, два мортирных дивизиона Северо-Западного фронта в августе 1914 г. (две армии) потратили бы массу времени на организацию штурма каждой крепости или форта-заставы. Русское военное ведомство предполагало использовать для блокады немецких крепостниц крепостную тяжелую артиллерию, но на ее доставку требовалось время. Таким образом, русский Северо-Западный фронт должен был обходить германские крепости, не имея объективной возможности для их штурма и времени для осады. Именно на это и рассчитывал противник, надеясь раздробить русскую ударную группировку на части (обходные фланги, заслоны, резервы, охранение растягивавшихся с каждым шагом по Германии коммуникаций).

Зная, что русское наступление будет проходить двумя потоками – от Немана и от Нарева, немцы должны были обеспечить фортификационное укрепление обоих направлений. Помимо фортов-застав и устаревших по современным меркам крепостей, каждое из стратегических направлений прикрывалось первоклассной крепостью. Северный фас – крепость-порт Кенигсберг. Южный фас – железнодорожный узел крепость Торн. Но главная «изюминка» – это цепь Мазурских озер, разделявшая оба фаса и дробившая русское наступление на эти два потока, соединявшиеся либо после взятия укреплений Мазурских озер, либо западнее их цепи, для чего требовалось преодолеть сопротивление противника. Сердцевиной Мазурских укреплений являлся Летценский укрепленный район, имевший средоточием крепостцу Бойен. Это была крепость, «запиравшая главную дорогу между Мазурскими озерами, а также усиливавшая разделение сил 1-й и 2-й русских армий во время сражения под Танненбергом» [8, с. 21].

Южный фас Восточной Пруссии так и не смог принять участия в войне в качестве крепостного района. Находившаяся здесь

первоклассная крепость Торн (польская Торунь) в кампании 1914 г. действовала в качестве потенциальной угрозы правому флангу русской ударной группировке, сосредоточившейся в районе Варшавы для броска на Берлин. Железнодорожные коммуникации, связанные в Торне в узел, стали средством сосредоточения группы А. фон Манкензена перед Лодзинской операцией, окончательно похоронившей русские планы удара по Берлину в 1914 г.

Отличительной чертой Торнского крепостного района являлось его предназначение в качестве средства скорее наступательного, нежели оборонительного свойства. Здесь сходились железные дороги из Восточной Пруссии, Силезии и Познани, образуя связность всех восточных районов Германии. Если Восточную Пруссию предполагалось защищать активной обороной, то Торн служил центральным пунктом сосредоточения резервов, как взятых из внутренних гарнизонов Германии, так и перебрасываемых из Франции, в случае русской угрозы Берлину. Накануне войны в России считали, что «если Кенигсбергский район имеет значение преимущественно для обороны, хотя и активной, то район Торн – Грауденц – Фордон, напротив, преследует задачи чисто наступательные. В него входит большая часть железнодорожных линий, ведущих с запада, что облегчает сосредоточение в нем весьма больших сил и запасов. Опираясь на него, удобно наступать по обоим берегам Вислы; отсюда удобно наступать и к Кенигсбергу, по прибытии к Нижней Висле войск, действовавших против Франции» [2, с. 15].

Центром же обороны против удара с Востока справедливо мыслилась первоклассная крепость Восточной Пруссии – Кенигсберг, расположенная на реке Прегель. Крепость-порт Кенигсберг изначально строилась с поясом долговременных фортов, рассчитанных на противостояние тяжелым артиллерийским калибрам. Он мыслился как укрепленный лагерь, взаимодействующий с полевыми армиями; как база для полевых войск и одновременно как наиболее защищенная точка восточной части Германии. При этом тяжелые батареи Кенигсберга вполне могли оказывать помощь армии прикрытия, сдерживавшей русских на подступах в Восточную Пруссию. Русские 3-дм полевые батареи не могли на равных состязаться с противником, имевшим возможность безнаказанно расстреливать наступавших русских.

Во имя оказания артиллерийской поддержки полевым войскам передовые укрепления крепости Кенигсберг были вынесены на значительное расстояние от цитадели, дабы получить шанс на пристреливание того узкого промежутка между крепостью и первым озером Мазурской озерной цепи (около 40 верст), в котором только и могла наступать русская Неманскую (1-я) армия. Эти укрепления располагались на линии реки Дейме (30 км к востоку от крепости). Мазурские укрепления в 1914 г. тянулись на 110 км от Ангербурга до Ортельсбурга. В итоге от реки Прегель до линии озер оставалась лишь 45-км неукрепленная полоса, где и должна была действовать германская полевая армия, оказывавшая сопротивление русской Неманской армии. Полевые армейские позиции за рекой Ангерап, вкупе с крепостными полевыми сооружениями за рекой Дейме, совместными усилиями должны были отразить русское наступление. Русский участник войны характеризовал это обстоятельство следующим образом: «мощь Кенигсбергской крепостной позиции составляли не укрепления, а многочисленная тяжелая артиллерия, которая стояла за рекой Дейме и быстро приводила к молчанию легкую русскую артиллерию, как только последняя открывала огонь» [4, с. 117].

Фортовый пояс Кенигсберга состоял из 12 фортов и имел в окружности 43 версты, связанные между собой специальным кольцевым шоссе. Артиллерия Кенигсберга: 111 9-см орудий, 72 10-см орудия, 120 12-см орудий, 48 15-скорострельных пушек, 48 15-см коротких орудий, 152 15-см тяжелые гаубицы образца 1902 года, 24 21-см бронзовые мортиры, 108 фланкирующих орудий.

Исход первых операций мог обернуться для немцев не совсем благоприятно. Исходя из этого, германское командование предполагало, что Кенигсберг сможет выдержать длительную осаду, пользуясь неоспоримым превосходством немцев в водах Балтийского моря. Мощь крепостной обороны, при силе самой крепости, позволяла обороняться малыми силами против превосходящего противника: «Крепость имела крупное оперативное значение в системе обороны Восточной Пруссии, занимая фланговое положение относительно Мазурских озер. Удерживая Кенигсберг, немцы вынуждали русских назначать для сухопутной блокады большое количество войск, а сами при этом могли сообщаться с крепостью морским

путем. Блокада же с моря при безусловном превосходстве в Балтике германского флота для русских была непосильной. Ввиду этого, если русские хотели успешно вести операции в Восточной Пруссии, было необходимо так или иначе (блокадой или штурмом) овладеть этой крепостью, чтобы без помехи со стороны ее гарнизона, а также без опасения возможных – немецких морских десантов в тыл – вести последующие сухопутные операции западнее Мазурских озер» [3, с. 18].

Мазурский озерный район своей географической выгодой вынуждал русское наступление дробиться на два потока – русские армии были обречены наступать поодиночке на первом этапе вторжения в пределы Восточной Пруссии. Укрепления Мазурской озерной линии сами по себе, безусловно, были слабы. Однако же они являлись необходимым дополнением к тем первоклассным крепостям Восточной Пруссии (Кенигсберг и Торн), что располагались на флангах предстоявшего русского наступления. Кенигсбергский район, «в случае продвижения вглубь Восточной Пруссии русских войск, обеспечивал переброску войск морем во фланг и тыл наступающих». Торнский район «обеспечивал отход войск в случае неудачи, а также служил базой для активных действий в направлении к югу и юго-востоку. Линия укрепленных Мазурских озер являлась передовой оборонительной линией, предназначавшейся для временного задержания удара русских. Каждая из остальных крепостей в этой системе лишь еще более улучшала и обеспечивала действия войск в этом районе» [5, с. 78]. Несмотря на всю свою относительную слабость, Летценский укрепленный район мог сдержать не подготовленный тяжелой артиллерией штурм. Взять такую тяжелую артиллерию русскому командованию возможно было лишь из крепостей (полевые мортирные дивизионы требовались для борьбы с полевой 8-й армией противника), для чего было нужно время.

Наступать же русским следовало немедленно – во имя спасения Франции. Соединиться же русские армии Северо-Западного фронта могли только западнее Мазурских озер именно вследствие того, что самый удобный для движения больших войсковых масс проход был наглухо закрыт Летценским укрепленным районом. В свою очередь,

немцы так рассчитали численность своей 8-й армии, оставляемой на Востоке, чтобы она как минимум не уступала по силе каждой из русских армий по отдельности. Фортификационное же усиление обороны давало еще и преимущество.

Иными словами, если взятые вместе 1-я и 2-я русские армии имели превосходство над 8-й германской армией, то с любой из русских армий один на один уже немцы получали превосходство. Почти не уступая в числе пехоты, противник имел подавляющее преимущество в тяжелой артиллерии плюс выгоды от господства над местностью за счет крепостей и железнодорожного маневра. Русское вторжение со стороны Немана упиралось в 45-км промежуток между передовыми укреплениями Кенигсберга и фланкирующими сооружениями Летцена. По фронту же русских ожидала усиленная полевыми укреплениями линия реки Ангерап. И если в августе 1914 г. русская 1-я армия сумела не только преодолеть эту линию, но и блокировать Кенигсберг и Летцен, после поражения 8-й германской армии под Гумбинненом, то заслуга в этом принадлежит беспримерной доблести русских войск и ошибкам немецкого командования, без боя отдавшего район Ангерапа.

Мазурский озерный район был полезен и для отражения русского удара от Нарева. Летцен – это мощный форт-застава с двумя предмостными укреплениями и линией временных укреплений по линии Мазурских озер. Эти укрепления запирают все без исключения проходимые места в озёрном районе. Поэтому наступление русских с линии реки Нарев встречалось фланговыми ударами из крепостных районов Летцена и Торна. Полевые немецкие войска, опираясь на крепостные районы при противодействии неприятельскому вторжению превосходными силами, могли маневрировать между двумя фронтами, пользуясь тем, что центр общего сражения принадлежит им.

Планы германского Генерального Штаба полностью оправдались: русское вторжение было раздроблено на две части, крепости сковали максимум возможного, и 2-я русская армия была разгромлена при Танненберге в середине августа 1914 г. До конца месяца немцы вытеснили со своей земли и 1-ю русскую армию, тем самым победоносно завершив Восточно-Прусскую операцию. Вклад

германских крепостных районов в дело обороны Восточной Пруссии от русского удара в кампании 1914 г. трудно переоценить. Не будь их, русские даже при неудачном руководстве воспользовались бы своим численным превосходством, чтобы вырвать победу и отбросить немцев за Вислу.

Источники и литература

1. *Величко К.И.* Крепости до и после мировой войны. – М., 1922.
2. *Де-Оник Е.И.* Крепости и современная война. – Киев, 1914.
3. *Евсеев Н.Ф.* Августовское сражение 2-й русской армии в Восточной Пруссии (Танненберг) в 1914 г. – М., 1936.
4. *Зальф А.* Основной закон и принципы вооруженной борьбы. Танненбергская катастрофа и ее виновники. – Таллинн, 1932.
5. *Невский Г.Г.* Долговременная фортификация. – М., 1927.
6. *Незнамов А.А.* Современная война. – Пг., 1923.
7. Сборник Главного Управления Генерального Штаба. Вып. 47. – СПб., 1913.
8. *Шварте М.* Крепостная война и укрепление полевых позиций. – Л., 1929.
9. *Яковлев В.В.* Новейшие сведения об укреплении восточных границ Германии и Франции. – Л., 1929.

M. V. Os'kin

THE GERMAN FORTIFICATION SYSTEM IN THE EASTERN FRONT ON THE EVE OF THE FIRST WORLD WAR

Abstract. Planning the military aggression in Europe, which culminated in the First World War of 1914–1918, the German General Staff assumed the inevitability of the war on two fronts – against France in the west and against Russia in the east. The German leadership had to make a careful calculation of the first period of the war so that, having won on one front, on which the main blow would be carried out; it would not lose on the second. By shifting the direction of the sword strike against France, the Russians could not be allowed to reach Berlin at the same time as the victorious German armies broke into Paris. To buy time in the West, the German leadership on the eve of World War I strengthened its eastern front with fortresses and other fortifications as much as possible.

Key words: fortification, fortress system, fort- outpost, tete-de-pon, heavy artillery, fortified area.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО ПОВСТАНЧЕСТВА: ВОССТАНИЕ КАЗАКОВ СУНЖЕНСКИХ И НАДТЕРЕЧНЫХ СТАНИЦ В 1920 г.

Аннотация. В статье исследуется партизанская война терского казачества против советской власти после ухода Белой армии с Северного Кавказа в 1920 г. Политика большевистской власти оттолкнула от себя многих казаков, которые не собирались складывать оружие и отстаивали привычный уклад жизни. От тактики небольших партизанских рейдов казачество решило перейти к одновременному восстанию на более широкой территории. Этому способствовала и помощь от эмиссаров Белой армии генерала П.Н. Врангеля. Восстание Сунженских и Надтеречных станиц было самым крупным восстанием терского казачества в 1920 г. Но силы были неравны изначально, и восстание было быстро подавлено. После него репрессии по отношению к казачеству стали производиться с удвоенной силой.

Ключевые слова: Гражданская война, повстанчество, рассказчивание, Северный Кавказ, Терское казачество.

Взаимоотношения советской власти и Терского казачества складывались драматично. Политика большевиков к казачеству колебалась от попыток опереться на казаков-фронтовиков до жестких репрессий по отношению к казачеству. Борьба казаков с большевизмом также меняла формы: от создания целых казачьих армий до партизанской борьбы.

1920 г. на Северном Кавказе ознаменовался широкомасштабным наступлением Красной армии, закончившимся очищением всего Северного Кавказа от частей Вооруженных Сил Юга России (ВСЮР).

Однако мир на Кавказе не настал, еще долго новая власть боролась с повстанчеством в регионе. Несмотря на то что Красную армию преобразовали в трудовую, ситуация на Северном Кавказе продолжала оставаться сложной. Современный исследователь В.В. Цысь так характеризует обстановку: «Острые межнациональные, социально-экономические противоречия между казаками, «иногородним» русским населением и горцами, политическая оппозиция части местного населения по отношению к централь-

ной власти, создавали крайне напряженную, нервозную обстановку в крае. В горах и лесах скрывались разбитые остатки армии Деникина, банды дезертиров, отряды чеченских и дагестанских «полевых командиров». Борьба с ними требовала большого напряжения сил, поглощала значительную часть энергии трудовой армии» [21, с. 115].

Новая власть явно обозначила свою позицию по отношению к казачеству. Одним из первых постановлений Совнаркома Горской автономной ССР (ГАССР) было передача восьми казачьих станиц национальным исполкомам. С самого начала был взят резко враждебный курс по отношению к казачеству. После ухода Белой армии при организации власти на местах в горских районах Кавказа в ревкомы запрещалось избирать, избираться и даже присутствовать при выборах ханам, бекам и др. лицам, «принимающим активное участие в войне на стороне казаков и содействовавшим установлению казачьей власти в Дагестане, и другим явным сторонникам казаков» [11, л. 340]. Таким образом, большевики даже не пытались представить казаков не просто как «жертвы» деникинского режима, но даже и как «обманутых» Белой армией. Прямо говорилось, что власть Деникина и власть казаков это одно и то же.

Орджоникидзе в докладе на краевом кавказском партийном совещании в августе 1921 г. ясно высказал свой взгляд на казачество: «Царское правительство выгнало горцев, и их земли были предоставлены завоевателям-казакам <...> ориентация на горцев означала коренное разрешение в интересах горского населения земельного вопроса, который был так запутан на Северном Кавказе» [6, с. 152].

В состав провозглашенной Горской республики вошло 17 казачьих станиц и ряд хуторов с населением свыше 65 тыс. человек [6, с. 152]. Однако по отношению к казакам не соблюдалась самая элементарная вежливость, так как, например, ни на одно заседание, где обсуждались самые серьезные вопросы, касающиеся жизненных интересов казаков, представителей от казачьего исполкома не приглашали. ГорЦИК отказался включить в свой президиум представителя от казачьего населения, а последнее оставалось совершенно вне каких-либо возможностей хотя бы узнавать вовремя о тех или других мероприятиях, касающихся всех жителей ГАССР [14, л. 69].

Несмотря на то что сами казаки были готовы к диалогу с советской властью (так, в марте 1920 г. казаки станицы Ардонской заявляли, что «Теперь они вздохнули свободно от гнета добровольческой армии» и готовы были «подать руку тем нашим товарищам, которые скитаются где-то далеко от нас» (явный намек на ушедших с белыми или в партизаны) [20, л. 37а]), в апреле 1920 г. были выселены распоряжением местной советской власти станицы: Тарская с хутором, Воронцово-Дашковская и Сунженская [14, л. 104].

Земельные наделы других станиц также были серьезно урезаны. Например, 27 апреля 1920 г. Терский Областной Ревком постановил выделить из наделов станицы Николаевской временно на текущий посевной период для усиления земельного фонда осетинского округа 1500 десятин удобной земли. Но в конце Ревком прямо угрожал станичникам, что неисполнение приказа не остановит Ревком перед применением любых средств. Самое главное, что казаки делались заранее виноватыми: «вся ответственность за могущие произойти последствия всецело падет на население станицы Николаевской» [12, л. 70].

Казаки, которые хоть как-то служили в Белой армии, лишились избирательных прав. Например, казак Николай Адашев, который служил у белых нестроевым и, надо полагать, не эвакуировался в Крым, служил в Красной армии, был лишен избирательных прав. Также «лишенцем» был и Иван Желоков, прослуживший у белых всего четыре месяца по мобилизации [13, л. 96–97].

Естественно, что подобного рода политика вызывала ответную меру – вооруженное сопротивление советской власти. После занятия в марте 1920 г. города Грозного большевики тотчас столкнулись с партизанскими отрядами на Сунженской линии [3, л. 4].

Гражданская война на Тереке перешла в фазу партизанской войны, которая длилась как минимум до 1922 г. Самым крупным восстанием на Тереке было восстание станиц Надтеречной и Сунженской линии в октябре 1920 г.

По информации Н.Ф. Гикало в этот период положение на Тереке было следующим: казаки занимали выжидательную позицию по отношению ко всему происходящему, а на довольно значительной территории, начиная от камышей Кизляра до ногайских степей, а также в лесах у подножья Кавказских гор, существовала масса

повстанцев, ликвидировать которых, как признавал сам Гикало, не представлялось возможным, ввиду того что не было достаточно частей, знающих местные условия, и для выставления гарнизонов. Часто войска не помогали, а мешали проведению в жизнь политики большевиков, проводя реквизиции и конфискации у станичников [18, л. 1–1 об.].

Летом по Северному Кавказу прокатились восстания казаков терских и сунженских станиц. Всего на территории трех районов Северного Кавказа (Кубань, Ставрополье, Терская область) в указанный период времени действовали 124 партизанских отряда, численностью до 5000 человек, имевших на вооружении 86 пулеметов, 2797 винтовок и одно орудие [6, с. 107].

Получив значительную помощь извне, подпольные организации во второй половине июля приступили к установлению связей с бывшими военнослужащими Белой армии. Некоторые казаки дезертировали из Красной армии и становились дополнительным связующим звеном между белым подпольем, вооруженными отрядами и антисоветски настроенной частью населения [19, с. 20].

В конце августа ситуация обострилась настолько, что в дополнение к частям 10-й Кубанской армии в борьбе с повстанчеством используется и Кавтрудармия. И. Косиор 16 августа издал приказ, обязывающий командиров отдельных рабочих батальонов создавать вооруженные взводы, а комбригов – пулеметные команды. С 20 августа армия переводится на боевое положение. Бывшие военнопленные, согласно распоряжению временно исполняющего должность командующего А. Медведева, должны были выводиться из состава частей и перебрасываться в Грозный для пополнения отдельного армейского рабочего батальона, а обычные красноармейцы наоборот перебрасывались из Грозного в боевые подразделения.

Красными была образована Надтеречная группа войск, делившаяся на несколько боевых участков. Во главе левого участка (район станиц Наурская – Калиновская) был поставлен командир Отдельной бригады Э.К. Озоль. В его состав входили по одному батальону 1-го Революционной дисциплины стрелкового полка, 8-го запасного полка, 1-й отдельной рабочей бригады. Бригадой была очищена от повстанцев железнодорожная линия Грозный – Владикавказ. Однако окончательная ликвидация антисоветских выступлений силами

одной трудовой армии была затруднена из-за отсутствия кавалерии. Завершение операции выпало на долю регулярных боевых соединений [21, с. 125–126].

В целом в августе месяце положение большевиков на Северном Кавказе осложнилось настолько, что даже был воссоздан Кавказский фронт [2, с. 578].

В свою очередь командование южнорусского Белого движения пыталось помочь антисоветским партизанам и взять движение под свой контроль. Еще в июне 1920 г. в Тифлисе был создан «Комитет содействия горцам и терским казакам по их освобождению от большевизма» [2, с. 553–554], а в конце 1920 г. агент врангелевского командования в Тифлисе докладывал: «Организационная работа по подготовке восстания близится к концу и осталось не более двух-трех недель, в течение которых это восстание необходимо поднять, так как по закрытии снегом перевалов получится много осложнений в отношении налаженной связи – это, во-первых, а во-вторых, холод и снег выгонят из лесов те отряды, которые находят там себе временное убежище» [8, с. 126].

К концу сентября уроженец станицы Николаевской полковник А.А. Васищев (Сашко) объединил отдельные казачьи части в «Бурунский партизанский отряд» с лозунгом: «Спасение седого Терека». Полковник проводил насильтственные мобилизации казаков. В отряде Васищева кроме воинов находились и их семьи [9, с. 206, 210].

20 сентября отряд Васищева появился на участке Мекенская – Шелковская. Для разгрома партизан был создан отряд из 600 бойцов с шестью пулеметами. Васищев избегал открытого боя и нападал лишь на малочисленные гарнизоны. Тем не менее партизан настигли и рассеяли. Особенно отличился при этом коммунистический отряд особого назначения, 15 его бойцов были представлены к награждению орденом Красного Знамени [7, с. 181]. Но сам Васищев ускользнул.

Восстание началось 12 октября на Надтеречной линии. Возглавил восстание полковник Васищев. Движение приняло довольно широкий размах. Уже 14 октября станцию Терек заняли восставшие казаки численностью около 400 человек. 17 октября отрядом восставших были заняты некоторые станицы по железной дороге

Грозный – Гудермес – Моздок, в частности станица Калиновская, в некоторых местах железная дорога была разобрана. Однако вскоре занявшие станицу Калиновскую и часть железной дороги повстанцы были разбиты и отошли в северном направлении [1, с. 303; 9, с. 211].

В середине октября было поднято восстание на Сунженской линии [5, с. 469]. Почти поголовно поднялись станицы Ермоловская, Нестеровская, Самашкинская, Михайловская, Романовская [1, с. 303]. Повстанцами были взорваны мосты через р. Малку около станции Прохладная и через р. Тerek около станции Котляревская. Красное командование в лице С.М. Кирова рассчитывало, что починка мостов в лучшем случае займет недели две. По словам кабардинцев и осетин, в районе Владикавказа и Беслана сосредоточились довольно крупные силы повстанцев; имелось два или три бронепоезда, много артиллерии и другого имущества [15, л. 3].

18 октября А. Медведев отдал приказ о переводе всех частей Кавтрудармии на боевое положение [21, с. 126]. В этот же день практически одновременно казаки повели наступление на станицы Слепцовская – Калиновская и в районе г. Кизляр. Станицы были заняты, повстанцы подошли к Кизляру. Красная армия вынуждена была снять свои части с трудового фронта и вступить в бой на линии станиц Наурская – Калиновская – Николаевская – Червленная. После трехдневных боев казаки были разбиты, очаги восстания в этих станицах жестоко подавлены, о чем свидетельствовали сами большевики [16, л. 1]. Парижский «Центр действия» сообщал, что станица Слепцовская была разрушена артиллерийским огнем, а жители, пытавшиеся бежать из горящей станицы, расстреливались из пулемета [4, л. 129]. Следует отметить мнение Е. Жупиковой, утверждающей, что многие казачьи станицы поднимались на восстание неохотно, почти вопреки своему желанию, и во время восстания далеко не все «поддерживали затею бело-зеленых» [9, с. 99].

20 октября в разговоре по прямому проводу с С.С. Каменевым В.М. Гиттис особо подчеркивал серьезность боев под станицей Калиновской. В результате этих боев сводный отряд Кавказской трудовой армии под командованием командира отдельной бригады Э.К. Озоля был вынужден отступить к станице Наурской, понеся большие потери. В область перебрасывались дополнительные

войска, в частности 1-й кавалерийский полк отдельной Донской кавалерийской бригады [10, с. 363, 749].

После этого повстанцы некоторое время держались на Сунженской линии в станицах Ермоловская, Закан-Юртовская, Самашкинская. Большевики стянули сильный отряд с артиллерией под командованием помощника командующего Кавтрудармией Грачева. Другие источники свидетельствуют, что при подавлении восстания станицы Сунженской применялась артиллерия. Угроза г. Грозному была серьезной. А. Медведев даже приспособил для обороны морские дальнобойные орудия [16, л. 1–2, 6].

Особо стоит отметить и поведение чеченцев, которое, по отзывам большевиков, было «великолепным». К А. Медведеву прибыла делегация с предложением помочи в борьбе против казаков. А. Медведев согласился и попросил сосредоточить в ауле Алды 500 сабель чеченцев, которым дал задачу «зачистить» линию Червленная – Щедринская – Гребенская – Дубовская – Кизляр. Характерно, что казаки посыпали своих делегатов в аулы Кен-Юрт, Шед-Юрт и другие, но получили отказ (при этом сами руководители казацкого восстания говорили станичникам, что к восстанию присоединилась вся Чечня и Ингушетия [9, с. 200]). Красным же отрядам, находящимся в этих аулах, было оказано самое широкое содействие, как продовольствием, так и фуражом. Чеченцы этих аулов принимали участие в охране правого берега Терека и ни одного казака не пропустили [16, л. 2, 5–6].

24 октября красными была с боем занята станица Самашкинская. Очевидцы с красной стороны отмечали панику в рядах восставших. Но если это и соответствовало действительности, то паника была быстро преодолена. Те же очевидцы констатировали, что «противник вновь мало-помалу группируется и в то же время отходит на ст. Серноводск». В целом наступление Красной армии везде продолжалось успешно, повстанцы уходили в горы и леса, где вновь группировались по аулам и селениям, обстреливая части ружейным огнем [16, л. 8].

За участие в восстании большевики решили наказать казачество. Сразу же после его подавления были выселены станицы Калиновская, Ермоловская, Романовская, Самашкинская и Михайловская. Мужчины этих станиц от 18 до 50 лет включительно были отправлены на

принудительные работы (на железной дороге [17, л. 1]), частью в Архангельскую губернию, частью в Донецкий бассейн, частью в Бакинскую губернию. Оставленный сельскохозяйственный инвентарь вышеуказанных станиц частью был вывезен в г. Грозный, а большая часть его осталась на местах и прилегающих к этим станицам железнодорожных станциях. Сеялки, жатки, косилки, веялки, молотилки, плуги, бороны, бочки, телеги и т.п. гнили от сырости, валяясь под открытым небом, и расхищались. Станицы были предназначены к заселению горскими чеченцами. Утверждалось, что якобы именно дефицит земли у чеченцев заставил советскую власть принять такие решительные меры, как выселение целых станиц. Но к началу октября 1920 г. не было заметно фактов заселения чеченцами этих станиц. Наоборот, плоскостные чеченцы прилегавших селений при всяком удобном случае старались вывести из станиц все что можно [14, л. 104 (об.)–105].

Несмотря на то что Сунженское восстание было самым крупным успехом антибольшевистских повстанцев на Тереке, надежд на успех оно имело мало: к моменту начала восстания серьезные очаги сопротивления в соседней Кубанской области были подавлены, Русская армия в Крыму готовилась к эвакуации. Однако восстание все же было начато с надеждой на всенародную поддержку, которой, однако, не произошло. В свою очередь большевики довольно быстро смогли мобилизовать все наличные силы, опираясь на традиционно лояльные им горские массы, смогли разгромить военную силу казаков. Чтобы обезопасить себя от выступлений, советская власть пошла на радикальную меру (отчасти опробованную еще в 1918 г.) – переселение казаков. Повстанцы рассеялись, «малая война» продолжалась, но казаки более никогда не достигали таких успехов.

Источники и литература

1. *Бурда Э.В.* Терское казачество и Российское государство XVI–XXI. История взаимоотношений. – М., 2015.
2. *Гагкуев Р.Г.* Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. – М., 2012.
3. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф. 4655. Оп. 1. Д. 260.

4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р5784. Оп. 1. Д. 27.
5. Гугов Р.Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. – Нальчик, 1975.
6. Даудов А.Х., Месхицзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924). – СПб., 2009.
7. Денисов Н.Г. Кавказская армия труда в 1920–1922 гг. // Вопросы истории. – 1988. – № 2. – С. 177–182.
8. Джанаев А.К., Наниев В.И. С.М. Киров – организатор перехода частей Красной армии через Кавказский хребет // Киров С.М. и Орджоникидзе Г.К. на Северном Кавказе. – Орджоникидзе, 1986. – С. 125–148.
9. Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 гг. – М., 2016.
10. Запись разговора по прямому проводу главкома с В.М. Гиттисом о положении в Терской области и снабжении обмундированием // Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Т. 3. – М., 1974. – С. 363–364.
11. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (НА СОИГИСИ). Ф. 21. Оп. 1. Д. 88 «б».
12. НА СОИГИСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117а.
13. НА СОИГИСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 125.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 64. Оп. 1. Д. 247.
15. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 11. Д. 2.
16. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 11. Д. 133.
17. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 11. Д. 134.
18. РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 11. Д. 146.
19. Степаненко Б.И. Крушение контрреволюции на Дону, Кубани и Тереке в 1920 г. // Вопросы истории. – 1976. – № 9. – С. 15–33.
20. Центральный Государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 47. Оп. 1. Д. 7.
21. Цысь В.В. Трудовые армии периода Гражданской войны. Ч 2: Хозяйственная и общественно-политическая деятельность. – Нижневартовск, 2009.

Y.S. Pyltsin

PAGES OF THE HISTORY OF THE ANTI-BOLSHEVIST REBELLION: THE UPRISING OF THE COSSACKS OF THE SUNZHEN AND NADTEREKHNY STANTIS IN 1920

Abstract. In this article the author is describing the subject of partisan war of Terek Cossacks against Soviet regime after the White army left Northern

Caucasus in 1920. The policy of Bolshevik Regime turned lots of Cossacks against them. Cossacks didn't want to throw down their weapons and who wanted to defend their way of life. From small guerilla raids Cossacks decided to change their tactics to a wide-spread rebellion. It was helped by the support from White army and general P. N. Wrangel. The rebellion of Sunzensk and Nadterekstanitsas was the biggest rebellion of Terek Cossacks in 1920. But the forces were uneven from the beginning and the rebellion was defeated. After these events the repressions against Cossacks were doubled in strength.

Keywords: Civil war, insurrection, genocide of the Cossacks, North Caucasus, Terek Cossacks.

УДК 908

Р.Б. Садыкова

ВКЛАД ЖИТЕЛЕЙ ОКТЯБРЬСКОГО РАЙОНА ТАТАРСКОЙ АССР В ПОБЕДУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Аннотация. В статье показана работа тружеников тыла Октябрьского (ныне Нурлатского) района Татарстана в годы Великой Отечественной войны. Работники леспромхоза, колхозники, взрослые и дети вносили посильный вклад в общее дело Победы. Они не только трудились в лесном хозяйстве и на полях района, но и отдавали личные сбережения на строительство танков и самолетов, участвовали в сборе теплых вещей для Красной армии, оказывали помощь освобожденным районам страны.

Ключевые слова: Октябрьский район, Татарская АССР, помочь фронту, труженики тыла, леспромхоз, колхозы, сбор средств, танковая колонна.

Современный Нурлатский район Татарстана был образован в 1930 г. как Октябрьский район. В годы Великой Отечественной войны на фронт ушли 15 тыс. его жителей, более половины из них отдали свои жизни в борьбе с фашизмом. В 1941 г. на станции Нурлат была сформирована 51-я стрелковая бригада, которая прошла с победными боями до Берлина в составе 54-й гвардейской стрелковой дивизии.

Достойный вклад в Победу внесли и труженики тыла. Во время войны в Нурлате в здании депо работал и давал военную продукцию эвакуированный из Москвы механический завод № 1. В Октябрьской районной (ныне школа № 2) и железнодорожной школах

размещался эвакогоспиталь № 3654, где лечили бойцов с ранениями конечностей [7, с. 25].

Октябрьский леспромхоз, созданный в 1936 г., с началом войны должен был переключиться с изготовления продукции для мирного строительства на военные цели. Наряду с заготовкой дров и деловой древесины леспромхоз выполнял задания по подготовке авиафанерного кряжа, кряжа для изготовления лыж и ружейных болванок, делал деревянные ящики для мин, обозный инвентарь, артиллерийские банники и дышла, черенки для саперных лопат.

Уже 3 сентября 1941 г. исполняющий обязанности директора Октябрьского леспромхоза докладывал секретарю райкома ВКП(б) о ходе выполнения плана изготовления военных саней. Механической мастерской леспромхоза был спущен наряд на изготовление металлических деталей в количестве 23 тыс. штук, однако к их изготовлению еще не приступили ввиду отсутствия железа, которого требовалось 30 тонн. На переработку этого железа необходимо было выделять ежедневно 30 человек кузнецов, что леспромхоз своими силами сделать был не в состоянии, так как в штате имелось всего три кузнеца [2, л. 66]. В связи с мобилизацией на фронт специалистов кадровый вопрос все военные годы оставался одним из самых острых.

25 октября 1941 г. новый директор леспромхоза отчитался об изготовлении для военных саней 710 пар полозьев, 1420 штук оглоблей, полностью было собрано 300 саней [2, л. 133]. Сборка саней задерживалась из-за отсутствия плотников, оковка – из-за отсутствия железа и поковок. Заказы на мелкие и несложные детали, размещенные по колхозам района, на тот момент еще не поступили.

Но не только сани для военных нужд изготавливали в леспромхозе. Наркомат лесной промышленности ТАССР в январе 1942 г. обратился в Октябрьский райком ВКП(б) с просьбой оказать содействие в выполнении «исключительно серьезного задания по выработке в 1 квартале 1942 г. 40 тыс. штук ружболванки и такого же количества ствольного бруска» [1, л. 82]. Устанавливался срок выполнения задания – не позднее 15 марта. Уполномоченный Наркомлеса СССР по ТАССР также обратился в партийные органы республики и района с просьбой «взять под особый контроль работу леспромхоза, т.к. задание Госкомитета обороны при любых обстоятельствах должно

быть выполнено» [6, л. 1]. Такое повышенное внимание к хозяйству объяснялось тем, что другие леспромхозы в Татарии не располагали такой высококачественной древесиной, как леса Октябрьского района, а также не имели механических установок для их изготовления.

23 февраля 1942 г. новый исполняющий обязанности директора Октябрьского леспромхоза докладывал, что сырье леспромхозом изготовлено, однако для вывозки его в Нурлат, что составляло 50 км, и с учетом небольшого времени, оставшегося для санного пути, требовалось 350 человек и 400 лошадей [4, л. 110].

Кто мог поставить такое количество рабочей и тягловой силы? Конечно, колхозы. Однако они сами испытывали колоссальные трудности. Мобилизации в армию, а также в промышленность для пополнения рабочей силы сократили количество работающих на селе. Ушли на фронт мужчины – трактористы, комбайнеры, механизаторы. Их место заняли женщины. Наряду со взрослыми на полях трудились подростки, а также учителя.

Согласно приказу Наркома земледелия СССР от 4 июля 1941 г., в каждом колхозе был установлен ежесуточный график вывоза хлеба на заготовительные пункты. Выполнение плана хлебопоставок являлось делом государственной важности. Свыше тысячи колхозов республики своевременно рассчитались с государством по поставкам хлеба, картофеля, овощей. Труженики полей Актанышского, Арского, Атнинского, Октябрьского районов успешно справились с объемом сдачи хлеба. Татарстан в 1941 г. сдал государству 656 тыс. тонн зерна [9, с. 179].

К началу 1942 г. по колхозам Октябрьского района было закуплено 2793 т зерна, в том числе по Егоркинскому сельсовету – 912 т, Курманаевскому – 460 т, Илюткинскому – 408 т, Биляр-Озерскому – 353 т, Богдашинскому – 325 т [4, л. 126].

В разгар весенне-полевых работ 1942 г. в стране развернулось всесоюзное соревнование колхозов, совхозов и МТС. В него включились 2266 колхозов, 1380 тракторных бригад, 6876 трактористов, 840 комбайнеров, 1910 звеньев и 1586 животноводческих ферм Татарстана. Первыми в республике закончили сев Октябрьский и Калининский районы [9, с. 180].

В сентябре 1941 г. по инициативе женщин-активисток Москвы начался сбор теплых вещей для воинов Красной армии. В 1941–

1942 гг. трудящиеся Татарстана отправили на фронт 23 тыс. полу-шубков, 54 тыс. пар валенок, 59 тыс. телогреек и шарфов, 106 тыс. пар теплого белья и десятки тысяч других теплых вещей. Было собрано 61 141 кг шерсти и 97 320 овчин, всего по республике в годы войны – 10 млн. теплых вещей [9, л. 187]. Свой вклад внесли в общую копилку и жители Октябрьского района. Так, к февралю 1942 г. было собрано 611 пар валенок, 154 ватных телогреек, 140 ватных брюк, 485 шапок-ушанок, 686 шерстяных варежек, 413 шерстяных носков, 1482 летних портнянок, более 4,5 тыс. кг шерсти, а также большое количество одеял, подушек, постельного белья и других, нужных для армии, вещей [4, л. 55].

В годы войны по стране развернулось движение помощи фронту в самых разнообразных формах, которое явилось ярким проявлением патриотизма народа. В различных концах страны стихийно, по почину многих людей, началось создание Фонда обороны. Население добровольно вносило в него свои сбережения деньгами, облигациями государственных займов и драгоценностями.

В ноябре 1941 г. в стране начался сбор средств на строительство танков и самолетов. В ТАССР сбор средств на строительство танковых колонн проходил в три этапа. С осени 1941 г. осуществлялся сбор средств на строительство танковой колонны «Комсомолец Татарии» (к февралю 1942 г. было собрано 2270 тыс. руб.), с осени 1942 г. – на строительство танковой колонны «Колхозник Татарии» (к началу 1943 г. было собрано 100 млн. руб.), весной 1943 г. она была передана 10-му танковому корпусу генерал-лейтенанта В.Г. Буркова. На часть средств, собранных в 1944 г. в фонд Победы Красной армии, была построена танковая колонна «Красная Татария», весной 1944 г. переданная 23-му танковому корпусу генерал-лейтенанта А.О. Ахманова. Всего за годы войны на строительство различной боевой техники населением республики было собрано 380 млн. рублей [8, с. 520].

2 января 1943 г. секретарь Октябрьского РК ВКП(б) направил председателю Государственного Комитета Обороны тов. Сталину телеграмму следующего содержания: «Колхозники и колхозницы Октябрьского района Татарской республики, воодушевленные Ватшим, тов. Сталином, историческим докладом и приказом, в короткий срок собрали и внесли в Госбанк на строительство танковой колонны

«Колхозник Татарии» два миллиона пятьсот тридцать восемь тысяч рублей из своих личных сбережений. Кроме того, сверх плана из урожая 1942 г. колхозами и из личных запасов колхозников сдано на пункт Заготзерно хлеба в фонд Красной армии 12 566 пудов, для рабочих промышленности 4000 пудов, на пункт Заготскот мяса для рабочих промышленности 230 пудов. Поступление денег, хлеба, мяса продолжается и проходит под знаком нерушимого боевого единства тыла с фронтом. Колхозники нашего района ничего не пожалеют для быстрейшего разгрома немецко-фашистских бандитов» [3, л. 2].

На строительство боевых самолетов в республике было собрано 9 млн. рублей. Среди тех, кто внес свой вклад, был и председатель колхоза им. Сталина Октябрьского района Фатих Тямаев. «Вношу на построение боевого самолета 20 000 рублей, – писал он в телеграмме на имя Сталина. – Пусть этот самолет в рядах авиации умножит славу наших сталинских соколов, наносящих смертельные удары фашистской нечисти» [3, л. 13].

1943 г. был самым тяжелым для сельского хозяйства страны. Хотя часть временно оккупированной врагом территории была уже освобождена, но сельское хозяйство там оказалось настолько разрушенным, что о каком-либо улучшении продовольственного баланса страны за счет этих районов не могло быть и речи. Летом 1943 г. большинство районов Поволжья, Южного Урала, Западного Казахстана, Северного Кавказа и Сибири постигла сильная засуха [10]. Предстояло тщательно, без потерь, убрать урожай.

На полях колхозов развернулось настоящее сражение за хлеб. Осенью 1943 г. все участковые агрономы совместно с уполномоченными Октябрьского райкома партии и райисполкома организовали сбор колосьев вручную, конными и ручными граблями, силами школьников, а также престарелых колхозников. Кроме того, в колхозах им. Нариманова, «Красное Знамя», «Удар», «Кзыл Чулпан» комбайны былипущены на более низкий срез.

Сбор колосьев вручную был организован в колхозах «Пролетарий», «Красный Ударник», «Гигант», «Кзыл Чулпан» и ряде других. В колхозе «Красный Черемшан» на подбор колосьев были организованы школьники, которые подобрали колосья на площади 300 га. В колхозе «Красный Октябрь» школьники подобрали колосья на площади 220 га ржи и 212 га пшеницы.

В колхозе «Акакан» ученики собрали и намолотили 80 кг зерна. В колхозе «Красный Октябрь» собрали около 500 кг зерна колосьями и т.д. Были организованы большие красные обозы с хлебом колхозами «Пролетарий» (106 подвод), «Виктория» (58 подвод), «Красная Гора» (52 подводы).

На 1 сентября 1943 г. план хлебосдачи в районе (15 900 т) был выполнен на 30,7 % (4890,7 т). Годовой план хлебосдачи выполнили колхозы им. Пушкина, «Алга», «Тарн-Варн», «Двигатель», «Канаш», «Акакан», «Приютовка», «Тюбяк» и им. Сталина (Чувашская Менча). Близки к выполнению были колхозы «Ивановка» (88 %), «Колос» (82 %), «Прогресс» (81 %), «Кзыл Юлдуз» (87 %) [5, с. 93–95].

Фашисты нанесли стране колossalный урон, опустошили целие республики и области. Без всенародной помощи невозможно было быстро возродить экономику этих районов. Помощь освобожденным районам началась еще в январе 1942 г. Татарстан помогал восстанавливать г. Сталинград и ряд сельских районов области, г. Орел и районы области, Донбасс. Руку помощи протянул и Октябрьский район. Так, колхозы «Ударник» и «Буденновец» помогли освобожденным районам семенами [9, с. 191].

Жители Октябрьского района Татарстана внесли существенный вклад в Победу над фашизмом, выстояли сами, переживая огромные трудности, и помогли выстоять нашей армии все тяжелые годы войны. Не случайно наряду с памятниками павшим в годы Великой Отечественной войны на территории Нурлатского района воздвигнуты и памятники труженикам тыла. Только сообща народ и армия смогли выстоять в одной из самых кровопролитных войн в истории человечества.

Источники и литература

1. ГА РТ (Государственный архив Республики Татарстан). Ф. П525. Оп. 1. Д. 271.
2. ГА РТ. Ф. П525. Оп. 1. Д. 272.
3. ГА РТ. Ф. П525. Оп. 1. Д. 324.
4. ГА РТ. Ф. П525. Оп. 1. Д. 326.
5. ГА РТ. Ф. П525. Оп. 1. Д. 346.
6. ГА РТ. Ф. П525. Оп. 1. Д. 354.
7. Нурлат: 110 страниц истории. – Казань, 2019.
8. Татарская энциклопедия: В 6 т. – Казань, 2010. – Т. 5: Р–С–Т.

9. Татарстан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Казань, 2009.

10. Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://history.wikireading.ru/273693> (дата обращения 14.07.2022 г.).

R.B.Sadykova

CONTRIBUTION OF THE RESIDENTS OF THE OKTYABRSKY DISTRICT OF THE TATAR ASSR TO VICTORY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

Abstract. The article shows the work of the home front workers of the Oktyabrsky (now Nurlatsky) district of Tatarstan during the Great Patriotic War. Forestry workers, collective farmers, adults and children made a feasible contribution to the common cause of Victory. They not only worked in forestry and in the fields of the district, but also gave their personal savings for the construction of tanks and airplanes, participated in the collection of warm clothes for the Red Army, provided assistance to the liberated regions of the country.

Keywords: Oktyabrsky district, Tatar ASSR, help to the front, home front workers, forestry, collective farms, fundraising, tank column.

УДК 94(470.345) «1941/1945»

М.И. Святкин

ТРУДОВЫЕ И РАТНЫЕ ПОДВИГИ УРОЖЕНЦЕВ СЕЛА ПРОТАСОВО БОЛЬШЕИГНАТОВСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Великая Отечественная война Советского Союза против фашистской Германии 1941–1945 гг. явилась самой тяжелой и кровопролитной войной, когда-либо пережитой нашей Родиной. Вместе со всем советским народом свою яркую страницу в летопись войны вписали и жители села Протасово Большегнатовского района Республики Мордовия. В статье сообщается о трудовых и ратных подвигах уроженцев села в 1941–1945 гг. На основе архивных источников и воспоминаний тружеников тыла и участников войны охарактеризовано положение в тылу и на фронте.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, село Протасово, Большегнатовский район, Республика Мордовия, колхоз, план, партия, тыл, фронт.

Великая Отечественная война Советского Союза против фашистской Германии 1941–1945 гг. явилась самой тяжелой и кровопролитной войной, когда-либо пережитой нашей Родиной. Она вошла в историю как один из самых героических этапов в жизни советского народа. Все дальше уходит от нас победоносный 1945 г. Но все ярче предстает величие подвига, совершенного нашим народом.

22 июня 1941 г. был назначен очередной девятый пленум Большешигнатовского райкома ВКП(б). Его повестка дня намечалась быть мирной. Шла подготовка к уборке урожая. Но страшная весть о нападении фашистской Германии на СССР все изменило.

В протоколе заседания этого пленума говорится: «Мы, участники IX пленума Б.Игнатовского РК ВКП(б), все как один заявляем большевистской партии и советскому правительству, что по первому зову нашей партии все как один с оружием в руках будем защищать Родину. Оставаясь в тылу, будем неустанно работать на дело народа, на дело обороны. Будем работать на колхозных полях еще лучше и производительнее, на «отлично» подготовимся и проведем уборку, досрочно выполним все государственные обязательства.

Не покладая рук изо всех сил будем трудиться на своем посту, тем самым (будем) крепить оборону Отечества, помогать доблестной Красной Армии и Военно-Морскому флоту разгромить врага» [1, с. 40].

По всем колхозам, предприятиям и учреждениям района прошли митинги трудящихся. Трудящиеся выражали свое глубокое негодование. Рабочие колхозов «Петровка», «22 пятилетка» Протасовского сельсовета единодушно заявили, что все как один выступят на защиту Отечества.

Весть о войне зажгла миллионы людских сердец. Началась мобилизация на фронт. Не остались в стороне и жители села Протасово Большешигнатовского района.

Механизаторы машинно-тракторного парка уходили на фронт, их места занимали женщины и подростки. Труд механизаторов во все времена считался нелегким, особенно для молоденьких девушек. Но, несмотря на это, Нина Семеновна Атласова (Кокина) и Ольга Филипповна Филатова из села Протасово Большешигнатовского района РМ работали от темна до темна, ночевали прямо в поле. Дети трудились наравне со взрослыми.

В ноябре 1941 г. район направил трудоспособных женщин и девушек на торфоразработки. Больше полгода не были в родном селе Е.П. Вадясова (Болеева), Е.В. Атласова, Н.С. Атласова (Кокина), А.С. Вадясова (Сорокина), Е.Ф. Романова, А.Г. Кемаева, Д.И. Кокина, У.Ф. Филатова, А.Ф. Кучкаева, А.А. Симагина, Е.И. Волкова, П.И. Кокина.

Вспоминает Е.И. Волкова (уроженка с. Протасово Большегнатовского района РМ): «Работу выполняли не по силе. От усталости и голода кружилась голова. Лишнего хлеба не было. Сядешь есть, а в щах плавают две-три картошины, да чуть-чуть капусты, поешь, а через час опять хочется есть. Ходили собирать лебеду, да солому. Весной ходили по полям в поисках прошлогодней мерзлой картошки. Собирали ее в мешки. Пока шли домой, спина становилась сырой от растаявшей мерзлой картошки. Ее мыли, добавляли в хлеб. Это было уже лакомство для нас. За работу нам ставили трудодни, по которым потом получали зерно, но его выдавали мало. Чтобы испечь хлеб, добавляли толченые березовые сережки, лебеду или кору. Хлеб, когда его ели, был бурого цвета, но он казался очень вкусным. Весной поля пахали лошадьми. Когда лошадей не хватало, поля копали вручную. А сеяли так: встанут на край поля женщины и старики, а через плечо перекинуто лукошко с зерном. Идут и разбрасывают его по полю. А за ними тащили борону».

В первый период войны зародилось и получило широкий размах патриотическое движение за создание фонда обороны. В этом всенародном движении участвовали все советские люди. Колхозники Большегнатовского района в ответ на нападение фашистов ответили досрочным выполнением обязательства перед государством. Труженики колхоза «Петровка» Протасовского сельсовета С.Ф. Вильдякский в 1941 г. выполнил план мясопоставки за 1942 г., И.С. Вильдякский сдал в счет 1942 г. – 15 кг. Рабочие колхоза «22 пятилетка» того же сельсовета Ф.В. Асманкин сдал за 1942 г. – 36 кг, Ф.М. Асманкин – 24 кг [1, с. 58–59].

Колхозники, освобожденные от натуральных государственных поставок, добровольно сдавали мясо государству. 76-летний житель д. Петровка Большегнатовского района И.Я. Вильдякский сдал 28 кг, А.И. Инкина – 19 кг. Колхозники заявляли, что обеспечат воинов доблестной Красной армии продуктами сельского хозяйства

(газета Большегнатаевского района «По Сталинскому пути», 1941, от 12 июля).

Несмотря на выполнение планов, положение в тылу было очень тяжелым.

Вместе со всем советским народом свою яркую страницу в летопись Великой Отечественной войны вписали и жители Большегнатаевского района. Они добросовестно сражались на всех фронтах: под Москвой и Сталинградом, на Орловско-Курской дуге и Днепре, в Польше, Болгарии, Румынии, во вражеской столице Берлине.

Из Большегнатаевского района призвано было на фронт 4700 человек, в том числе 70 женщин. 2613 человек пали смертью храбрых на полях сражений за Родину. Из Протасовского сельского совета было призвано 250 человек, из них две женщины. 194 человека пали смертью храбрых.

Среди призванных мужчин был Василий Леонтьевич Волков. Родился в с. Протасово в бедной крестьянской семье в 1925 г. Семья была большая. Пять человек детей было у отца с матерью. Учился в начальной школе в Протасове Большегнатаевского района. После окончания начальной школы пошел учиться в Пикшень Большеболдинского района, но там долго учиться не пришлось, так как не хватало рабочих рук в семье.

Летом с дедом пас стадо телят. Когда немного подрос, работал в колхозе на лошади. Началась Великая Отечественная война. Отца и старшего брата призвали на фронт. В 1943 г. осенью семнадцатилетний паренек был призван на фронт. Прибыл он в город Слободской в военно-пехотное училище. Там учился шесть месяцев и был назначен командиром взвода. Воевал на Белорусском фронте. Освободили Белоруссию, стали готовиться к наступлению в Польше. Шли в направлении на Берлин. В Германии Василий Леонтьевич вступил в ряды КПСС. Был награжден медалью «За взятие Берлина».

После Берлина взялся освобождать Украину от бандеровцев. Приехал домой в 1950 г. Отдыхать не пришлось. Начал работать в колхозе. В 1953 г. назначают его заведующим молочно-товарной фермой.

В 1950 г. женился на приезжей молодой учительнице Марии Николаевне. Родились одна за другой дочки: Надежда, Валентина. Семья была очень дружной. Воспитанием детей в основном приходилось заниматься Марии Николаевне, так как Василий Леонтьевич сутками пропадал на ферме. Только ночевать приходил домой. Работы

было очень много, все делали вручную: воду из проруби таскали и корма заносили с улицы. Ответственность была очень большая. Но времена изменились, на помощь ручному труду пришла механизация. И все равно без контроля не оставлял доверенное ему дело.

Проработал добросовестно Василий Леонтьевич 35 лет заведующим МТФ. Был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Интересна также судьба другого участника Великой Отечественной войны уроженца с. Протасово Большегннатовского района – Симагина Александра Ивановича.

Александр Иванович Симагин родился в с. Протасово в бедной крестьянской семье в 1920 г. Был призван в действующую армию 10 ноября 1940 г. Службу проходил в Грузии в городе Кутаиси. Когда началась война, он вместе со своими земляками А.И. Вильдякским и Ф.П. Комзоловым был направлен на 2-й Украинский фронт в 295-й гаубицкий артиллерийский полк. Первый бой ему пришлось вести за Киев. Здесь погибли земляки Александра Ивановича. Здесь же попали в окружение. После выхода из окружения воевал в 265-м гвардейском стрелковом полку. В 1943 г. участвовал в боях под Одессой и Севастополем. За проявленный героизм в бою был награжден медалью «За боевые заслуги». Здесь был ранен в ногу. Два месяца лечился в полевом госпитале. 265-й стрелковый полк участвовал в освобождении Молдавии, Румынии и Югославии. Здесь в декабре 1945 г. получил второе ранение в руку. Лечился в госпитале в Кисловодске. 27 апреля 1945 г. выписался из госпиталя и поехал домой.

Симагин А.И. награжден двумя медалями «За отвагу», медалью «За боевые заслуги» и юбилейными медалями.

История знает немало подвигов в войнах прошлого, но никогда еще геройзм воинов не был таким массовым, как геройзм советских людей. Ценой невиданных страданий, ценой жизни миллионов за воевана Победа.

Память о героях хранит родная земля. Праздник Победы собирает односельчан вместе. И в этом единении чувствуется вера в завтрашний день, добро и справедливость.

Сегодняшний мирный день. И ему мы обязаны тем, кто с оружием в руках не только отстоял честь и независимость нашей Родины, но и спас человечество от фашизма и рабства.

Многие протасовцы отдали свою жизнь за свободу и независимость нашей Родины. В центре с. Протасово стоит обелиск погибшим в войне. Каждый праздник Победы приходят к нему люди, чтобы выразить благодарность за подвиг, совершенный в годы Великой Отечественной войны.

Трудные огненные версты войны – их не забыть седоволосому ветерану. Но не забыть тех горестных лет и тем, кто ковал Победу в тылу, кто своим трудом приближал ее.

Все дальнее и дальнее уходит от нас тот час, когда советский солдат водрузил алое знамя Победы над Рейхстагом. Это был итог невиданных битв, жестоких сражений.

Память о героях хранит родная земля. Праздник Победы собирает людей вместе. И в этом единении чувствуется вера в завтрашний день, добро и справедливость.

Источники и литература

1. Большенигнатовский район: в лицах и событиях / коллектив МБУК «Центральная районная библиотека» Большенигнатовского муниципального района Республики Мордовия. – Большое Игнатово: Тип. «Ичалковская», 2015. – 168 с.
2. Мордовия в период Великой Отечественной войны. 1941–1945: в 2-х т. / НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ; отв. ред. А.А. Данилов, В. А. Юрченков. – Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2005. – Т. 1. – 382 с.
3. Мордовия в период Великой Отечественной войны. 1941–1945: в 2-х т. / НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ; отв. ред. А.А. Данилов, В.А. Юрченков. – Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2005. – Т. 2. – 422 с.

M.I. Svyatkin

LABOR AND FEATS OF ARMS THE NATIVES OF THE VILLAGE PROTASOVO BOLSHEIGNATOVSKY DISTRICT IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The Great Patriotic war of the Soviet Union against Nazi Germany of 1941–1945 was the gravest and most bloody war ever experienced in our Homeland. Together with all Soviet people the bright page in the annals of war entered, and the inhabitants of the village ProtasovoBolsheignatovsky district in the Republic of Mordovia. The article reports on the labor and feats

of arms the natives of the village in 1941–1945. On the basis of archival sources and memoirs of the home front workers and participants of the war, described the situation in the rear and at the front.

Keywords: Great Patriotic war, the village of Protasovo, Bolsheignatovsky district, Republic of Mordovia, farm, plan, party, rear, front.

УДК 94

Д.К. Терентьев,
Г.Ф. Горбашова

ФОРМИРОВАНИЕ «ОБРАЗА ВРАГА» В РОССИЙСКОЙ ПРОПАГАНДЕ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы формирования «образа врага» в пропаганде Российской империи в контексте Первой мировой войны. В работе рассмотрены ключевые антигерманские сюжеты, практиковавшиеся российской пропагандой в первые месяцы вооруженного конфликта. Изучение и анализ проецируемых пропагандистами германофобских штампов позволит выявить идеологическое наполнение образа врага, что, в свою очередь, поможет составить более точную картину об особенностях формирования стереотипа немца у российского населения.

Ключевые слова: Первая мировая война, образ врага, пропаганда, антигерманские стереотипы.

Специфика периода Первой мировой войны заключалась в том, что «образы врага» формировались не только в результате естественной враждебности, но и в условиях особого типа идеально-психологического противоборства, обозначившегося в связи с невиданным ранее использованием военной пропаганды.

Пропаганда, как механизм манипуляции общественным сознанием, не являлась чем-то принципиально новым для XX столетия, поскольку информационно-психологическое воздействие использовалось и в войнах предшествующий эпох. Однако XX в., ставший веком «восстания масс», роста грамотности населения, а также бурного научно-технического прогресса с сопутствующими ему достижениями в сфере коммуникации (многократному увеличению тиражей периодической печати и появлению новых средств коммуникации), выдвинул «коммуникативное оружие» из вспомогательных

средств ведения войны на передний план. Одним из самых распространенных приемов, практикующихся пропагандой в период Первой мировой войны, являлась технология создания «образа врага» – предельно упрощенного, схематизированного и мифологизированного восприятия противника на основе этнических, политических, идеологических и других стереотипов» [3].

Принимая во внимание международную обстановку накануне Первой мировой войны, в большинстве европейских стран проводились идеологические и психологические приготовления к будущей войне, которые выражались, в частности, посредством внушения населению пропагандистского мифа о собственном миролюбии и стремящихся к агрессии соседях. В русле общеевропейских «настроений 1914 г.» проходили в том числе и российские общественно-политические процессы, однако к началу военных действий эти тенденции не успели еще развиться в полной мере.

Несмотря на острую критику внешнеполитического курса Германии, до начала войны в русском обществе не доминировало устойчивое представление восприятия немцев как потенциальных врагов широкими слоями населения. В массовом сознании доминировало мнение о немцах как о высококультуральной нации, своего рода «учителях европейской мудрости». Немецкая наука и культура имели высокую степень значимости для отечественной интеллигенции, и потому Германия длительное время была для России положительным культурным ориентиром. Подобные убеждения не были чужды в особенности представителям образованных слоев российского общества. Как совершенно справедливо заключает автор одного из памфлетов А.С. Резанов: «Мы, русские, привыкли немцев считать культурными европейцами, а потому трудно было верить, чтобы этот народ дошел до такой степени нравственного падения, чтобы вся страна вдруг превратилась в гнусных насильников, убийц и подлых грабителей» [4, с. 107]. На наш взгляд, подобное высказывание удачно акцентирует наше внимание сразу на нескольких ключевых моментах. С одной стороны, это прекрасно иллюстрирует пример того, что поиск внешнего врага для России, а соответственно образ вероятностного противника, с точки зрения пропаганды, не получил вполне конкретное наполнение и определение в довоенный период. В этой связи население Российской импе-

рии с преобладающей долей крестьянской массы, редко интересующейся перипетиями международных отношений, было в меньшей степени подготовлено к восприятию немцев в качестве потенциальных врагов. С другой стороны, создавшийся контраст в отражении облика германского народа одновременно демонстрирует характер, который в условиях начавшейся войны пыталась придать образу Германии отечественная пропаганда.

Так первоначальное внимание в первые месяцы войны было заострено на доказательствах виновности противника в развязывании вооруженного конфликта. Несмотря на то что возбудителем спокойствия была Австро-Венгрия, гнев общественного мнения оказался направлен именно против Германии, выступавшей в качестве агрессора. Общим сигналом к началу интенсивной антинемецкой кампании стал Высочайший Манифест Николая II о войне с Германией 20 июля (2 августа) 1914 г. Печать стремилась преподнести войну своего государства в глазах народа как справедливую борьбу, которая, в свою очередь, была вызвана в качестве ответной меры против несправедливых, захватнических целей противника. Эта задача отвечала потребности формирования убедительной мотивации войны, остро вставшей перед всеми сторонами конфликта – в данном случае через противопоставление в оценке своих и чужих действий. Другими словами, каждое воюющее общество оправдывало себя и обвиняло во всех бедах противника. По выражению Е.С. Синявской (исследователя феномена восприятия врага), враг непременно должен быть представлен в черном цвете, в противном случае война в нравственном и психологическом отношении оказывается невозможной [3, с. 62]. Призывая население Российской империи к сплочению против внешней угрозы, пресса воздействовала на духовное состояние армии и населения страны, настраивала к действиям по отношению к тем, кого следует ненавидеть. «В грозный час испытаний да будут забыты внутренние распри, да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага» [1, с. 71].

Продвигая в массы представление об образе германских держав как зачинщиков «мировой смуты», российская пропаганда стремилась вместе с тем указать на наглость и развращенность неприятеля, его цивилизованную инаковость. В многочисленных речах предста-

вителей российской правящей элиты, осуждающей и обличающей «воинствующий германизм», можно было услышать утверждение, что Германия, нарушив принципы суверенности и независимости по отношению к нейтральной Бельгии, посягнула на «общепризнанные права государств». 26 июля (8 августа) 1914 г. министр иностранных дел С.Д. Сазонов, выступая перед членами Государственного совета и Государственной думы, говорил: «Образ действий Германии не мог не вызвать глубокого негодования всего цивилизованного мира и прежде всего благодорной Франции, которая вместе с нами встала на защиту попранных права и справедливости» [2, с. 81].

Следуя той же линии, целенаправленная пропаганда «образа врага» сопровождалась оглаской в прессе зверств германских солдат в отношении населения оккупированных территорий, а также фактов жестокого обращения с военнопленными. Для такого рода публикаций характерна дегуманизация противника; отображение врага в образе зверя, дикаря, варвара, преступающего законы и обычаи войны, посредством чего отрицается сама принадлежность его к цивилизованному, культурному миру. Так, например, статья «Увековечение варваров ХХ в.» из газеты «Новое время» от 30 июля (12 августа) 1914 г. в качестве примера приводила: «Доходящие до нас с разных сторон известия о невероятных в наш век насилиях и преступлениях, совершаемых озверевшими немцами над безоружными гражданами воюющих с ними держав, лишний раз показывают, что может таиться даже в наши дни под личиной культуры и прогресса у народов, основную черту которых составляет тупость и грубость души» [4, с. 106]. Из этих и подобных им заявлений следовал логичный вывод, что объяснение разгула «немецкого варварства» кроется в специфической германской культуре, в корне отличной, противопоставленной культуре европейской.

В этой связи, говоря о нраве немцев, пропаганда всячески стремилась подчеркнуть его «немецкость». Эта тенденция часто выражалась в весьма оскорбительной форме и, как правило, обращалась к глубокой укорененности в виде историко-эмоциональных предубеждений и стереотипов, либо являлась плодом утирирования пропагандистов. В качестве примера можно указать на такие вменяемые русской пропагандой черты «тевтонов» как

заносчивость, подлость, высокомерие, пренебрежение христианской моралью, ожесточенность, желание господствовать над всем миром и т.д., причем даже такие положительные по мирным меркам качества, как педантичность и точность, подавались теперь в негативном ключе. Принижение противника происходило также путем приписывания ему человеческих слабостей, что стало предметом насмешек над подверженностью немцев пьянству, разврату, мародерству.

Так в первые месяцы войны было задано самое общее направление в разработке образа врага-немца в российской пропаганде. В свою очередь он имел несколько особенностей. Во-первых, можно заключить, что царское правительство не уделило должного внимания идейной подготовке к будущей войне; объявление Германией войны России и последующее вступление последней в Первую мировую войну послужило исходным моментом в трансформации образа Германии и облика немецкого народа как реального противника России. В результате подобная нерасторопность наложила существенный отпечаток на эффективность проводимой антигерманской кампании, поскольку насаждаемые германофобские штампы в общественном сознании неизбежно входили в естественную конфронтацию с довоенными образами и представлениями. Во-вторых, данный пропагандистский сюжет всецело отражал комплексный образ врага, который включал в себя представления о «милитаризованном государстве-агрессоре», немецком солдате как «звере» и «варваре» и германском населении как антиподе представителей цивилизованного общества. В-третьих, пропаганда образа врага во всей полноте соответствовала целям информационной войны; посредством нее царское правительство призывало народы Российской империи к сплочению против внешней угрозы, мобилизовывало людские ресурсы (прежде всего мужскую аудиторию), ориентировало население на победоносное окончание войны.

Источники и литература

1. Высочайший Манифест о войне с Германией. 20 июля 1914 г. // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: в 4 т. Т. 1: Эволюция взглядов. – М., 2014. – С. 69–71.
2. Из газетных репортажей о торжественном приеме членов Государственного совета и Государственной думы в Зимнем и Таврическом дворцах. 26 июля 1914 г. // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: в 4 т. Т. 1: Эволюция взглядов. – М., 2014. – С. 74–86.
3. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М., 2006.
4. Юдин Н.В. Патриотический подъем в странах Антанты в начале Первой мировой войны. – М., 2017.

**D.K. Terentyev,
G.F. Gorbashova**

FORMATION OF THE “IMAGE OF THE ENEMY” IN RUSSIAN PROPAGANDA AT THE BEGINNING OF THE FIRST WORLD WAR

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of forming the image of the enemy in the propaganda of the Russian Empire in the context of the First World War. The paper examines the key anti-German plots practiced by Russian propaganda in the first months of the armed conflict. The study and analysis of Germanophobic stamps projected by propagandists will reveal the ideological content of the enemy’s image, which in turn will, help to form a more accurate picture of the peculiarities of the formation of the German stereotype among the Russian population.

Keywords: The First World War, the image of the enemy, propaganda, anti-German stereotypes.

ЧЕЛОВЕК И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

УДК 314.3

Н.А. Араповец

РОЖДАЕМОСТЬ ГОРОЖАН ТЫЛОВЫХ РЕГИОНОВ РСФСР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье на основе архивных и опубликованных данных изучается рождаемость населения в городах тыловых регионов РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Рассматриваются социальные и демографические факторы снижения ее уровня. Раскрывается влияние принятых и проведенных социально-демографических мероприятий на постепенное оздоровление условий жизни населения, что повышало показатели рождаемости. Одновременно показывается заметное увеличение уровня младенческой и детской смертности. Подчеркивается влияние снижения рождаемости и сохранения высоких показателей младенческой и детской смертности на численное сокращение детей в семьях, их величины и усиление нуклеаризации, особенно в послевоенные годы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, рождаемость, факторы, динамика, социально-демографическая политика, демографические последствия.

Великая Отечественная война значительно изменила демографическую ситуацию в РСФСР и ее регионах. В военные годы в городах тыловых регионов РСФСР (сопоставимые территории) отмечалось снижение уровня рождаемости. На 1000 человек населения, зарегистрированного в записях актов гражданского состояния (загсах), в тыловых городах РСФСР в 1941 г. (41 территория) – 34,1, в 1942 г. – 20,2, в 1943 г. – 13,3, в 1944 г. – 14,9 [1, с. 128; 13, л. 2–3, 5–6 об., 1, 9 (подсчеты автора)]. Из данных статистики видно заметное снижение показателей рождаемости городского населения в 1942 г. и особенно в 1943 г. Однако уже в 1944 г. видно их

увеличение. Важно отметить, что эти показатели были заметно ниже по сравнению с 1941 и 1942 гг.

Снижение показателей рождаемости до 1943 г. (включительно) фиксировалось в сибирских и уральских городах. На 1000 человек населения родилось в городах Сибири в 1941 г. – 34,6, в 1942 г. – 23,8, в 1943 г. – 14,9, в 1944 г. – 16,2, в 1945 г. – 20,1; Урала – 1941 г. – 36,3, 1942 г. – 19,5, 1943 г. – 10,4, 1944 г. – 9,5 [2, с. 163; 10, с. 155]. Задокументированные показатели рождаемости в сибирских городах были выше и уральских, и общероссийских.

Вместе с тем следует отметить самое значительное снижение коэффициентов рождаемости в блокадном Ленинграде в ноябре 1942 г. Для сравнения покажем, что в декабре 1941 г. было 5202 рождения, в ноябре 1942 г. – 37 рождений (0,1 %) [6, с. 316–317; 14, л. 93–93 об.].

Понижение уровня рождаемости в тыловых городах РСФСР определялось совокупностью социальных, демографических, психологических и других факторов. В условиях войны изменился возрастно-половой состав городского населения. Это явление прежде всего было связано с демобилизацией мужчин в армию и увеличением числа женщин, особенно в сельских местностях.

Численный рост женщин в тыловых регионах РСФСР обусловил сокращение показателей брачности населения. Наиболее заметное их снижение зарегистрировалось в 1942 г. (на 1000 человек населения, учтенного загсами, приславшими сведения, было браков – 3,8) и в 1943 г. (4,7). Уровень брачности в городах Сибири составлял в 1942 г. – 3,4 %, в 1943 г. – 3,2 %; в Свердловске – 3,8 % и 3,6 % [1, с. 112; 13, л. 2–3; 14, 93–93 об. (подсчеты автора); 2, с. 167; 8, с. 57].

Снижение уровня рождаемости населения также было связано с ухудшением состояния здоровья женщин. Нездоровые условия быта, физические и психологические перегрузки, распространение стрессовых ситуаций негативно сказывались на репродуктивном поведении женщин.

В условиях военного времени в тыловых регионах РСФСР заметно понизился уровень рождаемости сельского населения. В 1943 г. было зафиксировано наиболее заметное его снижение, в 1944 г. и в 1945 г. – увеличение. Однако в эти годы показатели рождаемости сельских жителей были намного ниже довоенного 1940 г. и военных 1941 и 1942 гг.

Коэффициенты рождаемости в городах были выше, чем в сельских местностях. В 1944 г. – на 1000 человек населения родилось в городах – 14,7, в сельской местности РСФСР – 13,0. Это явление отмечалось в сельских местностях сибирского региона. Данные статистики свидетельствовали о существенном понижении показателей рождаемости сельского населения Сибири до 1944 г. включительно. В этом году фиксировался самый низкий уровень рождаемости. В сельских местностях сибирского региона – на 1000 человек населения родилось в 1941 г. – 32,5, в 1942 г. – 19,8, в 1943 г. – 11,2, в 1944 г. – 10,1, в 1945 г. – 12,8 [9, с. 247, 249; 2, с. 163]. Однако в 1945 г. в сельских местностях Сибири уровень рождаемости повысился.

Снижение показателей рождаемости отмечалось в тыловых регионах РСФСР. В 1943 г. фиксировался наиболее низкий уровень рождаемости населения. Наряду с этим в 1944 и 1945 гг. видно его увеличение. На 1000 человек населения, зарегистрированного загсами, в тыловых регионах РСФСР родилось: 1941 г. – 33,3, 1942 г. – 20,2, 1943 г. – 9,9, 1944 г. – 10,5, 1945 г. – 10,8 [9, с. 100].

В годы войны в городах и сельских местностях тыловых регионов СССР также отмечалось значительное сокращение рождаемости: в 1941 г. рождаемость составляла в городах – 30,0 %, в сельских местностях – 31,0 %. Наиболее сильное снижение уровня рождаемости в городах и сельских местностях было в 1943 г. соответственно – 12,0 % и 12 %. Однако в последовавшие годы показатели рождаемости повышались: в городах в 1944 г. – до 14,0 %, в 1945 г. (девять месяцев) – до 18,0 %; в сельских местностях в 1945 г. (девять месяцев) – до 14,0 %. [1, с. 129; 13, л. 2–3; 14, л. 93–93 об., 15, л. 3, 109–110, 77 (подсчеты автора)].

В тылу РСФСР в условиях войны и демобилизации мужчин на фронт возраст рожавших женщин заметно вырос. В 1940–1941 гг. женщины рожали в основном в 26–39 лет, в 1942–1944 гг. – 31–39 лет [1, с. 130; 15, л. 78]. Это явление также способствовало снижению показателей рождаемости.

В годы Второй мировой войны рождаемость населения сокращалась в зарубежных странах. Снизился уровень рождаемости в странах, воевавших против Германии и ее союзников. В Англии и Уэльсе снижение рождаемости было зафиксировано в 1941 и 1945 гг., повышение – в 1942 г., 1943 г. и особенно в 1944 г.

Следует отметить, что пониженный показатель рождаемости населения 1945 г. был выше 1939, 1941 и 1942 гг. На 1000 человек населения родилось в 1939 г. – 14,8, в 1941 г. – 13,9, в 1942 г. – 15,6, в 1943 г. – 16,2, в 1944 г. – 17,7, в 1945 г. – 15,9.

Уровень рождаемости населения сократился в Германии и в странах, воевавших на ее стороне. В Германии понижение коэффициента рождаемости населения в 1941–1943 гг. к уровню 1939 г. составило 19,1 %. В Берлине в 1944 гг. рождаемость жителей по сравнению с уровнем 1939–1940 гг. упала – на 43 %. В 1940–1945 гг. на 1000 населения было рождений в Австрии – 17,7, Финляндии – 19,0, Италии – 19,9. Произошедшее сокращение показателей рождаемости населения видно при сравнении с аналогичными данными 1939 г., соответственно – 20,7, 21,2, 23,6.

В оккупированных Германией и ее союзниками странах показатели рождаемости также понижались. Вместе с тем это понижение имело свою специфику. В Бельгии наиболее значительно рождаемость снизилась в 1941 г. Однако в последовавшие годы ее уровень повысился. В 1945 г. показатель рождаемости населения был выше 1939 г. На 1000 человек населения родилось в 1939 г. – 15,5, в 1941 г. – 12,2 г. в 1942 г. – 13,2, в 1943 г. – 15,0, в 1944 г. – 15,3, в 1945 г. – 15,7. Близкая ситуация была характерна для Франции, соответственно – 14,8, 13,4, 14,8, 15,9, 16,4, 16,5. Данные статистики показали, что наиболее высокий уровень рождаемости населения фиксировался в Греции. Снижение ее уровня происходило в 1941 г., 1942 г. и особенно в 1943 г. В последовавшие 1944 и 1945 гг. коэффициент рождаемости заметно увеличился. К тому же в 1945 г. его значение совпало с аналогичным показателем 1939 г.: 25,0, 18,3, 18,1, 16,7, 20,0, 25,0 [3, с. 116, 117, 120; 12, с. 65]. Таким образом, в годы Второй мировой войны снижение уровня рождаемости было характерно практически для всех стран-участников Второй мировой войны. В РСФСР и СССР в целом масштабы ее снижения были наиболее заметными. Тем не менее в 1944 и 1945 гг. в тыловых регионах РСФСР и СССР, включая города, показатели рождаемости увеличились.

Повышение рождаемости было обусловлено совокупностью разнообразных факторов. Исследователи объясняют это явление, прежде всего, общим переломом в ходе Великой Отечественной

войны, освобождением территории РСФСР и возвращением части эвакуированного населения в места постоянного проживания. Наряду с этим постепенно улучшалось питание, медицинская помощь, жилищные условия и т.д. Важнейшую роль играло проведение социально-демографической политики.

Правительство внесло изменение в законодательство о браке, семье и опеке 1926 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» от 8 июля 1944 г. Устанавливалась юридическая сила браков, зарегистрированных в органах загса. На основании принятого указа только зарегистрированный брак порождал права и обязанности супружеских. Отдельные положения принятого указа были уточнены специальным указом, принятым 10 ноября 1944 г. [16, с. 415, 417]. Одновременно была усложнена процедура развода. Эти изменения повлияли на регистрацию старых, т.е. фактических браков, ранее не зарегистрированных в загсах. Данные статистики показали увеличение брачности населения тыловых регионов РСФСР – на 1000 человек населения было браков: в городах в 1941 г. – 9,0, в 1943 г. – 4,0, в 1944 г. – 6,0, в 1945 г. – 12,0; в сельских местностях – 4,0, 2,0, 3,0, 4,0 [1, с. 114; 15, л. 109, 82]. В Сибири соответственно – 7,6, 3,2, 4,9, 9,6; 3,3, 1,8, 2,6, 5,7 [2, с. 167].

Увеличение уровня зарегистрированной брачности повышало показатели рождаемости населения. В то же время увеличивалось число матерей с внебрачными детьми. Рост рождаемости стимулировался также материальными мерами.

На основании указа от 8 июля 1944 г. повышалась государственная помощь многодетным и одиноким матерям. Ежемесячные пособия многодетным матерям выплачивались начиная со второго года рождения ребенка и до достижения им пятилетнего возраста. Устанавливалось государственное пособие одиноким матерям, не состоявшим в браке, на содержание и воспитание детей, родившихся после Указа, до достижения ими двенадцатилетнего возраста. Право на получение такого пособия сохранялось и при вступлении одинокой матери в брак.

Существенно были увеличены льготы беременным женщинам. Отпуска по беременности и родам продлевались с 63 до 77 календарных дней (35 до родов и 42 после родов). За этот период выдавались пособия за государственный счет. При сложных родах или рождении двойни отпуск после родов мог продлеваться до 56 календарных дней. Начиная с четырех месяцев беременности женщин запрещалось привлекать на сверхурочные работы, как на предприятиях, так и в учреждениях. Женщины в период кормления грудного ребенка не привлекались к ночных работам. Вдвое были увеличены нормы дополнительного продовольственного пайка беременным женщинам начиная с шестого месяца, а также кормящим матерям в течение четырех месяцев кормления. В то же время предусматривалось создание яслей и детских садов, а также комнат матери и ребенка на предприятиях и учреждениях с массовым применением женского труда [16, с. 415].

В указе обращалось внимание на морально-психологическое стимулирование рождаемости. Устанавливалось почетное звание «Мать-героиня», учреждались ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства». Принятые социально-демографические меры способствовали повышению показателей рождаемости населения.

Наряду с этими в городах тыловых регионов РСФСР снижались показатели смертности населения. Важно отметить устойчивый характер этих явлений. На 1000 населения в тыловых городах РСФСР умерло в 1941 г. – 23,0, в 1942 г. – 35,0, в 1943 г. – 27,0, в 1944 г. – 18,0. В 1944 г. уровень смертности сократился в городах Кировской, Иркутской, Молотовской (Пермской), Архангельской, Горьковской (Нижегородской), Вологодской областей, Татарской АССР. В городах Западной Сибири снижение показателей смертности населения началось с 1943 г. – на 1000 человек населения умерло в 1943 г. – 18,4, в 1944 г. – 12,5, в 1945 г. – 9,2. Аналогичное понижение уровня смертности населения отмечалось на Урале, соответственно – 17,6, 17,9, 10,5, а также в тыловых регионах РСФСР в целом – 16,5, 15,1, 14,1. В составе умерших городских жителей доминировали мужчины, что значительно усугубляло их нехватку и негативно влияло на продуктивное поведение [9, с. 96, 97, 112, 114; 2, с. 154].

Увеличение уровня рождаемости совпадало с сокращением младенческой смертности. Вместе с тем младенческая смертность

сохраняла высокие показатели. В городах тыловых регионов РСФСР эти показатели были наиболее высокими, особенно в 1942 г. Однако в последовавшие годы отмечалось их снижение. На 1000 родившихся младенцев умерло в возрасте до 1 года в 1941 г. – 200, в 1942 г. – 344, в 1943 г. – 173, в 1944 г. – 113. Снижение уровня младенческой смертности отмечалось в тыловых регионах РСФСР. На 1000 родившихся умершие младенцы в возрасте до одного года составляли в 1943 г. – 160,3, в 1944 г. – 117,0, в 1945 г. – 111,8. Следует подчеркнуть, что в годы Второй мировой войны близкая ситуация была характерна и для западных стран, например, Бельгии, Франции, Нидерландов [1, с 132; 9, с. 96; 3, с. 124].

Изучение особенностей младенческой и детской смертности в годы Великой Отечественной войны показало ведущее влияние социально-гигиенических факторов. Высокая младенческая и детская смертность вызывалась, прежде всего, нездоровыми жилищными условиями, низким качеством и количеством питания, дефицитом медикаментов, сложностями в оказании медицинской помощи. В таких условиях широкое распространение получили инфекционные болезни, воспаления легких, туберкулез легких и др. Дети, особенно в возрасте до одного года, умирали от врожденной слабости, врожденных пороков развития, преждевременных рождений. Распространение таких причин смерти было связано в том числе с ослабленным организмом женщин в период беременности [9, с. 96, 113].

Заметное снижение качества жизни в условиях военного времени оказывало влияние на ухудшение и замедление физического развития детей всех возрастов. Проведенные исследования выявили снижение показателей физического развития новорожденных из-за нарушений их внутриутробного развития. Так, в 1941 г. в Ленинграде суммарные показатели веса новорожденных, по сравнению с 1938–1940 гг. были более чем на 100 г ниже. В 1942 г. существенно ухудшились практически все показатели физического развития младенцев: средний вес новорожденных обоего пола понизился более чем на 600 г, средний рост – на 2 см, окружность груди – на 1,5 см, окружность головы – на 1,3 см. В этом году в Свердловске вес у мальчиков понизился на 200 г, а у девочек – на 171 г; рост – соответственно на 0,71 и 0,74 см. В годы войны средние показатели основных признаков

физического развития учащихся Москвы были ниже, чем в довоенном 1935 г. Наиболее заметное понижение веса и роста было у мальчиков в возрасте 14 лет: масса тела – на 5,5 кг, длина тела – на 6,1 см. В 1945 г. по сравнению с 1939 г. в Тбилиси у юношей в возрасте 15–18 лет дефицит в показателях физического развития составлял: по массе тела в 15 лет – 1,5 кг, в 16 лет – 2,7 кг, в 17 лет – 1,8 кг, в 18 лет – 0,4 кг; по росту – от 2 до 6 см; по окружности груди – в среднем 2 см. Аналогичные изменения в этих возрастах были характерны и для девушек [12, с. 81, 84, 85, 96, 113; 7, с. 14; 5, с. 122–123; 11, с. 250].

Исследования Р.И. Сифман свидетельствовали о незначительном влиянии снижения уровня рождаемости в военные годы на изменение детской смертности. Р.И. Сифман отмечала ведущее влияние на сокращение младенческой и детской смертности таких социально-гигиенических факторов, как улучшение медицинского и медикаментозного обслуживания детей, введение в лечебную практику новых лекарственных препаратов, в том числе сульфаниламидных, создание молочных кухонь и пунктов сцеживания грудного молока [9, с 113].

Сокращение рождаемости в годы Великой Отечественной войны, высокий уровень младенческой и детской смертности оказали влияние на уменьшение числа детей в семьях. Историки на основании данных специально проведенного изучения семей Нижнегородского Тагила показали сокращение числа детей в семьях некоренных жителей Нижнего Тагила. Исследователи отмечали, что если при вступлении в брак в 1936–1940 гг. супруги из некоренного населения имели двух детей, то при вступлении в брак в годы войны – преимущественно одного ребенка [4, с. 159]. Сокращение числа детей в семьях уменьшало величину семьи и способствовало ее дальнейшей нуклеаризации.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны в городах тыловых регионов РСФСР уровень рождаемости населения снизился. Проведение социально-демографических мероприятий, постепенное улучшение условий жизни и труда способствовали повышению показателей рождаемости. Однако ее уровень не достиг довоенного. К тому же значительно увеличились показатели младенческой и детской смертности. Снижение рождаемости

и высокий уровень младенческой и детской смертности сокращали число детей в семьях, их величину и усиливали нуклеаризацию. В послевоенные годы нуклеаризация семьи имела дальнейшее развитие, особенно в городах.

Источники и литература

1. Араповец Н.А. Городская семья в России в 1927–1959 гг. – Тула, 2009.
2. Демографическая история Западной Сибири, конец XIX–XX в. – Новосибирск, 2017.
3. Козлов В.С. Естественное движение населения капиталистических стран Европы. – М., 1959.
4. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила, 1917–1970. – М., 1974.
5. Курсаков Н.К., Бояршинова Н.П. Здоровье населения г. Свердловска. – Свердловск, 1978.
6. Ленинград в осаде: сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, 1941–1944. – СПб., 1995.
7. Малышева Р.А. Физическое развитие детей раннего и дошкольного возраста г. Свердловска. – Свердловск, 1959.
8. Мокеров И.П., Кузьмин А.И. Экономико-демографическое развитие семьи. – М., 1990
9. Население России в XX веке: ист. очерки. – М., 2001. – Т. 2.
10. Население Урала, XX век: история демографического развития. – Екатеринбург, 1996
11. Новосельский С.А. Демография и статистика: избранные произведения. – М., 1978.
12. Поляков Л.Е. Цена войны: демографический аспект. – М., 1985.
13. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 553, 794, 1014, 1456.
14. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 793.
15. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1871, 1873.
16. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938–1967. – М., 1968. – Т. 2.

N.A. Aralovets

BIRTH RATE OF CITIZENS OF THE REAR AREAS OF THE RSFSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article studies the birth rate of the population in the cities of the rear regions of the RSFSR during the Great Patriotic War on the basis of archival and published data. The social and demographic factors of reducing its

level are considered. The influence of the adopted and carried out socio-demographic measures on the gradual improvement of the living conditions of the population, which increased the birth rate, is revealed. At the same time, there is a noticeable increase in the level of infant and child mortality. The influence of a decrease in the birth rate and the preservation of high infant and child mortality rates on the numerical reduction of children in families, their size and increased nuclearization, especially in the post-war years, is emphasized.

Keywords: The Great Patriotic War, fertility, factors, dynamics, socio-demographic policy, demographic consequences.

УДК [94+336.025] (470.315) [1709–1710]

Е.С. Бутрин

БЮДЖЕТ РУССКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье на материале г. Шuya рассматривается расходный бюджет российского города в начальный период Северной войны (1700–1709). Автор приходит к выводу о беспрецедентном увеличении как прямой налоговой нагрузки на город, так и повинностей, связанных с поставкой солдат и рабочих. При этом почти все требуемые повинности выполнялись в полном объеме и в срок и не привели к экономическому кризису. Причиной этого было освобождение значительной части финансов посадской общины от содержания воеводы в ходе городовой реформы Петра I.

Ключевые слова: Шuya, посадская община, Московская ратуша, Петр I, Северная война, рекрутские наборы, военные реформы.

Петровские реформы конца XVII – первой четверти XVIII в. перевернули практически весь прежний жизненный уклад населения России. Строительство флота и Северная война потребовали резкого увеличения налоговой нагрузки на податное население. П.Н. Милюков отмечает, что за первые девять лет Северной войны в полки было поставлено до 200 тыс. рекрутов. Военные расходы страны с 1700 по 1709 г. возросли в 2,2 раза, достигнув 2,45 млн. руб. [11, с. 132–141]. Кроме того, население было обязано поставлять людей на крупные строительные работы. По подсчетам П.Н. Милюкова, в них с 1699 по 1709 г. ежегодно принимало участие в среднем не менее 16,7 тыс. чел., причем «в действительности эту цифру

следовало бы удвоить». Столь внушительное увеличение налогового бремени повлекло сильный хозяйственный кризис. Итогом его стало сокращение численности «тяглых дворов» за период 1678–1710 гг. – с 791 до 637 тыс. (на 19,5 %) [11, с. 201–202]. Позднее тезис П.Н. Милюкова о хозяйственном разорении страны в результате Петровских реформ был пересмотрен. Я.Е. Водарский установил, что, хотя среднегодовой прирост населения в годы Северной войны и сократился, численность населения России в период 1700–1719 гг. все же возросла на 500 тыс. чел. (до 5,36 млн. чел.) [5, с. 191]. Однако, как справедливо отмечал Е.В. Анисимов, именно в работе П.Н. Милюкова был поставлен ключевой вопрос эпохи – о «цене реформы», величине материальных затрат, позволивших России одержать победу в Северной войне [1, с. 5].

В настоящей работе мы попытаемся рассмотреть изменения объема и структуры городского бюджета в начальный, наиболее тяжелый, период Северной войны (1701–1709) на материале небольшого посада г. Шуи. Эту возможность нам представляет архив Шуйской земской избы первых десятилетий XVIII в., сохранившийся с достаточной полнотой. Представление о расходном бюджете Шуи в этот период дает ведомость, составленная по памяти из Московской ратуши земским бурмистром Б.С. Селивановым 28 ноября 1709 г. Она включала следующие сведения: объем уплаченных шуйцами «окладных и неокладных доходов», количество поставленных посадом солдат и работников, а также численность отправленных подвод. Налоговые сборы распределялись на четыре большие группы. В первую мы включим «приказные» окладные сборы с «дворового числа» и посадского оклада «десятой деньги». Их размер был четко определен. Ко второй группе мы отнесем «экстренные сборы»: на снаряжение поставленных с посада рекрутов, драгун и работников, а также поставку лошадей и подвод. Третья группа включала таможенные и питейные сборы, а также примыкавшие к ним табачный и соляной налоги. И наконец, последняя группа представляла собой так называемые «канцелярские пошлины». Длительная работа правительства по «умножению оброчных статей и переоброчке прежних» с 1704 г. привела к образованию полутора десятков «канцелярских сборов»: от «мельничного оброка» до налога «с мастеровых людей» [9, с. 369–372].

Наиболее значительным «приказным» окладным сбором являлись так называемые «стрелецкие деньги» – прямой государственный налог, введенный еще в сентябре 1679 г. Уплачивался он с числа дворов, попавших в валовую перепись населения, и составлял 1,3 руб. с двора. В Шье по переписи Д.И. Гурьева (декабрь 1677 г.) было зафиксировано 203 двора – таким образом, налог составлял 263,9 руб. Деньги эти вносились в Московскую ратушу. С другой стороны, оклад «с дворового числа» использовался также при взимании «рекрутных денег». В январе 1700 г. в Московской ратуше было принято решение об очередной приписке в посад проживавших в нем торговых и промышленных крестьян [14, с. 4]. В результате к шуйскому посаду оказалось приписано еще 4 двора, так что их число достигло 207. С этого «дворового числа» и взимались деньги «на дачю годового жалованья рекрутам» в 1706 г. – сначала по 5 коп. с двора, а потом и еще по 35 коп. (общая сумма составила 82,8 руб.). Двукратное взятие налога в первый год его существования свидетельствует о том, что вторичная раскладка была вызвана нехваткой наличных средств. Но со следующего года раскладка «рекрутных денег» была приведена в норму: она составляла 6 коп. с двора (12,42 руб.) и в таком размере взималась в 1707–1709 гг.

К числу строго определенных сборов относилась также так называемая «десятая деньга». В XVII в. это – экстренный сбор, взимавшийся в размере 10 % с оборотного капитала в годы особых финансовых затруднений казны. Главным объектом обложения оказывалось городское население, поскольку налог взимался «с торгов и со всяких промыслов» [10, с. 41, 73–74]. Но при Петре I вся страна на четверть века попала в «чрезвычайное положение». В ноябре 1696 г. был издан указ об использовании для строительства новых кораблей «десятой деньги», которую требовалось собирать «примениясь против збору десятой деньги прошлых лет». В этом же указе был определен и размер оклада. Оклад «десятой деньги» с Владимира составлял 642,54 руб., с Суздаля – 614,33 руб., с Юрьева-Польского – 289 руб., с Шуи – 157,72 руб., с Вязников – 112,04 руб. [7. Д. 320. Л. 1; Д. 358. Л. 1]. Этот оклад стал фактически посадской «единицей обложения» на весь период Петровских реформ. Он использовался для введения новых налогов и в случае необходимости мог даже неоднократно взиматься в течение одного года. Всего

с 1696 по 1709 г. шуяне приняли участие в десяти «корабельных» сборах, причем половина их пришлась еще на последние годы XVII в.: в 1700 г. был уплачен уже шестой сбор (в Корабельную палату), в 1703 г. – седьмой, в 1704 г. – восьмой, в 1707 г. – девятый («с накладкой» он составил 211,74 руб.), а в 1709 г. – десятый (уже в Адмиралтейскую коллегию). Параллельно с «корабельным» сбором был введен сбор «десятий деньги» на «жалование ратным людям» (драгунам). Этот налог в 1701–1702 гг. вносился в Золотую палату, в 1703–1704 гг. – в Военный приказ, а в 1705–1709 гг. – в Московскую ратушу. А.А. Кизеветтер отмечал, что введение «десятий деньги» в качестве постоянного налога связано именно со сбором «на жалование драгунам» [9, с. 368]. Таким образом, в течение первого периода Северной войны сбор по окладу «десятий деньги» четырежды дублировался в пределах одного года.

Итак, для прямых налоговых сборов с посада применялось два оклада: дворовой и «десятий деньги». Наименование подобных налогов «окладными» отнюдь не означало их регулярного характера: в связи с необходимостью они могли взиматься дважды в год, либо получать «накладку» вследствие дефицита казны. Первые трудности для плательщиков начались еще с внесением «десятий деньги» на строительство кораблей в последние годы XVII в. Шуйский земский староста жаловался, что посадские люди не смогли собрать полного оклада «корабельных денег» в «четвертый побор» и оказались «на правеже» в уплате 67 руб. До этого были собраны уже два оклада: первый полный, второй и третий – половинные. От этих сборов шуяне «оскудали и одолжали великими долгами и розошлись врознь». В связи с этим староста просил привлечь к сбору «десятий деньги» крестьян осадных дворов и уездных «торговых людей», промышляющих в Шуе. Власти вняли его просьбе – указом 15 октября 1698 г. с «торгующих крестьян» в Шуе велено было взять десятую деньги в первые два побра [12. К. 6. Д. 30. Л. 1–3]. Но в первые годы Северной войны от горожан потребовалось бесперебойное поступление налогов по всем статьям, поскольку бюджет страны начал трещать по швам. Наиболее действенным методом ускорения сборов было появление в городе «присыльщиков» – агентов правительства, призванных поторопить местные власти с отсылкой денег в Москву. В указе от 31 января 1702 г. Петр угрожал, что если шуяне спустя

три недели не соберут очередного оклада «десятой деньги», то «для взятия тех денег присланы будут к вам с Москвы начальные люди с солдаты», которым потребуется полностью оплатить «езд и прогоны» [19, с. 2–3]. На исходе ноября 1702 г. шуянам из Ратуши поступила память о необходимости «быть полушенными» посыльщикам, которые направлены для сбора «десятой деньги» из Корабельной палаты. Шуяне должны были давать им приставов «на ослушников», предоставлять подводы и выдавать по 10 коп. кормовых денег в день [18, с. 4–5].

Несмотря на то что сборы «десятой деньги» четырежды дублировались в первые годы XVIII в., больших проблем с взиманием этого налога не возникало. На исходе декабря 1706 г. шуянам была направлена память о немедленном взыскании «из доимки» оклада «десятой деньги» на 1705 г. Чиновники были уверены, что «плуты»-бурмистры, собравшие деньги, не высылают их в Москву «для своих бездельных корыстей», в связи с чем грозили им ссылкой «з женами и з детьми на вечное житъе» [15, с. 156–157]. Но «плутовство» бурмистров оказалось просто плодом плохой административной коммуникации – деньги эти были уплачены в Военный приказ еще 6 декабря 1705 г. Тем не менее московские чиновники с упорством, достойным лучшего применения, продолжали требовать «недоплатной десятой деньги» на шуянах – соответствующие «памяти» поступали в город в мае и октябре 1707 г. При этом оклад «десятой деньги» за текущий год был оплачен шуянами уже в марте [7. Д. 470. Л. 1; Д. 511. Л. 1–3]. Единственной «недостачей» остался оклад «десятой деньги» за 1703 г. Он был отправлен в Москву в декабре 1703 г. со сборщиком В.В. Носовым, но «на дороге воровские люди того зборщика били и рубили и провожатых перебили же», забрав собранную казну. Шуяне неоднократно писали об этом в Москву, уповая на «сложение» с них пропавшей суммы, но в 1708 г. им было велено «доправить» эту сумму «безстрочно», что и было исполнено, хотя и с «великою нуждою» [7. Д. 511. Л. 4; Д. 528. Л. 2].

Остановимся теперь на второй группе сборов – «экстренных», включавших оплату посадом снаряжения подвод, лошадей, работников и солдат. Впервые внушительный расход на эти цели был зафиксирован в 1701 г. – шуяне оплатили посылку до Валаха 34 подвод. В 1702 г. шуяне направили 14 подвод для доставки

«полковых припасов» от Ярославля до Вологды, а также 30 подвод для доставки припасов от Ярославля до Даниловского. В следующем году они обеспечили доставку «полковых припасов» до Шлиссельбурга на 14 подводах, а еще столько же «были в посылке ис Торшку до Москвы, везли Преображенского полку солдат». В 1704 г. шуйские подводы вновь доставляли свинец в Шлиссельбург из Москвы. В 1705 г. две подводы из Шуи были отправлены в Гродно. Кроме того, шуйяне оказались обязаны поставить в Полоцк двух меринов – они были направлены туда в апреле 1705 г. в сопровождении земского бурмистра И.А. Дурина [12. К. 2. Д. 5. Л. 1]. Эта повинность стала регулярной – в 1706 и 1708 гг. по два мерина доставлялись уже непосредственно в Разрядный приказ. Самым тяжелым для шуйян оказался 1707 г. Указом от 27 января 1707 г. на них была возложена оплата подвод «под артиллерные и полковые военные припасы, которые будут с Москвы в отпуску» (по 12 коп. с двора). Тем же указом шуйяне обязывались доставить по подводе с 55 дворов в Санкт-Петербург «для воски карабельных припасов». «Подводчики» обеспечивались инструментом и провиантом [12. К. 1. Д. 61. Л. 5–6]. Если сведения об уплате в Ратуше денег «вместо подвод» в ведомости 1709 г. сохранились, то данных о поставке подвод в Санкт-Петербург в ней не отложилось. Тем не менее в этом году посад истратил сумму, сопоставимую с «экстренными расходами» за весь предыдущий период – в июле 1707 г. в Новгород было доставлено 17 меринов, расходы на приобретение и доставку которых составили 363,25 руб.

Более тяжелой повинностью оказалась поставка работников и солдат. В 1703 г. сразу трое шуйян отправились в « дальние отъезжие службы»: Г.И. Шульгин в Казань «к шмаковому делу», С.И. Котельников в Архангельск к таможенному сбору, С.Г. Баженов – в Астрахань к рыбному промыслу. В 1707 г. два кузнеца из Шуи были отправлены на Новопетровские железные заводы «на вечное житье з женами и з детми», и еще один – в Азов. На сей раз работниками оказались не шуйяне – «в Азов и в Троицкое к строению городов» отправился костромич А.М. Третьяков, а на Новопетровские заводы – двое крестьян с. Всегодичи Владимирского уезда. Согласно порядной записи от 7 апреля 1707 г. Третьяков получил на год подмоги 15 руб. [6. Д. 62. Л. 1]. Всегодичские же кузнецы, по записи от

26 мая 1797 г., приняли от шуйян «за работу и на завод» по 70 руб. [7. Д. 497. Л. 1–2]. В тот же год с посада была поставлена и первая партия работников на строительство Санкт-Петербурга. Они обеспечивались «железной счастью», а также месячным запасом пищи. Причем закупка припасов и снаряжения обычно осуществлялась самими работниками и входила в общую сумму их «найма». Об этом свидетельствует порядная запись в кузнецы «в работники в Питербурх на три месяца» от 18 мая 1707 г. Работники получили по 7,5 руб. на каждого из 16 чел. – и именно из этой суммы обязывались «дорогою пить и есть и подводы нанять». Из всего состава шуйянином оказался лишь один, остальные представляли собой уездных крестьян [6. Д. 61. Л. 1–2]. В 1708 г. шуйяне отправили на работы в Санкт-Петербург 20 чел., выделив каждому найма по 5,5 руб., а в 1709 г. – еще 18 чел., получивших по 6 руб. на чел. Таким образом, работники «наряжались» по разной квоте и на разные сроки. В 1707 г. они отправились на трехмесячные работы, а в 1709 г. – на шесть месяцев. Для них должны были собраться также «кормовые деньги» (по 0,5 руб. в месяц на чел.) [7. Д. 533. Л. 1–2]. Но с их взносом явно были определенные проблемы – в ведомости сохранились сведения об уплате кормовых денег лишь в 1708 г. в сумме 88,4 руб.

Первый рекрутский набор, оказавшийся самым тяжелым, обрушился на посад в марте 1703 г., когда в Шую прибыл наборщик Ф.Д. Марков. Шуйяне оказались обязаны поставить одного рекрута с двух дворов – всего 104 чел. В первый набор они выслали в Москву 29 чел. непосредственно посадских людей. Затем они получили право предоставлять вместо себя «переменщиков» – лиц, принимавших на себя солдатскую службу за определенную денежную «подмогу». После этого на службу было поставлено еще 75 чел. «с великою нуждой за малолюдством». Из первой партии после «разбора» было отставлено семеро негодных солдат, из второй – еще 15 чел., а трое получили отсрочку «для малых лет». Этот набор вызвал первый серьезный социальный конфликт в посаде между «малоплатежными» шуйянами и посадской элитой. Записанные в солдаты представители мелкоты составили собственную роспись будущих рекрутов, в которую вошла вся посадская верхушка. В ответ земский бурмистр 18 октября 1703 г. жаловался, что в случае высылки перечисленных в этом документе лиц службы служить будет некому

и собирать подати не с кого. Он просил вместо отставленных от службы солдат «из земской избы всем миром нанять переменщиков» [17, с. 1–2]. Прежде «переменщики» нанимались самими потенциальными рекрутами, теперь же это право было предоставлено местным властям. Взамен «отставников» шуяне в феврале 1704 г. выставили еще 15 чел. наборщику П.М. Скрябину [7. Д. 438. Л. 1–5]. Найм такого количества «переменщиков» стоил немалых денег, но расходы эти в ведомость ноября 1709 г. не вошли.

В следующий раз шуяне столкнулись с рекрутским набором в 1705 г. Предыдущий набор настолько сильно ударил по общине, что в апреле 1705 г. посадские люди жаловались на непомерную тяжесть «государевых служб» и просили об отмене рекрутского набора текущего года [2, № 238, с. 471–472]. Однако власти в их положение входить не стали – посад был вынужден отправить в рекруты еще 12 чел. Для них шуянам пришлось закупить полное снаряжение – ржаную муку и овсяные крупы, «кузальное платье», а также выдать по 1 руб. «кузальных денег». Сбор по этой квоте (12 чел.) повторялся также в 1707 и 1708 гг. В 1709 г. шуяне оказались обязаны поставить 10 рекрутов, а за «лишние» 7 дворов уплатили 10,5 руб. Еще одним серьезнейшим испытанием для шуян в 1707 г. стала поставка в Московскую ратушу 6 драгунов «с лошадми и со всяkim драгунским снарядом и с указным платьем». В связи с набором «охочих людей» в драгуны произошло столкновение с «солдатскими сборщиками» С.А. Скорятиным и В.Г. Селунским. Они в сентябре 1707 г. арестовали лиц, нанятых шуянами в драгуны и «роспрашивали с пристрастием и подымали на дыбу безвинно» [7. Д. 512. Л. 2–2об.]. Драгуны оказались готовы к высылке к 9 октября 1707 г., но поскольку оружия им в Шуе приобрести не удалось, его пришлось изготавливать на месте. Месяц спустя четверо драгун, наконец, были отправлены в Москву с провожатыми, а двое успели бежать [7. Д. 511. Л. 13, 14 об.]. При этом приобретение лошадей и снаряжения для 6 конных воинов обошлось в 346,31 руб., а снаряжение 46 рекрутов – всего в 211,43 руб. Позднее для драгунов было закуплено еще 6 лошадей, что «с убором и кормовыми расходами» обошлось в 120 руб. Кроме того, в следующем году для посадских драгун взимались деньги на «корм», а в течение следующих двух лет – еще и на жалование.

Таким образом, в течение шести лет (1703–1709) жители небольшого шуйского посада оказались обязаны поставить в российскую армию 155 чел., половина из которых получила из посада еще припасы, обмундирование и деньги. Для сравнения можно сказать, что по переписи апреля 1710 г., проведенной в Шуе Д.И. Рудиным, все население посада составляло 965 чел., из них мужчин старше 15 лет – всего 267 чел. [16. Д. 469. Л. 1–26 об.]. Анализ данных этой переписи позволяет установить всего 32 чел., отправленных в солдаты непосредственно из числа посадских тяглецов. Исходя из этого, можно (весьма приблизительно) определить численность взрослого мужского населения города к эпохе рекрутских наборов начала XVIII в. в 300 чел. При поставке всех рекрутов «на законных основаниях» посад должен был потерять половину трудоспособного мужского населения, что было явно гибельным для его экономического развития. Поэтому рекрутские наборы для посада превратились фактически в отъем «денежных излишков» путем поставки «переменщиков»: сначала – у его состоятельной части, а потом – и у всей общины. Получив в январе 1709 г. очередной указ о поставке солдат «из бедных посадских и из захребетников» шуйне жаловались, что после прошедших рекрутских сборов «захребетников в Шуе в посад никого нет»[13. К. 1. Д. 23. Л. 8]. Однако отменить сбор подобные «слезницы» никоим образом не помогали. Таким образом, всего в течение 1701–1709 гг., согласно ведомости ноября 1709 г., шуйне истратили на экстренные расходы 2573,77 руб., из них 549,74 руб. – на поставку подвод, 446,25 – на покупку лошадей, 668,44 руб. – на высылку «работных людей» и 909,34 руб. – на поставку рекрутов и драгун.

Здесь следует заметить, что исследуемая нами ведомость дает далеко не полное представление обо всех экстренных расходах шуйян в этот период. В марте 1700 г. посадские люди отправили 9 кузнецов «в Троицеок строенью прichtани морского каравана», а после возвращения в 1703 г. четверо из них, «переменяясь», работали на московском Пушечном дворе [3, с. 3–8]. Шуйские целовальники, кроме указанных лишь в 1702 г. С.Г. Баженова и С.И. Котельникова, ежегодно привлекались к таможенным сборам в Архангельске (с 1701 г.) и рыбным промыслам в Астрахани (с 1700 г.), а с марта 1707 г. двое целовальников ежегодно отправлялись

в Санкт-Петербург [7. Д. 511. Л. 11 об.–12]. Случай Баженова, про-служившего «у рыбных промыслов» в Астрахани пять лет (до ав-густа 1707 г.), был из ряда вон выходящим – его сын Иван в своей челобитной специально отмечал, что другие лица на этой службе «меж себя переменились погодно» [12. К. 1. Д. 61. Л. 7–8]. Избран-ные для «отъезжих служб» посадские люди, несомненно, получали «подмогу» от мира, не учтенную в нашей ведомости. Кроме того, вызывают некоторые сомнения и суммы «подмоги», обозначен-ные в ведомости: согласно ей, С.Г. Баженов получил всего 10 руб., а С.И. Котельников – 8 руб. В действительности по рядной записи от 28 сентября 1702 г. Баженов принял у земского старосты 23,7 руб., а Котельников по отписи от 26 марта 1702 г. получил «подмогу» в 30 руб. [7. Д. 417. Л. 1; 12. К. 6. Д. 20. Л. 1]. Можно вспомнить так-же об отсутствии в ведомости сведений о найме «переменщиков» и о поставке санкт-петербургских подвод в 1707 г. Таким образом, сведениям об «экстренных расходах» по этой ведомости можно до-верять несколько меньше, чем данным о сборе «окладных» налогов.

Вопрос о «переоброчки» 1704 г. и введении «канцелярских пошлин» может являться темой особой работы. Для «переписи и переоброчки и отдачи всех статей на откупы и на веру» в Шую в феврале 1704 г. был специально направлен из Семеновской канце-лярии стольник П.Б. Кабулков [12. К. 5. Д. 9. Л. 1–2]. В 1700–1703 гг. общая сумма оброчных сборов с Шуи составила 593,94 руб., а в те-чение следующих шести лет она составила 1618,29 руб. Несмотря на значительное повышение прежних окладов и введение многочис-ленных новых налогов, среднегодовой сбор, таким образом, вырос лишь на 80 % (со 148,5 до 269,7 руб.). Во многом это было свя-зано с передачей целого ряда крупных «оброчных статей» сторон-ним откупщикам: шуйские мельницы, доставившие в 1704 г. 53 % всех «канцелярских сборов» (306,1 руб.), уже со следующего года были переданы на откуп холуйским крестьянам. В организациии пите-нейших и таможенных сборов главным новшеством стало их вве-дение в целом ряде соседних с Шуей торгово-промышленных сел Сузdalьского уезда: Рождественном (с 1700 г.), Щербове (с 1701 г.), Васильевском (с 1705 г.), Иваново (с 1706 г.), Горкино (с 1707 г.). Ор-ганизация всех этих сборов легла на плечи посадских людей г. Шуи [4, с. 135–139]. Кроме того, с 1705 г. они занимались взиманием

«таможенной пошлины з богомолных ярмонок» еще и в своем уезде – в селах Ярлыкове, Тумакове и погосте Архангельском. Впрочем, все эти нововведения не слишком повысили объем таможенных и питейных сборов. Всего с 1700 по 1709 г. таможенные сборы с новых пунктов составили 556,33 руб., питейные были значительно больше – 1739,65 руб. Но в общей сложности эта сумма составляла менее 6 % всех таможенных сборов. Зато внушительный доход государству принесла соляная монополия, введенная с января 1705 г. Несмотря на значительные трудности в организации этого сбора, за пять лет «соляной налог» принес более трети всех таможенных доходов с Шуи в этот период (9020,8 руб. из общей суммы 26 252,14 руб. – 34,5 %). Причем в ведомости отсутствуют сведения о поступлении этого налога в 1708 г., так что в действительности процент мог быть и более высоким.

Соотношение изменения «кривой» всех четырех перечисленных нами групп сборов представлено в следующей таблице. Исходя из нее, можно видеть, что канцелярские и «экстренные» расходы представляли собой мизерную часть денежных поступлений с посада – немногим более 10 %. Такую же долю составляли «приказные окладные» налоги – десятая деньги и стрелецкий сбор. В то же время почти 80 % дохода, поступавшего с шуйского посада в 1700–1709 гг. в государственную казну, приходилось на таможенные и питейные сборы.

Таблица 1

Расходный бюджет г. Шуи в 1700–1709 гг.

Налоги	1700	1701	1702	1703	1704	1705	1706	1707	1708	1709	%
Окладные	421,6	421,6	421,6	579,3	579,3	445,3	504,4	633,4	431	588,8	10,35
Экстренные	0	204	122	130,2	102	101,5	20	1292,1	411,6	329,1	5,7
Канцелярские	166,7	151,7	133,1	142,3	580,4	230,2	196	230,5	171,9	209,3	4,6
Таможенные	2348	2325,9	2535,3	2532	2622,9	3615,9	7444,6	7565,9	3649,9	3975,8	79,35
Итого	2936,3	3103,2	3212	3383,8	3884,6	4392,9	8165	9721,9	4664,4	5103	100

Источник: 12. Д. 71. Л. 1–21. *Данные округлены.*

Выше мы выяснили, что и стрелецкие сбор, и оклад «десятой деньги», несмотря на декларированную еще в челобитных XVII в. «непосильную тяжесть», а также четырехкратное дублирование

в первые годы нового столетия, обычно уплачивались горожанами в полном объеме и в срок. Совсем иначе дело обстояло с таможенными и канцелярскими пошлинами. Об этом можно судить по ведомости о «недоборах шуйян за 1707–1713 гг. «Окладные приказные» сборы за эти годы выплачивались практически в полном объеме: в 1709 г. отмечен недобор «стрелецких и оброчных» денег, в 1713 г. «рекрутных» (всего 159,1 руб.). В то же время за эти годы недобор канцелярских пошлин («вопче с Лухом») составил 591,5 руб., за «непоставку таможенных выписей» не было уплачено 100 руб., питейных пошлин – 1255,5 руб., а таможенных – 1848 руб. [7. Д. 510. Л. 1–4]. Таким образом, почти 79 % от общего недобора составляли сборы с кабака и таможни, а еще 15 % – канцелярские налоги. Об организации постоянного контроля за их сбором свидетельствует целый ряд указов этого времени. В августе 1702 г. гороховецкие бурмистры получили указание отправить «лутчего человека» в Шую для сбора недоимок «всяких доходов» за 1701 г., а также полного оклада стрелецких денег, мелочных сборов и наличной «таможенной и кабацкой» казны 1702 г. Деньги необходимы были немедленно, поскольку «для военного случая на дачу ратным людем надобна денежная казна многая». Плательщики были обязаны предоставлять «посыльщику» подъячих и рассыльщиков, постой и подводы в необходимом количестве. Шуйский бурмистр с аналогичным наказом направлялся в Лух «а из Луху, перменяясь, город до города». Таким образом, один из земских бурмистров каждого города отправлялся в следующий. Ослушание этому указу и «нерадение» в сборе грозили серьезными последствиями: «и за то им бурмистром быть в смертной казни, и дома их и животы и всякие промыслы взяты будут на великого государя».

Подобная «карусель сбора» на короткое время стала правилом: уже 2 февраля 1703 г. гороховецкие бурмистры вновь получили указ с требованием взыскать в Шуе все «ратушкие доходы» за предыдущий год, а также наличные таможенные и кабацкие сборы [13. К. 2. Д. 6. Л. 1–4]. Более подробная инструкция об организации «карусли сборов»дается в указе шуйским бурмистрам от 22 марта 1704 г. Один из адресатов его должен был отправиться в Лух для немедленной высылки в Ратушу стрелецких денег, а также всей наличной таможенной и кабацкой казны в апреле текущего года. После

этого следовало отправить в Москву самих таможенных и кабацких бурмистров со «зборными книгами и досталною наличною казною». Вплоть до этого иногородние бурмистры не имели права уехать из города. Промедление было невозможно, поскольку «для нынешней Свейской войны на дачю ратным людем денежная казна надобна многая». «Карусель сбора» начиналась в самой Ратуше, откуда к первым городам направлялись «выборные росхотчики». Далее в дело вступали бурмистры, передававшие эстафету своим коллегам в каждом новом городе. Шуйские бурмистры должны были направиться в Лух, лухские, в свою очередь – в Балахну, и так далее [13. Д. 2. Д. 10. Л. 1–2]. Полный состав городов «карусели сбора» можно проследить по расписке шуйского бурмистра Б.С. Селиванова в приеме у гороховецкого коллеги П.Ф. Рудакова 9 сентября 1702 г. «наказов по росписи» из Ратуши сразу в 29 городов. Роспись эта включала все крупнейшие волжские города – Нижний Новгород, Пензу, Чебоксары, Казань, Саранск, а оканчивалась Самарой [12. К. 1. Д. 15. Л. 1].

Таким образом, общий расходный бюджет Шуи начиная с 1700 г. постепенно рос. Принимая общие поступления в течение первого десятилетия XVIII в. за 100 % (48 567,1 руб.), можно видеть, что в 1700 г. доход с Шуи составил 6,1 % от этой суммы, а к 1705 г., ежегодно увеличиваясь, достиг уже 9 %. Следующие два года (1706–1707) стали наиболее доходными для государственной казны, а соответственно, самыми тяжелыми для посада – в течение их казна получила почти 36,9 % всех доходов в течение десятилетия. Это лишь немногим меньше, чем за все предыдущее пятилетие (42,9 %). В 1708–1709 гг. доходы несколько упорядочиваются, составляя в общей сложности 20,2 %. Если говорить исключительно о прямых денежных налогах с посада («окладные» сборы и экстренные суммы) – здесь резкое повышение приходится на 1707 г. До этого годовой расход посада по этими статьям колебался от 5,5 % общей суммы (1700) до 9,2 % (1703). А вот в 1707 г. он составил почти четверть от общей суммы (24,8 %). В течение следующих двух лет (1708–1709) расход по этим статьям понизился (10,9 и 11,8 %), но в среднем оказался на 3,75 % больше, чем в относительно «спокойный» период 1700–1706 гг. Таким образом, в целом общий тренд на повышение налоговой нагрузки начинается с первых лет Северной

войны и достигает пика в 1706–1707 гг. В 1708–1709 гг. налоговая нагрузка резко снижается, но до уровня несколько выше, чем в первые годы войны.

Подводя итоги анализа расходной части городского бюджета г. Шуи в первый период Северной войны, можно отметить, что значительное увеличение налоговой нагрузки, а также поставка на солдатскую службу полутора сотен рекрутов не привели к хозяйственному коллапсу, несмотря на небольшой объем посадского населения. Недоимки возникали преимущественно по питейным и таможенным сборам, сильно зависимым от экономической конъюнктуры, тогда как прямые налоги обычно доставлялись в казну вовремя и в полном объеме. Еще большее удивление вызывает выполнение требуемых с шуйян служебных нагрузок – поставка солдат и драгун, отправка целовальников и работников на многочисленные службы, самыми тяжелыми из которых были санкт-петербургские. Можно заметить, что с определенного периода посад направлял на эти службы почти исключительно не собственных жителей, а наемных лиц. Переломный момент случился весной 1703 г., когда внушительным рекрутским набором были почти исчерпаны посадские «захребетники». В результате две трети рекрутов этого набора относились уже к числу «переменщиков». Та же ситуация повторялась и с набором работников для «отъезжих служб» – лишь единицы из них после этого времени представляли шуйский посад. Но найм и снаряжение этих лиц требовали внушительных частных и общественных средств от задавленного налогами посада. Отчасти столь высокая исполнительность шуйян объясняется весьма эффективной системой сбора налогов и поставки на службу солдат и работников с помощью специальных «посыльщиков», которых должно было обеспечивать местное население. Стремление избавиться от них приводило к максимальному ускорению сборов. Но все же исправное поступление налогов и поставка солдат и работников свидетельствуют о том, что финансовые резервы у посада оставались. Даже столь резкие налоговые скачки, как в 1707 г., не привели в итоге к хозяйственному кризису и обнищанию шуйян, хотя имели явно негативное влияние на экономический рост. Остается предположить, что «городовая реформа» Петра I, стартовавшая в январе 1699 г., привела к освобождению значительной части финансов посада, уходивших на содержание воеводского двора и кормление «городовому

воеводе». Эта сумма никак не регулировалась и фактически долгие годы уходила мимо государственного бюджета [8, с. 322–325]. Но с введением для чиновников твердого жалования и отстранением воеводы от судебной власти в посаде эти потоки оказались перенаправлены в сторону, необходимую «преобразователю России».

Источники и литература

1. *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России. – Л., 1982.
2. *Борисов В.А.* Собрание трудов (материалов). Т. 2. – Иваново, 2004.
3. *Бутрин Е.С.* Государственная мобилизация «работных людей» в Шуе в начале XVIII в. // Провинциальный анекдот: чтения по региональной казуальной истории. Вып. 10. – Шуя, 2016. – С. 3–11.
4. *Бутрин Е.С.* Организация посадской общиной таможенных и питеиных сборов в сельской округе в первой четверти XVIII в. (на материале г. Шуи) // Рождественский сборник. Вып. 23. – Ковров, 2019. – С. 134–142.
5. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. – М., 1977.
6. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 32. Оп. 1.
7. ГАИО. Ф. 324. Оп. 1.
8. *Енин Г.П.* Воеводское кормление в России в XVII веке. – СПб., 2000.
9. *Кизеветтер А.А.* Посадская община России в XVIII в. – М., 1903.
10. *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. – СПб., 1890.
11. *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. – СПб., 1905.
12. Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 67.
13. НИОР РГБ. Ф. 346.
14. Отписка шуйских бурмистров о прибыльных в Шуе дворах // Владимирские губернские ведомости (ВГВ). – 1881. – № 41. – С. 4.
15. Память шуйским земским бурмистрам о сборе с шуйян десятой деньги // ВГВ. – 1864. – № 27. – С. 156–157.
16. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 1.
17. Челобитная царю Петру Алексеевичу города Шуи земского бурмистра Бориса Ламонова // ВГВ. – 1873. – № 43. – С. 1–2.
18. Память шуйским земским дел бурмистрам о сборе денег на корабельное строение // ВГВ. – 1882. – № 9. – С. 4–5.
19. Указ Петра I в г. Шую // ВГВ. – 1886. – № 21. – С. 2–3.

BUDGET OF A RUSSIAN PROVINCE CITY DURING THE FIRST PERIOD OF THE NORTHERN WAR

Abstract. The article deals with the expenditure budget of the Russian city in the initial period of the Northern War (1700–1709) based on the material of the city of Shuya. The author comes to the conclusion about an unprecedented increase in both the direct tax burden on the city and the duties associated with the supply of soldiers and workers. At the same time, almost all the required duties were carried out in full and on time and did not lead to an economic crisis. The reason for this was the release of a significant part of the finances of the city community from the maintenance of the governor during the city reform of Peter I.

Keywords: Shuya, urban community, Moscow City Hall, Peter I, Northern War, recruitment sets, military reforms.

УДК 94(470)

Д.В. Кирюхин

«ЖИЗНЬ СВЯЗИСТУ НА ФРОНТЕ ОТПУЩЕНА НЕДЕЛИО-ДВЕ...» – СОЛДАТСКИЕ БУДНИ ВО «ФРОНТОВЫХ ЗАПИСКАХ СЕРЖАНТА» Р.С. ГРАЖДАНИНОВА

Аннотация. Статья посвящена репрезентации повседневной жизни советского солдата на фронте Великой Отечественной войны во «Фронтовых записках сержанта» уроженца поселка Большое Мурашкино Р.С. Гражданинова. Эта книга ярко отличается от опубликованных ранее фронтовых воспоминаний боевых товарищей автора, она сохранила имена многих героев рядового и сержантского состава, которых нет в мемуарах генералов и командиров, многие эпизоды их фронтового быта, раскрывающие характеры.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, фронтовые воспоминания, Р.С. Гражданинов, «Фронтовые записки сержанта».

«Жизнь связисту от батальона до роты на фронте отпущена неделио-две, редко месяц. Какие бои будут...» [19, с. 15], – говорит прибывшему на фронт рядовому Гражданинову его боевой товарищ Бобков весной 1943 г. Смоленская стратегическая наступательная

операция «Суворов», Оршанская наступательная операция, освобождение Прибалтики – вехи своего боевого пути детально описал во «Фронтовых записках сержанта» Р.С. Гражданинов, мобилизованный после окончания девятого класса.

Рафаэль Семенович родился 5 декабря 1924 г. в рабочем поселке Горьковской (Нижегородской) области Большое Мурашкино в семье ветерана Первой мировой войны и некогда члена рабоче-крестьянской инспекции Семена Ивановича Гражданинова и дочки известного мурашинского промышленника-меховщика Александры Харлампиевны, в девичестве – Панышевой [3, с. 81–82]. Именно любовью отца к живописи и искусству обязан юный Рафаэль своим необычным именем и впоследствии проявившимися творческими способностями. Завершив обучение на военного связиста в г. Чебоксары, Р.С. Гражданинов был отправлен на фронт, и с 23 февраля 1943 г. вступил в распоряжение 90-го гвардейского стрелкового полка 29-й гвардейской стрелковой дивизии в качестве телефониста, радиотелеграфиста, а затем и начальника рации. После госпиталя весной 1944 г. Рафаэль Семенович служил в 14-м гвардейском стрелковом полку 7-й гвардейской стрелковой дивизии до следующего ранения под Вараклянами в Латвии в июле 1944 г. Победный май 1945 г. он встретил уже в составе 26-го гвардейского стрелкового полка, а после расформирования дивизии до демобилизации в апреле 1947 г. занимался разминированием «наследия войны», о чем есть свидетельства в его фронтовых мемуарах [19, с. 18, 68–69]. В 1947–1950 гг. Рафаэль Семенович работал первым секретарем райкома ВЛКСМ, в 1953–1956 гг. пропагандистом в Большемурашинском РК ВКП(б). 16 лет он посвятил образованию и воспитанию подрастающего поколения, трудясь директором вечерней школы, в 1972–1985 гг. – завучем вспомогательной школы. В послевоенные годы на общественных началах Р.С. Гражданинов был руководителем районного общества «Знание», лектором-международником, руководителем группы по составлению Книги Памяти [13], активно выступал в Совете ветеранов. Земляки помнят Рафаэля Семеновича и как самодеятельного художника, автора пейзажей родных мест, за картину «В окопах под Оршей» он был награжден дипломом на Всесоюзной выставке народного творчества в Москве [4]. 29 октября 1998 г. Рафаэль Семенович скончался.

Хотя во время войны Р.С. Гражданинов вел записи, эти материалы не сохранились. Работу над «Фронтовыми записками сержанта» он начал после выхода на пенсию в 1985 г. 30 января 1987 г. рукопись была завершена. Частично записи были опубликованы в Большемурашкинской газете «Знамя» в 1988–1995 гг. Дополнениями к рукописи стали воспоминания «Фронтовое братство» [6] и статья «Полководец полководцев» к 100-летию маршала Г.К. Жукова [5]. В 2017 г. рукопись вместе с дополнительными материалами была издана в рамках одноименного проекта [19]. Однако на сегодняшний день многим записям Рафаэля Семеновича, бережно сохраненным его сыном, нижегородским педагогом, краеведом и поэтом Игорем Рафаэльевичем Гражданиновым (1953–2022), еще предстоит увидеть свет.

Говоря о «Фронтовых записках сержанта» Р.С. Гражданинова, нельзя не упомянуть о документально-художественной прозе его боевых товарищей. Наиболее известными являются книги «Над картой былых сражений» [9] и «А мы с тобой, брат, из пехоты...» [8] генерала армии, Героя Советского Союза, в годы Великой Отечественной войны командующего 10-й гвардейской армией Михаила Ильича Казакова (1901–1979), а также «Храбрые сердца однополчан» [18] Героя Советского Союза, генерала армии, командовавшего 93-м гвардейским стрелковым полком 29-й гвардейской стрелковой дивизии, Ивана Моисеевича Третьяка (1923–2007). Фронтовые мемуары «Завидная наша судьба» [17] генерала армии Андрея Трофимовича Стученко (1904–1972), командующего 29-й гвардейской стрелковой дивизией, пережили два издания в 1964 и 1968 гг. Короткий очерк «Связисты в боях за Берлин» [15] Николая Васильевича Салинкина (1924–2016) опубликован в 1996 г. в сборнике «Горьковчане в боях за Родину». Фронтовые воспоминания М.И. Казакова – это стратегический взгляд генерала на карту, к сожалению, далекий от жизни простого солдата. Минусом книги И.М. Третьяка является, на наш взгляд, недостаточное раскрытие характеров его сослуживцев. Ярким языком и множеством эпизодов отличаются мемуары А.Т. Стученко, которые, однако, все же остаются взглядом комдива, не лишенного некоторых идеологических штампов. Среди минусов воспоминаний Н.В. Салинкина – малый объем и отсутствие упоминания боевых товарищ [11, с. 234–240].

В монографии Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидиновой и Т.П. Хлыниной дважды упоминается имя Р.С. Гражданинова, авторы рассматривают фронтовые письма радиста родным [14], которые были опубликованы Центральным архивом Нижегородской области в сборнике «Здравствуйте, дорогие мои...» [7]. Среди работ, обращающихся к широкому кругу периодических изданий, следует упомянуть монографии К.А. Юдина [20] и А.Е. Смирницкого [16]. Вышли в свет и публикации, посвященные боевым товарищам Р.С. Гражданинова – полковнику В.М. Андронникову [10, с. 53–58] и рядовому И.Я. Некрасову [1, с. 6–17]. Художественное творчество Р.С. Гражданинова также является предметом изучения, готовится к изданию альбом его сохранившихся графических и живописных произведений.

Обратимся к тексту «Фронтовых записок сержанта». Повествование начинается с прибытия на фронт и распределения новобранцев, в роту связи юный Рафаэль попадает из-за невыдающихся физических данных: «Куда его в пехоту такого, – смеялись старший лейтенант и командир роты, – его сразу даже дегтярь к земле придавит» [19, с. 11]. Однако и связистам было непросто, хотя они и не были нагруженными как пулеметчики, минометчики или ПТР-овцы, 22-килограммовую рацию двое связистов несли по очереди – от привала до привала. Кроме того, «...автомат – пять четыреста, два запасных магазина – три шестьсот, две гранаты – полтора килограмма... две вещевухи – десять–двадцать килограммов... лопата – полтора килограмма» [19, с. 45]. Вспоминает Р.С. Гражданинов и о продолжении обучения во время формирования частей 10-й гвардейской армии под Вязьмой – сначала на немецких трофейных рациях, а затем поступили на вооружение отечественные коротковолновые войсковые радиостанции 13-Р, с подобной ему пришлось работать и после войны – «держать связь через озеро Ильмень на пятьдесят километров...» [19, с. 18].

В целом начало повествования характеризуется большим числом деталей и описаний, нежели финальная часть – для молодого необстрелянного рядового все было интересно, и в памяти легко укладывались эти образы: «Когда ночью шли к передовой через позиции нашей артиллерии, впервые познакомился с артиллерийской канонадой. Били сразу несколько батарей. Все было в новинку, даже интересно. И трассы сверкающих пуль уходили медленно

в небо, и гулочных бомбардировщиков, и первые разрывы тяжелых снарядов с той стороны» [19, с. 11]. Помимо удивления автор с первого дня испытывает и шок, в первую очередь из-за гибели сослуживцев: «У входа в землянку я встал как вкопанный. С правой стороны на бруствере лежали телефонная катушка с кабелем, из которого торчали пальцы. Командир взвода невесело усмехнулся: «Что застыл? Это все, что осталось от твоего предшественника...» [19, с. 11]. Гибель товарища для Р.С. Гражданинова всегда трагедия, с искренней и неподдельной горечью он вспоминает об И.Я. Некрасове, радисте Гафарове, лейтенанте Малинине, с которым он сидел за одной партой в школе села Абаково Павловского района. «Война есть война, и командиры гибнут, особенно человеколюбивые и решительные» [19, с. 61], – комментирует Рафаэль Семенович смерть майора Александра Савельевича Магитта. Примечателен и эпизод, встречающийся только в рукописи, о нелепой гибели связиста Михайлова: когда тот собрал хворост для костра, сучок одной из веток зацепился за кольцо гранаты на ремне, чека вылетела, «заметив это, он только успел крикнуть: «Братцы, ложись!» – и сам бросился на живот и тут же взорвался. Ценой своей жизни спас других, так и не успев стрельнуть по противнику» [19, с. 12].

Ужасы войны одинаково тяжелы для обеих воюющих сторон, так после залпа «Катюш», отбившего наступление противника и спасшего автора и его товарищей на захваченном рубеже, «мы встали из окопов в полный рост, и фрицы на исходном тоже, никто не стрелял, настолько всех поразило то, что только что все видели: не придумаешь и в страшном сне» [19, с. 45]. На страницах «Фронтовых записок сержанта» Р.С. Гражданинов упоминает и поразившего его до глубины души сошедшего с ума от страха немецкого солдата после залпа «Катюш». Если в подобных эпизодах противник заслуживает некоторого сочувствия и жалости, применение тактики «выжженной земли» и убийство мирного населения автор так и не смог забыть и простить. Эпизод с расстрелом стариков и детей во время отступления немецких солдат является ярчайшим в книге, одним из самых запомнившихся рассказов в памяти сына Рафаэля Семеновича: «Мы, ребята пятидесятых, играли в войну, но мало кто хотел играть немцев и совсем никто фашистов» [2, с. 5–6].

Характеры боевых товарищей раскрываются Р.С. Гражданиновым через многочисленные бытовые сцены, при этом не только геройзм и отвага советского солдата, но и далеко не лучшие качества. Последним всегда противостоит находчивость и смекалка, а справедливость – в лице командиров или стечения обстоятельств – всегда торжествует. Так, хитрый ездовой, добавивший в свою пайку растолченный графитный карандаш, выводит на чистую воду воровавшего хлеб помощника командира взвода, которого за жестокость называли «шакалом и живоглотом». Одним из врагов солдата является и алкоголь, ему посвящены несколько красноречивых эпизодов. Один комбат с несколькими командирами рот и старшинами меняет жиры и колбасу на самогон у местного населения, с чем в итоге разбирается командир полка В.М. Андронников; другой ротный старшина использует уменьшенную стопку при раздаче «наркомовских сто грамм», оставшиеся излишки оставляя себе. После занятия города самым опасным оказывается склад со шнапсом в подвале старой церкви без колокольни, где попойку и разбазаривание алкоголя танкистами и пехотой пресекает специально посланная рота автоматчиков. Ослушавшись приказа командира и не желая дожидаться прихода саперов, разведчики решают достать заминированные бутылки с вином в только что захваченной деревне. Фугасом дом разносит на части, а любителей выпить отбрасывает метров на десять, взрывной волной обоих тяжело контузило. «Нечего сказать: выпили и закусили! Все им досталось!» [19, с. 54] – констатирует Р.С. Гражданинов. «Барахольщиков», стремившихся обогатиться за счет ворованного, красноармейцы не любили, их жадность на фронте наказывалась безжалостным огнем противника: «Расцепили у него скрюченные пальцы, чтобы посмотреть... за что человек так бездарно жизнь сложил. В сидоре оказались трофейные ножи, вилки, ложки дюжинами, большая эмалированная чашка и еще всякая дрянь общим весом килограммов двенадцать. Подох не за бабочку и сожаления не вызвал» [19, с. 52].

Многие совершенные красноармейцами ошибки становятся гибельными для их товарищей, и автор их жестоко обличает. Это случайный огонь по своим, неверно выполненная разведка, из-за чего погибает радист Гафаров, нежелание окапываться и рыть защитные укрепления, что приводит к неминуемой смерти. Последнее самое

тяжелое ранение автор получает из-за небрежности майора, не прислушавшегося к замечанию связиста и не пожелавшего поменять дислокацию после того, как враг засек радиопереговоры пеленгатором. Осколками одной мины, разорвавшейся на вершине ели, ранит сразу шестерых, сам майор получает смертельное ранение, а второй номер Бобков, «земляк-горьковчанин, с которым мы всего-то про воевали два-три дня» [19, с. 61], впоследствии скончается от ран в госпитале.

Некоторые из героев фронтовых воспоминаний Р.С. Гражданинова не только получают по заслугам, но обретают возможность исправиться, неслучайно одна из новелл была озаглавлена «Выучили». Телефонист Умаров заболевает куриной слепотой и терпит из девательства со стороны Первова, считавшего, что тот симулирует и «сачкует». Когда же через две недели заболевает сам Первов, желающих его сопровождать не находится, и того привязывают к двуколке. В итоге он раскаивается в своей жестокости и просит помощи.

«Фронтовые записки сержанта» полны примеров героизма, хотя автор часто умалчивает о своем личном вкладе в победу, об этом могут рассказать наградные листы его боевых наград – орденов Красной Звезды и Славы 3-й степени, медалей «За отвагу» и «За боевые заслуги» [12, с. 55–60]. Подробно Рафаэль Семенович делится воспоминаниями об эпизодах своего житейского, бытового подвига, например, приготовления жареной картошки, «сваренной в худом умывальнике и заправленной лярдом из пустой бочки» [19, с. 63]. Новобранец Гражданинов встречает снайпера Ануфриева, который по-отечески заботится о юноше, демонстрируя находчивость и умение обращаться с трехлинейкой. С необычайной теплотой и восхищением автор пишет о телефонисте Мелявском, в мгновения покоя заставлявшем товарищей в обстановке страшного напряжения и смерти своим юмористическим талантом смеяться и под непрерывным артиллерийским огнем тянувшем связь к штрафникам. Документально подтвержден подвиг роты автоматчиков капитана Ефима Федоровича Улитина, описанный как Р.С. Гражданиновым, так и А.Т. Стученко. Командир 45-мм пушки оборудует позицию прямо в траншее, орудие после серии выстрелов меняет позицию, вызывая недоумение противника: «Ну и дуболомы, – радовался сержант, – стреляют точно, аккуратно, а того, что пушка по траншее

путешествует, допереть не могут – не по уставу – пушки по траншеям не ходят» [19, с. 32]. Героически комичным выглядит эпизод из новеллы «Ай да малыш!», в котором щупленький новобранец сначала попадает в плен, а затем сам приводит «языка», даже не зная, как вводить трофейное немецкое оружие.

В заключение хотелось бы отметить, что материал «Фронтовых записок сержанта» ценен для читателя тем, что является не только сборником трагических и героических эпизодов тяжелой военной жизни, но ярко и наглядно демонстрирует, что человек даже на войне всегда остается человеком – благодаря вплетенным в повествования юмористическим эпизодам. Так, после прибытия на передовую рядовому Гражданову показывают «можайских гусей», выпивших по флякону разбавителя из химпакетов и окунающих в таз с водой головы, чтобы спастись от невыносимого жжения. Отдельный эпизод посвящен телефонисту Радченко, страстному любителю писать письма девочкам, который после комического эффекта, достигнутого от рассказа о переписке с девушкой Галей, приобретает особую высоту. Нередко бойцы сталкиваются и с животным миром. Спрятавшийся от артналета в лагере заяц выбывает у артиллериста котелок с кашей, да так, что тот его не замечает и подозревает в озорстве товарищей; а латвийские пчелы из разоренной пасеки жалят до неузнаваемости старшего сержанта Новикова, который боится их не меньше, чем «мессеров» или «юнкерсов».

«Фронтовые записки сержанта», уникальная память автора которых сохранила более пятидесяти имен его братьев по оружию и яркие эпизоды повседневной жизни, отражающих их характеры, как храбрость и отвага, находчивость, юмор, так и жадность и скопость, трусость, высокомерие и глупость, являются уникальным образцом неповторимого художественного стиля, читаются легко, захватывающе и в то же время не отходят от правды.

Источники и литература

1. Быкова Н.Н. Некрасов Иван – погибший без вести // Мой отчий край ни в чем не повторим: краеведческие чтения 2020. – Б. Болдино, 2021. – С. 6–17.

2. Гражданов И.Р. Вступительное слово об отце // Гражданов Р.С. Фронтовые записки сержанта. – Н. Новгород, 2015. – С. 5–6.

3. Гражданинов И.Р. Его звали «Туфля честности» // Родина. – № 4. – 2019. – С. 81–82.
4. Гражданинов И.Р. Память / «Истории Бессмертного полка» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://nk.ast.ru/bessmertniyopolk/story/2064/> (Дата обращения: 16.08.2022).
5. Гражданинов Р.С. Полководец полководцев. К 100-летию маршала Г.К. Жукова // Большемурашкинская газета «Знамя». – № 99–100. – 29 ноября – 6 декабря 1996. – С. 3.
6. Гражданинов Р.С. Фронтовое братство. Воспоминание // Большемурашкинская газета «Знамя». – № 52. – 23 июня 1993. – С. 3.
7. «Здравствуйте, дорогие мои...» (фронтовые письма 1941–1945 гг.): сб. док-тov. – Н. Новгород, 2015.
8. Казаков М.И. А мы с тобой, брат, из пехоты... – Рига, 1979.
9. Казаков М.И. Над картой былых сражений. – М., 1971.
10. Кирюхин Д.В. Владимир Михайлович Андронников во фронтовых воспоминаниях его боевых товарищей // Вестник ИвГУ. Гуманитарные науки. – Вып. 4 (17). История. – 2017. – С. 53–58.
11. Кирюхин Д.В. Место и роль «Фронтовых записок сержанта» Рафаэля Семеновича Гражданинова в контексте документально-художественной прозы его боевых товарищей // Материалы XIV Междунар. воен.-ист. конфер. – Т. 2. – СПб., 2022. – С. 234–240.
12. Кирюхин Д.В. Ратный подвиг Р.С. Гражданинова и его «Фронтовые записки сержанта» // Вестник Нижегородской ГСХА. – № 2 (10). – апрель–июнь 2016. – С. 55–60.
13. Книга Памяти. Большемурашкинский район в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – Н.Новгород, 2004.
14. Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). – Ростов н/Д, 2013.
15. Салинкин Н.В. Связисты в боях за Берлин // Горьковчане в боях за Родину. – Н. Новгород, 1996. – С. 176–178.
16. Смирницкий А.Е. Советские военизированные формирования в годы Великой Отечественной войны. – Н. Новгород, 2020.
17. Стученко А.Т. Завидная наша судьба. – М., 1968.
18. Третьяк И.М. Храбрые сердца однополчан. – М., 1977.
19. Фронтовые записки сержанта Гражданинова Рафаэля Семеновича: рукописи, фронтовые письма, материалы периодической печати. – Н. Новгород, 2017.
20. Юдин К.А. Внутрипартийный контроль в СССР 1930–1940-х гг.: идейно-институциональный облик. – Иваново, 2015.

D.V. Kiryukhin

**“LIFE FOR THE SIGNALMAN ON THE FRONT IS SET
OFF FOR A WEEK-TWO, RARELY A MONTH...” – SOLDIER’S
EVERYDAYS IN “SERGEANT’S FRONTLINE NOTES”
BY R.S. GRAZHDANINOV**

Abstract. The article is devoted to the representation of the everyday life of a Soviet soldier on the front of the Great Patriotic War in the “Sergeant’s Frontline notes” by a native of Bolshoe Murashkino R.S. Grazhdaninov. This book is clearly different from the previously published front-line memoirs of the author’s comrades-in-arms, it retained the names of many heroes of privates and sergeants who are not in the memoirs of generals and commanders, many episodes of their front-line life, revealing their characters.

Keywords: The Great Patriotic War, front-line memoirs, R.S. Grazhdaninov, “Sergeant’s Frontline notes”.

УДК 94(470.343)

A.C. Ладина

**ПОВСЕДНЕВНОСТЬ УЧАСТНИКОВ СТРОИТЕЛЬСТВА
ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ РУБЕЖЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ
МАРИЙСКОЙ АССР В 1941–1942 гг.**

Аннотация. В статье на основе архивных документов и воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны рассматривается тема строительства оборонительных рубежей на территории Марийской АССР с точки зрения истории повседневности. Затронуты такие вопросы, как причины возведения рубежей, условия проживания, питания, труда и т.д.

Ключевые слова: повседневность, оборонительный рубеж, Марийская АССР, Великая Отечественная война.

80 лет назад на берегу реки Волги люди совершили беспримерный трудовой подвиг при строительстве оборонительных рубежей. Постановление ГКО «Об оборонительном строительстве» вышло 13 октября 1941 г. Рубежи было решено возвести и на территории Марийской АССР. Каждый из оборонительных рубежей должен был служить также в качестве исходного района для нанесения

контратак и перехода в контрнаступление [6, с. 4]. Над их возведением трудилось все население республики – колхозники, рабочие и учащиеся школ, ссузов и вузов. Этот подвиг не должен быть забыт. В связи с этим в Республике Марий Эл осенью 2021 г. прошло несколько мероприятий, посвященных строительству оборонительных рубежей, с привлечением профессиональных историков, экскурсоводов, участников общественного движения по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России» и реконструкторов периода Второй мировой войны.

История строительства оборонительных рубежей давно является темой изучения для многих исследователей. Но исследуют ее главным образом в тех регионах, где проходило их возведение. В региональной историографии работ, освещавших эту тему, немного. Упоминания о строительстве рубежей можно найти в общих трудах по истории Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны [9, с. 5–17]. В работах кандидата исторических наук О.А. Кошкиной строительство оборонительных рубежей на территории Марийской республики стала темой специального исследования. В своих трудах она рассматривает сроки и территорию строительства, структуру управления возведением рубежей, количество мобилизованных рабочих, обеспечение трудящихся стройматериалами и продовольствием. Но в исследовании не уделено должного внимания состоянию быта и повседневности участников строительства оборонительных рубежей, их эмоциональному состоянию.

В настоящее время в исторической науке возрастает интерес к истории повседневности. По мнению академика Ю.А. Полякова, важнейшей задачей современной историографии является изучение не столько производственной и политической деятельности, культурных и научных достижений человечества, сколько «самого человека, как такового, его жизни, какой она была и какой стала» [7, с. 125–127]. В нашей статье мы постараемся рассмотреть повседневность при возведении рубежей.

История строительства рубежей в Марийской АССР началась с изданием приказа Наркомата обороны от 30 октября 1941 г., где нашей республике предписывалось выкопать ров вдоль правого берега Волги. Общая длина рубежа составляла 100 км. Срок выполнения работы установлен в 30 суток. Для сооружения этих рубежей были

созданы два военно-полевых строительства (ВПС) – Звениговское (ВПС № 8) и Горномарийское (ВПС № 9).

На строительство оборонительного рубежа были привлечены колхозники всех районов Марийской республики. Некоторые отправились прямо со школьной скамьи. Труженице тыла А.Г. Анощенко (Порхаевой) было 16 лет, когда ее вместе с подругами отправили на строительство оборонительных сооружений [3, с. 26–27]. Работницу Марийского машиностроительного завода Н.В. Коровину также направили на трудовой фронт в этом возрасте. Она вспоминала, что им дали задание вырыть рвы высотой 6 м и шириной 1,5 м [1, с. 105].

После инцидента, произошедшего на территории Марийской АССР 4–5 ноября 1941 г. и в связи с обстановкой на фронте, потребность возведения оборонительного рубежа не вызывала сомнений. А именно в это время вражеской авиацией было совершено несколько налетов на Горномарийский, Еласовский и Юринский районы республики [9]. Строительство тылового рубежа стало главной задачей всех партийных и советских органов власти Марийской АССР. Этот факт отметила в своих воспоминаниях ветеран войны В.В. Куканова [1, с. 96].

Работа проходила в тяжелейших условиях. В начале декабря 1941 г. температура опускалась ниже 30 градусов, морозы сопровождались жгучими ветрами и метелями. Земля промерзала на 1–1,2 м в глубину и была тверда как камень [10, с. 69]. Об этом свидетельствует участник войны 1941–1945 гг. Н.П. Мотовилов, который был направлен на возведение рубежей в Горномарийском районе [13, с. 170–171].

Бытовые условия на возведении оборонительных сооружений оставляли желать лучшего. В начале строительства рабочие не были обеспечены жильем в населенных пунктах, и потому их размещали в землянках и временных шалашах, построенных на скорую руку из подручного материала [10, с. 138]. Чтобы в землянках разместить больше людей, в них ставили двойные и даже тройные нары. Есть воспоминания, в которых говорится, что первые три ночи приходилось спать под деревьями и только потом были вырыты землянки [12, с. 32]. Кроме того, не хватало инструментов, значительная их часть была привезена прибывшими рабочими из колхозов [10,

с. 79]. В условиях зимы люди остро нуждались в одежде, многие прибыли на строительство в лаптях [10].

В отчетной документации сказано, что на всех строительных участках был установлен 10-ти часовой рабочий день. Начало работ было с 6:30, окончание в 17 часов. В середине дня 30 минут отводилось на обеденный перерыв. Один раз в декаду устанавливался один нерабочий (санитарный) день. В этот день рабочие ходили в баню (общественную или частную крестьянскую в ближайшем населенном пункте). Ежедневно от двух до четырех часов рабочие тратили на путь к месту работы (4–10 км). Но в воспоминаниях участников строительства можно встретить сведения, что рабочий день начинался с пяти часов утра и в бане мылись крайне редко [11, с. 125]. «Четыре месяца мы не мылись, все ошивали» – вспоминает труженица тыла Н.В. Коровина [1, с. 105].

На рубежах были зафиксированы нарушения правил техники безопасности, которые повлекли за собой несчастные случаи. 27 ноября 1941 г. на втором строительном участке ВПС № 9 в отсутствие прораба и бригадира произошел обвал со смертельным исходом. Погибли члены колхоза «У корно» Йошкар-Олинского района. 4 человека ранены [4]. О несоблюдении правил техники безопасности и сложностях работы с грунтом вспоминает участница строительства рубежей Нина Васильевна: «Берег был весь песчаный и все время осипался. Летели глыбы. Мы только успевали отпрыгивать, а то и слышали крики: там упала глыба и изуродовала человека, а где-то и насмерть убило» [1, с. 96].

Изначально в постановлении бюро обкома ВКП(б) и СНК Марийской АССР от 11 ноября 1941 г. говорилось, что люди мобилизованы на строительство рубежей сроком один месяц. Однако к декабрю стало очевидно, что военно-полевые строительства не справляются с задачами в поставленные сроки. Поэтому 23 декабря в постановление была внесена правка, что мобилизованные колхозники, рабочие и служащие обязаны работать на рубежах до окончания работ. За самовольный уход они будут привлекаться к судебной ответственности. В начале строительства на дезертиров не обращали особого внимания, несмотря на распоряжение руководства. Но в связи с увеличением случаев меры принимать пришлось.

Условия труда и быта были очень сложными. Об этом вспоминают многие участники строительства. Но даже в этих условиях никто не опускал рук, и все старались перевыполнять необходимую норму. Развернулось социалистическое соревнование, проходившее под лозунгом «вырабатывать дневную норму», и охватило 90 % работающих бригад. Оценивались организация работ, использование рабочей силы и производительность труда [10, с. 115].

Строительство оборонительного рубежа стало одной из героических страниц истории Великой Отечественной войны. Во многих регионах это строительство стало массовым. В Марийской АССР в его строительстве приняли участие более 28 тыс. человек. Об этом свидетельствуют официальные документы того времени. Но о повседневности наиболее полно можно узнать из воспоминаний самих участников строительства, которых осталось немного.

Источники и литература

1. В багровом пламени войны. Воспоминания. Очерки. Посвящения. Книга 1. – Йошкар-Ола, 2008.
2. В багровом пламени войны. Воспоминания. Очерки. Посвящения. Книга 2. – Йошкар-Ола, 2009.
3. В боях отстояли отчизну свою... Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны и тружеников тыла. – Йошкар-Ола, 2005.
4. ГА РМЭ (Государственный архив Республики Марий Эл). Ф. Р-542. Оп. 3. Д. 73. Л. 335.
5. Иванов А.А., Кошкина О.А. Оборонительное строительство на территории Марийской АССР в 1941 году // [Электронный ресурс] – режим доступа URL.: https://elibrary.ru/download/elibrary_20340534_59846017.pdf. (дата обращения: 27.03.2022).
6. Кошкина О.А. Оборонительный рубеж на территории Марийской АССР в 1941 году. – Йошкар-Ола, 2013.
7. Поляков Ю.А. Человек в повседневности // Вопросы истории. – 2000. – № 3. – С. 125–127.
8. Попова Е.А. Труженики Юринского района Марийской АССР – фронту // Марийский архивный ежегодник. – 2010. – № 10. – С. 124–125. [Электронный ресурс] – режим доступа URL.: <http://komarhiv.tk/doc/eh2010.pdf>. (дата обращения: 05.03.2022).
9. Стариков С.В. Все для фронта, все для победы!: Марийская АССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Марийский археографический вестник. – 2015. – № 25. – С. 5–17.

10. Строительство оборонительного рубежа на территории Марийской АССР (1941–1942 гг.): сб. док-тov. – Йошкар-Ола, 2020.
11. Труженики леса Марийской АССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Йошкар-Ола, 2000.
12. Труженики леса Марийской АССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Йошкар-Ола, 2005.
13. Человек на войне: сборник интервью с участниками Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Йошкар-Ола, 2010.

A.S. Ladina

EVERYDAY LIFE OF PARTICIPANTS IN THE CONSTRUCTION OF DEFENSIVE LINES ON THE TERRITORY OF THE MARI ASSR IN 1941–1942

Abstract. The article, based on archival documents and memoirs of veterans of the Great Patriotic War, examines the topic of the construction of defensive lines on the territory of the Mari ASSR from the point of view of the history of everyday life. Such issues as the reasons for the construction of boundaries, living conditions, food, labor, etc. are touched upon.

Keywords: everyday life, defensive line, Mari ASSR, Great Patriotic War.

УДК 281.93

Ю.Н. Сергеев

УФИМСКАЯ ЕПАРХИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье анализируется переход православного духовенства Уфимской епархии на военные рельсы. Даётся картина церковной благотворительности на нужды фронта, рассматривается процесс постепенного восстановления церквей и часовен на конфессиональной почве Уфимской епархии.

Ключевые слова: епископ, владыка, Уфа, церковь, Сибирь, благочинный, игумен, уполномоченный Совета по делам РПЦ.

Великая Отечественная война приостановила, а затем радикально пересмотрела весь спектр государственно-церковных отношений. От политики тотального уничтожения православия к его

максимальному подчинению и использованию во внешнеполитической составляющей государственная власть пришла в течение буквально нескольких военных лет. Уже в 1942 г. Советы практически прекратили физическое истребление православного духовенства. Остатки епископата и священников возобновили богослужение в разгромленных храмах и начали восстановление организационных структур епархий. В единственной открытой церкви Уфы Сергиевской возобновилось богослужение. Реанимировал его вернувшийся из заключения иеромонах Ксенофонт Синютин. Уже в феврале 1942 г. была восстановлена епископская власть в Уфе, не действующая после расстрелов 1937 г. Уфимским архиереем был назначен владыка Алексий (Сергеев), однако он так и не смог или не нашел в себе сил приехать в Уфу. Управлял епархией он менее года из Москвы.

Часть священнослужителей епархии была призвана в ряды Красной армии. На фронтах Великой Отечественной сражались священнослужители: Дм. Логачевский, Мих. Еварестов, Ил. Бобровников, Ник. Бурдуков. В тылу верующих Уфы сплачивал иеромонах Ксенофонт Синютин (1879–1959), принявший постриг еще в 1912 г. в Николаевском скиту Троицкого уезда Оренбургской губернии. В 1916 г. получил сан иеромонаха, в 1941 г. – сан игумена. С 1930 по 1940 г. находился в лагерях. С апреля 1941 г. числился клириком Сергиевской церкви в Уфе. С помощью прихожан отцу Ксенофонту удалось не только отстоять Сергиевскую церковь, но и оплатить непомерно высокие налоги на нее. Он подрабатывал пекником, чтобы хоть как-то содержать церковное хозяйство [1, с. 347–352].

Вместо владыки Алексия уфимским архиереем назначается владыка Стефан (Проценко). Он приезжает в Уфу в начале 1943 г. и активно включается в восстановление церковной жизни. В ряде населенных пунктов стихийно начинают вести службы. В п. Узян Белорецкого района такие службы организовал иеромонах Авраамий Макаров, высланный из Москвы. Аналогичные молитвенные дома были открыты в с. Абызово Карабудильского района (священник Н. Стрижевский), в г. Белорецке [1, с. 350].

Весь 1943 г. процесс стабилизации церковной жизни в епархии набирал обороты. Была открыта вторая церковь в Уфе –

Крестовоздвиженская. В ноябре 1943 г. в Уфу прибыл уполномоченный Совета по делам РПЦ – нового органа, призванного контролировать деятельность РПЦ в масштабах епархии. Им стал Н. Козлов. Он начинает сбор заявлений верующих с просьбами об открытии храмов на территории БАССР. За 1943–1944 гг. таких заявлений было собрано 66. Семь из них было удовлетворено. В 1943–1944 гг. были открыты и зарегистрированы: молитвенный дом в Белорецке, церкви в селах Байки Караидельского района, Силантьево Бирского района, Константиново-Александровка Альшеевского района, Ново-Петровское Архангельского района, Иткули Байкибашевского района, Знаменка Белебеевского района, Ломовка Белорецкого района. Восстановленная Уфимская епархия активно включилась в патриотическую помощь фронту. По сообщению Н. Козлова, за период с июня 1941 по июнь 1944 г. духовенством и верующим двух церквей и двух молитвенных домов Уфимской епархии было собрано деньгами 792 748 рублей [2, с. 11].

Помимо денежной помощи фронту и семьям военнослужащих духовенство епархии произносило множество патриотических проповедей в храмах. Сам правящий архиерей-архиепископ Стефан давал пример. На праздник Пасхи 16 апреля 1944 г. он произнес проповедь «Гитлер – враг христианства и всего человечества». В итоге деятельность духовенства епархии получила окончательную легализацию, заметно выходившую за рамки декрета СНК РСФСР от 1929 г.

В январе 1945 г. делегаты от Уфимской епархии в лице архиепископа Стефана и протоиерея Д. Логачевского приняли участие в Поместном соборе РПЦ, избравшем патриархом Алексия I [2, с. 12]. Вскоре после Поместного собора архиепископ Стефан был переведен в Харьков. Новым уфимским архиереем был назначен архиепископ Иоанн Братолюбов, ранее епископ Кургана, долгое время находившийся в лагерях (1931–1943). Именно при нем в епархии было открыто максимальное количество храмов за весь период до 1988 г. (в 1945 – 13, в 1946 – 9, в 1947 – 6). На начало 1945 г. все православное духовенство Уфимской епархии состояло из 23 священников и двух диаконов. Из них 18 человек было старше 60 лет [2, с. 18].

В 1945 г. был создан епархиальный совет в составе двух уфимских протоиереев – Д. Логачевского и А. Яковлева. Территория епархии была поделена на два благочиния: в Уфе (благочинный Д. Логачевский) и Стерлитамаке (А.И. Покровский). Благочиния делились на приходы во главе с настоятелями храмов, назначаемыми епархиальным архиереем. Штатного зарегистрированного духовенства катастрофически не хватало, и архиепископ Иоанн в 1945 г. учредил вакансии «разъездных священников» (просуществовали до 1950 г.). Так, при Сергиевской церкви Уфы было два разъездных священника, которые обслуживали нелегальные приходы в Черниковке, Уфимском и Иглинском районах. Аналогичные вакансии были при церквях Бирска, Стерлитамака, Белорецка [2, с. 20–21].

Финансовое положение епархии, в целом, и приходских церквей, в частности, было крайне тяжелым и нестабильным. Церковные финансы прихода складывались: «из добровольных взносов верующих при тарелочном сборе за богослужения, таких же взносов на просфоры, свечи, из пожертвований на нужды храма». Контроль над ними осуществлялся со стороны государства.

Источники и литература

1. Сергеев В.Т., прот. Судьбы святынь и подвижников Уфимской епархии в период 1940–1950-х гг. // XX ЕБК ПСТГУ. – Т. 1. – М., 2010. – С. 347–352.

2. Сергеев Ю.Н., Абдулов Н.Т. Уфимская епархия 1943–1964 гг. – Уфа, 2000.

Yu.N. Sergeev

UFA DIOCESE IN THE YEARS THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article analyzes the transition of the Orthodox clergy of the Ufa diocese to military rails. The picture of church charity for the needs of the front is given, the process of gradual restoration of churches and chapels on the confessional soil of the Ufa diocese is considered.

Keywords: bishop, Bishop, Ufa, church, Silantevo, dean, abbot, commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙНЫХ
И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ
ПО ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЮ ЭВАКУИРОВАННОГО
НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ 1941–1945 гг. ПО ДОКУМЕНТАМ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ**

Аннотация. В статье показана деятельность партийно-государственных органов власти Марийской АССР в проведении сложных процессов по обеспечению эвакуированного населения жильем, одеждой, продуктами питания, трудуоустройству и возвращению их на прежние места жительства в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по документам Государственного архива Республики Марий Эл.

Ключевые слова: архивный фонд, Великая Отечественная война, Государственный архив Республики Марий Эл, Марийская АССР, население, эвакуация, реэвакуация.

Тема изучения роли тыла в Победе над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. не потеряла актуальности и сегодня.

Несмотря на огромное количество научно-исследовательских работ, посвященных минувшей войне, остается много так называемых белых пятен. В настоящее время данная тема исследования требует более детального и подробного изучения, так как исследования советского периода находились под влиянием идеологических догм.

Историю эвакуации гражданского населения нельзя назвать темой, обойденной вниманием профессиональных историков и архивистов Республики Марий Эл [22, 25, 26, 29]. В научных трудах ученых-историков заявленная тема исследования освещена частично. В свою очередь архивистами издан сборник документов и материалов «Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», где опубликован незначительный документальный материал об оказании помощи трудящимся Марийской республики в проведении эвакуации гражданского населения [28]. Однако источниковая база Государственного архива Республики Марий Эл

(ГА РМЭ) позволяет воссоздать малоизученные события и факты, связанные с руководящей ролью партийных и государственных органов власти в проведении сложных процессов по обеспечению эвакуированного населения жильем, одеждой, продуктами питания, трудуустройству и возвращению их на прежние места жительства.

С началом войны Центральный комитет партии и советское правительство определили порядок и организацию эвакуации гражданского населения из прифронтовой полосы на восток – в глубокий тыл страны. Для этого создавались специальные органы по эвакуации. 24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей» при СНК СССР был создан Совет по эвакуации [21]. В пределах края, области и автономных республик также создавались соответствующие органы. 18 июля 1941 г. Совнарком Марийской АССР подписал постановление о создании Переселенческого отдела, «необходимого для учета прибывшего населения» [10]. Позднее он был переименован в Отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения при СНК Марийской АССР. За практическое осуществление эвакуации населения отвечали Марийский обком ВКП(б) и СНК Марийской АССР. СНК Марийской АССР регулярно представлял в Переселенческое управление при СНК СССР статические сведения о количестве эвакуированного населения, прибывшего из республик, краев и областей СССР. В свою очередь Марийский обком ВКП(б) направлял в чрезвычайный орган государственной власти – ГКО СССР, а также в ЦК ВКП(б) и Совет по эвакуации при СНК СССР информационные письма и докладные записки о приеме и размещении эвакуированного населения на территории Марийской республики. Так, на 30 июля 1941 г. в республику было эвакуировано около 17 000 человек.

В течение первых недель войны по перемещению людских контингентов были активно включены все виды советского транспорта, но главная тяжесть ложилась на железные дороги. Совет по эвакуации поддерживал постоянную оперативную связь через представителей Наркомата путей сообщения СССР с руководством партийных и государственных органов власти тыловых регионов посредством

телефонограмм, в которых давались указания об обеспечении прибывающих «питанием, медсанпомощью в пунктах выгрузки» [7].

В связи с необходимостью принятия эвакуированного гражданского населения при Совнаркоме Марийской АССР был организован эвакуационный пункт (эвакопункт), располагавшийся на железнодорожной станции г. Йошкар-Олы, его штат состоял из 16 человек. В работе Йошкар-Олинского эвакопункта было занято 600 человек, из которых 356 человек занимались только встречей эшелонов от 40 до 75 вагонов с эвакуированным населением [3; 8, л. 26 об.]. Эвакуация населения в Марийскую АССР происходила организованным и стихийным порядком в две волны. Первая волна наблюдалась с лета по осень 1941 г., вторая волна пришла на лето-осень 1942 г.

В г. Йошкар-Оле дополнительные пункты приема были открыты в зданиях пяти общеобразовательных школ, сельхозтехникума, педагогического и лесотехнического институтов. Прибывшее эвакуированное население проходило установленную регистрацию, сдавало вещи и имущество в камеры хранения, затем отправлялось на медосмотр и санобработку. При банях были организованы медицинские пункты и дезкамеры. На железнодорожной станции круглосуточно работали торговые ларьки-лотки, буфеты и киоски по продаже хлеба и других продуктов питания, также людей снабжали кипятком. Эвакуированным гражданам из прифронтовой полосы через сеть столовых и буфетов Йошкар-Олинского треста общественного питания предоставлялось бесплатное двухразовое питание из расчета 6 рублей на человека на 5–7 дней.

Отчеты Йошкар-Олинского эвакопункта, сохранившиеся в фонде Р-542 – Совет Министров Марийской АССР, свидетельствуют о том, что «все обслуживание эвакуированных в местах разгрузки эшелонов, перевозка, медицинский осмотр, санобработка, питание, общежитие и транспорт до мест расселения предоставлялись бесплатно: расходы оплачивались за счет местного и союзного бюджета» [8, л. 27]. 6 августа 1941 г. Совнарком Марийской АССР принял постановление «об ассигновании из республиканского бюджета за счет средств легкой промышленности 50 тыс. рублей на расходы, связанные с прибытием эвакуированного населения» [11]. На декабрь 1941 г. из союзного бюджета через Совнарком Марийской АССР было выделено 100 тыс. рублей [8, л. 27об.].

Особое внимание партийно-государственные органы уделяли проведению организованной эвакуации в сельскую местность. Марийский обком партии и Совнарком Марийской АССР направляли в райкомы и исполкомы райсоветов директивные письма о проведении мобилизации и отправке гужевого транспорта для встречи эвакуированного населения на станциях Йошкар-Ола, Помары, Шелангер Горьковской железной дороги, а также к пристаням, располагавшимся в г. Козьмодемьянске и р.п. Юрино Верхне-Волжского речного пароходства. Перевозки населения были взяты под строгий контроль представителей НКВД, райкомов партии или райисполкома, которые сопровождали колхозников с гужевыми подводами.

Прием и размещение эвакуированных граждан в районах республики отражают отчеты и переписка секретарей райкомов партии с первым секретарем Марийского обкома ВКП(б) В.М. Кушнаревым, отложившиеся в фонде П-1 – Марийский республиканский комитет КП РСФСР. В свою очередь секретарь Марийского обкома ВКП(б) В.М. Кушнарев информировал секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова о том, что «приехавшие из фронтовой полосы в большинстве раздеть или одеты очень легко. Нужно отметить, что и эвакуированные из Москвы также приезжают в легкой одежде (многие заявляют, что им при отъезде сказали: «Через месяц вернетесь в Москву»). Такое легкомысленное отношение со стороны отправляющих эвакуируемых, да и самих эвакуируемых может привести к ненужным жертвам, так как зиму, видимо, всем эвакуируемым придется жить здесь, а морозы в МАССР доходят до минус 50° (так в документе. – А.С.). Я прошу Вас, товарищ Маленков, дать Наркомторгу указание о выделении фонда одежды и материалов для обмундирования особо нуждающихся переселенцев, особенно многосемейных и беременных женщин, которые сейчас заработать себе на одежду не смогут» [1].

В фондах исполкомов городских и районных Советов депутатов трудящихся Марийской АССР имеются акты обследования жилищных условий; сохранились заявления эвакуированных граждан об обеспечении теплой одеждой, обувью, дровами; ведомости на выдачу денежных единовременных пособий; списки на получение промышленных товаров.

В центре внимания республиканских органов власти постоянно находились вопросы расселения прибывавшего населения. По месту прибытия предоставлялись все пригодные для проживания помещения. Местному населению приходилось делиться своей жилплощадью, многих эвакуированных подселяли к семьям. Однако при массовом уплотнении населения, проживавшего как в коммунальных и ведомственных, так и в частных домах, жилья не хватало, в особенности в г. Йошкар-Оле. К примеру, средняя норма жилплощади для квалифицированных специалистов, рабочих и служащих Государственного оптического института Наркомата вооружения СССР (ГОИ) составляла около 3 кв. м на одного человека, а во многих случаях и того меньше. Нередко в комнату общей площадью в 30–35 квадратных метров заселялось по 15–17 человек [2]. 9 августа 1941 г. на суженном заседании СНК Марийской АССР было принято постановление «Об уплотнении жителей г. Йошкар-Олы для размещения эвакуированного населения», которое предупреждало о том, что за «отказ в предоставлении жилой площади вселяемым эвакуированным семьям или оскорбление эвакуируемых семей, как в момент вселения, так и после, виновники будут привлекаться к ответственности вплоть до отдачи под суд» [6].

15 октября 1941 г. вышло постановление СНК Марийской АССР «О строительстве общежитий для эвакуированного населения», согласно которому Йошкар-Олинскому горисполку на жилищное строительство была выделена долгосрочная ссуда в сумме 800 тыс. рублей для строительства домов упрощенного типа с общей площадью не менее 3000 кв. метров. Причем строительные работы необходимо было завершить в следующие сроки: «1 декабря 1941 г. не менее 50 % и все строительство не позднее 1 января 1942 г.» [12]. Для выполнения строительных работ в порядке трудовой повинности были привлечены 400 плотников из восьми районов республики.

Стоит учитывать, что Марийский обком ВКП(б) регулярно направлял отчеты и докладные записки в ЦК ВКП(б) о трудоустройстве эвакуированного населения. Зачастую в указанных документах представлялись подробные статданные о трудоустройстве по предприятиям, учреждениям и организациям. Так, в докладной записке заместителя заведующего отделом кадров Марийского

обкома ВКП(б) Е.И. Кузнецовой в управление кадров ЦК ВКП(б) от 30 апреля 1943 г. сообщалось: «Из общего числа 28 376 чел. эвакуированного населения трудоспособных – 11 893 чел., из них трудоустроено 10 039 чел. в следующих местах: в промышленных предприятиях – 3277 чел., в колхозах – 4311 чел., в промартилях – 318 чел., в совхозах – 53 чел., в МТС – 30 чел., на ж.д. транспорте – 17 чел., в прочих учреждениях – 2033 чел... На 1 апреля 1943 года не трудоустроено эвакуированного населения 1 854 чел., из которых живут в городах 905 чел., в сельской местности в райцентрах – 406 чел., в колхозах – 543 чел. Вместе с ними живут 4632 чел. иждивенцев (нетрудоспособных), в том числе 1632 чел. в колхозах. Одна часть нетрудоспособного эвакуированного населения живет за счет аттестатов военнослужащих, другая часть – за счет работы других членов семьи и родственников. Небольшая часть нетрудоспособного эвакуированного населения могла бы работать, но не работает по семейным обстоятельствам. Для устройства их на работу принимаются необходимые меры» [4].

В Марийскую АССР прибывали жители Бобруйска, Житомира, Киева, Минска, Москвы, Ленинграда, Мурманска, Севастополя, Симферополя, Одессы, Сталинграда, Харькова, Литвы, Эстонии. На 1 января 1942 г. в республике находилось 38 180 чел., в том числе из прифронтовой полосы 22 197 чел. [8, л. 27 об.]. В фондах Р-852 – Отдел хозяйственного устройства эвакуированного населения исполнительного комитета Йошкар-Олинского городского Совета депутатов трудящихся Марийской АССР, Р-1106 – Отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения при Совете Народных Комиссаров Марийской АССР хранятся поименные списки эвакуированных граждан, проживавших в г. Йошкар-Оле и районах республики. В данных списках содержится персональная информация о дате и месте рождения, национальности, социальном происхождении, образовании, семейном положении, месте работы и занимаемой должности, местожительстве до и в период нахождения в эвакуации. К примеру, в списках эвакуированных граждан из г. Ленинграда, проживавших в г. Йошкар-Оле Марийской АССР, за август 1941 г. значится Гнесин Михаил Фабианович с указанием следующих сведений: год рождения – 1883 г.р.; место рождения – г. Ростов; национальность – еврей; специальность (профессия) –

профессор, композитор; место работы до эвакуации – государственная консерватория г. Ленинграда, выполняемая работа – композитор [20].

В начале августа 1941 г. из г. Ленинграда в столицу Марийской АССР прибыли 566 сотрудников ГОИ, в числе которых значились 160 научных работников, 113 инженеров и техников, 182 рабочих, 49 служащих и 62 работника из числа младшего обслуживающего персонала. Среди научных сотрудников были четыре академика, два члена-корреспондента Академии наук СССР, 20 докторов технических наук и 31 кандидат технических наук [2]. За годы эвакуации ГОИ в Йошкар-Оле было изобретено более 70 видов оптических приборов. Институт осуществлял научное и техническое руководство работой заводов оптической промышленности, обслуживал запросы обороны, в том числе руководил производственной деятельностью одного из эвакуированных в г. Йошкар-Олу предприятий оптической промышленности – завода № 297 Наркомата вооружения СССР (ныне это ведущее предприятие Республики Марий Эл – Марийский машиностроительный завод). В ГОИ работали лаборатория прикладной физической оптики под руководством члена-корреспондента Академии наук СССР А.А. Лебедева, лаборатория спектрального анализа во главе с доктором физико-математических наук, профессором В.К. Прокофьевым, лаборатория оптотехническая (академик В.П. Линник), лаборатория люминесцентного анализа (академик С.И. Вавилов), лаборатория фотохимии (академик А.И. Теренин), лаборатория светотехническая (доктор технических наук, профессор А.А. Гершун), лаборатория фотометрическая (доктор технических наук, профессор М.М. Гуревич), лаборатория дифракционных лучей (доктор физико-математических наук М.А. Вейнгеров), лаборатория физико-химических равновесий (академик И.В. Гребенщикова), лаборатория цветного стекла (доктор технических наук В.В. Варгин), лаборатория астрономической оптики (доктор технических наук, профессор Д.Д. Максутов), лаборатория научной фотографии (доктор технических наук, профессор Г.П. Фаерман), лаборатория холодной обработки стекла (кандидат технических наук Б.И. Москвин), лаборатория физических свойств стекла (кандидат технических наук А.И. Стажаров). Лучшие труды ученых ГОИ были отмечены государственными наградами (Сталинской премией). Находясь в эвакуации, сотрудники ГОИ были

поставлены на временный партийный учет в Марийском обкоме ВКП(б). В фонде П-1 – Марийский республиканский комитет КП РСФСР хранятся документы личного состава ГОИ. Особый интерес представляет личное дело на заместителя директора по научной части С.И. Вавилова (не состоявшего в членах ВКП(б), начато 14 октября 1942 г. и окончено 13 января 1943 г. В материалах личного дела имеются: личный листок по учету кадров (с указанием информации о дате и месте рождения, образовании, службе в армии, пребывании за границей, трудовой деятельности, награждениях и поощрениях, составе семьи), автобиография, список печатных научных работ, характеристики.

В условиях войны неоценимую помощь партийно-государственные органы власти оказывали самой беззащитной группе населения – детям детских домов г. Москвы, г. Мурманска, г. Выборга Ленинградской области, г. Кролевца Сумской области Украинской ССР. В докладной записке секретаря Марийского обкома ВЛКСМ П.В. Щербакова о состоянии детских домов Марийской АССР по состоянию на 1 января 1942 г. зафиксировано о том, что «до начала войны в Марийской АССР функционировало шесть детских домов. По эвакуации в республику прибыло еще 20 детских домов. В настоящее время в Марийской АССР работает 26 детских домов в количестве детей 2 066 человек» [5]. В свою очередь руководство республики проводило широкомасштабную работу среди местного населения по сбору теплых вещей для детских домов. Кроме того, с апреля 1944 г. Совнарком Марийской АССР и Марийский обком ВКП(б) обязывали председателей исполкомов райсоветов депутатов трудящихся и первых секретарей райкомов ВКП(б) провести организацию детских кухонь для разового питания, из расчета на одного человека 120 г муки, 20 г крупы, 300 г картофеля, 10 г жиров, для воспитанников детских домов и детей эвакуированных граждан [9].

С освобождением оккупированных территорий страны мирное население стало возвращаться в родные села и города. С августа 1944 г. началась массовая реэвакуация населения из Марийской АССР на прежние места проживания. Она происходила планомерно, в соответствии с постановлениями и распоряжениями ГКО СССР и СНК СССР, а также местных органов власти. В период с августа

1944 г. по июль 1946 г. был принят ряд постановлений СНК Марийской АССР о реэвакуации гражданского населения в Калининскую, Ленинградскую, Новгородскую, Псковскую области, Эстонскую ССР, согласно которым исполкомы городских и районных советов депутатов трудящихся обеспечивали проведение в пунктах отправления санитарно-профилактических мероприятий (медицинский осмотр, санобработка с выдачей от 100 до 200 г хозяйственного мыла); организовывали двухразовое общественное горячее питание через буфеты и столовые; проводили отправку с мест проживания и посадку в вагоны на станциях Йошкар-Ола и Помары Горьковской железной дороги; контролировали своевременный полный расчет с реэвакуированными гражданами «за выполненные ими работы в государственных, кооперативных организациях, а также в колхозах» [13, л. 202, 206–210, 209–210; 14, 15; 16; 17; 18].

Под особым вниманием местных властей находились те граждане, которые оставались в местах эвакуации на постоянное место жительства. В свою очередь исполкомы городских и районных советов депутатов трудящихся обеспечивали таких эвакуированных граждан постоянной работой по специальности и жилплощадью, а за теми, кто проживал в сельской местности, предлагалось «закрепить жилые дома, наделить усадьбами, скотом индивидуального пользования» [19].

Подводя итоги, необходимо отметить, что партийно-государственные органы власти Марийской АССР, несмотря на трудности военного времени, смогли не только принять и разместить, а также решить социально-бытовые проблемы огромного количества прибывшего населения. Для многих эвакуированных марийская земля стала второй родиной, деятельность их внесла весомый вклад в достижения региона в послевоенный период.

Источники и литература

1. Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. П-1. Оп. 5. Д. 29. Л. 1.
2. ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 43. Л. 8.
3. ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 128. Л. 48.
4. ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 409. Л. 89.

5. ГА РМЭ. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 385. Л. 3–4.
6. ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 3. Д. 69. Л. 209.
7. ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 3а. Д. 100. Л. 55–55 об.
8. ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 3а. Д. 179.
9. ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 3а. Д. 256. Л. 1.
10. ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 4. Д. 47. Л. 134.
11. ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 4. Д. 48. Л. 167.
12. ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 4. Д. 53. Л. 224.
13. ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 4. Д. 221.
14. ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 4. Д. 228. Л. 39–40.
15. ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 4. Д. 291. Л. 181–182.
16. ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 4. Д. 296. Л. 10–11.
17. ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 4. Д. 302. Л. 48–49.
18. ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 4. Д. 394. Л. 41–43.
19. ГА РМЭ. Ф. Р-852. Оп. 1. Д. 1. Л. 111.
20. ГА РМЭ. Ф. Р-1106. Оп. 1. Д. 2. Л. 223.
21. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 106 сч. Д. 20. Л. 190.
22. *Васенин Д.В.* Промышленность и рабочие Марийской АССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Йошкар-Ола, 2014.
23. *Голиченко Т.И.* Нашедшие кров и тепло (эвакуация в Марийскую АССР во время Великой Отечественной войны) // Марийский архивный ежегодник. – 2019. – С. 142–150.
24. *Кошкина О.А.* Марийская АССР в начале Великой Отечественной войны (по документам Марийского обкома ВКП(б)) // Регионы России в военной истории страны: сб. материалов Межрегион. науч.-практ. конфер., г. Йошкар-Ола, 20–21 ноября 2019 г. – Йошкар-Ола, 2020. – С. 18–25.
25. *Кошкина О.А.* Марийская АССР в начале Великой Отечественной войны (по документам Совнаркома Марийской АССР и Марийского обкома ВКП(б)) // Марийский археографический вестник. – 2016. – № 26. – С. 166–171.
26. *Кошкина О.А.* Эвакуационные процессы в Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны (по фондам Государственного архива Республики Марий Эл) // Роль архивов в информационном пространстве современного общества: материалы Межрегион. науч.-практ. конфер., г. Йошкар-Ола, 21 сентября 2017 г. – Йошкар-Ола, 2017. – С. 6–12.
27. *Кропотова М.Н.* Роль Советов Марийской АССР в организации материально-бытового обслуживания эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки МГПИ им. Н.К. Крупской. – Йошкар-Ола, 1971. – Т. 34. – С. 18–34.

28. Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. док-тов. – Йошкар-Ола, 2005.
29. Рокина Г.В. Йошкар-Ола в военной шинели // Марийский архивный ежегодник. – 2021. – С. 93–110.
30. Эвакуация как составная часть перестройки экономики в военное время // Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны. – М., 2013. – С. 118–127.

A.N. Sergeeva

**ACTIVITIES OF PARTY AND STATE BODIES FOR THE LIFE
SUPPORT OF THE EVACUATED POPULATION DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941-1945 ACCORDING TO
THE DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVE
OF THE REPUBLIC OF MARI EL**

Abstract. The article shows the activities of the party-state authorities of the Mari ASSR in carrying out complex processes to provide the evacuated population with housing, clothing, food, employment and their return to their former places of residence during the Great Patriotic War of 1941–1945 according to the documents of the State Archive of the Republic of Mari El.

Keywords: archive fund, The Great Patriotic War, The State Archive of the Republic of Mari El, Mari ASSR, population, evacuation, re-evacuation.

УДК 340

И.В. Упоров

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ
СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ (1941–1943 гг.):
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Аннотация. Рассматриваются особенности реализации уголовно-правовой политики советского государства по противодействию преступности среди несовершеннолетних в военный период. Акцент делается на периоде 1941–1943 гг., когда в данной сфере были сформированы организационно-правовые основы, которые позволяли не только привлекать к уголовной ответственности несовершеннолетних, но и предупреждать совершение ими общественно опасных деяний. Отмечается, что был сформирован подход, предполагавший приоритет репрессивных мер.

Ключевые слова: война, преступность, несовершеннолетние, хищения, указ, колония, уголовная ответственность, предупреждение.

После начала Великой Отечественной войны основные усилия советского государства были направлены, разумеется, на оборону от наступающих немецко-фашистских войск. Однако в тылу, несмотря на всю сложность создавшегося положения, продолжалась повседневная жизнь со многими проблемами, которые имели место и до начала военных действий. Это касалось и такого социально-опасного явления, как преступность, в том числе преступность среди несовершеннолетних, на чем в данной статье делается акцент. В этой связи нужно заметить, что среди несовершеннолетних наиболее распространенными по-прежнему были хищения чужого имущества, как правило, в абсолютном большинстве случаев в форме кражи, совершаемые чаще всего из голодной нужды. Это было наиболее характерно на освобождаемых территориях, где после изгнания фашистов некоторое время население испытывало немалые материальные затруднения.

Нужно также иметь в виду, что в годы войны в правоохранительной сфере в своей основе действовали принятые ранее как союзные, так и республиканские законы и другие нормативно-правовые акты, в том числе такие базовые, как Основные начала уголовного законодательства СССР 1924 г., УК РСФСР 1926 г., УПК РСФСР 1923 г. и др. Помимо этого, принимались и специальные законы, а если иметь в виду те же хищения, то следует назвать печально известный «закон о пяти колосках» от 7 августа 1932 г. (Постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» [6]), который действовал и в военное время. Например, в середине 1943 г. в одном из колхозов Краснодарского края пять колхозниц вынесли с зернового тока более 15 кг зерна, при этом им помогали их несовершеннолетние дети. Это было квалифицировано как преступление [11, л. 235]. В отчете Управления Наркомюста по Краснодарскому краю за сентябрь 1943 г. по этому поводу указывалось: «сущность большинства этих дел составляет хищение зерна колхозниками... Осужденными являются жены военнослужащих, обремененные малолетними детьми, подростки

несовершеннолетнего возраста, родители которых находятся в рядах РККА, или престарелые, дети которых так же находятся в армии» [2, л. 28].

Следует отметить, что в подобных делах суды, понимая причины такого рода преступлений, в большинстве случаев не выносили строгих приговоров. Это относилось и к оценке осознания несовершеннолетними своего неправомерного поведения, имея в виду, что они не всегда понимают общественной опасности своих действий. Однако УК РСФСР четко определял, что по тяжким преступлениям привлекаются лица, достигшие 14 лет (такая возрастная граница имеет место и в настоящее время). И лишь в некоторых случаях государство считало возможным делать исключения. Так, в 1942 г. были определены условия применения уголовных наказаний применительно к несовершеннолетним от 14 до 16 лет при совершении последними деяния в виде уклонения от мобилизации на сельхозработы и за самовольный уход с таковых. В Указе Президиума ВС СССР, которым среди прочего устанавливалась соответствующая уголовная ответственность (от 15 апреля 1942 г.), определялось, что данный закон не применяется к несовершеннолетним-учащимся. Вместе с тем Указ не сообщал сведений о том, подлежат ли ответственности несовершеннолетние, которые не были учащимися. И тогда пришлось делать разъяснение по запросу НКЮ: Пленум Верховного Суда СССР 8 октября 1942 г. издал постановление, согласно которому «подростки в возрасте от 14 до 16 лет (с такого возраста подростки могли быть мобилизованы на сельхозработы. – И.У.), независимо от того, являются они или не являются учащимися, не подлежат уголовной ответственности за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы и за самовольный уход мобилизованных с этих работ» [4]. Такое решение объяснялось довольно просто – почти все несовершеннолетние от 14 до 16 лет должны быть учащимися, соответственно, нецелесообразно обосновывать категорию неучащихся. Удивительно, почему этот аргумент не был сразу использован при разработке отмеченного Указа.

Вместе с тем в текущей законодательной деятельности подобных послаблений для несовершеннолетних не обнаруживается. Рассмотрим следующий пример. 7 июля 1941 г., то есть вскоре после начала Великой Отечественной войны, был издан Указ

ПВС СССР, где определялись особенности применения ранее принятого закона (1935) «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». Законодатель в начале данного акта констатировал, что, исходя из принятых актов и судебных разъяснений, «несовершеннолетние подлежат уголовной ответственности лишь в тех случаях, когда они совершили преступление умышленно» [9]. И далее определялось, что такой подход не соответствует тексту и точному смысла закона и входит в противоречие с Основными началами уголовного законодательства СССР, где указывалось, что к уголовной ответственности привлекаются лица, совершившие общественно опасные деяния, в двух формах вины – как умышленно, так и по неосторожности. Соответственно, советский законодатель предписывал судам привлекать несовершеннолетних преступников по обеим отмеченным формам вины, а не только тех, кто совершил преступление умышленно.

Обращают на себя внимание в этой связи два обстоятельства. Во-первых, в данном случае законодательный орган де-факто давал разъяснение судебного характера, что, исходя из современных представлений, противоречило принципу разделения властей. Однако в СССР данный принцип конституционно не провозглашался – согласно Конституции СССР 1936 г. высшим органом власти в СССР являлся Верховный Совет СССР, и формально такой акт был легитимен. Во-вторых, он был издан спустя всего две недели после нападения фашистов, и сравнительно немасштабный, несрочный вопрос о форме вины несовершеннолетних преступников (и тем более, что речь шла не о смягчении уголовной ответственности, а, напротив, об усилении ее!), который регулировался в данном законе, на наш взгляд, не соответствовал масштабу глобального события в виде начала Великой Отечественной войны. Такой подход, на наш взгляд, отражал суть административно-командной системы управления в СССР, когда запущенный репрессивный механизм по данному конкретному вопросу не смогло остановить даже начало войны. Это в определенной степени подтверждается и тем, что законодатель совершенно не озабочился тем, что согласно отмеченному выше закону 1935 г. несовершеннолетние могли быть привлечены к уголовной ответственности с 12 лет (!). К этому можно добавить, если вернуться

к неосторожной форме вины, что в таком возрасте не то что дети, но и многие взрослые могут с трудом осознавать преступную небрежность (самонадеянность).

В этом же ряду и принятый незадолго до начала войны (31 мая 1941 г.) закон [10], согласно которому в отношении несовершеннолетних преступников уголовная ответственность устанавливалась по всем предусмотренным УК РСФСР статьям начиная с 14 лет, с оставлением, как исключение, возраста 12 лет, по достижении которого несовершеннолетние могли быть уголовно наказуемы по ряду особо тяжких деяний (действие, повлекшее крушение поезда, и др.), что также свидетельствовало о приоритете карательных мер в сфере противодействия преступлениям среди несовершеннолетних, если иметь в виду законодательную деятельность [8, с. 283] (до этого к несовершеннолетним в возрасте до 16 лет, совершившим общественно опасное деяние, могли применяться не уголовно-правовые меры, то есть уголовное наказание, а медико-педагогические меры – по решению комиссии по делам несовершеннолетних).

По поводу высшей меры наказания (расстрела) применительно к несовершеннолетним характерным было суждение ответственного работника Прокуратуры СССР Г.Н. Сафонова, высказанное 22 декабря 1941 г. в его письме к А.Я. Вышинскому (тогда заместителю председателя СНК СССР): «Ознакомившись по вашему поручению с проектом Указа Президиума Верховного Совета СССР о применении высшей меры наказания к несовершеннолетним, виновным в измене Родине, шпионаже, диверсии и террористических актах, со своей стороны полагаю, что с этим проектом надо в основном согласиться. Считаю, однако, необходимым оговорить, что высшая мера наказания может применяться в отношении лиц, достигших 16-летнего возраста» [1, л. 22].

Такого рода меры не позволяют согласиться с тем, что советская власть в то время не усиливала уголовную ответственность несовершеннолетних преступников [7, с. 65]. К отмеченным выше законам, отвергающим этот постулат, можно добавить иные решения советского законодателя, которые хотя и не касались только несовершеннолетних, но определенным образом, так же как и для взрослых, усиливали уголовно-правовые репрессии: Указ ПВС «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промыш-

ленности за самовольный уход с предприятий» (26 декабря 1941 г.); Указ ПВС СССР «Об ответственности за хищения горючего в МТС и совхозах» (23 июня 1942 г.); Указ ПВС СССР «О введении военного положения на всех железных дорогах» (15 апреля 1943 г.) и др. Другое дело, что законодательная активность в принятии такого рода репрессивных актов в военные годы действительно была меньшее и с этим следует согласиться.

Однако принимаемые меры в сфере противодействия преступности несовершеннолетних, вероятно, не давали должного эффекта, что стало причиной издания правительственного акта, направленного на ее предупреждение, – «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» (15 июня 1943 г.). Наиболее важной представляется п. 1 этого акта, где указывается: «Разрешить НКВД СССР в дополнение к трудовым колониям, существующим для содержания детей и подростков, осужденных судами, организовать в 1943 г. трудовые воспитательные колонии для содержания в них беспризорных и безнадзорных детей, а также детей и подростков, неоднократно замеченных в мелком хулиганстве и других незначительных преступлениях, доведя в 1943 г. общее число мест во всех колониях НКВД СССР для несовершеннолетних до 50 000» [5, л. 214–216]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что речь идет о создании именно «трудовых воспитательных колониях» (далее – ТВК) – в дополнение к уже имевшимся «трудовым колониям». В ТВК следовало направлять подростков в возрасте от 11 до 16 лет следующих категорий: а) беспризорных, то есть не имевших родителей или долгое время живущих без их опеки и не имеющих определенного места проживания; б) задержанных за такие «незначительные преступления, как хулиганство, мелкие кражи и др., когда возбуждение уголовного дела нецелесообразно»; в) воспитанников детских домов, проживающих в таких домах и «дезорганизующих» их деятельность.

Как видно, направление в ТВК представляло собой меру административно-воспитательного характера. И подобного рода ТВК можно, вероятно, считать прообразами создаваемых в СССР в более позднее время специальных учреждений – профтехучилищ и спецшкол для содержания трудных подростков, которые адекватно не воспринимали образ жизни в обычных условиях и требовали в связи

с этим временной принудительной изоляции от общества. Указанным выше правительственным постановлением даны детальные указания ряду ведомств (НКВД СССР, НКЮ СССР, Наркомпросу СССР, Наркомздраву СССР, Наркомфину СССР и др.) о том, каким образом следует организовать деятельность ТВК. Спустя несколько дней была издана Инструкция «О порядке направления и сроках содержания несовершеннолетних в трудовых воспитательных колониях НКВД СССР» [3, л. 2–3 об.] (21 июня 1943 г.), согласно которой администрация приемника-распределителя, а именно туда сначала попадали беспризорные несовершеннолетние лица, обязана была прежде всего установить возможность (целесообразность) направления их к родителям или опекунам (если таковые имелись), в детский дом, ремесленное училище, школу ФЗО или на трудоустройство. При отсутствии такой возможности администрация приемника-распределителя составляла заключение о направлении подростка в ТВК, и после утверждения этого заключения начальником Управления НКВД области (края) или наркома внутренних дел автономной республики, в чьем ведении находился приемник-распределитель, подросток попадал в ТВК. Данную меру мы полагаем оценивать как позитивную.

В целом, таким образом, в военные годы (1941–1943) в СССР были сформированы организационно-правовые основы, которые функционировали до окончания войны и позволяли не только привлекать к уголовной ответственности несовершеннолетних, но и предупреждать совершение ими общественно опасных деяний. При этом уголовно-правовые меры в отношении несовершеннолетних, даже с учетом военного времени, представляются излишне жесткими.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8131. Оп. 37. Д. 539.
2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1430. Оп. 1. Д. 166.
3. Инструкция НКВД СССР, Наркомюста СССР и Прокуратуры СССР от 21.06.1943 г. «О порядке направления и сроках содержания несовершеннолетних в трудовых воспитательных колониях НКВД СССР» // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 210. Т. 1.

4. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 08.10.1942 г. «О недопустимости привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних от 14 до 16 лет за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы и за самовольный уход мобилизованных с этих работ» // Законодательные и административно-правовые акты военного времени (с 22 марта 1942 г. по 1 мая 1943 г.). – М., 1943. – С. 201.
5. Постановление СНК СССР от 15.06.1943 г. «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» // ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 215.
6. Постановление ЦИК и СНК СССР от 07.08.1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» // СЗ СССР. – 1932. – № 62.
7. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. – СПб., 1999.
8. Сырых В.М. История государства и права России. Советский и современный периоды. – М., 2000.
9. Указ ПВС СССР от 07.07.1941 г. «О применении судами постановления ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних»» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). – М., 1953. – С. 416.
10. Указ ПВС СССР от 31.05.1941 г. «Об уголовной ответственности несовершеннолетних» // Ведомости ВС СССР. – 1941. – № 25.
11. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 162. Оп. 1. Д. 235.

I.V. Uporov

COUNTERACTION OF CRIME AMONG MINORS IN WAR TIME (1941–1943): ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECT

Abstract. The features of the implementation of the criminal law policy of the Soviet state on combating juvenile delinquency during the war period are considered. The emphasis is on the period of 1941–1943, when organizational and legal foundations were formed in this area, which made it possible not only to prosecute minors, but also to prevent them from committing socially dangerous acts. It is noted that an approach was formed that assumed the priority of repressive measures.

Keywords: war, crime, minors, embezzlement, decree, colony, criminal liability, warning.

ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ В КУЛЬТУРЕ, ИСКУССТВЕ, ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

УДК 82-84

А.Г. Бахтин

СОЛДАТЫ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ, ПОГОВОРКАХ И ЗАГАДКАХ XVII–XIX вв.

Аннотация. Военная служба всегда занимала особо важное место в жизни России. Стране часто и по долгу приходилось воевать с соседями. Российское общество в значительной степени оказалось милитаризировано. Отсюда и уважительное отношение к солдатам русской армии. Старинные русские пословицы, поговорки и загадки, собранные В.И. Далем и П.К. Симони, позволяют представить, как в обществе относились к солдатам. Фольклор отмечает тяжелую и долгую службу, необходимые для этого качества – смелость, отвагу, находчивость и умение, но и распространившуюся в войсках палочную дисциплину. Осуждается хвастовство, указывается на необходимость изучения военного дела. В то же время много пословиц, поговорок и загадок о буйном поведении солдат. Они не прочь выпить вина, подрасться, часто крадут, особенно находясь на постое. Но как начальство, так и население относятся к этому снисходительно, воспринимая такие проявления как неизбежные издержки. В фольклоре в целом положительное и уважительное отношение к русскому солдату. Он выполняет важнейшую государственную функцию, и когда потребуется, солдат встанет на защиту Родины.

Ключевые слова: рекрутчина, солдаты, военное учение, гарнизон, палочная дисциплина, кантонисты, оружие, шинель, марши, постой, драки, кражи, защита Родины.

Служилые люди, военная служба, вооруженные силы всегда занимали особо достойное место в России, что нашло отражение в духовной культуре русского народа. Интересно проследить, каким сформировался образ русского солдата в народном сознании

в России XVII–XIX вв. Воспользуемся для этого двумя сборниками русских пословиц, поговорок и загадок, собранными В.И. Далем [2] и П.К. Симони [3], а также статьей Л.В. Евдокимова «Русский солдат и его служба в народных воззрениях», написанной в 1916 г. [1]. Попробуем понять отношение народа к солдатам на основании этих ценных источников. Некоторые из них возникли в среде военных, другие создали в народе.

До XVIII в. служили долго, но не постоянно, дворяне – «по отечеству», простонародье – «по прибору». На службу отправлялись по мере необходимости, часто приходилось задерживаться на многие месяцы. Бывало, не успевал воин вернуться, как приходила весть о новом походе. При Петре I создана регулярная армия, введена рекрутская система комплектования рядового состава с пожизненной службой. В рекруты отбирались по жребию, отсюда поговорка: «Жребий – дурак: и отца в солдаты отдает», т.е. в солдаты мог попасть как отец, так и уже годный по возрасту к службе сын.

Убывшие на службу рекруты надолго, часто навсегда, теряли связь с родными, родственников им заменяли сослуживцы, поэтому в ходу были такие поговорки: «Опричь матери родной вся родня в полку»; «Солдату отец – командир; мать и мачеха – служба»; «Солдат солдату родной брат».

Только при приемниках Петра I срок службы начал сокращаться сначала для офицеров, потом и для солдат, но и тогда вплоть до военных реформ Д.А. Милютина 1874 г. она оставалась продолжительной, домой если и возвращались, то только старыми, больными иувечными. Более всего в народной памяти закрепился 25-летний срок службы: «Двадцать пять лет – солдатский век»; «Воевал молодой, а под старость отпустили домой»; «Солдат – отрезанный ломоть (т.е. от семьи)».

После того как рекрут попадал в солдаты, его семья, если таковая имелась на момент призыва, переходила из разряда крепостных в более статусную служилую категорию. Жены становились солдатками и ждали своих мужей с длительной службы, дети нередко делались кантонистами, обучались в специальных солдатских школах и становились кадровым резервом. Военная служба открывала возможность выслуги до унтер-офицерского чина, а в некоторых случаях за совершение особых подвигов на войне даже офицерского,

открывавшего путь к дворянству. Про таких говорили: «От лямки выслужиться», т.е. с нижнего чина. Например, отец известного генерала Первой мировой войны и одного из лидеров белого движения А.И. Деникина до рекрутства был крепостным крестьянином, дослужившимся до майора. Убывшие на службу солдаты переживали разлуку с женой: «Не жалуй меня капралом, да не тронь моей жены!»; «Воин воюет, а жена дома горюет»; «Солдатка ни вдова, ни мужня жена»; «Солдат домой пишет – поминать велит».

Другие поговорки касаются солдатских детей и их нового предназначения: «Откуда берутся эти солдаты? – спросила баба. – Вестимо дело, – ответил служивый, – солдат солдата родит»; «Попа попа родит, солдат солдата»; «Солдаткиным ребятам вся деревня отец», «У солдатки сын семибатешный», т.е. односельчане проявляли сострадание к таким детям, пытались компенсировать отсутствующего отца.

В пословицах прослеживается уважительное отношение к тяжелой солдатской службе: «Солдат – казенный человек»; «Солдат близко – кланяйся ему низко»; «Хорошо, сказывают, в солдатах, да что-то мало охотников», т.е. желающих стать солдатами. Еще раньше о полурегулярной стрелецкой службе говорили: «В стрельцы ставка добра, да лиха выставка». Солдатскую службу называли «веселое горе».

В пословицах и поговорках отражаются качества, необходимые для службы. В первую очередь это смелость и отвага: «Смелого пуля боится, смелого штык не берет»; «Храбрость крепче стенки башен»; «Бояться пульки – не идти в солдаты»; «Бой отвагу любит»; «Храбр побивает и своих избавляет»; «Француз (поляк) боек, а русский стоек».

Воин должен быть сильным: «Сильну мужу – меч не в нужу». Но в то же время на первое место ставилась не сила, а смелость: «Смельство лучше богатырства».

Солдат должен быть бравым и служить примером: «Гляди весело, как солдат по уставу во фрунте»; «Умей быть солдатом, чтобы стать генералом».

Есть пословицы и поговорки, отражающие военную подготовку. Особое место отводилось строевой, которая была нужна не только для парадов, но и в условиях линейной тактики в бою: «Коленей не

подгибай, брюха не выставляй, да не относи заду»; «Не выпячивайся, не осаживайся и в сердце не мотайся»; «Тянись да прямись, а в бок не задавайся»; «Учись показом, а не рассказом».

Ценилось мастерство и сообразительность: «Умелого-смелого страх не возьмет, и враг не побьет»; «Умелый боец везде молодец»; «Умелый воин только свиснет, а догадливый уже смыслит»; «Чтобы на войне везло, надо знать военное ремесло»; «Чтобы рубить метко, нужна сметка»; «Чтобы успешно воевать, надо много знать»; «Стрельба любит похвалу»; «В рукопашном бою держись теснее – ударишь дружнее»; «Если время трудное придет, наш боец против семерых пойдет»; «На войне нужна закалка да смекалка»; «От военной науки крепнут разум и руки»; «Победу дает отличная выучка и взаимная выручка»; «Разведчику нужна сноровка, увертка, храбрость, маскировка».

Поговорки о готовности солдата к длительным и быстрым маршам: «Коли у русского солдата поясница поразомнется да ноги поразмotaются, так только держись за подметки»; «Лиха беда полы шинели завернуть, а там пошел».

С полной выкладкой и оружием передвигаться было тяжело, поэтому солдаты говорили: «Нам бы лошадка ружье везла, а мы бы за ней и пеши шли».

Высмеивались хвастовство вояк, когда те похвалялись своими реальными или мнимыми подвигами, готовностью к их совершению: «Велик воин за стаканом вина. Велик воин за стойкой»; «Из лука – не мы, из пищали – не мы, а зубы поскалить, язык почесать – против нас не сыскать»; «Не хвались, идучи на рать, хвались, идучи с рати»; «Не поддавайся хвастовству, учись военному мастерству».

Военная служба воспринимается как важное общее дело: «В строю стоять, так по ружью держать»; «Поп поет, кузнец кует, а солдат свою службу служит»; «Один и дома горюет, а двое и в поле воюют»; «Один в поле не воин, один солдат – не полк». Правда, военная история нашей страны показала, что и один в поле воин. Особенно это стало ясно после возрастаия роли отдельного бойца и усиления огневой мощи. Солдаты поддерживали друг друга: «У нашего брата солдата везде свои ребята».

Солдаты осознавали назначение своей службы: «Служу Богу и великому государю»; «Царю-Отечеству служил; щи и кашу варил;

с генералом по одной улице ходил»; «Мужик – Богу свеча, царю – солдат»; «Дурак любит красно, солдат любит ясно»; «Чтобы иметь в бою удачу, крепко знай свою задачу».

В пословицах отмечается ценность хорошего вооружения: «Солдат без ружья – тот же барабан»; «Ружье да ранец не тяга, а крылья»; «Солдат без шпаги хуже бабы»; «Шпага дороже ножен»; «Мечом злато добывают, а меч златом покупают»; «Солдатская жена – ружье, солдатский братец – ранец»; «Хоть нагишом, да с палашом, гол, да исправен»; «Идти в рать, так и бердыши брать»; «Колчан пригож стрелами, а обед пирогами»; «На всякую гадину есть рогатина»; «Против пушки и каменные раскаты не стоят»; «При рати железо дороже золота».

После введения при Павле I в русской армии неудобной формы прусского образца и требования к солдатам и офицерам носить посыпанные мукою или пудрой парики, в войсках получила распространение как поговорка сказанная А.В. Суворовым фраза: «Пукля не пуля (не пушка), коса не тесак».

Но даже на кулаках драться с солдатами было непросто, это нашло отражение в поговорке: «У солдата кулак костяной. Солдат – костяной кулак».

В поговорках отражаются индивидуальные особенности военнослужащих: «Всякий канонер на свой манер»; «Кому до чего, а стрелку до лука».

Осознавалась последовательность подчинения и командования: «За неимением капрала и ефрейтору править».

Про молодых солдат, еще не воевавших, говорили: «Молод: в кампании не бывал». После Семилетней войны 1756–1763 гг. ее участники говорили о вновь призванных: «Молода, в Саксонии не была». Про старослужащих отзывались так: «Старый солдат и статьсяя рад».

Между родами войск складывались отношения, подчеркивающие значение и превосходство. Обгоняющие пехоту кавалеристы кричали: «Не пыли пехота!», даже если та месила в это время грязь по колено. Солдаты пехотинцы не оставались в долгу и говорили: «Драгун бежит, земля дрожит, а оглянешься – в грязи лежит», это относительно того, что кавалеристы бывало падали с лошадей. Сюда же поговорки: «Пеший конному не товарищ»; «Пьяница во флоте, щеголь в пехоте, умница в артиллерии, дурак в кавалерии».

Про плохо обученных, неважко экипированных и вооруженных ополченцев, помогавших армии в войне 1812–1814 гг., тем не менее с уважением говорили: «В лаптях, да тех же ратных».

Строевая служба была почетнее гарнизонной: «То не резон: из гвардии да в гарнизон». Проходивших гарнизонную службу нередко дразнили: «Солдат – кислая муниципия».

Постаревшие и израненные солдаты переводились в инвалидные команды для выполнения нестроевой гарнизонной службы. Это нашло отражение в пренебрежительных поговорках строевиков: «Гарниза пузатая»; «Инвалид без пороху палит». Инвалидных солдат называли «магазинными крысами». Магазины – это склады с военным имуществом и выражение сродни позднейшему «тыловая крыса» и т.п.

Солдаты должны были стойко переносить все тяготы и лишения военной службы: «Сколько служил, а вдвое тужил»; «Пошел на службу – терпи и нужду»; «Служба да нужда – нет их хуже»; «Стужа, да нужа, да царская служба»; «В поле кто служит, о доме не тужит: где стал, тут и стан»; «Где тесно, там-то солдату и место»; «Где коза прошла, там и солдат пройдет»; «Служивый, что муха: где щель, там и постель, где забор, там и двор»; «Где щель, там и солдат пролезет; где свалится, там и спит»; «Солдат шилом бреется, дымом греется»; «Солдат – горемыка, хуже лапотного лыка».

Особое уважительное отношение у солдат к шинели: «У солдата шинель – постель, шинель – кошель, а руки – крюки». «Нештó солдату и без шубы деется: идет да греется». Это сродни позднейшему. Старушка у солдата спрашивает: «Сынок, как же вы в шинельке легкой зимой ходите?». Солдат отвечает: «Так, бабушка, она же как шерстяная». Старушка недоуменно восклицает: «Сынок, но вы ведь в ней и когда тепло тоже ходите!». Солдат невозмутимо поясняет: «Так ведь, шинелька-то, без подкладки».

Немаловажное значение имело довольствие солдат: «Дай бог, чтоб пилось да елось, а служба на ум не шла». Узнав о приближении войск, а аппетит у бравых солдат был отменный, обыватели говорили: «Обжорная команда идет»; «На рать сена не накосишься».

Большое значение имело качество приготовления пищи. По этому поводу солдаты говорили: «С хорошим поваром в полку жить – не тужить».

Народом осознавались общие для военнослужащих характерные черты. «На то он солдат» говорили, когда требовалось объяснить, почему солдаты дерутся, боятся, крадут и совершают другие лихие поступки.

Денежное довольствие было небольшим: «Солдату три деньги¹ в день, куда хочешь, туда их и день».

Рацион тоже не отличался изысками: «Хлеб да вода – солдатская еда»; «Солдат из топора суп сварил». В лучшем случае говорили, что солдат «Сыт курицей, пьян водицей».

По народным представлениям бытовой нравственный уровень солдат не был высоким. Свою скучную жизнь солдаты старались как-то разнообразить. Судя по пословицам, поговоркам и загадкам они часто воровали по мелочи. Благоприятные условия возникали во время походов: «Солдату в походе все новый дом, что ни день, то новоселье»; «Русский солдат, куда не пришел, все дома»; «Бываю и квартиры хуже лагеря»; «Солдат идет селом, так глядит кругом»; «Хоть ложку деревянную, а украсть что-нибудь с постою надо»; «Солдату не грех поживиться, солдату не украсть, так негде взять»; «Солдат, как волк: где попало, там и рвет».

Солдаты мелким воровством обогащали свой рацион, скрашивали жизнь. Об этом такие диалоги: «Не было ль тут солдата? – Коли что пропало, так был»; «Не видал ты тут солдата? – Да коли что украдено, так видел».

Ищущий пропавшего теленка человек спрашивает солдата:

– Служба, не видал ли тут теленочка? – А какой он был? – Рыженький с обрывком на шее. – А один бок потертый? – Да, да, он и есть? – Нет, не видал.

«Солдат – бағор: что зацепил, то и потащил»; «Солдат добрый человек, да плащ его хапун», т.е. прячет под полу. «Солдат не крадет, а под полою, случается, унесет»; «Солдат не украл, а так взял» – оправдательные поговорки.

Обыватели безнадежно махали рукой на случаи солдатского воровства, понимая, что концов не найдут: «С голого солдата не пуговку сорвешь. За солдатом пиши пропало»; «Мутит, как солдат на селе».

¹ Деньга – самая мелкая денежная единица, равнявшаяся полукопейке, находилась в обращении до реформы 1961 г.

Если даже ловили на воровстве, то солдаты реагировали простодушно: «Солдат ухватит, а поймают – нешто это твое? говорит; а твое, так возьми!». О солдатах говорили: «Солдат только на морозе, да на огне краснеет»; «Солдат – бесстыжие глаза». Эти пословицы и поговорки отражают неоднозначное отношение населения к мелким кражам военных.

В народе осознавалась необходимость обеспечения военнослужащих всем необходимым: «Из сохи лошадь выпряги, а под солдата отдай»; «Рать сама кормится, а мир жнет. Мир гинет, а рать кормится». Поэтому и на мелкое воровство солдат смотрели снисходительно.

Естественно, воровство запрещалось и виновные наказывались, но начальство смотрело на такие делишки сквозь пальцы, как, впрочем, и обыватели, что нашло отражение в пословицах и поговорках: «Не за то бьют солдата, что крадет, а чтобы концы хоронил», т.е. наказывают не за кражу, а за то, что попался. Или такая загадка: «Кто идет? – Солдат. – Что несет? – Кафтан. – Где взял? – Украл. – Кто видел? – Капрал», т.е. видел, но не выдал.

«Солдата за все бьют, только за воровство не бьют».

Солдаты не только воровали, но и интересовались женщинами. Условия для этого возникали во время походов и квартирования по селам, деревням и городам: «Где ни пожил солдат, там и расплодился»; «У солдата везде дети». Молодые женщины и девушки, отмечая к себе внимание солдат, приговаривали: «Сама пляшу, сама скачу, сама солдатиков боюсь».

Была возможность воинам и повеселиться. Настроение у военных поднимали сослуживцы, прославившие как балагуры, они пользовались авторитетом: «Кто в полку людей веселит, за того весь полк стоит». Свои василии теркины среди солдат были всегда.

«Мужик пляшет – шапкой машет, приседает – меру знает; солдат выпьет на отвагу – скачет, пляшет до упаду». Солдатам полагалось вдовольствовать вино, но в ограниченном количестве, этого часто оказывалось недостаточно, и солдаты иногда позволяли выпить «лишние» рюмки. На вопрос обывателей, как они не боятся пить и не опасаются наказания, солдаты простодушно отвечали: «Одну [рюмку] выпьешь – боишься; другую выпьешь – боишься; а как третью выпьешь, уж и не боишься». Однако за неуставное упо-

требление алкоголя наказывали: «Пил мадеру, да досталось и спине и мундеру», т.е. получил палками по спине и мундир при этом пострадал.

В поговорках отмечается, что бог хранит жизнь выпивших солдат, воин не должен погибать как все остальные люди, предназначение солдата защищать Родину и если случится умереть, то пасть в бою: «Пьяный солдат перейдет по льду, а собака провалится»; «Солдат да малых ребят бог бережет»; «Солдатская душа застрахована»; «Эка, русский солдат ни в воде нетонет, ни в огне не горит».

Военная служба опасна и сопровождается нередко гибелью. О погибших солдатах грустно говорили: «За него на том свете прошант получают»; «Смерть русскому солдату – свой брат»; «Солдат умирает в поле, матрос в море, мужик в яме»; «Кто с дерева убился? – Бортник. – А утонул? – Рыбак – А в поле убитый лежит? – Служилый человек».

Дисциплина и военная наука часто насаждалась с помощью телесных наказаний. Мы помним рассказ Л.Н. Толстого «После бала», когда влюбленный молодой человек намеревался сделать предложение дочери полковника, но увидев, как будущий тестя проводит экзекуцию, прогоняя сквозь строй солдат со шпицрутенами² провинившегося солдата-татарина, желание свататься у него пропало. Прохождение «сквозь строй» называлось у солдат: «Пройтись по зеленой улице». Императора Николая Павловича I из-за приверженности к палочной дисциплине в солдатской среде называли Николаем Палкиным. Отсюда и соответствующие пословицы: «Кому первая чарка, тому и первая палка»; «Кто раньше встал да палку взял, тот и капрал»; «Не довернешься – бьют, и перевернешься – бьют».

Солдаты были особой категорией в населении страны, призванной защищать Родину. Это хорошо понималось теми, кто не служил, поэтому им прощались шалости – драки, пьянство, кражи, т.к. понимали, что по первому зову русский солдат встанет против врага.

² Шпицрутен – длинный, гибкий и толстый прут из лозняка либо штатный металлический шомпол к дульнозарядному огнестрельному оружию, применяемый для телесных наказаний в XVII–XIX вв. в Европе.

К солдатам относились сочувственно, кроме трудной и долгой военной службы они ничего не знали. Каждый из мужчин податных сословий помнил, что на месте служивого при определенных обстоятельствах мог оказаться он.

«Солдатская дорога извилистая».

Источники и литература

1. Евдокимов Л.В. Русский солдат и его служба в народных воззрениях // Военно-исторический журнал. – 2003. – № 7. – С. 75–78; № 8. – С. 74–75; № 11. – С. 69–73.

2. Пословицы русского народа: Сборник В.И. Даля. – М., 1957.

3. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / Собр. и пригот. к печати П.К. Симони. – СПб., 1899. Вып. I.

A.G. Bakhtin

SOLDIERS IN RUSSIAN PROVERBS, SAYINGS AND RIDDLES OF THE XVII–XIX CENTURIES

Abstract. Military service has always occupied a particularly important place in the life of Russia. The country often had to fight with its neighbors out of debt. Russian society has largely been militarized. From here and respect for the soldiers of the Russian army. Old Russian proverbs, sayings and riddles collected by V.I. Dahl and P.K. Simoni allow us to imagine how soldiers were treated in society. Folklore notes the hard and long service, the qualities necessary for this – courage, bravery, resourcefulness and skill, but also the stick discipline that has spread in the troops. Bragging is condemned, pointing to the need to study military affairs. At the same time, there are many proverbs, sayings and riddles about the violent behavior of soldiers. They are not averse to drinking wine, fighting, often stealing, especially while on a fast. But both the authorities and the population treat this condescendingly, perceiving such manifestations as inevitable costs. In folklore in general, a positive and respectful from.

Keywords: recruiting, soldiers, military exercises, garrison, stick discipline, cantonists, weapons, overcoat, marches, stand, fights, kra-zhi, protection of the Motherland.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ОСВЕЩЕНИИ СОВЕТСКОГО КИНЕМАТОГРАФА ПЕРИОДА «ОТТЕПЕЛИ»: ОСНОВНЫЕ КИНОРАБОТЫ

Аннотация. В советском кинематографе периода «оттепели» одно из важнейших мест занимает тема Великой Отечественной войны. Для историков данные кинофильмы представляют интерес, поскольку являются базой для визуальной презентации исторического прошлого и одновременно открывают возможности изучения аудиовизуальных инструментов агитации и пропаганды, а также способов сохранения коллективной исторической памяти о событиях прошлого. Данная статья актуальна в качестве дополнительного материала на уроках истории, а также специальных дисциплинах, посвященных культуре СССР.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советский кинематограф, военные фильмы, «оттепель», кино «оттепели», агитация и пропаганда.

Для многих представителей поколения шестидесятых кино детства – это кино про войну. В 1940–1950-х гг. кино о войне – мощное пропагандистское средство, рассказывающее о грамотном советском командовании, воодушевленном настроением солдат в годы войны, о немцах: худых, высоких, бледных и жестоких. Совсем другое кино показали советскому зрителю в годы «оттепели». Фильмы М. Калатозова, Г. Чухрая, С. Бондарчука, А. Тарковского, очень различные по киноязыку и подаче исторического материала (что само по себе для советского кинематографа было явно новым), принесли с собой иное видение войны. Новое кино было доверительным, почти интимным, в том смысле, что делалось оно, прежде всего, о людях, а не о партии. Данные изменения появились в связи с некоторыми факторами. Так, первый фактор – культурная политика и снижение идеологического влияния со стороны партии, а также активная финансовая поддержка киноиндустрии страны.

Второй фактор характеризуется внедрением технических новинок, строительством и модернизацией отечественных киностудий. В конце 1950-х гг. в стране действовало 20 киностудий, которые

существенно устарели по своему техническому оснащению, но уже в середине 1960-х гг. было построено еще 20 киностудий с обновленной технической базой. Третий фактор – появление новых молодых и талантливых режиссеров, кинооператоров и актеров, которые хотели и снимали кино на новые дискуссионные и откроенные темы.

Актуальность работы подтверждается большим объемом литературы по исследуемой проблеме и множеством точек зрения относительно ценности художественного кинематографа как исторического источника. В отечественной исторической науке темой исследования игрового кино в качестве исторического источника одним из первых стал заниматься теоретик кино М. Ямпольский. В своем анализе кинолент М. Ямпольский видит следующие этапы: описание сюжета и событий, описание философских концепций, описание истоков и причины создания кинокартины, а далее описание технических приемов режиссера. Историки Е.В. Волков, Е.В. Пономарева предлагают анализировать фильм в три этапа: анализ замысла и этапов создания картины, трактовка кинообразов и всего культурного текста фильма, анализ реакции власти и общества на фильм.

В большинстве исследовательских работ применена методика, которая основана на синтезе источниковедческой интерпретации визуальных источников (в частности видеофильмов) Л.Н. Мазур, анализ и интерпретация визуальных источников О.В. Горбачева. Опираясь на идеи представленных выше исследователей, автором данной статьи была сформирована методическая база при работе с советскими фильмами периода «оттепели», которая состоит из четырех этапов: первый этап – процесс выборки художественных фильмов, второй этап – внешняя критика кинофильмов, третий этап – внутренняя критика, четвертый этап – реконструкция исторической реальности, зафиксированной в фильмах.

В фильмах о войне данного периода особый акцент режиссеры делают на индивидуальности человека. «Роль человека в истории страны», «война и рядовой человек», «соотношения героя и геройческого» – все это ключевые проблемы кинематографа «оттепели». Для режиссеров 1960-х гг. образ врага представлен не в виде «фашиста», а войны в целом [12]. «Война противоречит всему человеческому в человеке» – главный посыл режиссеров. Важно отметить,

что все кинофильмы, представленные в данной статье, являются ретроспективными. Это означает, что данные кинокартины снимались не в момент происхождения исторических событий, а спустя время. В основу анализа данной эволюции легли следующие фильмы периода с 1956 по 1964 г.: «Солдаты» (1956), «Летят журавли» (1957), «Судьба человека» (1959), «Баллада о солдате» (1959), «Иваново детство» (1962), «Живые и мертвые» (1964).

Первоначальное название кинофильма «Солдаты» [10] – «В окопах Сталинграда». Фильм был снят в 1956 г. по одноименной повести В. Некрасова, однако после нескольких лет проката, несмотря на престижную премию, фильм был изъят и возвращен на экраны только в 1991 г. В данном кинофильме отражены события, известные всему миру как «Сталинградская битва». Особое внимание уделяется роли советской военной операции «Кольцо», в результате которой немецкая армия была окружена и капитулировала.

Анализируя данную кинокартину важно отметить, что основным фактором, действовавшим в момент производства фильма на создателей, стала книга В. Некрасова. Первоначальный вариант сценария был максимально приближен к первоисточнику и подробно описывал трагические бои на территории Украины. К экранизации такие подробности допущены не были. Сегодня принято считать, что данные верески связаны с трагической сдачей города Харькова, где по решению Ставки представителем был Н.С. Хрущев.

В фильме отсутствует упоминание о И.В. Сталине, в связи с реакцией на XX съезд. Команда, работающая над кинолентой, была заинтересована в правдивом отображении реальности, и по этой причине режиссер кинокартины пригласил в качестве военного консультанта генерал-лейтенанта Н.С. Осликовского. В 1956 г. актер фильма И. Смоктуновский в письме своей супруге отметил, что «этая картина лучшая из всех картин, показанных до этого. Она правдива и кадрами, и хроникой» [3].

Среди фильмов, в которых с особой ясностью обозначался скачок в новое качество, выделяется фильм «Летят журавли» [9] М. Калатозова. Необычное впечатление происходило от того, что на экране со всем блеском кинематографического таланта рисовалась не судьба солдата-героя, а личная трагедия двух людей – главных героев кинокартины. Ключевым моментом в фильме, отражающим

исторические события, является бомбёжка Москвы в 1941 г., во время которой погибают родители Вероники.

Согласно статистике, опубликованной после войны, во время налетов на Москву погибло свыше двух тысяч человек. Самой большой ущерб нанесен немецкой бомбардировкой, которая произошла 28 октября 1941 г. В качестве бомбоубежища население столицы использовало московский метрополитен, что также отражено в киноленте. В реальности самыми крупными бомбоубежищами, расположеннымми в метро, были станции «Кировская» (ныне «Чистые пруды»), станция метро «Маяковская» [6].

В основу сценария, написанного В. Розовым совместно с М. Калатозовым, легла пьеса «Вечно живые». Режиссеру пришлось защищать свою работу и сценариста: «Наш коллектив, создавший фильм «Летят журавли», испытал большую радость, работая с драматургом Виктором Розовым. Эмоциональность, честность, западающую в душу, может дать только этот писатель», – заступался М. Калатозов [1]. По воспоминаниям команды, в первоначальной версии фильма был отснят диалог между доктором Борисовым и его коллегой о том, что нападение немцев не было внезапным, о нем знали, и советские военные просто упустили свой шанс. Сцена была вырезана на этапе монтажа. Разногласия касались и образа главной героини, девушка Вероника, по мнению «экспертной комиссии», должна была быть «приговорена к падению» в finale картины, так как после закрытого показа Н.С. Хрущев назвал ее – девушкой легкого поведения [1].

Фильм М. Шолохова и С. Бондарчука «Судьба человека» [11] был снят в 1959 г. Фильм, рассказывающий о русском солдате, прошедшем Гражданскую войну, восстановление страны, Великую Отечественную, плен, но нашедший в себе силы жить дальше – стал настоящей сенсацией. В фильме С. Бондарчука самыми сильными и ценными для исторического анализа оказались сцены в немецком плену.

Большое внимание режиссер уделял работе со сценарием, так как сам С. Бондарчук считал своим духовным учителем именно М. Шолохова, писатель постоянно находился на съемочной площадке. Команда не раз говорила, что им было крайне важно сделать картину максимально близкой к рассказу и воспоминаниям писателя.

Режиссер С. Бондарчук рассказывал: «Поначалу у него [М. Шолохова] было недоверие ко мне, так как я человек городской и в деревне никогда не жил. Позже, на съемочной площадке, он мне уже улыбался – одобрял» [8].

В 1959 г. выходит фильм режиссера Г. Чухрая – «Баллада о солдате» [2], поставленный по сценарию, написанному им вместе с В. Ежовым, его товарищем, выпускником ВГИКа и тоже фронтовиком. В фильме «Баллада о солдате» есть сильная сцена, в которой жители города слушают по радио объявление диктора Левитана о том, что советские войска оставили Ростов-на-Дону. В действительности немецкие войска занимали Ростов дважды: осенью 1941 и летом 1942 г. В ходе оккупации имело место массовое убийство местного населения. Местом массового уничтожения стала Змиевская балка. Город был освобожден 14 февраля 1943 г. в результате отступления немецкой армии.

В попытках исказить реальность фильма и задумку автора, «экспертной комиссией» было высказано много пожеланий от лица партии. Так, например, в качестве героя желали видеть генерала, а не незрелого солдата. Девушка Шура, по мнению критиков, не совершает в фильме никакого подвига и поэтому может стать лишним персонажем. Рекомендации режиссер не учёл, и после выхода кинокартины работе была выставлена оценка «неудачный», в итоге фильм получил вторую (т.е. низшую) категорию.

Связаны с этой картиной и заранее спланированные «киноляпы». Так, действие фильма происходит в 1942 г., но герои носят погоны, введенные в армии в 1943 г. Режиссер Григорий Чухрай сделал это намеренно. Он рассчитывал, что фильм будет в прокате в Европе, где уже сформировался образ советского солдата, и опасался, что в странах, которые были освобождены советскими войсками, могут не узнать воина-освободителя в старой форме, сказав, что «нет, нас освобождали не эти» [1].

Фильм «Иваново детство» [7] 1962 г. – дебют режиссера А. Тарковского. Действие фильма происходит в 1943 г. и рассказывает о юном мальчике-разведчике, чья мать была расстреляна немцами, деревня уничтожена, а детство перечеркнула война. Фильм «Иваново детство» был снят в условиях минимального бюджета, в рекордные для того времени сроки – две недели. Сценарий фильма

А. Тарковский писал совместно со своим одногруппником и другом А. Михалковым-Кончаловским.

После премьеры фильм имел оглушительный успех. В 1962 г. на XXIII фестивале в Венеции фильм «Иваново детство» награжден главным призом – «Золотым львом святого Марка». Однако есть и негативная оценка фильма со стороны отечественных критиков и правительства, например, Н.С. Хрущев заявлял, что фильм – выдумки и в СССР детей в войну не использовали [1].

Повествовательный аспект рассмотрения материала представлен в двухсерийной эпопее «Живые и мертвые» [5], поставленной в 1964 г. А. Столпером по одноименному роману К. Симонова. В фильме «Живые и мертвые» рассказывается о событиях 10 июля – 10 сентября 1941 г., когда войска Центрального и Брянского фронтов отступали в сторону Москвы. На тот момент Красной армией были оставлены Минск, Киев, Харьков, разговоры об отступлении, оставлении ключевых городов в фильме также присутствуют. Планы немецкого командования рухнут в октябре 1941 г., и окончательно потеряют свою актуальность с началом советского контрнаступления в битве за Москву в декабре 1941 г.

Фильм «Живые и мертвые» был высоко оценен кинокритиками и не встретил препятствий в процессе создания. Уже после премьеры фильм получил Главный приз на Международном фестивале. Единодушно эксперты отметили бесспорную победу А. Папанова, сыгравшего Серпилина. В первый год проката фильм посмотрело свыше 41 млн. человек. А в 1967 г. режиссер А. Столпер снял продолжение эпопеи – картину «Возмездие».

Делая выводы, отметим, что в истории освещения темы Великой Отечественной войны большую роль играли режиссеры-фронтовики, работавшие в 1960–1970-х гг. Фильмы не были ориентированы на массовый кинорынок и законы коммерции, заставляющие угадывать вкусам аудитории.

Также виден целый ряд тенденций, кардинально отличающих кинематограф периода «оттепели» от кинематографа других эпох: широкий курс на провозглашение общечеловеческих ценностей, реализация творческих замыслов как «старшего», так и молодого поколения режиссеров, и международное признание, т.к. именно фильмы этого периода оценены наградами мирового уровня.

К тому же сегодня возвращается интерес к кинематографии эпохи «оттепели» и связано это с важностью и творческой незаурядностью данного продукта. Сейчас стала актуальной история личности, ее внутренние переживания, взаимосвязь воспитания и «поступка», происхождение героизма рядового человека, понятие «патриотизма». Сюжеты представленных выше кинокартин актуальны и в настоящее время, а также, что немаловажно, они ясны и доступны разнообразной аудитории.

Источники и литература

1. *Аннинский Л.А.* Шестидесятники и мы. Кинематограф ставший и не ставший историей. – М., 1991.
2. Баллада о солдате [Видеозапись] / реж. Георгий Чухрай, в ролях: В. Ивашов, Ж. Прохоренко, киностудия «Мосфильм». Фильм вышел на экраны в 1950 г.
3. *Геризон М.М.* Закат Сталина и Оттепель: управление культурой СССР в 1950-х – начале 1960-х гг. – М., 2018.
4. *Данилов В.Н.* Коренной перелом в Великой Отечественной войне: подходы и суждения в историографии проблемы // История. Международные отношения. – 2014. – № 2. – С. 32–38.
5. Живые и мертвые [Видеозапись] / реж. Александр Стоплер, в ролях: К. Лавров, А. Папанов. «Киностудия «Мосфильм». Фильм вышел на экраны 24 февраля 1964 г.
6. *Зоркая Н.М.* История отечественного кино XX век. – М., 2014.
7. Иваново детство [Видеозапись] / реж. Андрей Тарковский, в ролях: Н. Бурляев, В. Зубков; киностудия «Мосфильм». Фильм вышел на экраны 9 мая 1962 г.
8. *Ларс К.* О героях и людях. Советское кино о войне: взгляд из ГДР. – М., 1999.
9. Летят журавли [Видеозапись] / реж. Михаил Калатозов, в ролях: Т. Самойлова, А. Баталов; киностудия «Мосфильм». Фильм вышел на экраны в 1957 г.
10. Солдаты [Видеозапись] / реж. Александр Иванов, в ролях: В. Сафонов, И. Смоктуновский, Т. Логинова. «Киностудия «Ленфильм». Фильм вышел на экраны 18 марта 1957 г.
11. Судьба человека [Видеозапись] / реж. Сергей Бондарчук, в ролях: С. Бондарчук; киностудия «Мосфильм». Фильм вышел на экраны в 1959 г.
12. *Юткевич С.И.* Кино. Энциклопедический словарь. – М., 1987.

THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE COVERAGE OF SOVIET CINEMA DURING THE «THAW»: THE MAIN FILM WORKS

Abstract. In the Soviet cinema of the «thaw» period, one of the most important places is occupied by the theme of the Great Patriotic War. For historians, these films are of interest because they are the basis for the visual representation of the historical past and at the same time, open up the possibility of studying audiovisual tools of agitation and propaganda, as well as ways to preserve collective historical memory of the events of the past. A distinctive feature of the films of this period is not the orientation towards the creation of a «heroic image», but the sharpened attention of directors to the problem of the «price of Victory».

Keywords: The Great Patriotic War, Soviet cinema, war films, «Thaw», «thaw» cinema, agitation and propaganda.

УДК 351.853.1

Е.А. Грознов

КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ ИМ. Т. ЕВСЕЕВА: МОНИТОРИНГ ВОЕННО-МЕМОРИАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ НА ТЕРРИТОРИИ КУЖЕНЕРСКОГО, СЕРНУРСКОГО, ПАРАНЬГИНСКОГО И МАРИ-ТУРЕКСКОГО РАЙОНОВ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ)

Аннотация. В 2022 г. сотрудниками Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева была продолжена начатая в 2021 г. работа по мониторингу военно-мемориальных объектов, посвященных Великой Отечественной войне и локальным конфликтам. Исследования проводятся в рамках научно-исследовательского плана Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева и приурочены к предстоящему 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В рамках подготовки к празднованию юбилейной даты целесообразным представлялось продолжение историко-бытового исследования. В связи с этим был проведен второй этап комплексной экспедиции для мониторинга существующих и вновь открытых военно-мемориальных объектов Великой Отечественной войны

и локальных конфликтов в Куженерском, Сернурском, Параньгинском и Мари-Турекском районах.

Ключевые слова: памятник, захоронение, мемориальная доска, стела, экспедиция, мониторинг, фотофиксация.

Одним из ключевых направлений деятельности Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева является организация и проведение историко-бытовых экспедиций в регионе. Полевые работы предполагают широкий спектр исследований: от сбора вещественных материалов с последующим их комплектованием до исследования малоизученных фактов из истории своего региона.

В 2021 г. сотрудниками Национального музея был разработан пятилетний план, который предполагал изучение и фиксацию всех военно-мемориальных объектов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и локальных конфликтов в 17 муниципальных образованиях Республики Марий Эл. Итогом пятилетней работы должен стать проект интерактивной карты на базе сайта музея с информацией о каждом объекте.

Первый этап, проведенный в 2021 г., закончился фиксацией 183 объектов в трех муниципальных районах: Оршанском, Советском и Новоторъяльском. К настоящему моменту список дополнен еще тремя объектами, появившимися за прошедший период.

11 июля 2022 г. начался второй этап мониторинга военно-мемориальных объектов (далее – ВМО). Участникам экспедиции предстояло исследовать 90 населенных пунктов (четыре ныне не существующих) в четырех муниципальных районах: Куженерском, Сернурском, Параньгинском и Мари-Турекском.

Работа по мониторингу ВМО состояла из двух стадий: подготовительной и стадии полевых работ.

На подготовительной стадии шла работа по изучению понятийного аппарата для правильного определения объекта исследований. Для этого проводился анализ нормативно-правовых актов на наличие изменений в формулировке понятия «военно-мемориальный объект». Так, в положения ст. 2 закона от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» и ст. 5 Федерального закона от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–

1945 годов» не вносились поправки за прошедший год, и поэтому формулировки остались прежними. Согласно этим двум законам, к военным мемориалам – объектам – относятся захоронения и другие места погребения погибших при защите Отечества, надгробия, памятники, стелы, обелиски и другие мемориальные сооружения и объекты [1; 2]. Стоит отметить, что законы прямо не раскрывают данное понятие, однако привлечение в нормах списка объектов конкретизирует данное понятие.

Дальнейшим шагом был сбор и анализ информации об имеющихся ВМО в районах. Для этого изучались официальный интернет-портал Республики Марий Эл в разделе «Официальный сайт празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне: Памятники и захоронения» и средства массовой информации муниципальных районов. В ходе анализа была собрана предварительная информация о 143 объектах.

Далее была составлена карта маршрута, общая протяженность которого составила 1650 км без учета расстояния до мест захоронения участников Великой Отечественной войны и локальных конфликтов. По итогам экспедиции на территории Куженерского района предполагалось обследовать 17 населенных пунктов (один ныне несуществующий) и четыре кладбища; на территории Сернурского района 25 населенных пунктов (один ныне несуществующий) и два кладбища; на территории Параньгинского района 16 населенных пунктов и четыре кладбища; на территории Мари-Турекского района 32 населенных пункта (два ныне не существующих) и шесть кладбищ.

Участники мониторинга располагали следующей информацией на начало экспедиции: на территории Куженерского района 19 объектов, посвященных Великой Отечественной войне, шесть объектов, посвященных локальным конфликтам, и семь захоронений; на территории Сернурского района 29 объектов, посвященных Великой Отечественной войне, восемь объектов, посвященных локальным конфликтам, и отсутствовала информация по захоронениям; на территории Параньгинского района 16 объектов, посвященных Великой Отечественной войне, четыре захоронения, и отсутствовала информация по объектам, посвященным локальным конфликтам; на территории Мари-Турекского района 40 объектов, посвященных

Великой Отечественной войне, четыре объекта, посвященных локальным конфликтам, и 10 захоронений.

На полевом этапе работы перед участниками экспедиции стояли следующие задачи:

1. Проверить достоверность имеющейся информации.
2. Выявить новые неучтенные объекты.
3. Установить точки GPS с прикреплением фотографий объекта.

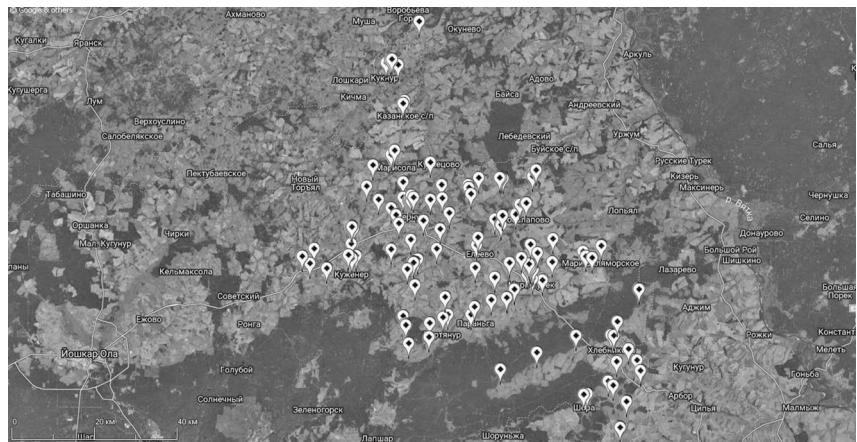

Фото 1. GPS точки объектов

В Куженерском районе не подтвердилась информация по одному объекту, посвященному Великой Отечественной войне, и одному объекту, посвященному локальному конфликту. На территории Сернурского района не подтвердилась информация по одному объекту, посвященному Великой Отечественной войне. На территории Параньгинского района информация подтвердилась по всем объектам. На территории Мари-Турекского района не подтвердилась информация по одному объекту, посвященному Великой Отечественной войне, и трем объектам, посвященным локальным конфликтам.

По итогам решения второй задачи экспедиции удалось внести новые данные. На территории Куженерского района зафиксировано шесть объектов, посвященных локальным конфликтам, и 20 захоронений. На территории Сернурского района зафиксировано семь объектов, посвященных Великой Отечественной войне, пять локальным конфликтам и 20 захоронений. На территории Параньгин-

ского района зафиксировано три объекта, посвященных Великой Отечественной войне, семь локальным конфликтам и два захоронения. На территории Мари-Турекского района зафиксировано семь объектов, посвященных Великой Отечественной войне, восемь локальным конфликтам и 31 захоронение.

	Объекты к 11.07.22				Вновь выявленные объекты			
	К	С	П	М	К	С	П	М
Объекты ВОВ	18	28	16	39	0	7	3	7
Объекты локальных конфликтов	5	8	0	1	6	5	7	8
Захоронения	7	0	4	10	20	20	2	31

К – Куженерский район; С – Сернурский район; П – Параньгинский район; М – Мари-Турекский район

Фото 2. Памятник-обелиск воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны (д. Большая Коклала, Сернурский район)

Фото 3. Памятник воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны
(д. Большой Карлыган, Мари-Турекский район)

Фото 4. Обелиск воинам, павшим в Великой Отечественной войне
(д. Олоры, Параньгинский район)

Фото 5. Памятник-обелиск воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны (д. Русский Кугунур, Куженерский район)

В ходе полевых работ команда экспедиции столкнулась с рядом трудностей:

1. Частичное отсутствие инфраструктуры.
2. Несоответствие данных об объекте (при указании места захоронения нередко был указан населенный пункт, в котором проживал / учился участник войны, а не фактическое его место погребения).

Таким образом, за 13 дней экспедиции было установлено наличие 252 объектов в Куженерском, Сернурском, Параньгинском и Мари-Турекском районах Республики Марий Эл. Состояние данных объектов в целом удовлетворительное: памятники реставрируются по проекту, либо по инициативе местных жителей, а территории вокруг памятников периодически благоуружаются.

Активная работа по мониторингу военно-мемориальных объектов будет продолжаться Национальным музеем Республики Марий Эл им. Т. Евсеева. Следующим этапом будет исследование остальных районов, при этом будет корректироваться информация по уже изученным районам.

Источники и литература

1. Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» от 19.05.1995 № 80-ФЗ – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6643/ (дата обращения: 01.09.2022).
2. Закон РФ «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» от 14.01.1993 № 4292-1 – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15556/ (дата обращения: 01.09.2022).
3. Рубин В.А., Спиридонова Е.В. Феномен военно-мемориального наследия в отечественной культуре: основные этапы эволюции понятийно-терминологического аппарата // Философская мысль. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-voenno-memorialnogo-naslediya-v-otechestvennoy-kulture-osnovnye-etapy-evolyutsii-ponyatiyino-terminologicheskogo-apparata> (дата обращения: 02.09.2022).

E.A. Groznov

COMPLEX EXPEDITION OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF MARI EL NAMED AFTER T. EVSEEV: MONITORING OF MILITARY MEMORIAL SITES ON THE TERRITORY OF KUZHENERSKY, SERNURSKY, PARANGINSKY AND MARI-TUREK DISTRICTS (PRELIMINARY RESULTS)

Abstract. In 2022, the staff of the T. Evseev National Museum of the Russian Academy of Economics continued the monitoring of military memorial sites dedicated to the Great Patriotic War and local conflicts, which began in 2021. The research is carried out within the framework of the research plan of the National Museum of the Russian Academy of Economics named after T. Evseev and is timed to the upcoming 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945. In preparation for the celebration of the anniversary date, it seemed appropriate to continue the historical and everyday research. In this regard, the second stage of a comprehensive expedition was conducted to monitor existing and newly discovered military memorial sites of the Great Patriotic War and local conflicts in the Kuzhenersky, Sernursky, Paranginsky and Mari-Turek districts.

Keywords: monument, burial, memorial plaque, stele, expedition, monitoring, photo fixation.

О ПОДВИГАХ ГЕРОЕВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ- ФРОНТОВИКОВ АДЫГЕИ

Аннотация. В статье представлены материалы о творчестве двух писателей-фронтовиков, уроженцев Адыгеи, К.Х. Жанэ и А.М. Гадагатля: повести К.Х. Жанэ «Хусен Андрухаев» о первом в стране литераторе, удостоенном звания Героя Советского Союза, и цикле поэм А.М. Гадагатля о людях, совершивших подвиги во время Великой Отечественной войны, многие из которых – земляки писателя. Произведения обоих авторов написаны на документальной основе о реальных людях.

Ключевые слова: события Великой Отечественной войны, писатель-фронтовик, документальная повесть, лирико-эпические произведения.

Хотелось бы рассказать об отражении событий Великой Отечественной войны в творчестве двух писателей-фронтовиков, уроженцев Адыгеи: Кирилизе Хаджимусовиче Жанэ и Аскере Магамудовиче Гадагатля. Оба прошли через горнило войны. Вернувшись с фронта, со временем добились серьезных успехов, стали широко известны в своей профессиональной сфере. К.Х. Жанэ – поэт, писатель, возглавлявший в течение многих лет областной комитет по телевидению и радиовещанию Адыгеи, бессменный председатель комитета защиты мира Адыгейской автономной области. А.М. Гадагатль прославил свое имя не только как литератор, но и как ученый, доктор филологических наук, собиратель, издатель и популяризатор фольклора адыгских народов – эпоса «Нарты». Благодаря ему эпос адыгов, вынужденно покинувших свою Родину и проживающих после Кавказской войны во многих странах, сохранился в печатном виде: А.М. Гадагатлем собран фольклорный материал от носителей из разных стран, подготовлен к печати и издан семитомник «Нарты», что является поистине научным подвигом, оцененным фольклористами во всем мире.

Оба писателя неоднократно возвращались в своем творчестве к событиям Великой Отечественной войны. Хотелось бы остановиться на документальных произведениях фронтовиков: повести «Хусен

Андрюхаев» К.Х. Жанэ и поэмах А.М. Гадагатля, представленных в сборнике «Память лет».

Хусен Андрюхаев – национальный герой Адыгеи. В возрасте 20 лет он погиб. Хусен приказал своим фронтовым товарищам отойти и на крики немцев: «Рус, сдавайся!» ответил: «Русские не сдаются!», после чего взорвал гранатой себя и окруживших его фашистов, подождав, когда они подойдут к нему ближе. К.Х. Жанэ знал Хусена – до войны он учился вместе с ним. В повести «Хусен Андрюхаев» К.Х. Жанэ вспоминает о друге, анализирует документы, в которых говорится о подвиге Х. Андрюхаева, приводя выдержки из протокола допроса немецкого офицера, попавшего в плен: «Когда с вершины высоты перестали раздаваться выстрелы, мы догадались, что у русских кончились патроны. Наши солдаты пошли снова в атаку. Пошел и я. На высоте мы увидели русского офицера с раненой головой. Голова его была перевязана окровавленной тряпкой. Сначала нашим автоматчикам показалось, будто он сдается в плен: русский поднял вверх руки. Мы обрадовались – был приказ взять хоть кого-нибудь на высоте живым. Наши начали кричать: «Рус, сдавайся, сдавайся, рус!» – и смело приближались к нему. А когда солдаты подошли совсем близко, почти вплотную, он бросил гранаты. Первый раз вижу такого героя» [2, с. 105].

В 1980 г. в Майкопском отделении книжного издательства вышел небольшой по объему сборник А.М. Гадагатля «Память лет», в который вошли поэмы о фронтовиках, людях разных национальностей. Большинство произведений написано Аскером Магамудовичем Гадагатлем на документальной основе о реальных людях, совершивших подвиги во время Великой Отечественной войны, многие из которых – земляки писателя [1]. Сборник состоит из нескольких лирико-эпических стихотворных произведений, которые посвящены одному или нескольким героям. Сборник составили произведения военно-патриотической направленности: стихотворная повесть «Солдат и девочка», поэмы «Невеста друга», «Память лет», «Бегущий огонек», «Смелый сокол», «Эхо войны», «Слово о немецком рабочем».

Поэма «Память лет» сопровождена эпиграфом: «Герою Советского Союза матросу Чуцу Абубачиру, его друзьям-морякам Черноморского флота». А.М. Гадагатль описывает подвиг Абубачира

Чуца, нашего земляка, и матросов, людей разных национальностей, которые выполнили приказ ценой своей жизни:

...Отчаянно
сражаются герои.
А на бинтах
Все шире пятна крови.
Все меньше сил
и меньше у матросов.
...Встает рассвет, как
бинт последний, розов.
... И волны синие
о стены тихо бьются...
Десантники
живыми не сдаются! [1, с. 11].

Поэму «Бегущий огонек» Аскер Магамудович сопроводил эпиграфом: «Алию Делову, почетному машинисту Армавирского депо, Герою Социалистического Труда». О чем эта поэма? Об одном из эпизодов военной жизни Алия Делова. Чтобы более четко понять событие, которое описано Аскером Магамудовичем в поэме, позвольте себе описать предысторию того, о чём пишет автор.

Алий Харунович Делов был машинистом паровоза, который доставлял в Сталинград боеприпасы под беспрерывными бомбежками фашистов, а назад – раненых защитников города. Оборона Сталинграда потребовала осуществления огромного объема перевозок. Гитлеровцы буквально охотились за нашими воинскими эшелонами и их передвижениями. Особенно свирепствовала авиация. По приказу Гитлера за каждый подбитый эшелон немецкие летчики получали «железный крест». Но, несмотря на все трудности, связанные с риском для жизни, воинские эшелоны шли сплошным потоком, доставляя на фронт орудия, танки, боеприпасы, горючее, увозя назад раненых и больных.

В августе 1942 г. Алий Харунович стал водить поезда на прифронтовых участках Кизляр – Астрахань – Верхний Баскунчак, обеспечивая защитников Сталинграда всем необходимым для ведения боевых действий. Машинисты старались проводить воинские эшелоны по этому маршруту только ночью, так как в степных просторах негде было укрыться от вражеской авиации, которая охотилась за каждым движущимся объектом на земле.

Как-то ночью А.Х. Делов вел эшелон к Сталинграду. В 15 вагонах – оружие, боеприпасы, военное снаряжение, а на платформах – танки. Отрезок пути был степной, безводный. Кругом пески, ни одного дерева и кустарника. Неожиданно в небе появился немецкий бомбардировщик. Он искал мишень, «добычу».

Решение пришло мгновенно. Алий быстро скомандовал: «Закрыть заслонку!» Потом покинул паровоз, оставив состав своему помощнику. Он держал в руках заранее заготовленный моток промасленной пакли, которую поджег. А сам побежал во весь дух подальше от состава, размахивая горящей паклей. Алий старался оказаться как можно дальше от эшелона, привлекая на огонек фашистского летчика. Бомбы и снаряды рвались кругом, он бежал и бежал, размахивая горящей паклей. Потом поджег куртку и фуражку. Отважный машинист в этом поединке чудом уцелел, но получил серьезную контузию. Рискуя жизнью, он спас военный эшелон с танками и боеприпасами. Наши войска под Сталинградом получили в срок так нужные боеприпасы, оружие, технику [3, с. 104; 4].

Этот эпизод и послужил сюжетом поэмы «Бегущий огонек»:

Спускаются «мессеры»
Ниже и ниже.
И вот, возникает
мгновенно решенье:
он станет для немцев
живою мишенью!
Он их уведет
от вагонов военных!
...Из пакли промасленной
факел отменный
он делает быстро
и – с факелом – в поле,
не чувствуя больше
ни страха, ни боли.

Аскер Магамудович, посвятивший всю свою жизнь сбору материала, изучению и популяризации эпоса «Нарты», не смог удержаться и выразил свое восхищение подвигом А.Х Делова, сравнив его с Саусырыко, героем нартского эпоса:

Как Саусырыко,
адыг из легенды,
он рвется сквозь ночь
полыхающей лентой.
А следом – фашисты...
...Окончена схватка.
Враги улетели.
Воронки – как раны
у поля на теле.
Опять машинист
управляет составом.
«Кизляр – Баскунчак», –
повторяет упрямо...
Везет он винтовки
для новых атак
и шепчет маршрут,
как заветное имя.
А волосы стали
седыми, седыми...[1, с. 16].

Ознакомившись с частью военно-патриотических произведений писателей-фронтовиков К.Х. Жанэ и А.М. Гадагатля, мы видим: они предстают перед читателем как документалисты, интернационалисты, сторонники мира, противники войны.

Источники и литература

1. Гадагатль А.М. Память лет. Поэмы о войне и мире. – Майкоп, 1980.
2. Киримице Жанэ. Хусен Андрухаев (Авториз. пер. П. Плескачевского). – Краснодар, 1974.
3. Куприенко О.Г. Алий Харунович Делов // Герои стальных магистралей. 1941–1945. Кн. 1. – М., 2000.
4. Сиджах Х.И. Водил поезда машинист Делов. К 70-летию установления звания «Герой Социалистического Труда» // Советская Адыгея. – 2008. – 25 дек.

L. A. Delova

ABOUT THE FEATS OF THE HEROES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE WORKS OF WRITERS-FRONT-FRONT VEHICLES OF ADYGEA

Abstract. The article presents materials on the work of two front-line writers, natives of Adygea, K.Kh. Zhane and A.M. Gadagatl: K.Kh. poems by A.M. Gadagatl about people who accomplished feats during the Great Patriotic

War, many of whom are fellow countrymen of the writer. The works of both authors are written on a documentary basis about real people.

Keywords: events of the Great Patriotic War, front-line writer, documentary story, lyric-epic works.

УДК 94

Е.В. Дроботушенко

ВОЕННОЕ НАСЛЕДИЕ ЧИТЫ: ОБЪЕКТЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РЕГИОНА НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА (СОХРАНЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ)

Аннотация. В статье делается попытка выделения групп объектов военного наследия Восточного Забайкалья с приведением примеров по каждой из них. Отмечается, что при видимом благополучии объектов военного наследия отражением их истории и современного состояния на страницах научных и научно-популярных публикаций, в средствах массовой информации сказать, что на сегодняшний день все названные объекты изучены в полной мере, нельзя. Требуется работа по восстановлению их полной истории и, что самое важное, активизация деятельности по их сохранению. Значимым, по мнению автора, является и популяризация военной истории Забайкальского края и его административного центра – г. Читы.

Ключевые слова: военная история, объекты военного наследия, госпитали, захоронения, памятники и памятные места, г. Чита, Читинская область, Забайкальский край.

В 2021 г. городу Чите, административному центру Забайкальского края, было присвоено почетное звание «Город трудовой доблести». Для любого, кто знаком с историей Читы присвоение этого звания представляется верным и очевидным. Действительно, жители г. Читы много сделали для победы нашей страны в самых разных войнах и военных конфликтах.

Долгое время наиболее активная общественность города проводила в жизнь идею о том, что Чита заслуживает присвоения почетного звания «Город воинской славы». К сожалению, этого не произошло, однако военная история города значительна. В чем она находит свое отражение? Ответ на данный вопрос и призвана дать настоящая статья.

Для обывателя, человека, не погруженного серьезно в изучение истории, увидеть ее и оценить, вероятно, можно через объекты историко-культурного наследия. Применительно к настоящему исследованию можно говорить об объектах военной истории.

Мы бы выделили несколько групп объектов, связанных с военной историей г. Читы. При этом отметим, что данные группы можно предложить и для остальных территорий региона.

Во-первых – это места захоронений погибших при исполнении воинского долга или умерших от ран в госпиталях. В Чите речь идет, прежде всего, о городском кладбище. На нем имеются братские захоронения с установленными памятниками, стелами. Часть из них достаточно хорошо известна читинцам. Это, к примеру, стела над захоронением группы погибших при выполнении служебных обязанностей, среди которых был профессор МГУ, старший научный сотрудник института истории Академии наук СССР, майор Г.С. Карап-Мурза [1].

На читинском городском кладбище к периоду Великой Отечественной войны относится шесть братских могил, в которых захоронены умершие от ран в госпиталях г. Читы [5, с. 201].

Следует сказать, что на читинском городском кладбище есть отдельные захоронения и могилы, которые на сегодня, к сожалению, заброшены и требуют к себе внимания.

Могила Героя Советского Союза летчика В.Г. Рахова расположена в сквере школы № 15 г. Читы.

Вторая группа объектов военного наследия – это здания города, связанные с военной историей. К примеру, часть из них была в разное время под госпиталями. Точное число госпиталей в г. Чите на сегодняшний день назвать нельзя. В публикациях встречаем самые разные цифры. В одних изданиях – 24, в иных – 27 за время Великой Отечественной войны [7; 8]. Отдельные авторы говорят о 19 госпиталях без уточнения года [3, с. 555; 4, с. 398].

Само разнотечение в цифрах количества госпиталей г. Читы говорит о том, что их история на данный момент не восстановлена. Частичный их перечень известен, в ряде случаев на зданиях имеются мемориальные доски, однако полная история того или иного госпиталя отсутствует. Здесь примером может служить здание по адресу ул. Чкалова, д. 140.

Третья групп объектов военной истории г. Читы – памятники и памятные места. Здесь, в отличие от могил, братских захоронений и госпиталей, ситуация относительно понятна. Перечень их известен, за ними следят власти, и содержатся они в порядке. Несомненно, основным объектом является Мемориал «Боевая и трудовая слава забайкальцев» в Железнодорожном районе города. Военные объекты имеются по всему городу.

Следует отметить, что не все объекты военной истории г. Читы известны в равной мере. Об одних знают практические все, о других только часть представителей общества, некоторые же знакомы только специалистам. К первым относится Мемориал «Боевая и трудовая слава забайкальцев», ко вторым, вероятно, Братская могила советских воинов, погибших в боях у реки Халхин-Гол. О третьей группе говорить сложнее, так как о них известно мало. Примером таковых, по нашему мнению, является, к примеру, здание Читинского военного полугоспиталя [2, с. 14–21].

На наш взгляд, наличие практически неизвестных объектов военной истории г. Читы требует к их изучению особого, пристального внимания. Но даже относительно известные объекты изучены мало или практически не изучены. Это предполагает необходимость исследовательской работы в этом направлении. Одна из проблем заключается в том, что воссозданием истории и отслеживанием состояния названных объектов занимается узкий круг краеведов. Отсюда встает вопрос о необходимости популяризации военной истории Забайкальского края в целом и г. Читы в частности в широких кругах общественности. Для этого много делается преподавателями историко-филологического факультета крупнейшего в регионе высшего учебного заведения, Забайкальского государственного университета, и членами отделения Российского исторического общества в Забайкальском крае. Осенью 2021 г. проведена большая Всероссийская научно-практическая конференция «Забайкалье в отечественной военной истории», в рамках работы которой среди прочего уделено внимание объектам военной истории г. Читы и популяризации знаний о них. В конце 2022 г. – это опять же Всероссийская научно-практическая конференция «Боевой и трудовой подвиг забайкальцев в годы Великой Отечественной войны».

Немаловажным является проблема сохранения военного наследия г. Читы и Забайкальского края. Отметим, что, в отличие от памятников православной культуры в регионе, объектам военной истории уделяется значительно большое внимание. Мемориалы, памятники, захоронения содержатся в относительном порядке. В то же время отдельные могилы либо забыты, либо их состояние поддерживается деятельностью энтузиастов. К ним относится читинский краевед, много делающий для сохранения военной истории региона, Александр Иванович Лыцусь.

Отдельные объекты военной истории на территории г. Читы требуют к себе, с точки зрения сохранности, особого внимания со стороны властей. Таковым является упоминавшееся выше здание Читинского военного полугоспиталя.

Представляется не лишним создание перечня (реестра) объектов военной истории г. Читы.

Источники и литература

1. Братское захоронение // Чита неофициальная. Режим доступа: <http://neochita.ru/photos/photo5519.html> (дата обращения: 28.07.2022).
2. Куренная И.Г., Виткаускас Е.Н. Объект военно-исторического наследия Забайкальского края здание Читинского военного полугоспиталя в истории г. Читы // Записки Забайкальского отделения Российского исторического общества. – 2022. – № 1(2). – С. 14–21.
3. Куриленко И.В., Зеленская З.М. Эвакогоспитали // Малая энциклопедия Забайкалья. Здравоохранение и медицина. – Новосибирск, 2011. – С. 554–556.
4. Куриленко И.В., Зеленская З.М. Эвакогоспитали // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. В 4-х т. – Новосибирск, 2006. Т. IV. С–Я. – С. 399.
5. Лыцусь А.И. Кладбища г. Читы // Малая энциклопедия Забайкалья. Архитектура и строительство. – Новосибирск, 2016. – С. 198–202.
6. На читинском кладбище захоронены погибшие от ран бойцы Великой Отечественной // ZABTV. Режим доступа: <https://zab.tv/news/21286> (дата обращения: 28.07.2022).
7. Справочник дислокации госпиталей РККА в 1941–1945 годах // Солдат.ру. Режим доступа: <http://www.soldat.ru/hospital.html?page=0> (дата обращения: 28.07.2022).

8. Шестакова М. Эвакогоспитали. «Сестричка, помоги...» // Чита. ру. Режим доступа: <https://www.chita.ru/articles/73119/> (дата обращения: 28.07.2022).

E.V. Drobotushenko

MILITARY HERITAGE OF CHITA: OBJECTS OF MILITARY HISTORY OF THE REGION ON THE TERRITORY OF THE CITY (PRESERVATION AND POPULARIZATION)

Abstract. The article attempts to identify groups of military heritage objects of Eastern Transbaikalia with examples for each of them. It is noted that with apparent well-being, taking into account military heritage objects, reflecting their history and current state on the pages of scientific and popular science publications, in the media, it is impossible to say that today all these objects have been fully studied. Work is required to restore their full history and, most importantly, intensify efforts to preserve them. Significant, according to the author, is the popularization of the military history of the Trans-Baikal Territory and its administrative center – the city of Chita.

Keywords: military history, military heritage sites, hospitals, burial places, monuments and memorable places, Chita, Chita region, Trans-Baikal Territory.

УДК 82.091'94/94'340

С.И. Михальченко

ПУШКИНСКИЕ ОЦЕНКИ РУССКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1830-х гг. В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Ф.В. ТАРАНОВСКОГО*

Аннотация. Статья рассказывает о сербскоязычных статьях известного историка права Ф.В. Тарановского, посвященных истории славян. Особое внимание уделяется в статье о возвзрениях А.С. Пушкина на русско-польскую войну 1830–1831 гг. Описываются причины появления статьи, ее значение в творчестве Тарановского.

Ключевые слова: Ф.В. Тарановский, А.С. Пушкин, русско-польская война 1830–1831 гг.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00024.

Известный отечественный ученый-гуманист Федор Васильевич Тарановский (1875–1936), особенно прославившийся как теоретик и историк права, не раз выступал в печати и как автор публицистических и научно-популярных работ «на злобу дня». Его публицистическая деятельность началась в годы революции, когда он уже был маститым ученым, профессором Юрьевского университета, и продолжилась в эмиграции, куда его привели неприятие большевизма и сотрудничество с белыми (с 1920 г. вплоть до смерти он – профессор по кафедре истории славянского права в Белградском университете в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославия) [1]).

Научное творчество Тарановского этих лет представлено сочинениями по теории и истории права, истории России. Значительное – если не решающее – место в его наследии эмигрантского периода занимают труды по истории государства и права южных славян [1].

Наряду с научными сочинениями Тарановского в области славистики большой интерес представляют и его историко-литературные публицистические произведения этого периода [2; 3], наиболее яркой из которых, пожалуй, является статья «Пушкин и польско-русская война 1830–1831 гг.» [4]. Как и многие другие русские эмигранты-гуманисты, Тарановский не оставался в стороне от празднования разного рода юбилейных дат русской истории: годовщин рождения и смерти известных деятелей культуры, юбилеев политических событий и военных побед. Когда в среде русской эмиграции отмечалось 130 лет со дня рождения А.С. Пушкина и приближался юбилей победы в польско-русской войне 1830–1831 гг., Тарановский откликнулся на эти события указанной статьей. Статья была опубликована на сербскохорватском языке в массовом журнале и, таким образом, предназначалась, прежде всего, для широких кругов югославских читателей. Она поэтому не столько содержала научные выводы (Тарановский, собственно, и не занимался научными изысканиями в этой области, подчеркивая, что не является пушкинистом [4, с. 513]), сколько давала информацию читателям главного сербского литературоведческого издания «Српски Књижевни Гласник» по теме статьи. Тарановский, отмечая, что русско-польские отношения на протяжении длительного времени характеризуются значительным антагонизмом, но при этом имеют важное и принципиальное значение для всего славянства, рассказывал читателю

о причинах и постепенном вызревании польского восстания 1830 г. и о его подавлении в 1831 г. В это время, как известно, Пушкин написал три произведения, связанных с событиями польско-русского противостояния: «К тени полководца», «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Тарановский пересказал содержание стихотворений, особенное внимание уделяя двум последним. Он подчеркивал, что стихотворение «Клеветникам России» направлено не против поляков, а против враждебных России речей во французском парламенте. «Пушкин показывает, что ненависть к России ничем не оправдана, и предупреждает об исторической заслуге России перед Европой, когда Россия освободила всю Европу от тирании Наполеона. На бряцание оружием он отвечает предупреждением о военной мощи великой России, которая уже однажды проявила себя и которую можно снова проявить в действии». Самое главное, подчеркивал Тарановский, что в этой песне Пушкин «отказывает Западной Европе в праве вмешиваться в польско-русский конфликт» [4, с. 510].

В «Бородинской годовщине» поэт связывает со славными воспоминаниями новую победу, падение Варшавы, которую он был склонен считать другим Бородино. По мнению Тарановского, «Пушкин и не помышлял о панславизме, а заботился о благоприятном решении общерусского вопроса, а именно о национальном и политическом объединении всех русских племен» [4, с. 511]. Тарановский специально подчеркивал актуальность произведений Пушкина ученному для современной Европы начала 1930-х гг. Завершая статью, исследователь пророчески писал: «Пока Россия находится в состоянии революционного брожения. Как только она выйдет из него и освободится от международного давления, она вступит на путь своей национальной истории, и встанет вопрос о ее отношении к Польше. Старые расчеты закончились. Необходимо будет установить польско-российские отношения на новых принципах. В основе их должен лежать принцип равноправия и, самое главное, одинаковые критерии должны применяться к обеим сторонам» [4, с. 513].

Статья Тарановского «Пушкин и польско-русская война 1830–1831» заняла определенное место в информировании югославского читателя о творчестве поэта. Она также важна для понимания общественно-политических взглядов самого Ф.В. Тарановского, безусловно, ставшего на сторону Пушкина в оценке внешнеполитического противостояния России и Польши в 1830-е гг.

Источники и литература

1. Михальченко С.И. Федор Васильевич Тарановский // Вопросы истории. – 2017. – № 9. – С. 16–33.
2. Тарановски Т. Стара польска култура // Летопис Матице Српске. – Нови Сад, 1932. Књ. 333. – С. 87–102.
- 3 Тарановски Т. Социјално-политички назори Тургенјева // Српски књижевни гласник. 1933. Књ. XXXIX. Бр. 6. – С. 418–425.
4. Тарановски Т. Пушкин и польско-русски рат 1830–1831 // Српски књижевни гласник. 1929. Књ. XXVIII. Бр. 7. – С. 508–514.

S.I. Mikhalchenko

A.S.PUSHKIN'S ASSESSMENTS OF RUSSIAN-POLISH RELATIONS IN THE 1830S. IN THE INTERPRETATION OF F.V. TARANOVSKY

Abstract. The article tells about the Serbian-language articles of the famous historian of law F.V. Taranovsky, dedicated to the history of the Slavs. Particular attention is paid to the article about the views of A.S. Pushkin on the Russian-Polish war of 1830–1831. The reasons for the appearance of the article, its significance in the work of Taranovsky are described.

Key words: Taranovsky F.V., Pushkin A.S., Russian-Polish war of 1830–1831.

УДК 94

**А.С. Никулина,
Е.И. Комиссаров,
В.В. Чорненський**

СЕМЕЙНЫЕ ДИНАСТИИ – НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

Аннотация. В статье представлены примеры военных династий среди курсантов Вольского военного института материального обеспечения. Важную роль в формировании профессиональной династии военнослужащих играет осознание социальной значимости профессии, объединение членов семьи общими интересами к военной деятельности, стремлением к взаимопомощи, оказанию поддержки в процессе адаптации к особенностям воинской службы, проведением профориентационной работы с молодыми последователями семейной традиции, а также перениманием воинского опыта у старших членов династии. Но наиболее существен-

ным условием для сохранения династии является желание приумножать профессиональный военный опыт и накапливать семейные ценности служения Родине для будущих потомков.

Ключевые слова: военная династия, семейная память, Родина, патриотизм, семейный архив, Великая Отечественная война.

На профессиональное самоопределение обучающихся оказывает влияние ряд различных факторов: внутренние и внешние социально-экономические ориентиры государства, его военно-политический курс, материальная заинтересованность будущих специалистов, а также семейные традиции, личный пример родителей и близких родственников. Так зарождаются семейные династии. Династии врачей, учителей, артистов, военных и других складываются из поколения в поколение, приумножая кадровое богатство нашей страны. Но в действительности оказывается так, что в сохранении семейной династии большое значение играют личные убеждения членов семьи, патриотические чувства, а также большая ответственность перед Родиной и старшими представителями семейной традиции.

Династии возникают в семьях, в которых родители с интересом занимаются своим делом. Важную роль оказывает социально-культурная значимость и престиж профессии данной династии, а также высокий нравственный уклад и традиции. Одной из таких престижных профессий является профессия военнослужащего. Многие мальчики и девочки с детства мечтают стать офицерами, носить красивую форму и защищать Родину от врагов.

Жизнь в условиях семейной династии военнослужащих воздействует на быструю выработку морально-боевых качеств будущего офицера и весь уклад его воинской службы, жизни, быта и труда. Образцовый уставной порядок, строгий режим, правильная организация жизни и быта воинов формируют привычку всегда быть точным, собранным, аккуратным, постоянно готовым к немедленным действиям.

Такими в нашем институте по праву являются семьи курсантов Комиссарова и Чорненьского. Каждому члену семьи хорошо известно, что такая ответственность, самоотверженность и дисциплина. Каждый в их семье служит Родине и народу бескорыстно, из соображений долга. На долю их семейных династий выпало немало

бед и потерь, они прошли через сложные исторические испытания, которые пришлось пережить Советскому Союзу и России. К несчастью, до этого дня дожили не все, но память о них в их семьях пройдет через века, потому что те, кто сейчас жив, продолжат их семейную традицию, защищая рубежи нашей страны во имя мира и благополучия народов России и дружественных нам стран, готовых к поддержанию диалога. Благодаря таким военнослужащим ничто не способно поколебать свободу и независимость нашего государства.

Таким образом, выбор темы исследования обусловлен необходимостью сохранения памяти о военной деятельности членов семьи у подрастающего поколения, направленной на осознание общих ценностей и представлений патриотизма, берущих начало в семейном роду и определяющих морально-боевые качества более молодых продолжателей традиции.

Большую роль в упрочении семейной памяти играют фото из семейных альбомов, рассказы со слов родственников, документы (военные билеты, удостоверения о наградах, благодарственные письма, справки о ранениях и др.), когда они передаются из поколения в поколение и бережно хранятся в семье. Работа с семейными архивами содействует воспитанию у обучающихся чувства патриотизма, уважения и любви к предкам, популяризации исторической грамотности, а также национального самосознания и гражданской идентичности, ответственности за свое Отечество.

В ходе исследования курсантами были собраны сведения о жизни и военной службе их родных и близких. Сбор информации о военном вкладе родственников в обороноспособность страны позволил ближе познакомиться с военной службой прадедов, дедов, отцов. Тем более что многие страницы их военной биографии были курсантам неизвестны.

Особого внимания заслуживают документы и иного рода информации, подтверждающие участие прадедов в Великой Отечественной войне. Так, стало известно, что прадед курсанта Комиссарова Степан Моисеевич Моисеев в годы Великой Отечественной войны служил в звании «гвардии старшина» и должности «механик-водитель» старшего танка «ИС» 27-го отдельного гвардейского тяжелого танкового Выборгского полка.

О подвиге прадеда Степана удалось узнать, используя ресурсы портала Министерства обороны «Память народа» [3]. В период боевых действий полка на 2-м Прибалтийском фронте с октября 1944 по февраль 1945 г. прадед Степан, работая механиком-водителем танка-тягача «КВТ», показал образцы мужества, отваги и самоотверженности. Зачастую под сильным артиллерийским огнем противника, рискуя своей жизнью, производил эвакуацию с поля боя подбитых и застрявших танков. Кроме того, прадед доставлял на своем танке-тягаче в период бездорожья – боеприпасы, ГСМ и продовольствие. Он был дисциплинированным и исполнительным, хорошо знал материальную часть танка и уход за ним, добросовестно относился к выполнению своих обязанностей.

Приказом командующего бронетанковыми и механизированными войсками 61-й армии № 18/н от 22 июня 1945 г. от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество С.М. Моисеев был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Кроме того, прадед был награжден орденом Красной Звезды, орденом Славы 3-й степени; медалями «За отвагу» (Приказ № 115 Стрелкового Корпуса № 012/н от 31.01.44 г.), «За боевые заслуги». Был инвалидом войны 2-й группы – три раза горел в танке. Имел ранения: тяжелое – в октябре 1942 г. и легкое – в декабре 1943 г. Кроме того, имеются медали «За взятие Кенигсберга» и «За взятие Будапешта».

Относительно прадеда Ивана Ивановича Комиссарова известно, что до и после войны он проходил службу в Чебоксарском РОВД НКВД – МВД Чувашии в должности участкового-уполномоченного по ряду сельских советов Чебоксарского района ЧАССР.

Подробности его военной службы в годы Великой Отечественной войны выяснить было сложно, потому что официальную информацию нам так и не удалось получить ввиду штампа «секретно» на его личном деле. Неудивительно, почему наши попытки найти хоть какие-то сведения о прадеде на порталах Министерства обороны не увенчались успехом [3]. В то же время на сегодняшний день существует немало книг, которые содержат информацию о деятельности советской разведки в годы Великой Отечественной войны [2];

4], которые помогли сформировать в общих чертах представление о службе прадеда.

По воспоминаниям деда Григория, прадед Иван в совершенстве владел немецким языком, поэтому проходил специальное обучение (он достаточно немногословно об этом говорил) с последующим проведением секретной операции на территории Германии. Дед Григорий не мог смотреть без слез фильм «17 мгновений весны» с главным героем Штирлицом и все время говорил: «Это вот как мой отец». О многих агентах советской разведки, по-видимому, как и о прадеде Иване, никто никогда уже не узнает – большие тайны хранят они или навечно унесли с собой. Иван Иванович был твердым человеком, обладавшим редкой выдержанкой и самообладанием. Он мог быть приятным и умным собеседником, поражая логикой и глубиной мысли, нетерпимым с коллегами, ставившими личные интересы выше служебных. На всякого рода расспросы сына (деда Григория) он всегда говорил: «Тема закрыта». Никогда и слова от него нельзя было узнать по данному вопросу. Оставалось только догадываться. Прадед Иван был награжден орденом Красной Звезды, двумя медалями «За боевые заслуги», «За отвагу».

Рассмотрение семейного архива позволило определить заслуги членов династии перед страной, а также выявить опасные факторы, с которыми имели (имеют) дело представители семейной династии в ходе службы. Дед курсанта Комиссарова Григорий, дядя Игорь и дядя Дмитрий служили офицерами в МВД. По их немногословным рассказам стало понятно, что это опасная работа, потому что приходится бороться не только против преступности, но и против коррупции в правоохранительных органах, предательства со стороны коллег по службе. Со слов тети Ирины стало очевидно, с какими опасными психологическими и биологическими факторами приходится ей сталкиваться, работая в госпитале, особенно сейчас, в период распространения новой коронавирусной инфекции. Личный пример отца повлиял на дальнейший выбор курсантом профессии военнослужащего в сфере тылового обеспечения. В то же время он понимает, что служба в армии, правоохранительных органах, медицинских учреждениях – это не только «изящный мундир», стабильный заработок, но и большая ответственность перед страной, перед народом, перед семейной династией за сохранение обороноспособ-

ности нашего государства, свободы мирного населения ценой собственной жизни. Но он осознанно готов идти этим путем, потому что это его призвание – служить Родине и сохранить династию Комиссаровых в память о тех, кого уже нет с ними и во имя будущего тех, кто есть или еще будет.

Заслуга семейных профессиональных династий заключается в том, что они передают собственные знания и накопленный опыт из поколения в поколение. Такой опыт, безусловно, является бесценным, потому что такому, чему могут научить деды и отцы, о них в учебниках не прочтешь.

Так, например, курсант Чорненький всегда хотел быть похож на своего деда П.Ф. Тимчука и отца В.Ф. Чорненького. Он много слышал об их тяжелой службе, их славные подвиги вдохновляли его, но многое оставалось неясным. Ему предстояло выяснить боевой путь деда в годы Великой Отечественной войны, оценить командирские способности отца и его заслуги перед страной, определить зависимость профессионального выбора внука и сына от воинских обязанностей деда и отца по осуществлению материально-технического обеспечения.

Дед курсанта Чорненького Павел Филиппович Тимчук в 1937 г. окончил среднюю школу и в этом же году курсы учителей начальных классов, так как мечтал стать учителем. В 1937 г. был призван в Красную армию и стал курсантом 60-го отдельного батальона связи 32-й стрелковой дивизии. Будучи командиром отделения связи, в составе этого подразделения был отправлен на Дальний Восток в г. Благовещенск в «учебку» связи и после девяти месяцев учебы младший сержант П.Ф. Тимчук был направлен в погранотряд в район озера Ханка Приморского края. В период с 29 июля по 11 августа 1938 г. разгорелись бои у озера Хасан и у Халхин-Гола на Дальнем Востоке [1].

Тимчук П.Ф., участвуя в этих боях, обеспечивал устойчивую связь между подразделениями 32-й стрелковой дивизии и в 1939 г. был награжден нагрудным знаком «Участник боев у Хасана». В этом же году П.Ф. Тимчук поступил в Ульяновское военное училище связи им. Орджоникидзе. Военное училище закончил накануне Великой Отечественной войны – в первых числах июня 1941 г. Молодой лейтенант П.Ф. Тимчук направился в распоряжение 10-го

отдельного полка резерва офицерского состава, откуда в должности командира взвода связи 216-го стрелкового полка 76-й стрелковой дивизии Западного Особого военного округа был направлен на западную границу Советского Союза.

Силы Западного Особого военного округа, позднее преобразованного в Западный фронт, противостояли войскам нацистской Германии. Прорыв немецкими армиями советской обороны в районе Гродно и Бреста поставил под угрозу окружения все основные силы Западного фронта, расположенные на Белостокском выступе, в том числе и 216-й стрелковый полк.

При выходе из окружения 29 июня лейтенант П.Ф. Тимчук, возглавляя группу красноармейцев, вступил в неравный бой с фашистами. В результате боя фашисты понесли потери и отступили. Были потери и среди группы красноармейцев. Лейтенант П.Ф. Тимчук получил ранение в голову, был контужен и помещен в санитарную роту, которая позднее была захвачена немцами. Офицеры и евреи были расстреляны сразу. Лейтенант П.Ф. Тимчук, по счастливой случайности, избежал этой участи, так как был одет в одежду госпиталя. Всех оставшихся в живых фашисты взяли в плен, раненых отправили колонной в концлагерь. На территорию временного концлагеря в районе Бреста немцы допускали местных жителей для передачи пленным продуктов. Воспользовавшись этим, П.Ф. Тимчук с группой жителей незамеченным покинул лагерь. На тот период строгого контроля со стороны фашистов за пленными не было. За этот подвиг Павел Филиппович Тимчук был награжден медалью «За отвагу».

Линия фронта была уже далеко. Бои шли в районе г. Смоленска и г. Киева. Пройти к линии фронта, будучи раненым, было невозможно. Дед принял решение: добраться до места проживания своих родителей, подлечиться и потом пробиваться к линии фронта.

Преодолев около 400 км, прибыл домой. Через своего отца Ф.И. Тимчука, который был связанным у партизан, получил задание от командира партизанского отряда устроиться на работу по месту жительства и вести разведку о продвижении фашистских войск. Разведданные, а также продукты питания для отряда П.Ф. Тимчук передавал партизанам через своего отца.

После освобождения территории от фашистов, в апреле 1944 г. Павел Филиппович был зачислен в 22-й отдельный штурмовой батальон Красной армии, и как кадровый офицер был направлен на переподготовку, а потом опять на фронт.

Позже батальон перебросили в Молдавию, где уже началась Ясско-Кишинёвская операция. Под городом Фокшаны П.Ф. Тимчук был тяжело ранен. После излечения направлен в 216-й стрелковый полк, и в декабре 1944 г. он уже воевал в Прибалтике, брал Кенигсберг. За участие в боях был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. За героизм, проявленный в боях под Берлином, был награжден орденом Красной Звезды, а 9 мая 1945 г. – медалью «За победу над Германией в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.».

После госпиталя Павел Филиппович до весны 1946 г. служил в одном из гарнизонов в Германии. Позже его подразделение перебросили в Прибалтику, где он принял активное участие в ликвидации так называемых «лесных братьев» [5]. В 1956 г. капитана П.Ф. Тимчука как кадрового офицера-фронтовика направили на переподготовку.

С началом восстания в Венгрии их часть перебросили на подавление мятежа. В районе озера Балатон был ранен осколками гранаты в обе ноги. После выздоровления прадед был демобилизован и зачислен в запас.

После завершения военной службы майор П.Ф. Тимчук окончил Каменец-Подольский педагогический институт. Он устроился в школу учителем русского языка и литературы и одновременно занимался военно-патриотическим воспитанием детей.

За подвиг и участие в Великой Отечественной войне в 1985 г. был награжден орденом Отечественной войны I степени. В 2000 г. в честь 55-летия Победы в Великой Отечественной войне П.Ф. Тимчуку было присвоено звание «Подполковник».

В ходе исследования курсантом были изучены наградные листы, в которых описаны подвиги деда во время Великой Отечественной войны. Подробный анализ документов позволил узнать, как деду удалось выжить в плена у фашистов и бежать из концлагеря. До этого исследования курсанту Чорненькому не было известно, что его дед хотел стать учителем и даже проходил специальные курсы

до призыва в армию. Но его мечте суждено было сбыться только после окончания войны. Отец курсанта Чорненького на данный момент тоже занимается преподавательской деятельностью. Этому во многом способствовала работа по подготовке и воспитанию курсантов в годы службы. На выбор профессии самого курсанта повлияли личный пример и рассказы деда и отца, подполковника запаса В.Ф. Чорненького, о профессии военного, о военной службе. Связь с тыловой специальностью для курсанта не случайна. Ранее мы уже писали, что в годы Великой Отечественной войны дед через своего отца передавал для партизанского отряда продукты питания. А отцу курсанта, В.Ф. Чорненькому, в лейтенантские годы, в должности командира монтажного взвода военно-строительного отряда неоднократно приходилось решать не только вопросы строительства спецобъекта, но и вопросы обеспечения солдат питьевой водой, организацией питания, банно-прачечным обеспечением в то время, когда взвод для выполнения поставленных задач был откомандирован от расположения воинской части.

По мнению курсанта Чорненького, их семья по праву относится к числу семейных династий военнослужащих и их объединяет одно стремление – стоять на защите рубежей нашей страны. Выбранный им самим путь военнослужащего был неизбежен, но не потому, что его обязывала к этому необходимость продолжить династию, а потому что хотелось последовать общему семейному делу, заниматься деятельностью достойной настоящего мужчины.

Таким образом, в современных условиях поднимается статус военнослужащего как гаранта обороноспособности страны и нашего многонационального народа. Семейная традиция сохранения военных династий в Вооруженных силах Российской Федерации – ценнейшее духовное состояние, которое старшее поколение, как эстафету, передает воинам XXI в. Мужество и героизм, легендарные подвиги воинов среди близких родственников в годы тяжелейших испытаний порождают благородные чувства и гордость, стремление подражать замечательным образцам служения Родине в собственном роду. В семейной традиции поддержания воинской династии заключена сила примера самоотверженного выполнения воинского

долга, зовущего к тому, чтобы героизм и мужество стали нормами поведения каждого воина. Конкретность в раскрытии сущности и значения подвигов героев прошлых лет и современности в своей семейной династии играют значительную роль в сохранении исторических и боевых традиций Отечества.

Источники и литература

1. *Касахара К.* Бои у озера Хасан: анализ числа и характера потерь Японии и СССР // Российский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6. – № 4. – С. 298–311.
2. *Кузнецов В.В.* НКВД против гестапо: операции советской разведки. – М., 2018.
3. Официальный портал Министерства обороны «Память народа» // Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru/>
4. *Пещерский В.Л.* «Красная капелла». Советская разведка против агентов и гестапо. – М., 2000.
5. *Симиндей В.* Как партизанили «лесные братья» в Латвии: новые свидетельства // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2014. – 1 (5). – С. 162–170.

A.S. Nikulina,
E.I. Komissarov,
V.V. Chornenky

FAMILY DYNASTIES ARE IN SERVICE TO THE FATHERLAND

Abstract. The article presents examples of military dynasties among cadets of the Volsk Military Logistics Institute. An important role in the formation of a professional dynasty of military personnel is played by the awareness of the social significance of the profession, the unification of family members with common interests in military activities, the desire for mutual assistance, the provision of support in the process of adaptation to the peculiarities of military service, career guidance work with young followers of the family tradition, as well as the adoption of military experience from senior members of the dynasty. But the most essential condition for preserving the dynasty is the desire to increase professional military experience and accumulate family values of service to the Motherland for future descendants.

Keywords: military dynasty, family memory, Homeland, patriotism, family archive, Great Patriotic War.

МУЗЕИ КАК ХРАНИТЕЛИ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИЙ ПОСРЕДСТВОМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ СРЕДИ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы активизации интереса к своей «малой» Родине на примере сохранения памяти о Великой Отечественной войне на основе исследовательской работы школьников, музеев по сбору материалов биографий участников Великой Отечественной войны на примере Н.И. Крылова, А.И. Демина, Н.П. Корсакова, П.И. Мацыгина, В.З. Назаркина, Н.В. Редькина.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Герой Советского Союза, подвиг, память.

*Помните!
Через века, через года, –
помните!
О тех,
кто уже не придет никогда, –
помните!*

Эти проникновенные строки поэта Роберта Рождественского, написанные в 1960 г., обращены к нам, ныне живущим и грядущим поколениям. Поэт не понаслышке знал о Великой Отечественной войне: защищая Родину, остались на поле брани его отец и четверо братьев его матери, да и сам он был ребенком войны. Наверное, по этим причинам от его произведения исходит такая боль, горечь и трагичность. Каждой строкой поэт призывает, предупреждает и заклинает людей от беспамятства, ориентируя все человечество на созидательный труд, творчество, мечты. В этой жизни не должно быть войны, зла, лжи. Внуки и правнуки погибших обязаны хранить память и передавать ее через века, через года...

И эта память живет на нашей многострадальной земле. Она носится над лесными партизанскими тропами Белоруссии и Карелии, слышится в зимней выюге над Петрищевом и всем Подмосковьем,

отражается в водах Невы, Волги и Днепра, расстилается туманами над Смоленщиной и Курскими полями... Она 1418 дней и ночей неустанно шагает от Москвы и Сталинграда к Берлину.

Эта память воплотилась в искусстве и культуре, в душах людей, которым дорога их Родина. Они берегут эту память, дорожат ею, как могут.

Все мы прекрасно помним и знаем такие шедевры литературного искусства, как роман К. Симонова «Живые и мертвые», Ю. Бондарева «Горячий снег», удивляемся силе и моци произведений музыкального искусства и живописи, смотрим фильмы о Великой Отечественной войне. Каждому известны такие мемориальные комплексы, как Брестская крепость и Мамаев курган, каждому близки и дороги скромные обелиски в родном селе, где высечены имена не пришедших с войны земляков, среди которых и наши предки...

Есть такие обелиски в каждом населенном пункте и в Тамалинском районе, который дал Родине шесть героев Советского Союза. Бюсты Крылова, Мацыгина, Назаркина, Редкина, Корсакова, Демина находятся у памятника погибшим воинам рабочего поселка Тамала. Материалы о жизни этих людей хранятся в краеведческом музее школы имени Героя Российской Федерации Р.А. Китанина. А в с. Вишневое есть музей дважды Героя Советского Союза маршала Н.И. Крылова. Хочется остановиться чуть подробнее на истории создания и деятельности этого музея.

Ярким примером памяти об исторических событиях и людях, участвовавших в них, является этот сельский историко-краеведческий музей. Само здание краеведческого музея уже дышит историей. До его сегодняшнего предназначения оно служило школой в с. Рячино, находившегося недалеко от с. Вишневое. К сожалению, это село исчезло с карты Тамалинского района, как и десятки других сел во второй половине XX в. После закрытия школы в с. Рячино здание было разобрано и перевезено в Вишневое, где много лет было одним из школьных помещений.

После того как в 1980 г. открыли новую школу, оно несколько лет не функционировало, пока в 1985 г. ему не нашли достойное применение. Инициатором создания сельского историко-краеведческого музея стала Альбина Григорьевна Пучкова, которая уже к этому времени занималась со школьниками краеведением. Идея

была поддержана сельской администрацией. А.Г. Пучкова начала активно вместе с учащимися собирать материалы для музея, обращаясь к старожилам. Они проводили подворный обход, собирали как устную, так и вещественную информацию об истории села: фотографии, документы, воспоминания жителей, а «у одной бабушки в сарае обнаружили ткацкий станок, который служил курам вместо насеста» [2, с. 238]. Теперь он – экспонат музея.

Очень тяжело поначалу было найти информацию о родственниках дважды Героя Советского Союза, маршала Н.И. Крылова, который родился в с. Голяевка Саратовской губернии Балашовского уезда (ныне с. Вишневое Пензенской области Тамалинского района) в семье сельского священника. В военные годы Николай Иванович занимал должность начальника штаба Приморской армии, участвовал в обороне Одессы, Севастополя и Сталинграда. За мужество и умелое руководство войсками армии в период Белорусской наступательной операции генерал-полковнику Н.И. Крылову присвоено звание Героя Советского Союза.

Вторую «Золотую Звезду» он получил в 1945 г. при Маньчжурской операции. Связь удалось установить через адъютанта Н.И. Крылова, полковника Петрова. Школьники провели экскурсию – поход в г. Аркадак, где жил с родителями и учился в школе будущий маршал, встретились с его соседями и учителями и нашли очень много ценной информации.

Через некоторое время две учительницы и одна из учениц вишневской школы по приглашению родственников маршала поехали в Москву, откуда привезли бесценные экспонаты: парадный мундир и пальто полководца, фотографии военных лет и рукописные книги, хранившиеся вначале в школе [2, с. 239].

Дети общались с земляками-ветеранами, старожилами села, которые отдавали в дар музею фотографии, письма, предметы быта и делились информацией с ними о своей жизни в военное время и в тяжелые послевоенные годы. Все это позволило накопить материал, ставший впоследствии экспонатами музея. Активное участие детей в сборе различной информации способствовало открытию новых сведений о своей малой родине, об известных земляках и обычных фронтовиках и тружениках тыла, чьими руками ковалась победа.

Бесспорно, это развивало в них чувство любви, гордости и уважения к отчemu краю и стране, благодарность к тем, кто избавил мир и планету от коричневой чумы.

Сельский историко-краеведческий музей живет и выполняет функцию хранителя памяти о прошлом. В нем три экспозиции: «История села Вишневое», «Воины-земляки» и «Маршал Н.И. Крылов». Благодаря поисковой деятельности детей экспонаты музея отличаются богатством и разнообразием. Каждому посетителю предоставлена возможность увидеть личные вещи Н.И. Крылова: рабочий китель, выходное пальто и парадную фуражку, а также книги, автором которых является сам Н.И. Крылов. В дар музею были переданы копии его наградных листов.

Школьники по-прежнему активно принимают участие в работе музея. Самые ответственные учащиеся, начиная со среднего звена, становятся волонтерами-экскурсоводами. Они проводят экскурсии для учащихся школ района и почетных гостей села.

В юбилейные даты полководца Н.И. Крылова в село приезжают его внуки и правнуки, в школе и музее проходят экскурсии, различные акции памяти, торжественные линейки.

Школьники участвуют и в проектах, которые позволяют усовершенствовать музей. Так, в 2018 г. группа школьников, в состав которой входил и автор статьи, принимала участие в конкурсе «Живу. Люблю. Горжусь», в котором заняли третье место. В сентябре 2020 г. на средства, выделенные победителям конкурса, реконструирована комната музея, посвященная маршалу Н.И. Крылову.

Недалеко от музея, в парке, в 1951 г. установлен бюст полководцу. В нескольких метрах от музея можно увидеть и дом, в котором родился Николай Иванович.

Краеведческий музей с. Вишневое не единственный в нашем районе. Заслуживает внимания музей Тамалинской средней школы имени Героя России Р.А. Китанина, который погиб в Чечне, выводя своих подчиненных из засады. Любой школьник района расскажет о нем и его подвиге. Музей средней школы поселка Тамала существует не один десяток лет. В последнее время работу музея возглавляет учитель истории Марина Владимировна Железнякова. Она профессионал своего дела, неравнодушный к истории родного края человек. Под ее руководством и непосредственно ею собран

и обновлен материал о погибших и вернувшихся участниках Великой Отечественной войны.

В музее до недавнего времени насчитывалось 12 экспозиций. Это «Земляки-герои», «Взгляд из военных лет», «Тамалинцы – участники Великой Отечественной войны», «Документы – немые свидетели войны». Отдельная экспозиция посвящена майору Р.А. Китанину, воинам-афганцам, известным людям Тамалы, творчеству земляков. Шесть Героев СССР связаны так или иначе с тамалинским краем. Материал о каждом из них можно найти в школьном краеведческом музее.

Вот, например, Александр Иванович Демин родился 15 февраля 1921 г. в с. Варварино (ныне – Тамалинский район Пензенская область) в семье крестьянина. Окончил восемь классов школы. В 1938 г. был призван на службу в Рабоче-крестьянскую Красную армию. В 1941 г. он окончил Тамбовское военное пехотное училище. С июня 1941 г. – на фронтах Великой Отечественной войны. Принимал участие в боях на Юго-Западном, Северо-Кавказском, Закавказском фронтах, затем воевал в составе Отдельной Приморской армии, на 4-м Украинском фронте. К сентябрю 1944 г. подполковник Александр Демин был заместителем по строевой части командира 900-го горнострелкового полка 242-й горнострелковой дивизии 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта. Отличился во время Карпатско-Ужгородской наступательной операции [1, с. 90].

В период с 19 по 21 сентября 1944 г. Демин, находясь в боевых порядках одного из батальонов, во время боев к юго-западу от польского города Санок принял командование и вместе с бойцами разгромили немецкие гарнизоны в населенных пунктах Буковско, Дольно, Висло Вельки, Рудавка Яслиска, Ясели, а затем приняли участие в штурме хребта Баскид и выходе к государственной границе СССР с Чехословакией. 23 сентября в бою он получил тяжелое ранение, от которого скончался на следующий день в 275-м медсанбате. Похоронен в селе Михаловице Мазовецкого воеводства Польши.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г. за «умелое выполнение заданий командования, мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками» подполковник Александр Демин посмертно был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Также был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды и рядом медалей.

Бюст Демина установлен на Алее Героев в поселке Тамала у мемориала жителям Тамалинского района Пензенской области – участникам Великой Отечественной войны. Именем Демина названы улица и школа в селе Варварино Тамалинского района Пензенской области.

С нашим краем связано имя Николая Павловича Корсакова, родившегося в 1924 г. в семье крестьянина деревни Иваново-Наумовка Тамалинского района. В 1930 г. семья переехала в Подмосковье. До войны жил в Калининграде, учился в средней школе № 1. После окончания семи классов и ремесленного училища № 3 (ныне ГПТУ-2) в г. Мытищи работал на заводе № 8 им. М.И. Калинина.

В Красной армии с 1942 г. В боях Великой Отечественной войны с марта 1943 г. Весной 1945 г. командир расчета станкового пулемета 115-го кавалерийского полка (8-я кавалерийская дивизия, 6-й гвардейский кавалерийский корпус 2-го Украинского фронта) сержант Корсаков вместе с бойцами сражался с пехотой и тяжелым танком противника у горы Пасека (28 км восточнее г. Левице, Чехословакия). Расчет погиб, но позиции не оставил, уничтожив большое количество гитлеровцев. Звание Героя Советского Союза присвоено 28 апреля 1945 г. (посмертно). Улица, носящая имя Николая Павловича Корсакова, есть в поселке Тамала [1, с. 85].

В июле 1921 г. родился Петр Иванович Мацыгин. Его родина – небольшая мордовская деревушка Масловка, в которой ныне почти не осталось жителей. В 1939 г. Мацыгин был призван на службу в Рабоче-крестьянскую Красную армию. В 1941 г. он окончил Одесское пехотное училище. С июня того же года – на фронтах Великой Отечественной войны, а к декабрю 1943 г. Петр Мацыгин командовал батальоном 197-го стрелкового полка 99-й стрелковой дивизии 1-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта. Отличился во время освобождения Житомирской области Украинской ССР. 24 декабря 1943 г. в бою в районе с. Гута-Забелоцкая Радомышльского района батальон Мацыгина успешно прорвал немецкую оборону и, преследуя отступающего противника, первым ворвался в пригород Житомира, где отразил несколько контратак, продержавшись до подхода основных сил [1, с. 60].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1944 г. старший лейтенант Петр Мацыгин был удостоен высокого

звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». В 1946 г. в звании майора Мацыгин был уволен в запас. Проживал и работал в Бийске. Скончался 20 января 1986 г. [2, с. 61]. Был также награжден орденом Отечественной войны 1-й степени и рядом медалей. Бюст П.И. Мацыгина установлен на малой родине героя в Пензенской области.

Николай Васильевич Редькин, родившийся в с. Зубрилово на живописнейших берегах русской реки Хопер, прославился и на берегах могучего Днепра. 28 сентября 1943 г. взвод Николая Васильевича Редькина под сильным огнем противника в числе первых переправился через р. Днепр в районе с. Лютеж (Вышгородский район Киевской области). Достигнув правого берега, пулеметчики открыли огонь по противнику, прикрывая переправу других подразделений. В следующие дни взвод, удерживающий захваченный плацдарм, отбил несколько атак превосходящих сил противника. 4 октября 1943 г. в критический момент боя Николай Васильевич Редькин заменил собой погибших пулеметчиков и лично уничтожил 20 вражеских солдат и офицеров. В ночь с 6 на 7 октября во время боя за Лютеж он лично уничтожил троих вражеских солдат и захватил три подводы с минами. 7 октября под огнем противника выдвинулся вперед и отразил контратаку сил до роты, уничтожив около тридцати солдат и офицеров противника.

Владимир Захарович Назаркин был уроженцем с. Малая Сергиевка, повоевать он успел дважды. Первый боевой опыт он получил в сражениях на озере Хасан во время срочной службы. В феврале 1942 г. Назаркина призвали повторно. С июня того же года Владимир Захарович сражался в действующей армии. В боях два раза был ранен, награжден орденом Красной Звезды [1, с. 71].

К июню 1944 г. в звании старшего лейтенанта командовал батареей 1326-го легкого артиллерийского полка 5-й гвардейской артиллерийской дивизии прорыва в 21-й армии на Ленинградском фронте.

9 июня 1944 г. в бою на подступах к Выборгу батарея Назаркина уничтожила 6 огневых точек, а на следующий день еще 11, чем обеспечила захват неприятельских траншей. Назаркин одним из первых ворвался в город и меткой стрельбой способствовал продвижению красноармейских частей вперед.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1944 г. Владимир Захарович был удостоен звания Героя Советского Союза

с вручением медали Золотая Звезда (№ 2607). В дальнейшем принял участие в Ясско-Кишеневской наступательной операции, брал Будапешт. Неоднократно награждался. В 1946 г. в звании капитана вышел в запас. Окончил Ленинградский техникум общественного питания. Жил в Свердловске, работал старшим товароведом на мебельном заводе.

Скупые цифры и слова энциклопедий и справочников, за которыми человеческие судьбы и жизни. Все герои, увидевшие свет под небом провинциальной российской деревни на пензенской земле, ушли защищать свою малую родину и свою великую страну. Многим не суждено было услышать победных залпов. Многие обрели свое последнее пристанище на чужбине: в Польше, Чехословакии. Они сражались не только ради свободы своего Отечества, но и ради свободы жителей Украины и Европы. Разве можно найти более блестящий подвиг, чем подвиг этих людей?! Разве можно предать забвению то, что они сделали для России, Украины, Польши, Чехословакии, Венгрии и всего мира?! Они шагнули в бессмертие ради жизни на земле, и мы не имеем права предать память о них. Пока живы поколения, помнящие подвиг нашего народа, будут жить и участники самой народной и священной войны. Память – великая сила.

Источники и литература

1. Бойко О. Энциклопедия. Герои Великой Отечественной войны. – М., 2019.
2. Пучкова А. Вишневое. Страницы прошлого листая. Кн. 2. – Кирсанов, 2014.

**V. N. Parshina,
Y. S. Luboshnikova**

MUSEUMS AS KEEPERS OF MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AND ORGANIZATION OF STUDYING BIOGRAPHIES THROUGH RESEARCH WORK AMONG SCHOOLCHILDREN

Abstract. The article presents the biography and exploits of six Heroes of the Soviet Union who received the title during the Great Patriotic War, called to defend the Fatherland from the Tamalinsky district of the Penza region, whose memory is preserved and passed down from generation to generation in their native land.

Keywords: The Great Patriotic War, Hero of the Soviet Union, feat, memory.

«ВОЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ»: МЕЖДУНАРОДНОЕ ВОЕННО-МЕМОРИАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В 2019–2021 ГГ.

Аннотация. В статье рассматриваются результаты работы в 2019–2021 гг. общественной организации «Военная археология» (Москва) по розыску советских воинов, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны на территории Германии, Польши и Латвии.

Ключевые слова: поиск, военная археология, Красная армия, советский солдат, пропавший без вести, солдатский медальон, увековечение памяти.

Традиционно считается, что поисковое движение – это в первую очередь увековечение памяти павших защитников Отечества, воздание им воинских почестей, установление имен без вести пропавших воинов. Но такое определение, хотя верно, однако, несмотря на всю значимость перечисленных выше задач, неполно. П.И. Тихонов высказывает мнение, что пора говорить о том, что весь комплекс поисковых работ (от работы в архивах до топографических мероприятий и раскопок непосредственно на местах боев) следует выделить в самостоятельное направление археологии – «военную археологию» [18, с. 8–9]. Поисковую деятельность и следует в значительной ее части рассматривать как военную археологию, а именно как специализированное археологическое изучение истории Великой Отечественной войны, хотя до сих пор сам термин «военная археология» многими рассматривается как нечто не имеющее отношения к истории войн, а лишь как способ добывания военных артефактов. На деле же помимо розыска незахороненных останков советских воинов, поиск в поле – это комплексное систематическое изучение истории Великой Отечественной войны. В свете сказанного приходится с сожалением констатировать, что целый пласт информации, добытый поисковиками, до сих пор не введен в научный оборот, либо утрачен в силу отсутствия понимания ее ценности. Во многом утрата сопряжена с отсутствием организованной профессио-

нальной поддержки со стороны различных специалистов (антропологов, судебных медиков, реставраторов и др.). С другой стороны, в самой поисковой среде недостаточен уровень скоординированности действий, эрудированности и обмена информацией. Кроме того, органы государственной власти на местах не всегда адекватно воспринимают поисковые работы, чтобы оказать должное содействие.

Резюмируя сказанное, следует считать «военную археологию» прикладной отраслью непосредственно археологии, своего рода специальной исторической дисциплиной. Это продиктовано целым рядом причин. Бесспорно, на полях войны остается огромное количество материала интересного, а порой и просто необходимого для историков. Именно поиск в поле как комплексное изучение может пролить свет на многие неизвестные эпизоды периода Великой Отечественной войны, дать бесценную информацию, которую не могут предоставить другие источники. Достаточно в качестве примера упомянуть обнаружение в различных районах нашей страны большого количества сейфовых документов Красной армии, закопанных в земле при отступлениях или выходе из окружения, установление мест гибели пропавших без вести военачальников, нахождение боевых знамен и других военных реликвий [18, с. 10].

Поисковики «Военной археологии» с 2010 г. принимали участие в международных экспедициях на территории Германии, Латвии, Польши и других стран [19, с. 2–11]. Несмотря на крайне непростые межгосударственные отношения, политические, экономические, а также пандемические ситуации, общественные организации Польши, Германии, России и Латвии активно взаимодействовали в этой гуманитарной деятельности, в вопросах увековечения памяти павших в годы Первой и Второй мировых войн. За 2019–2021 гг. нами было проведено две экспедиции в Германии, три – в Польше, три – в Латвии. Расскажем о них подробнее.

Латвия

1. В 2019 г. работы проводились в окрестностях г. Скрунда на местах наступательных боев 12-й гвардейской стрелковой дивизии. Она участвовала в блокировании курляндской группировки германских войск. В результате двух экспедиций в районе бывшего поместья Маздзелда на боевых позициях были обнаружены и эксгумированы останки 14 советских воинов [8, с. 8].

2. Осенью 2019 г. на воинском братском кладбище в Приекуле – одном из крупнейших в Европе, где захоронены более 23 000 воинов Красной армии, – состоялась торжественная церемония перезахоронения останков 107 советских солдат и офицеров 71-й гвардейской стрелковой дивизии, погибших в январе – феврале 1945 г. Они были обнаружены годом ранее во время прокладки коммуникаций рабочими около п. Аудари. Имена 100 военнослужащих удалось установить [12, с. 5].

Германия

1. В марте 2019 г. представители «Военной археологии» и немецкой общественной организации «V.B.G.O.» провели разведывательные работы у небольшого городка Гросс-Нойендорф (земля Бранденбург). В апреле 1945 г. при форсировании реки Одер советские части закрепились на небольшой высоте и уже не отдали плацдарм врагу. В ходе работ в траншее были найдены останки двух красноармейцев.

2. В октябре 2019 г. в районе бывшего господского двора Клессин одноименного населенного пункта (земля Бранденбург) состоялась очередная международная поисковая экспедиция. Ее участниками были представители девяти стран: России, Германии, Швейцарии, Италии, Франции, Великобритании, Нидерландов, Люксембурга и Украины. В запаханных траншеях были найдены останки пяти советских и двух немецких солдат. Обнаруженные боеприпасы и стрелковое оружие противоборствующих сторон были утилизированы специальной саперной службой.

Российская команда посетила три советских воинских кладбища в населенных пунктах Маншнов, Ретвайн и г. Лебус, на которых провела церемонии возложения венков [10, с. 7].

3. 22 апреля 2021 г. на советском военном кладбище в г. Лебус (район Меркиш-Одерланд) состоялась торжественная церемония погребения останков 80 советских солдат, обнаруженных в этом районе в 2018–2019 гг. Нами были установлены имена четырех воинов: старший лейтенант Овчаров Николай, 1923 г.р., лейтенант Аникин Михаил, 1925 г.р., младший сержант Медведев Василий, 1926 г.р. и красноармеец Гузов Сергей, 1925 г.р. Троє из них числились пропавшими без вести. Родственники троих из них нами разысканы [1, с. 7].

Польша

1. Весной 2019 г. в г. Старгарт-Щециньски поисковиками отряда «Военная археология» совместно с польской организацией «Поморье – 1945» были проведены эксгумационные работы с целью определения границ забытого кладбища военнопленных. По предварительным подсчетам, количество погибших около трех тысяч человек. Были найдены рвы с останками советских и польских военнопленных [3, с. 9]. В одной из могил удалось найти лагерный жетон, принадлежащий Золотареву Герасиму Степановичу, который значился пропавшим без вести с 1941 г. Была разыскана внучка солдата.

2. В мае 2019 г. в Подляском воеводстве состоялась международная поисковая экспедиция «Гродек-2019», организованная польским Институтом национальной памяти. Работы проводились вдоль «Дороги смерти» Белосток – Бобровники, по которой части Красной армии в июне 1941 г. вырывались из Белостокского «котла».

Были обнаружены и эксгумированы останки 26 бойцов и командиров Красной армии и одного гражданского лица. С павшими воинами было обнаружено пять солдатских медальонов, три из которых нам удалось прочитать. Вот эти имена: Никита Фурик, 1917 г.р. УССР, Винницкая обл.; Николай Копытько, 1921 г.р., УССР, Сталинская (ныне Донецкая) обл.; Петр Черняк, 1921 г.р., РСФСР Орджоникидзевский (ныне Ставропольский) край. Все трое опознанных числились пропавшими без вести. Церемония захоронения состоялась в г. Белосток на советском воинском участке городского кладбища. Родственники указанных воинов уже разысканы и оповещены нами о месте гибели и захоронения. Бланки-вкладыши из солдатских медальонов павших переданы семьям потомков [11, с. 8].

3. В г. Ломжа российские поисковики из «Военной археологии» приняли участие в торжественных похоронах 39 солдат Российской Императорской армии, погибших в 1915 г.

Более 100 лет прошло после героической смерти русских воинов, останки которых найдены и эксгумированы во время поисковых работ в 2018 г. при строительстве скоростной дороги DW 645 на востоке Польши [13, с. 8].

4. В ноябре 2019 г. в Варшаве на воинском мемориале по ул. Жвирики и Вигуры прошло торжественное погребение останков

14 советских воинов-узников немецкого лагеря военнопленных Шталаг I В. Они были обнаружены в районе Новы-Двуры Мазовецкие специалистами Института национальной памяти. Из них опознаны 10 человек. Родственников восьми воинов усилиями «Военной археологии» и добровольных помощников удалось разыскать [7, с. 4].

5. В октябре 2021 г. поисковые работы проходили у автомобильной трассы Белосток – Бобровники на местах боев июня 1941 г. В них участвовали члены ассоциации «Помост», польские добровольцы и представитель «Военной археологии». Выявлены останки двух воинов РККА. Церемония захоронения состоялась на советском воинском участке городского кладбища в Белостоке.

6. Осенью 2021 г. под Варшавой была наконец-то завершена инициированная нами еще в 2015 г. «Военной археологией» экспедиция останков членов экипажа самолета-штурмовика Ил-2, сбитого в августе 1944 г. Обнаружены останки двух членов экипажа, а также орден Красного Знамени. Имена летчика и воздушного стрелка установлены. Это дважды орденоносец гвардии лейтенант Николай Попов, 1922 г.р., уроженец Тамбовской области [21; 22, с. 13], и кавалер также двух наград гвардии старший сержант Григорий Резник, 1924 г.р., уроженец Киева [23, с. 3]. Геройский экипаж воевал в составе 59-го гвардейского штурмового авиаполка 2-й гвардейской штурмовой авиадивизии. Церемония погребения состоялась 21 октября 2021 г. в Варшаве на воинском мемориале по ул. Жвирики и Вигуры. Нами ведется розыск их родственников.

Венгрия

12 октября 2021 г. в г. Калоча в мемориальном парке на Центральном кладбище были торжественно перезахоронены останки 214 советских солдат, погибших во Второй мировой войне. С воинами были обнаружены их боевые награды, нагрудные знаки, предметы униформы и снаряжения. Это перезахоронение было инициировано венгерской стороной в соответствии с венгерско-российским межправительственным соглашением, с согласия министра обороны России. Имена 211 воинов удалось установить [20; 5, с. 38–45]. Официальные лица Посольства России в Венгрии проинформированы о нашей готовности к розыску и оповещению родственников опознанных советских воинов о перезахоронении останков их близких.

За последние три года были разысканы родственники ранее опознанных нами: Аритичева (Смоленская обл.), Архипова (Молотовская обл.), Вершинина (Кировская обл.), Гички (Акмолинская обл.), Гурихина (Ленинградская обл.), Дзугожева [15, с. 4–5; 9, с. 4–5] (Кабардино-Балкарская АССР), Зотова (Куйбышевская обл.), Зубарева (Куйбышевская обл.), Иванова (Калининская обл.), Королева (Коми АССР), Кудрина (Красноярский край), Лаптырева (Саратовская обл.), Латунова (Смоленская обл.), Масся (Чувашская АССР), Сахарова [16, с. 9] (Вологодская обл.), Седова (Ростовская обл.), Статинова (Курская обл.), Титова (Смоленская обл.), Тихонова (Смоленская обл.), Федотова (Калининская обл.) [2, с. 64; 17, с. 2].

Информация о совместных поисковых работах и их результатах представлена в рабочих отчетах и научных статьях, в печатных и электронных СМИ и, конечно, на ежегодных международных конференциях «Судьба солдата», проходящих в Москве.

Через руководителей отделов по военно-мемориальной работе Управления по увековечению памяти погибших защитников Отечества Министерства обороны РФ в Берлине и Варшаве нами направлены официальные документы для переучета опознанных воинов в документах Центрального архива Министерства обороны РФ.

Имена 30 бойцов и командиров Красной армии, опознанных нами в Польше и Германии, были опубликованы в 10 томе книги «Имена из солдатских медальонов» [6].

Мы благодарны нашим соратникам – специалистам Московской городской Службы разыска и экспертам лаборатории «Солдатский медальон» за многолетнюю действенную помощь. Без их участия опознание павших не было бы столь результативным.

Источники и литература

1. Вечер памяти в музее // Военная археология. – 2019. – № 4(61). – С. 7.
2. Внимание, разыск! // Военная археология. – 2019. – № 6(63). – С. 64.
3. Военная археология. – 2019. – № 3(60). – С. 9.
4. *Grieger U.* Erinner an den Krieg im Osten // Oderland Echo. – 2021. – 23 Apr.

5. Емельяненков А. Одна звезда на всех // Военная археология. – 2021. – № 6(75). – С. 38–45.
6. Имена из солдатских медальонов. Т. 10. – Казань, 2020.
7. Козлова П. В Польше перезахоронены останки советских военно-пленных // Военная археология. – 2020. – № 1(64). – С. 4.
8. Козлова П. С 30 октября по 4 ноября в Латвии состоялась поисковая экспедиция «Маздзелда-2019» // Военная археология. – 2019. – № 6(63). – С. 8.
9. Медальон с «Серебряной Горки» передан сестре солдата // Военная археология. – 2021. – № 2(71). – С. 4–5.
10. О поисковой экспедиции в Германии // Военная археология. – 2019. – № 6(63). – С. 7.
11. О поисковой экспедиции «Гродек-2019»// Военная археология. – 2019. – № 3(60). – С. 8.
12. Останки 107 советских воинов похоронены в Латвии // Военная археология. – 2019. – № 6(63). – С. 5.
13. О церемонии погребения в г. Ломжа воинов Российской Императорской Армии // Военная археология. – 2019. – № 4(61). – С. 8.
14. «Подбравшим это прошу сообщить...» // Военная археология. – 2019. – № 4 (61). – С. 3–4.
15. По следам поисковой экспедиции в Польше // Военная археология. – 2020. – № 3(66). – С. 4–5.
16. Садовников С. Об экспедиции «Серебряная Горка»: 6 лет спустя // Военная археология. – 2020. – № 6(69). – С. 9.
17. Садовников С. Разысканы родственники 7 воинов, умерших в немецком плена // Военная археология. – 2020. – № 3(66). – С. 2.
18. Тихонов П.И. Поиск как военная археология // Методические рекомендации по военной археологии (по поисковой работе на местах боев Великой Отечественной войны). – М., 2009. – С. 8–10.
19. Торгашев А., Садовников С. Международное военно-мемориальное сотрудничество: из опыта работы поискового отряда «Военная археология» 2010–2019 гг. // Военная археология. – 2019. Спецвыпуск. С. 2–11.
20. Траутманн Б. «Помните и напоминайте». Текст размещен на сайте <https://honvedelem.hu/hirek/emlekezni-es-emlekeztetni.html>
21. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Архивная справка от 15 ноября 2021 г.
22. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 263. Л. 13.
23. ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 898. Л. 3.

“MILITARY ARCHAEOLOGY”: INTERNATIONAL MILITARY MEMORIAL COOPERATION OF PUBLIC ORGANIZATIONS IN 2019–2021

Abstract. The article discusses the results of the work in 2019–2021 of the public organization «Military Archeology» (Moscow) on the search for Soviet soldiers who died and went missing during the Great Patriotic War on the territory of Germany, Poland and Latvia.

Keywords: search, military archeology, Red army, soviet soldier, missing, soldier's medallion, memorialization.

УДК 93/94

В.П. Сапожникова,
Л.Г. Скворцова

ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ 1700–1721 гг. В КУЛЬТУРЕ, ИСКУССТВЕ, ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос как Северная война представлена в сфере культуры и искусства. Автор анализирует исторические памятники, связанные с данным событием, выясняет причины их возникновения.

Ключевые слова: Северная война, Полтавская битва, Петр I, память народа, культура, искусство.

Северная война 1700–1721 гг. являлась важным событием первой четверти XVIII в. Это многолетний конфликт, длившийся 21 год между Швецией и Северным союзом во главе с Россией. Данная война закончилась тяжелым поражением Швеции. Ее итоги отразились на исторических судьбах данных государств.

Писатели, художники, скульпторы посвятили большое количество работ данному периоду. Их целью было оставить многовековой след в исторической памяти народа о великих победах российского войска.

В период с XVIII по XX в. события Северной войны были отражены в полотнах многих художников, чаще всего русских или швед-

ских. Ими было написано большое количество работ, посвященных морским и сухопутным сражениям.

Одна из самых известных картин «Сражение при Гангуте 27 июля 1714 г.» написана великим русским художником XIX в. Алексеем Петровичем Боголюбовым в 1877 г. Он изобразил победу русского флота над шведским. Картина иллюстрирует затонувшие и разгромленные корабли противника. Алексей Петрович не случайно решил запечатлеть данное сражение в своей работе, так как это первая в российской истории победа морского флота под командованием Петра Великого. В результате победы у мыса Гангут Россия получила выход в Финский и Ботнический заливы. 27 июля в Российской Федерации празднуется как День воинской славы. Данная победа увековечена на века.

В 1866 г. А.П. Боголюбов написал картину: «Бой у острова Эзель 24 мая 1719 г.». Сейчас данное полотно находится в Центральном военно-морском музее в Санкт-Петербурге. На картине показана победа русского флота в открытом море. Прежде чем создать данную картину, художник провел ряд подготовительных работ – создал эскизы, которые сейчас хранятся в Радищевском музее. На эскизах А.П. Боголюбов очень детально изобразил события того сражения: поврежденный «Портсмут» совершает мощный залп по шведским кораблям; сбитый парус. Художник попытался довольно точно воссоздать в своей работе корабли того периода [5].

Алексей Петрович Боголюбов создал ряд полотен, посвященных победам России в Северной войне. Они написаны им по указанию Александра II, который хотел увековечить морские сражения России. Император уделял много времени улучшению морского флота. Поэтому Боголюбов в 1860–1870-х гг. трудился над созданием данных работ.

Также весомый вклад внес Алексей Федорович Зубов [1]. Он был гравером, через свои работы точно передавал атмосферу петровской эпохи. Работал старшим мастером в Санкт-Петербургской типографии с 1711 г. Благодаря его трудам наши современники могут представить Петербург начала XVIII в.: здания, улицы, корабли русского флота, образы Петра I и его сподвижников. Он тоже обращался к теме Северной войны. Алексей Федорович зарисовывал моменты сражений и побед. Например, в 1710 г. он создал гравюру

под названием «Триумфальный въезд русских войск в Москву 21 декабря 1709 г.», в 1714 г. – «Триумфальный ввоз в Санкт-Петербург захваченных шведских кораблей 9 сентября 1714 г.», а в 1721 г. – «Сражение при Гангуте 25–27 июля 1714 г.».

Великий русский поэт А.С. Пушкин в 1828 г. написал поэму «Полтава», посвященную Северной войне [3]. Все произведение пропитано духом патриотизма. Александр Сергеевич озаглавил данное произведение в память о русских солдатах, которые благодаря своему героизму смогли победить в Полтавской битве 1709 г. А.С. Пушкин изучил большое количество исторических источников, посвященных Петру I, Северной войне, а также обращался к народным украинским песням и молдавским преданиям. Поэма имеет не только исторические линии, но и любовные, где рассказывает о любви Мазепы к Марии. Автор красочно повествует о Полтавской битве:

Но близок, близок миг победы.
Ура! Мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Еще напор – и враг бежит... [3].

А также рассуждает о роли Петра I в истории России, красочно и с любовью описывает портрет императора:

Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен... [3].

Эта поэма на долгие столетия в своих строках оставила память о великом подвиге солдат в период Полтавской битвы 1709 г. А.С. Пушкин в своем произведении затронул ряд важных вопросов, таких как патриотизм, судьба страны, единение народов.

После победы в Полтавской битве решено было увековечить данное событие на века и построить ряд сооружений, связанных с ним. Первым был крест, воздвигнутый на месте сражения [6, с. 39]. На следующий день после победы по указу Петра Великого русских солдат приказано было похоронить, затем Петр собственноручно поставил деревянный крест на братской могиле.

В 1710 г. была построена деревянная Сампсониевская церковь, а затем она была освещена. По повелению Петра Великого при церк-

ви в 1711 г. было создано кладбище. А во время правления Анны Иоановны церковь была перестроена.

Одним из самых известных сооружений, посвященных Северной войне, считается Центральный фонтан «Самсон» в Петергофе [6, с. 6300]. Сам Петр I хотел, чтобы данный фонтан был построен в честь победы над шведами. В его воображении посередине фонтана должен был находиться Великий Геракл, который побеждал бы Лернейскую гидру. Но замысел не был осуществлен в годы его правления. К этой идее вернулась царица Анна Иоановна. В 1735 г. к празднованию 25-летия победы в Полтавской битве фонтан был построен, но посередине был Самсон, так как считалось, что день Полтавской битвы совпадал с днем Самсона Странноприимца. Он разрывал пасть льва, так как именно это животное находилось на флаге Швеции.

Важное строительство в 1806–1811 гг. происходило в Полтаве. 27 июня 1811 г. архитектор Ж. Тома де Томон и скульптор Ф.Ф. Щедрин создали Монумент Славы, который был построен на Круглой Площади в Полтаве. Он был приурочен к 100-летию Полтавской битвы. Сам монумент состоит из высокой чугунной колонны (11 м), которая расположена на граненом постаменте. На самом верху находится позолоченный орел, клювом держащий лавровый венок, а когтями стрелы. Он смотрит в стороны поля, где происходило сражение. В постаменте также присутствуют 18 пушек, которые встроены наполовину в него. По краю постамента располагается решетка в форме мечей [6, с. 45].

13 июня 1910 г. в городе Выборге был установлен памятник русским воинам, погибшим при осаде города в 1710 г. Он входил в состав мемориала, который был сооружен в честь 200-летия штурма крепости. Это обелиск из гранита, его окружает ограда из цепей, а по углам располагаются пушечные ядра. На памятнике был выгравирован крест в венке и надпись: «Воинам, павшим при взятии Выборга». К сожалению, памятник простоял недолго. Он был утерян в период, когда Выборг принадлежал Финляндии. Но 9 мая 1994 г. в торжественной обстановке был открыт новый обелиск на том же месте, он является точной копией предыдущего. В 2001 г. недалеко от памятника были похоронены останки солдат того периода времени из братской могилы. Их тела были найдены при раскопках в Старом городе [2, с. 154].

Возвращаясь к Полтавской битве, необходимо сказать, что она сыграла огромную роль в победе русского войска в Северной войне 1700–1721 гг. Битве во все времена уделяли особое значение, ведь такие героические победы прививают любовь к своей Родине, чувство геройства, мужества [4, с. 86].

В 1909 г. к 200-летию победы в Полтавской битве был открыт музей, посвященный данному событию. Но в связи с гражданской войной музей был разграблен. В 1950 г. Совет министров СССР принял решение об открытии нового музея, посвященного Полтавской битве. Документы, реликвии знакомят гостей музея с историей Северной войны. В первом зале рассказывается о социально-экономическом положении России в конце XVII – начале XVIII в. Во втором зале располагаются документы, которые характеризуют допетровскую армию и флот. Третий зал рассказывает посетителям о начале Северной войны, четвертый повествует о народной войне, обороне Полтавы, пятый зал посвящен началу сражения Полтавской битвы, а шестой зал – второму этапу битвы и победе русского войска. В седьмом зале рассказывается об окончании Северной войны. Завершает экспозицию восьмой зал, в котором представлено народное творчество людей, посвященное Полтавской битве [6, с. 4, 12, 30, 37].

В 1981 г. комплекс памятников и музей, посвященные Полтавской битве, стали государственным историко-культурным заповедником, получившим название «Поле Полтавской битвы». Площадь заповедника составила 771,5 га. Данный объект находится на территории Украины в Полтавской области.

Таким образом, Северная война на века останется в памяти людей, ведь ей посвящено много памятников, картин, литературных произведений. Спустя 300 лет организовывается большое количество мероприятий, конференций и проектов, посвященных данному событию. Все это позволяет молодому поколению помнить великие победы российского войска над шведами в период Северной войны.

Источники и литература

1. Алексеева М.А. Гравюра петровского времени. – Л., 1990.
2. Гусаров А.Ю. Выборг. Прошлое и настоящее средневекового города. Путеводитель. – СПб., 2017.
3. Пушкин А.С. Полтава: Поэма. – Киев, 1892.

4. Ростунов И. История Северной войны 1700–1721 гг. – М., 1987.
5. Саратовский государственный художественный музей им. А.Н. Радищева [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://museum.ru/N49003#:~:text=21%20ноября%201860%20года%20император,сражениям%20Крымской%20войны%201853–1856%20годов> (дата обращения: 15.08.2022).
6. Стрищенко П.И. Музей истории Полтавской битвы: Путеводитель. – Харьков, 1977.
7. Чиннов А.А. Реставрация Петергофа // Междунар. науч.-технич. конфер. молодых ученых БГТУ им. В.Г. Шухова: посвящ. 165-летию В.Г. Шухова, Белгород, 1–20 мая 2018 года. – Белгород, 2018. – С. 6296–6302.

V.P. Sapozhnikova,
L.G. Skvortsova

REFLECTION OF THE EVENTS OF THE NORTHERN WAR OF 1700–1721 IN CULTURE, ART, HISTORICAL MEMORY

Abstract. This article examines how the Northern War is represented in the field of culture and art. The author analyzes the historical monuments associated with this event, finds out the reasons for their occurrence.

Keywords: The Northern War, the Battle of Poltava, Peter I, the memory of the people, culture, art.

УДК 7.036

А.А. Суворова

ОБРАЗЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В НАИВНОМ ИСКУССТВЕ РОССИИ

Аннотация. Художники наивного и самодеятельного искусства, мастера-самоучки часто обращаются к исторической тематике, воплощая в своих картинах и рисунках поворотные моменты истории государств, исторических деятелей и военные события. Это является некоторой универсалией наивного искусства, но также имеет свою национальную специфику, обусловленную культурными кодами, доминирующими нарративами, масовой культурой и процессами институционализации непрофессионального творчества и другими факторами. В статье с опорой на теоретические труды (Ж. Ле Гофф, М. Хвальбакс, В. Пропп) и на предыдущие исследования автора по теме памяти в наивном и самодеятельном искусстве выявляются основные стратегии конструирования образности в наивном

искусстве, используемые при создании произведений на тему Великой Отечественной войны: работа с образами коллективной памяти и нарративами политики памяти; использование личных воспоминаний, обращение к индивидуальной памяти.

Ключевые слова: самодеятельное искусство, наивное искусство, коллективная память, индивидуальная память, политика памяти.

Художники наивного и самодеятельного искусства, мастера-самоучки часто обращаются к исторической тематике, воплощая в своих картинах и рисунках поворотные события истории государств, исторических деятелей и военные события. Это является некоторой универсалией наивного искусства, но также имеет свою национальную специфику, обусловленную культурными кодами, доминирующими нарративами, массовой культурой, процессами институционализации непрофессионального творчества и другими факторами.

Тема войны, памяти, победы на позднем этапе советской истории во многом обусловлена идеологическими конструктами (что не исключает обращения к индивидуальной памяти, личному опыту). Часто темы Великой Отечественной войны в творчестве самоучек конструировались с опорой на образы кинофильмов о военном времени, поэзии и прозы, плакаты и картины. Символы и истории «большого искусства» часто ассилировались сознанием художников-самоучек и становились основой для их произведений. В последние несколько лет тема Великой Отечественной войны в государственной культурной политике вновь актуализирована, что благодаря различным инструментам институционализации наивного и самодеятельного искусства (проведение тематических выставок, фестивалей и пр.) и доминирующим публичным нарративам оказалось серьезное влияние на тематику наивного и самодеятельного искусства в России. Логика создания образности произведений советских самодеятельных художников и наивов и творчество современных мастеров-самоучек (по материалам выставок последних лет) на исторические темы отчасти проанализированы в более ранних исследованиях автора [3; 4; 5].

В качестве теоретических оснований исследования феномена памяти в образности художников-аутсайдеров использованы труды Мориса Хальбвакса [7] и Жака Ле Гоффа [6]. Среди ключевых

теоретических терминов в настоящем микроисследовании выделяются понятия «коллективная память» и «индивидуальная память». Согласно подходам Мориса Хальбвакса и сформулированному им понятию «коллективная память» воспоминания могут выстраиваться в сознании человека двумя разными способами: группироваться вокруг определенного человека или распределяться по большому или малому сообществу. Воспоминания человека иногда вписаны в рамки его личности или его частной жизни, и «даже те из них, которые он разделяет с другими, рассматриваются им лишь с той стороны, с которой они затрагивают его в его отличии от других» [7]. Коллективная память развивается по собственным законам, в нее могут проникать индивидуальные воспоминания, они видоизменяются, как только помещаются в целое, которое уже не является сознанием личности. Индивидуальная память – динамичное средство проработки индивидуального опыта, но при этом она не герметична и всегда опирается на социальный фундамент. Абсолютно одинокий человек не способен на воспоминания, поскольку они обусловлены коммуникацией. Память также является обширным пространством для манипуляций и конструирования извне. Жак Ле Гофф делает акцент на бессознательной природе исторической памяти, что дает возможность ее манипулятивного использования [6].

В современных исследованиях функционирования памяти как культурного феномена отмечается ее внешняя функция стратегии memory-идентификации, основанная на политике памяти, «на целенаправленных усилиях властных, политических, финансовых и иных элит по формированию заданного образа прошлого и на определяемой этим образом коммеморативной стратегии» [11, с. 72–73]. Но также существует и внутренняя memory-идентификация, выполняющая компенсаторную, легитимирующую и компенсирующую функции на уровне субъекта.

Опираясь на обозначенный теоретический базис, творчество самодеятельных художников можно анализировать не только как саморефлексию и поле личных воспоминаний, но и как феномен, включающий презентацию корпуса коллективной памяти, а в отдельных случаях отражение государственной политики памяти. Обозначенные выше подходы применены в исследованиях советского и российского наивного искусства [4; 12].

Но понимая специфику наивного искусства, в настоящей работе обозначенные теоретические подходы также дополнены структурно-типологическими исследованиями нарратива в фольклоре на основании трудов В.Я. Проппа [2]. Образность в наивном и самодеятельном искусстве часто строится по «законам волшебной сказки» в совершенно особой логической структуре. Это подтверждается в ходе анализа произведений российских художников наивного искусства в сопоставлении с нарративными источниками: текстами и рассказами-комментариями наивов о своих произведениях [1]. Обращаясь к образности наивного искусства, мы обнаруживаем, что в нем, как в «волшебной сказке», функции действующих лиц часто оказываются неизменными, меняются только способы осуществления функций [2, с. 29]. По словам Проппа: «...функций чрезвычайно мало, а персонажей чрезвычайно много. Этим объясняется двоякое качество сказки: ее поразительное многообразие, ее пестрота и красочность, с другой стороны – ее не менее поразительное однообразие, ее повторяемость» [2, с. 30]. Развивая далее мысль Проппа, мы обнаруживаем, как волшебные функции от языческих божеств переходят к христианским святым, а от них – далее к мифологизируемым образам исторических деятелей. Для каждой функции дается краткое изложение ее сущности, сокращенное определение одним словом, ее условный знак [2, с. 35]. К числу постоянных элементов сказки Пропп относит необходимые для развития сюжета действия и их последовательность; к переменным – языковой стиль, количество действий и способы их исполнения, мотивы действий персонажей и их атрибуты. В этом отношении, рассматривая многие произведения наивного искусства, в том числе связанные с исторической проблематикой, мы можем наблюдать реализацию описанной Проппом схемы.

В качестве предварительной гипотезы исследования обозначим основные стратегии конструирования образности в наивном искусстве при создании произведений на исторические темы: 1) работа с образами коллективной памяти и нарративами «политики памяти»; 2) работа с личными воспоминаниями («индивидуальная память»). Данные стратегии могут быть реализованы также по законам «волшебной сказки». Рассмотрим данные стратегии на примере

наивного и самодеятельного искусства позднего советского периода и творчества современных художников-самоучек.

Работа с образами коллективной памяти и нарративами политики памяти представляет объемный материал произведений непрофессиональных художников, посвященных теме Великой Отечественной войны. Один из наиболее канонических случаев следования официальной политике памяти – история Константина Скорынина (1918–2002), участника Великой Отечественной войны, человека, многократно награжденного за воинскую доблесть. В начале 1950-х гг. был слушателем областной партшколы, после в родном Очере заведовал отделом агитации и пропаганды, работал в газете «Ленинское знамя». В 1980-х гг. Константин Скорынин вел «на общественных началах» работу по патриотическому воспитанию – проводил встречи, рассказывал о войне. В отсутствие должной наглядной агитации Скорынин делал ее сам. Методично прорабатывая журналы и рекомендованные издания, он выстраивал логику своих выступлений, добросовестно указывая источники.

Скорынин искренне верит в фактологию советского официального исторического дискурса и выбирает самые известные фотографии, иллюстрирующие основные этапы и темы Великой Отечественной войны. Она транслируется в сценах сражений, в сюжетах, повествующих о пафосе и героике, об историях утрат и боли, перипетиях жизни в тылу и на фронте. Для Скорынина война была частью личной истории, и его память хранила воспоминания о ней. Но для сюжетов своих картин он никогда не выбирал ни историй, которые происходили с ним, ни видимых им событий, ни знакомых ему людей. С необычайной педантичностью Скорынин отбирает из журналов, энциклопедий, репродукций фотографии, картины и плакаты, которые, по его мнению, наиболее точно расскажут подрастающему поколению о трудных военных годах и доблестных победах. Ситуация презентации уже кем-то сделанного «универсального» рассказа нимало не тяготит и не озадачивает Скорынина. Он всегда точно указывает «первоисточник» своей картины на обороте. Художник-самоучка становится частью коллективного сознания и как бы от первого лица транслирует историческую память и конструирует некоторое «коллективное тело» советской истории. Более подробно о творчестве художника рассказывается в статье «Искренний дидакт коммунизма. Константин Скорынин» [3].

Другим примером работы с коллективной памятью и определенной рефлексией государственной политики памяти стало творчество московского самодеятельного художника Константина Борисоглебского (1908–1995), шофера по специальности, с 1974 г. уившегося в Заочном народном университете искусств (ЗНУИ). Стилистика его картин объединяет достаточно экспрессивную эстетику и следование принципу документальности, увиденной «чрез» государственные одобряемые нарративы. Он, как и Скорынин, не обращается к своему индивидуальному опыту Великой Отечественной войны, которую он пережил будучи взрослым человеком и имел личные воспоминания о ней. Наиболее известная, и, одновременно симптоматичная для творчества этого художника-самоучки картина «Хатынь» (1975), для написания которой он трижды посещал мемориальный комплекс жертвам фашизма, находящийся в одноименной деревне [8, с. 139]. То есть в создании произведений на «большие» исторически важные темы происходит обращение к некоторым официально разрешенным нарративам и существующим «проверенным» визуализациям военных событий.

В последнее десятилетие в связи с активной реализацией на государственном уровне посредством различных инструментов политики памяти в образах самодеятельного искусства можно увидеть самые различные паттерны, распространяемые в контексте государственных официальных нарративов о Великой Отечественной войне. В творчестве художников наивного и самодеятельного искусства в последние годы часто визуализируется устойчивая символика, воспевающая подвиг и героизм советского народа в годы Великой Отечественной войны: канонические портреты полководцев и героев войны; мотивы орденских звезд, георгиевских ленточек, сияющих красных башен Кремля, Вечного огня; торжественный караул у Могилы неизвестного солдата; к этому добавляются и более новые сюжеты (например, шествие бессмертного полка). Более подробно некоторые произведения современных самодеятельных художников, посвященные теме Великой Отечественной войны, проанализированы в статье «Наивная война: между коллективными и личными нарративами (По материалам Всероссийской выставки произведений художников-любителей и народных мастеров, посвященной 75-летию победы в Великой Отечественной войне)» [4].

Индивидуальные нарративы, связанные с Великой Отечественной войной, также являются одним из путей формирования образности в наивном и самодеятельном искусстве. Образы, сформированные индивидуальной памятью о Великой Отечественной войне, у художников-самоучек часто связаны с детскими воспоминаниями, неясными, фрагментарно запомнившимися моментами жизни в тылу, празднованием Победы или рассказами отцов и матерей и других старших родственников о жизни в годы войны.

Несмотря на тотальность официальных нарративов в поздний советский период, художники-самоучки также прибегали к личным воспоминаниям в создании образности своих произведений. Своего рода пронзительным, пусть не буквальным, но очень лично почувствованным воспоминанием о Великой Отечественной войне становится картина «Наше детство. Эвакуация» (1984) талантливого художника-самоучки Виктора Шнайдера (1934–1995) [10, с. 352–355]. В годы войны Шнайдер, будучи ребенком, был эвакуирован в Саратовскую область вместе со своей семьей. В ходе эвакуации семья перегоняла в тыл стадо скота, Виктор помогал им с этим. Тяготы войны легли также и на него (как и на многих детей и подростков военного поколения), с восьми лет он начинает работать, возить хлеб на верблюдах и быках. Через деревню, где жила семья Виктора Шнайдера, ежедневно ехали и шли эвакуированные. Именно эти мотивы и оказались запечатлены на его картине. В центре масштабной композиции – толпа эвакуированных – женщины, дети, старики – они, обремененные скарбом, бредут по грунтовой дороге среди бесконечной степи, справа, чуть поодаль, – стадо перегоняемого скота. Эстетика картины Шнайдера отличается документальностью, особой тщательностью письма (собственно это особенность стиля художника). Но важно подчеркнуть, что подобные темы и образы были далеки от тиражированных советских нарративов, художник обращается именно к личному опыту и индивидуальной памяти, об этом свидетельствует и дорожный указатель, конституирующий конкретную топографию места событий.

Современные художники-наивы и аутсайдеры, рассказывающие о событиях военных лет, также обращаются к индивидуальным воспоминаниям. В силу возраста, обычно это или очень смутные,

почти эфемерные воспоминания о днях победы или сюжеты, базирующиеся на носителях памяти о войне – рассказах и изображениях старших родственников, отцов и матерей, дедов и бабушек.

С непосредственными, личными воспоминаниями о днях Победы, негероическом, близком сердцу и виденном, пережитом лично, связана работа «С днем Победы» (2019) Людмилы Пилюгиной (1939 г.р.) из Новосибирской области. Несмотря на, казалось бы, часто используемый оборот в названии картины, она, тем не менее на уровне сюжета и визуальной эстетики, далека от формализованных схем «воспоминаний о войне»: в сюжете нет военного или трудового подвига. Более подробно данное произведение проанализировано в нашей статье [4, с. 75–76]. Также к теме индивидуальных, смутных и призрачных, лишенных пафоса героизации, воспоминаний обращается и Эльза Нефедова (1942 г.р.) в картине «Фронтовики вернулись. Село Вольдино. 1945» (2009) [9, С. 158]. В этой картине присутствуют подобные картине Л. Пилюгиной семантические и формальные коды: снижение героизации, спокойная колористическая гамма.

В работе с постпамятью о войне художники-наивы и аутсайдеры обращаются также и теме носителей памяти, создавая образы своих родных – живых свидетелей войны. В этом круге произведений встречаются образы, полные интимного, глубинного переживания. Масштабная работа Виктора Наймушина (1953 г.р.) «Розовая шляпка. Памяти мамы» (2015–2017) – портрет матери художника в старости и немощи, сидящей обнаженной на фоне шкафа, в котором аккуратно, на «плечиках», размещено ее навсегда утраченное прошлое (наряды мирных времен, орден, приколотый на платье). Воплощая близкое, прочувствованное и пережитое, до откровенной телесности, автор презентует зрителю то самое последнее поколение ветеранов, которые в 2010-х гг. стали немощными стариками, и в этой визуализации происходит значительный разрыв с официальными и устойчивыми конвенциями фиксации памяти о Победе [4, с. 77–78].

Но в логику дихотомий коллективное – индивидуальное, официальное – частное в случае с искусством наивов часто включается дополнительная смысловая линия: связь истории и персоналий Великой Отечественной войны (будь то частные или индивидуальные нарративы) с логикой волшебной сказки. Уральская художница

Александра Уткина (1922–2017), участница Великой Отечественной войны, рефлексировала события с ней произошедшие в ходе войны сквозь призму архаического сознания, мифологизируя реальность. В своей акварели «Провокация. Открытие второго фронта» (конец 1990-х – начало 2000-х) она повествует о том, как ее 175-й отдельный артиллерийский дивизион 2-й Дальневосточной армии охранял мосты через Зею. Изображение наивная художница дополняет своим рассказом. По законам волшебной сказки, испытания, с которыми сталкивается герой, можно преодолеть посредством волшебных качеств персонажа. У Александры Уткиной это зрение «как у Ленина» – «правый глаз видит вблизи, левый вдали» [1, с. 83]. Японский перебежчик известил о провокации, на что Уткина решила не открывать стрельбу «Тогда дошло до меня: “Ну, девки, имейте в виду, не останемся жить никто, если мы только сделаем выстрел!” А я стою такая героиня! Меня первую скосит, не бойтесь!» [1, с. 83]. Но при этом такая «коволшебственная» трактовка реальности соединяется одновременно и с личными нарративами, и идеологическими советскими конструктами [1].

Таким образом, в воплощении темы Великой Отечественной войны наивные и самодеятельные художники часто обращаются к образности государственных политик памяти и контексту коллективной памяти: сюжетам, символам и визуальным кодам, широко тиражируемым и претендующим на универсальность. Важно подчеркнуть, что официальные нарративы часто использовались также и художниками, имеющими свой индивидуальный опыт участия в Великой Отечественной войне, вне соединения с контекстом личных воспоминаний. Такой подход в изображении темы Великой Отечественной войны сформировался в поздний советский период, но благодаря устойчивости наивного видения и активной реализации программ и мероприятий, посвященных Великой Отечественной войне на государственном уровне, является распространенным и сегодня. Другой стратегией презентации темы Великой Отечественной войны в наивном и самодеятельном искусстве стало обращение к личным воспоминаниям (часто историям и сюжетам из детства) или постпамять – история Великой Отечественной войны, «увиденная» сквозь историю семьи или воспоминания об отцах и материах, переживших опыт войны.

Источники и литература

1. *Печерских А.В.* Устный рассказ как предмет культрологического анализа (на примере художественного творчества екатеринбургской наивной художницы А.И. Уткиной) // Место примитива в современной художественной культуре. IV Варламовские чтения: сб. статей. – Оренбург, 2012. – С. 75–87.
2. *Пропп В.* Морфология сказки. – Л., 1928.
3. *Суворова А.А.* Искренний дидакт коммунизма. Константин Скорынин // Русская галерея XXI век. – 2013. – № 4. – С. 92–94.
4. *Суворова А.А.* Наивная война: между коллективными и личными нарративами (По материалам Всероссийской выставки произведений художников-любителей и народных мастеров, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне) // Labyrinth: Теории и практики культуры. – 2020. – № 1 – С. 71–86.
5. *Суворова А.А.* Советское наивное искусство: между конформностью и нон-конформизмом // Новое искусствознание. История, теория и философия искусства. – 2021. – № 3. – С. 82–90.
6. *Ле Гофф Ж.* История и память. – М., 2013.
7. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 20.07.2022).
8. Художники наивно увидевшие мир. В 3-х т. – Коломна, 2020. Т. 1.
9. Художники наивно увидевшие мир. В 3-х т. – Коломна, 2020. Т. 2.
10. Художники наивно увидевшие мир. В 3-х т. – Коломна, 2020. Т. 3.
11. *Шуб М.Л.* Функции культурной памяти // Вестник культуры и искусств. – 2016. – № 4 (48). – С. 71–76.
12. *Suvorova A.* La révolution de 1917 et la période post-révolution nairedansl'art naïf soviétique et post-soviétique [Электронный ресурс] // ILCEA est la revue portée par l'ILCEA4 (Institut des langues et cultures d'Europe, Amérique, Afrique, Asie et Australie – E. A. 7356). – 2019. – № 36. – режим доступа: <https://journals.openedition.org/ilcea/6739?fbclid=IwAR1pl1iTzRiOvArk0jzMhPMKKAsiE17CxvgdwH96hQPraYmfzINzz629Q> (дата обращения: 26.07.2022).

GREAT PATRIOTIC WAR IN RUSSIAN NAIVE ART

Abstract. Naïve, amateur, self-taught artists turn to historical themes, embodying key's points in a history of states, historical figures, and military events in their paintings and drawings. This is universal for naïve art, but has its own national specifics, because of cultural codes, dominant narratives, mass culture, and processes of institutionalization of non-professional art, etc. The article, based on theoretical studies (J. Le Goff, M. Halbwachs, V. Propp) and on the author's previous surveys of memory in naïve and amateur art. Author identifies main strategies for constructing imagery in naïve art dedicated to WWII such as a usage of collective memory and narratives of “politics of memory”, or appealing to “individual memory” and personal memories.

Keywords: self-taught art, naive art, collective memory, individual memory, politics of memory.

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 902.2

И.В. Анохин

К ВОПРОСУ О КОЛИЧЕСТВЕ БЕЗВОЗВРАТНЫХ ПОТЕРЬ КРАСНОЙ АРМИИ: МИКРОИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ПОЛЕЙ СРАЖЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы применения метода микроистории в изучении событий Великой Отечественной войны, применимо к оценке безвозвратных потерь Красной армии на полях сражений. Рассмотренные примеры позволяют сделать выводы и поставить вопросы о существующих и перспективных методах и подходах к оценке безвозвратных потерь. Отдельное внимание уделяется вопросу полевого исследования мест сражений новейшего времени как одному из методов их изучения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, микроистория, археология новейшего времени, поисковая работа, безвозвратные потери.

Попытки рассмотреть вопрос о количестве безвозвратных потерь Красной армии в Великой Отечественной войне предпринимались и предпринимаются отечественными и зарубежными общественными деятелями, исследователями, авторскими коллективами и государственными комиссиями с конца 1940-х гг. до настоящего времени. Используя различные методики и подходы, новые данные и документы, появляющиеся в результате рассекречивания, исследователями приводятся оценки людских потерь, разнящиеся в диапазоне – от 8,6 млн. [3, с. 407] до 26,9 млн. [5, с. 407] человек. Значительное количество документальных источников и фундаментальных работ по рассматриваемому вопросу позволяет продолжить эту работу в дальнейшем.

Задачей настоящего исследования не является попытка предложить новый подход, метод или саму оценку безвозвратных потерь

Красной армии за весь период войны. Напротив, предлагается сделать взгляд на анализ количества потерь на локальном участке фронта с использованием двух перспективных методов исторического исследования истории Второй мировой войны – методе микроистории и методе археологического исследования полей сражений новейшего времени.

Метод микроистории, сформировавшийся во второй половине XX в. во многом благодаря работам итальянского историка Карло Гинзбурга и основанный на работах некоторых его предшественников, получил значительное развитие в XXI в.

Мексиканский историк Луис Гонсалес в сборнике «Приглашение к микроистории» отмечал, что предлагаемое им понятие микроистории схоже с тем, что англичане, французы и американцы называют «местной историей» [2, с. 289]. Можно предположить, что синонимом термина «местная история» является знакомый нам термин «краеведение», фактически и являющийся в понимании современной исторической науки микроисторией, возможно только несколько более ограниченной рамками определенной территории. Традиционно являющиеся прерогативой энтузиастов из числа местного населения краеведческие исторические исследования и их результаты часто недооценены академической наукой. Рассматривая и развивая такие исследования, как полноценные исторические источники, они без сомнения могут представлять значительный интерес как часть метода микроистории с их последующим анализом, изучением выявленных явлений и тенденций в рамках более глобальных исторических процессов и событий.

Отмечается, что методология микроистории имеет две основные проблемы: определение критерия для объекта исследования и взаимодействие с макроисторическими изысканиями историков [4, с. 148]. Пока нельзя сказать, что в отечественной исторической науке полностью сложилось отношение к микроистории, как к самостоятельному и значимому методу научного исследования. Традиционная история всегда отдавала предпочтение и опиралась на действия элит и события, которые становились важными для народа в целом, что, очевидно, бывало понятным только постфактум. Трудность использования метода микроистории всегда заключалась в том, чтобы научиться создавать социальную историю, «где имеет

значение группа или сообщество. Где исчезают военные и политические лидеры, а общество становится великим персонажем исторической трагедии или комедии», отмечал историк и философ Косио Вильегас [1].

Тем не менее новые архивные, нарративные и другие исторические источники, доступ к которым существенно упростился за счет использования современных информационных технологий, позволяют исследователям получать, сопоставлять и компилировать огромные массивы информации, делая сами микроисторические или краеведческие исследования намного более детальным и объективным, а результаты анализа комплекса таких исследований – применимыми в более масштабных научных работах.

Второй метод исследования, способный дать новое объективное видение вопроса оценки человеческих потерь противоборствующих сторон во Второй мировой войне, – археологические исследования полей сражений новейшего времени. Зародившееся в 1980-х гг. в Советском Союзе поисковое движение имеет определенные тенденции и потенциал для постепенной трансформации в современную отрасль археологической науки. Рассмотренные в настоящей статье примеры комплексного полевого археологического исследования полей сражений Великой Отечественной войны позволяют сделать выводы о применимости их результатов в качестве полноценного исторического источника, в том числе в работах по оценке потерь на полях сражений Второй мировой войны.

Комплексный подход к изучению локальных событий на фронтах Великой Отечественной войны можно продемонстрировать на примере исследований, проведенных на полях сражений в районе деревень Лескино (Россия) и Альховик (Белоруссия).

Архивно-краеведческая работа, направленная на изучение боя в районе д. Лескино Гагаринского района Смоленской области, началась с исследований местных энтузиастов-краеведов в 1960-х гг. На тот момент из мемуаров бывшего командира 29-й гвардейской стрелковой дивизии генерала армии А. Т. Стученко и воспоминаний местных жителей исследователям стало известно о том, что в районе д. Лескино 24–25 февраля 1943 г. героически сражался и полностью погиб отдельный гвардейский лыжный батальон, отправленный на прорыв вражеской линии обороны и насчитывающий

в своем составе 400 человек [6, с. 161]. Энтузиастами велась переписка с бывшим командиром дивизии и некоторыми родственниками участников боя. 8 мая 1967 г. в д. Лескино был проведен митинг и открыт обелиск в память о погибших.

Исследование было продолжено только в 2000-х гг. коллективом поисковой группы «Рейд» (г. Гагарин) и Центра современной истории (г. Москва). Появившиеся возможности работы с фондами Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации позволили благодаря выявленному Именному списку безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава частей 29 ГвСД [7, л. 72–79] установить, казавшееся на тот момент точным, количество погибших гвардейцев-лыжников – 241 человек.

С момента получения указанного Именного списка началась системная работа по уточнению судеб и фронтовых биографий воинов лыжного батальона. Сформированная на основании Именного списка структурированная электронная база данных дала основу для начала работ по поиску родственников воинов с целью уточнения биографических данных и судеб воинов, информирования родственников о месте гибели и обстоятельствах последнего боя.

С развитием общеизвестных онлайн-ресурсов: государственной информационной системы «Память народа», банка данных «Мемориал» и «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», содержащих сведения об участниках Великой Отечественной войны, в том числе вернувшихся с фронтов, погибших и пропавших без вести, их подвигах и награждениях, а также с использованием получаемой от родственников информации, продолжилось пополнение, уточнение и выверка сведений о персоналиях, принимавших участие в бою в д. Лескино.

По результатам исследовательской работы, проводившейся на протяжении более чем 15 лет, удалось выявить следующие данные. В составе лыжного батальона находилось 268 человек. Из них: выжили (вышли к своим частям после боя, или не участвовали в бою) – 45 человек, выжили в бою и погибли на фронтах позже – 16 человек, попали в плен – 21 человек, пропали без вести (погибли в Лескино) – 186 человек. Полученные количественные результаты являются весьма достоверными, так как все без исключения подтверждаются архивными и иными документальными источниками.

На момент установки памятного обелиска в д. Лескино местным жителям было известно место захоронения воинов лыжного батальона. В 100 м севернее деревни, около дороги, до конца 1960-х гг. находилась огороженная деревянным забором братская могила, в которую местными жителями в 1943 г. были захоронены погибшие в бою лыжники. Обелиск же, по неизвестным соображениям, был установлен поодаль от существующего на тот момент захоронения. В начале 1970-х гг. при проведении мелиорационных работ братская могила у дороги была запахана и утрачена.

Полевые поисковые работы в д. Лескино производились начиная с 2007 г. Использование различных методов поиска и разведки позволили лишь в 2016 г. обнаружить первое братское захоронение семи воинов лыжного батальона. В дальнейшем в Лескино были обнаружены и исследованы еще три братских захоронения. Общее количество обнаруженных индивидов составило 79 человек. С помощью личного опознавательного знака (стального медальона) и именного предмета (ложки) удалось достоверно идентифицировать только двух обнаруженных воинов.

Возвращаясь к вопросу оценки количества безвозвратных потерь на полях сражений Великой Отечественной войны и рассматривая приведенный пример, можно отметить следующее. Разработанные и действующие механизмы информационной системы «Память народа» позволяют производить поиск по месту выбытия военнослужащего, группируя все имеющиеся документы по персоналиям. При таком поиске с указанием параметра «место выбытия» военнослужащего «Лескино» система предлагает значение количества персоналий, выбывших в Лескино, близкое к численному составу лыжного батальона – 267 человек. При этом по 267 персоналиям сгруппированы 1322 документа, включающие в себя различные типы документальных источников, в том числе дублирующие друг друга документы о причислении персоналии к числу безвозвратных потерь.

Например, командир батальона капитан Костарев упомянут в 25 архивных документах, среди которых как минимум на основании десяти из них (т.е. 40 %) можно причислить его к числу безвозвратных потерь батальона. Среди них: два дублирующихся приказа об исключении из списков, три дублирующихся донесения из ча-

сти о потерях, две учетно-послужные карточки офицера с пометкой о выбытии, два упоминания в книгах памяти различных регионов, одна карточка учета из военкомата по месту гибели. Капитан Колянов упомянут в 20 документах, в девяти из которых (45 %) имеется информация о его выбытии. Запись о красноармейце Мартынове насчитывает шесть документов, на основании четырех из которых (66 %) можно сделать вывод о его гибели.

Таким образом, можно оценить, что среднее количество документов, размещенных в информационной системе «Память народа», в соответствии с которыми военнослужащий может быть отнесен к числу безвозвратных потерь, – это 50 % от общего количества размещенных документов. Исходя из этого, можно было бы сделать предположение, что количество погибших в бою у д. Лескино могло быть определено как 661 человек, что превышает реальное количество в 3,5 раза.

В первоначальных данных, приведенных в воспоминаниях командующего дивизией, число погибших в бою оценивалось в 400 человек. По результатам первичного анализа документов ЦАМО РФ их число сократилось до 241 человека. Алгоритмы объединения массивов данных по персоналиям информационной системы «Память народа» предлагают цифру 267 человек. Более глубокое исследование позволило установить максимально приближенное к действительности число погибших – 186 человек. Продолжающиеся полевые исследования смогут дать еще более точные цифры фактических безвозвратных потерь лыжного батальона.

Как видно, ошибка в выборе методологии оценки количества потерь может существенно снизить достоверность результата. Отдельно стоит вопрос толкования термина «безвозвратные потери», безусловно, не являющегося предметом настоящего исследования. Следует ли учитывать в качестве таких потерь: попавших в плен и выживших (в Лескино 18 человек), погибших в плену (в Лескино три человека), ставших инвалидами (в Лескино три человека).

В ходе указанного исследования анализировались, сопоставлялись и выверялись все доступные отечественные и зарубежные источники, что в итоге привело к созданию весьма подробного микроисторического исследования о ходе самого боя, его предпосылках, последствиях, а также количестве безвозвратных потерь.

Как видно, даже на локальном участке фронта количество потерь личного состава может быть существенно искажено в зависимости от выбранных методики и подходов. Так, в рассмотренном случае количество безвозвратных потерь, определенных путем документального исследования, отличается от данных информационной системы на 30 %, от субъективной оценки военачальника на 53 %, от предложенного теоретического метода на 71 %. Результаты макроисторического исследования могут быть использованы в аналитических исследованиях по вопросам стратегии и тактики действий Красной армии в ходе наступательных боев начала 1943 г., а статистические данные по персоналиям – в исследованиях по вопросам оценки безвозвратных потерь Красной армии.

Несколько иной пример, в котором основную роль сыграли полевые, а не архивно-документальные исследования, представляет собой работа международной команды исследователей из России и Белоруссии, проведенная в 2022 г. в районе д. Альховик Витебского района Белоруссии.

По архивным данным в районе д. Альховик (в военных документах «Ляховик-2») в 1943–1944 гг. располагался полевой подвижный госпиталь № 467, обеспечивающий прием раненых, поступающих с линии фронта. Близ госпиталя, для захоронения умерших от ран, было организовано воинское кладбище. По результатам проведенного архивного исследования количество захороненных на кладбище составило 209 человек. В послевоенные годы само кладбище было формально перенесено в ближайший населенный пункт, а сохранившиеся могилы запаханы.

Приступив в апреле 2022 г. к полевым работам по изучению вновь выявленных захоронений, группа исследователей, используя под руководством сотрудника Института археологии РАН С.Г. Шульяева археологические методики, произвела исследование обнаруженных могил с эксгумацией останков. Исходя из поставленных задач, полевые мероприятия состояли фактически в выборке заполнения могил и последовательном освобождении от вышележащего грунта располагавшихся в них погребений, сопровождающемуся фото- и чертежно-графической фиксацией результатов, с последующим извлечением останков и распределением по индивидуальным вместилищам согласно анатомической комплектности, в целях

проведения дальнейшей антропологической обработки, которая составляла важнейшую аналитическую часть производившихся мероприятий.

Необходимо отметить, что указанная комплектность в значительной доле случаев была в той или иной степени фрагментарной, что было обусловлено невнимательным и отсюда – частичным отбором останков из могил при предыдущей попытке перезахоронения. Удалось установить, что могилы в тот момент вскрывались не по всей площади и не на всю глубину: по сути, исходя из крайне вероятного наличия на поверхности неких отличительных признаков погребений, предшествующие эксгуматоры выкапывали их на предположительных местах захоронения останков в произвольном объеме и вынимали не полные анатомические наборы, а только зачененные ими кости, перемещая в могилах или оставляя на месте значительную их долю (в том числе, зачастую частично относившуюся и к поднятым погребениям). Поэтому в процессе выработки оснований для обоснованного и корректного различения останков была выработана собственная внутренняя номенклатура их наименования.

1) Кости погребенных, в целом достаточные для установления биологических половозрастных характеристик (краинальные и/или тазовые, с явно прилегающими и относящимися к ним остальными отделами скелета – вплоть до полных анатомических наборов), обозначались и в дальнейшем фиксировались как «Индивид», с присвоением порядкового номера (арабская цифра) в рамках данной могильной ямы, в последовательном порядке их фактического обнаружения; на общих фотографиях могил обозначались черной цифрой на белом фоне.

2) Анатомические комплекты, не включавшие указанных важных маркерных частей (конечности, позвоночники, ребра), назывались «Скоплениями», также с присвоением отдельных порядковых номеров и последующим разделенным извлечением, исходя из вероятного последующего подбора их к неполным индивидам при антропологической обработке; на общих фотографиях отмечались белой цифрой на черном фоне.

3) Разрозненные одиночные кости, залегавшие вне выраженной логической связи с другими останками и найденные в позиции

их обнаружения явно в перемещенном состоянии, фиксировались как «Разрозненный костный материал», однако они также распределялись в соответствии с отдельными могилами, в которых были встречены, поскольку оставалась возможность аналитического доукомплектования ими неполных костных наборов индивидов и скоплений.

В общей сложности, за время работ было полностью обследовано 19 могильных ям, вмешавших 154 определенных отдельных погребения (указанных выше как «индивидуы»), и достаточно много разрозненного материала. В одной могиле могло располагаться от одного до 18 захоронений. Таким образом, по результатам полевых работ количество фактически обнаруженных военнослужащих на 26 % меньше, чем количество захороненных по архивным данным. Одновременно отметим, что работа по выверке списков погребенных на госпитальном кладбище близ д. Альховик все еще продолжается и, без сомнения, займет весьма длительное время. Кроме того, продолжается работа по антропологической обработке останков, которая позволит внести корректиды в количество индивидов, экстгумированных в ходе проведения полевых работ.

Делая выводы из приведенных примеров, сложно не согласиться, что вопрос достоверного подсчета количества безвозвратных потерь, даже в весьма подробно изученных случаях, представляется весьма длительным и сложным процессом, требующим проведения серьезного микроисторического исследования, детальной работы по выверке архивных данных и проведения системных полевых работ. Применение указанных методов исследования, вместе с увеличением количества рассмотренных с их помощью исторических сюжетов, вероятно, сможет в будущем позволить сделать обобщенные выводы и использовать их в фундаментальных работах, связанных с оценкой потерь в масштабах событий Второй мировой войны или отдельных крупных боевых операций.

Источники и литература

1. Arias, Patricia. Luis González: Microhistoria e historia regional. Desacatos. 2006, n.21 (дата обращения 2022-09-30), pp.177-186. http://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1607-050X2006000200012&lng=es&nrm=iso. ISSN 2448-5144.

2. Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы. Морфология и история. – М., 2004.
3. Кривошеев Г.Ф. и др. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. – М., 1993.
4. Мазаев Р.М. Микроистория: проблема формирования направления // Filo Ariadne. – 2019. – № 1(13). – С. 145–153.
5. Соколов Б.В. Кто воевал числом, а кто – умением. Чудовищная правда о потерях СССР во Второй мировой. – М., 2011.
6. Стученко А.Т. Завидная наша судьба. – М., 1968.
7. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 58. Оп. 18001. Д. 230.

I.V. Anokhin

ABOUT THE NUMBER OF IRRETRIEVABLE LOSSES OF THE RED ARMY: MICROHISTORY AND ARCHEOLOGY OF BATTLEFIELDS

Abstract. The article discusses the application of the method of microhistory in the study of the events of the Great Patriotic War. Examples allow us to draw conclusions and consider questions about methods of assessing irretrievable losses. Attention is paid to the field research of the battlefields of Modern times.

Keywords: The Great Patriotic War, microhistory, archaeology of Modern times, search work, irretrievable losses.

УДК 93/94

М.А. Бегоутова

«ЗА ВЕРУ, ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВО»: ЖИТЕЛИ ЛУКОЯНОВСКОГО УЕЗДА (НЫНЕ ПОЧИНКОВСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОКРУГА) – УЧАСТИКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В данной статье рассматривается участие жителей Лукояновского уезда (Починковской волости) в Первой мировой войне. Приводятся имена полных георгиевских кавалеров, которые проживали на территории современного Починковского муниципального округа, а также имена четверых георгиевских кавалеров, числившихся родившимися на территории Починковской волости.

Ключевые слова: Первая мировая война, георгиевские кавалеры, Лукояновский уезд, Починковская волость, Починковский конный завод № 23.

В 2019 г. в с. Починки Починковского муниципального округа Нижегородской области был открыт памятник воинам-починковцам, участвовавшим в Первой мировой войне на всех ее фронтах: Юго-Западном, Кавказом, Румынском, Северо-Западном, в экспедиционном корпусе во Франции. По подсчетам исследователей, по фронтовым дорогам мировой войны прошло более 13 тыс. наших земляков, многие из которых не вернулись домой. К сожалению, вследствие утраты архивов не представляется возможным в полной мере предоставить информацию о точном количестве жертв той страшной войны. Судя по сохранившимся выпискам из наградных документов и картотек военнопленных и потерь, мы с уверенностью можем сказать, что починковцев, погибших и пропавших без вести в Первую мировую войну, была не одна тысяча человек.

Починковский муниципальный округ – это родина пяти полных георгиевских кавалеров, награжденных Георгиевскими крестами всех четырех степеней за отличие и храбрость, проявленную в боях. 75 жителей нынешнего округа были удостоены Георгиевских крестов от 4-й до 2-й степени.

Полным Георгиевским кавалером являлся житель с. Мадаево (Починковский муниципальный округ) – Федор Матвеевич Волков. Он родился в 1886 г. Православный. Являлся старшим унтер-офицером (помощником командира) 3-й роты 38-го пехотного Тобольского полка. Награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 472404 лично Его Императорским Величеством Государем Императором Николаем II за отличие в боях в сентябре 1915 г. на р. Нарочь у д. Черемшина, фольварк Изорода, с. Стаховцы [1, с. 15–16]. 28 марта 1916 г. Федор Волков был награжден Георгиевским крестом 3-й степени № 81308 Его Императорского Высочества Великим князем Георгием Михайловичем за отличие в боях с 5 по 8 марта 1916 г. Георгиевский крест 2-й степени № 43351 ему вручен за то, что в бою 17 июля 1916 г. у д. Звеняче, командуя взводом и находясь на передовом пункте, удержал его и отбил атаку противника силой не менее роты. 18 ноября 1916 г. награжден Георгиевским крестом 1-й

степени № 15557 Его Императорским Высочеством Великим князем Георгием Михайловичем «за боевые отличия в делах против неприятеля».

В 1937 г. проживал в д. Локтево Дзержинского района, работал сторожем цеха питания Сеймовского мельзавода № 4. Арестован 4 сентября 1937 г. Приговорен тройкой по статье 58-10 ч. 1 УК РСФСР к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. Умер в Кулойском лагере (Архангельская область) 28 июня 1938 г. [1, с. 15–16].

Еще одним полным георгиевским кавалером был Иван Тимофеевич Бочкирев. По данным книги «Нижегородцы – кавалеры георгиевского креста Великой войны (К 100-летию окончания Первой мировой войны)», Иван Тимофеевич родился в 1879 г. в Лукояновском уезде Новоалександровской волости в с. Учуевский Майдан (в настоящее время Починковского муниципального округа). Православный. Фельдфебель, лейб-grenadier Екатеринославского полка. Награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 83113 «за отличия, оказанные в делах против неприятеля». Переведен по службе в 11-й Финляндский стрелковый полк. Награжден Георгиевским крестом 3-й степени № 80435 «от Имени Государя Императора, Его Императорским Высочеством Великим Князем Георгием Михайловичем за отличие в бою 1 июня 1915 г.». Награжден Георгиевским крестом 2-й степени № 10034 «за то, что 18 мая 1915 г. у горы Стрия, за убылью из строя ротного командира, принял командование ротой и восстановил в ней порядок». Награжден Георгиевским крестом 1-й степени № 11351 «за отличие в бою 2 июня 1916 г. у деревни Котузов, когда, за убылью из строя полуротного командира, принял командование полуротой, примером личной храбрости и мужества увлек за собой своих подчиненных и захватил пленных и пулеметы». Ранен 1 августа 1916 г. Поступил в 56-й тыловой эвакуационный пункт 11 августа 1916 г. Произведен в подпрапорщики. Убит 18 июня 1917 г. Погребен 19 июня 1917 г. на братском кладбище в д. Трастянец Галиции [1, с. 13].

Никита Ефимович Вавакин – полный георгиевский кавалер, уроженец земли Починковской. Родился в 1889 г. в с. Дураково (Азрапинская волость, с 1939 г. с. Дуброво, в настоящее время Починковского муниципального округа). По религиозному вероисповед-

данию – православный. Вдовец. Старший унтер-офицер 16-й роты 38-й пехоты Тобольского полка. Награжден Георгиевским крестом 3-й степени № 30497 «за то, что в бою 27 декабря 1914 г. у деревни Конопница, за выбытием офицеров из строя, удержал порядок в роте, чем способствовал успеху боя». Награжден Георгиевским крестом 2-й степени № 4173 «за то, что в бою 7 июля 1915 г. у деревни Добрый Ляс, будучи в отдельной заставе окружена противником, бросился в штыки, пробился и присоединился к своей части». Награжден Георгиевским крестом 1-й степени № 4473 «за отличие в бою 14 сентября 1915 г. у фольварка Осташково, когда, будучи разведчиком, перед атакой отправился на разведку и, несмотря на сильный огонь противника, с явной опасностью для жизни добыл и доставил важные сведения о расположении противника». На 20 января 1916 г. подпрапорщик. Поступил в 8-й Двинский госпиталь г. Сергиев Посад Московской губернии [1, с. 15].

Полный георгиевский кавалер из с. Шишадеево Николай Никитич Романов. Николай Романов родился в Лукояновском уезде Починковской волости. Как указано в личной карточке: русский. Православный. Ефрейтор пулеметной команды 3-й лейб-гвардии стрелкового полка. Награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 201120 «за то, что будучи под сильным перекрестным огнем противника, смело и неустрашимо действуя при своем пулемете, способствовал атаке и захвату деревни Дзвонковице, двигаясь все время впереди с атакующей цепью». Награжден Георгиевским крестом 3-й степени № 140676 лично командиром гвардейского корпуса «за бои с 5 по 9 июля 1915 г.». Произведен в младшие унтер-офицеры. Награжден Георгиевским крестом 2-й степени № 25164 «за то, что, будучи пулеметным унтер-офицером, водворил порядок среди людей своего пулемета, когда между ними началась паника от сильно-го артиллерийского огня противника, когда же испортился пулемет, сам его вынес и доставил в команду». Награжден Георгиевской медалью 4-й степени № 598338. Контужен три раза в 1915–1916 гг. Награжден Георгиевским крестом 1-й степени. Документальные сведения и отличия не установлены. Произведен в прапорщики «за боевые отличия» в 1917 г. Последняя должность: прапорщик, младший офицер пулеметной команды. На 28 ноября 1918 г. проживал в с. Шишадеево, колхозник колхоза «Новый путь». Арестован

1 февраля 1938 г. Приговорен Горьковским областным судом 21 марта 1939 г. по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР к четырем годам ИТЛ. Умер в 1956 г. Погребен на кладбище с. Шишадеево [1, с. 31]. В 1993 г. Николай Романов был реабилитирован.

Последним из пятерых полных кавалеров георгиевского креста является Иван Федорович Журкин. Иван Федорович родился в с. Никитино Лукояновского уезда. Подпрапорщик 7-го стрелкового полка. Награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 7062. В бою 8 февраля 1915 г. у г. Станиславова получил Георгиевский крест 3-й степени № 44959. При атаке противника, командуя своим отделением, примером личной храбрости увлек за собой подчиненных, сбил врага с укрепленного пункта. За тот же бой награжден Георгиевским крестом 2-й степени № 7053. Георгиевского креста 1-й степени № 9884 удостоен за подвиг при атаке высот 296 и 297. Под сильным ружейным и артиллерийским огнем врага своим мужеством и храбростью ободрял товарищей, сбил противника с укрепленного пункта [2].

С фронта нередко приходили сообщения о гибели наших земляков на полях сражений Первой мировой войны. К сожалению, многие архивы утеряны и точное количество погибших установить невозможно.

Из Починковской волости (не считая тех, кто родился в современном Починковском муниципальном округе) Лукояновского уезда четверо солдат были награждены георгиевскими крестами разных степеней. Это Степан Кузьмич Мордвинов из с. Тагаево. Служил во 1-й и 2-й тяжелой артиллерийской бригаде в должности младшего фейерверкера. Был награжден Георгиевским крестом 2-й степени № 18312 в 1916 г.

Стукалин Александр Никандрович родился в с. Ново-Спасское Лукояновского уезда. Служил рядовым в 127-м пехотном Путивльском полку. 6 декабря 1916 г. был награжден Георгиевским крестом 3-й степени № 180445.

Жилков Василий Павлович родился в с. Дивеев-Усад Починковской волости Лукояновского уезда. Служил в 71-м пехотном Белевском полку в звании старшего унтер-офицера. 7 ноября 1915 г. награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 491165.

С П И С О КЪ

146
189

Нижнимъ чинамъ 2 дивизиона 2 тяжелой артиллериейской бригады награжденныхъ по высочайшему повелѣнію ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМъ ВЫСОЧЕСТВОМЪ Великимъ Княземъ ГЕОРГІЕМЪ МИХАЙЛОВИЧЕМЪ 28 марта с.г. за отличія въ бояхъ съ 5 по 8 марта 1916 года.

№ п/п порядку	Часть войскъ, званіе, имя, отчество и фами- лія.	Классъ Гвардійській артиллериї	№ № пожалованныхъ Геор- гіевскихъ крестовъ.			
			1 ст.	2 ст.	3 ст.	4 ст.
	Управление дивизі- она:					
1	Старшій фейерверкеръ Алексѣй Егоровъ ПОТАПОВЪ	Нижегород- ской губ. Лукоянов- скаго уѣз. вол. и село Байково.			18311	
2	Младшій фейерверкеръ Степанъ Кузьмич МОРДВИНОВЪ	Нижегород- ской губ. Лукоянов- скаго уѣз. Починской вол., села Тагава.		✓	18312	
	4-я батарея:					
3	Старшій фейерверкеръ Исакъ КАМАЛЕТДИНОВЪ	Нижегород- ской губ. Сергачскаго го у., вол. и села Ура- зовка.				✓ 561471
4	Старшій фейерверкеръ Михаилъ Логоновъ ШАРАПОВЪ	Самарской губ. Ново- узенскаго у., вол. и се- ла Череба- ево.				✓ 561472
5	Бомбардиръ Микель Фоминъ ВЕЙСБУНЬ	Курляндской губ. Гробин- скаго у. Рудцанской волости, дер. Зирная.				✓ 561521
6	Бомбардиръ Захаръ Ивановъ БАРЧАНИНОВЪ	Оренбург- ской губ. Челябинска- го у., Оку- невской вол. с. Толстопи- товскаго.				✓ 561522
7	Канониръ-разведчикъ Петръ Максимовъ ГОРВУНОВЪ	Нижегород- ской губ., Лукоянов- скаго у., Марьевской вол., села Некорошево				✓ 561473

Список награжденныхъ. Мордвинов Степан Кузьмич

История

1232

№ 36, 8 +

Всероссийской
Союзъ Городовъ

помощи больнымъ и
раненымъ воинамъ.

УВѢДОМЛЕНИЕ О ПРИЕМѢ
раненого или больного, поступившаго съ театра военныхъ дѣйствій

Екатеринославъ

4-й городской госпиталь
(разборочный)

№ 1969

Поступил... мѣс. числа 191 г.
Откуда прибылъ:

Губернія

Уѣздъ

Городъ, селеніе

Лѣчебница

Спец. госпиталь (Лазареть, патронажъ)

№ 15701

1. Фамилия

Имя отчество

2. Хол., женск., однов.

3. Негр., грамот., образован., 4. Возрастъ

34

5. Народность

6. Вѣроисповѣданіе

7. Войсков. часть, должность (занятіе)

Лазаретъ патронажъ

8. Мѣсто родины: губ.

уѣздъ (городъ)

9. Мѣсто жительство (передъ войной): губ.

уѣздъ (городъ)

10. Занятіе (передъ войной)

11. Болѣнь или поврежденіе (какое, когда и где получено)

Ок. раза вдругъ 24-го Буковина.

12. Принять мѣс.

22/V

числа 191 г.

13. Откуда прибылъ:

изъ разборочного госпиталя

Уведомление о приеме раненого или больного, поступившего съ театра военныхъ дѣйствій. Журкин Иван Федорович

(Синія для
нижн. чиновъ).

5

934

На прибывшихъ.

Фамилія

Бочкаревъ

Ім'я

Іван

Отчество

Тимофеевич

Воинское званіе и часть

Фельдфебель

11 Фельдфебель

Губернія

Київська

Уездъ

Луцький

Волость

Погреб-Майдан

Селеніє
(деревня, станица)

Боленъ

Раненъ

1184

Время и мѣсто сраженія

Названіе и подробный адресъ лазарета, сообщаю-
щаго свѣдѣнія (штемпель)

56 ТЫЛОВ ЭВАК ПУНКТЪ

Когда поступилъ въ лазаретъ

1184

1816

Карточка на прибывших. Бочкарев Иван Тимофеевич

Гавриков Яков Алексеевич родился в с. Старо-Рождественское Починковской волости. Служил в должности ефрейтора в 242-м пехотном Луковском полку. Награжден Георгиевским крестом 4-й степени № 426661 [2].

Нельзя забывать о вкладе Починковского конного завода № 23, который имел на то время большое военное значение. Именно с завода поставлялись лошади в кавалерийские части Русской императорской армии, в артиллерию, в тыловые подразделения. Лошади обеспечивали подвоз необходимых грузов и транспортировку раненых.

По железной дороге через станцию Ужовка, имевшую в военное время стратегическое значение, непрерывно шли составы с грузами (фураж для лошадей, продовольствие) в действующую армию. Эти грузы отправлялись в том числе и из волостей, которые сейчас входят в состав современного Починковского округа.

Источники и литература

1. Кауркин Р.В. Нижегородцы-кавалеры георгиевского креста Великой войны (к 100-летию окончания Первой мировой войны). Книга памяти. Вып. II, т. 1. – Н. Новгород, 2018.
2. Портал «Память героев Великой войны 1914–1918 годов» – <https://gwar.mil.ru/>.

M.A. Begoutova

“FOR THE FAITH, THE TSAR AND THE FATHERLAND”: RESIDENTS OF LUKOYANOVSKY UYEZD (NOWPOCHINKOVSKY MUNICIPAL DISTRICT) – PARTICIPANTS OF THE FIRST WORLD WAR

Abstract. This article examines the participation of residents of the Lukoyanovsky district (Pochinkovskaya parish) in the First World War. The names of the full St. George cavaliers who lived on the territory of the modern Pochinkovsky municipal district are given, as well as the names of four St. George cavaliers who were listed as born on the territory of the Pochinkovsky parish.

Keywords: The First World War, St. George's cavaliers, Lukoyanovsky district, Pochinkovskaya parish, Pochinkovsky StudFarm No. 23.

УЧАСТИЕ И ПОДВИГ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ КОЛОМЕНСКОВЫХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПО МАТЕРИАЛАМ СЕМЕЙНОГО АРХИВА И ДОКУМЕНТАМ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению участия и подвига в годы Великой Отечественной войны семьи Коломенских: Ивана Николаевича и его сыновей Александра Ивановича и Петра Ивановича. Работа основывается на архивных материалах, найденных их правнучкой С.А. Девяткиной: воспоминания родственников, наградные документы и другие материалы из центральных военных архивов. Обращение к этим источникам помогло установить и уточнить детали военной службы и подвига отца и сыновей семьи Коломенских на полях сражений Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: история семьи, Великая Отечественная война, документы семейного архива, Воротынский район Горьковской области, И.Н. Коломенсков, А.И. Коломенсков, П.И. Коломенсков.

В каждой семье есть сведения о родственниках, которые участвовали в важных событиях нашей страны, в том числе и в Великой Отечественной войне. И с каждым годом работа с семейными архивами становится более популярной, так как наше поколение начинает интересоваться прошлым своей семьи. В нашей семье одним из таких родственников является мой прадед по отцовской линии Иван Николаевич Коломенсков. Основной информацией о нем и его детях, также участниках войны, поделилась его дочь Анна Ивановна Челнокова, и материалы ее интервью стали основой нашей работы.

Использование мемуаров и воспоминаний в качестве исторического источника уже давно не является чем-то новым. На наш взгляд, привлечение подобных материалов в историко-биографических очерках и исследованиях о периоде Великой Отечественной войны оправдано широким кругом подобных источников. Еще в советское время издавались большими тиражами размышления и воспоминания как генералов [8] и маршалов [2], так и командиров дивизий

и других боевых соединений [17]. Несомненно, важную роль играет и публикация источников личного характера, таких как фронтовые письма [3]. Мемуарная литература фронтовиков, в том числе и из Нижегородской области [1], выходит в свет и в наше время [18]. Отдельного внимания заслуживают и статьи в научных журналах, посвященные деталям подвига [10] или гибели на фронте [9].

Анна Ивановна Челнокова, единственная из ныне живущих детей И.Н. Коломенского, 18 декабря 2021 г. в коротком интервью рассказала не только об основных вехах жизни ее отца, но и о нем, его характере, кем он работал до и после войны. Полученные сведения мы постарались подтвердить и дополнить информацией из документов Центрального архива Министерства обороны РФ.

Коломенский Иван Николаевич родился в 1897 г. в с. Ахпаевка Воротынского района Горьковской (ныне Нижегородская) области, до войны занимался лесными работами. Ахпаевка – село живописное, с прекрасными водоемами, здесь находится памятник градостроительства и архитектуры Владимирская церковь, к сожалению, в настоящее время сооружение в полуразрушенном состоянии [7]. В семье Ивана Николаевича и его супруги Александры Александровны было шестеро детей: три дочери и три сына. После 1952 г. они переехали всей семьей в с. Фокино Воротынского района, которое находится в 23 км от Ахпаевки. Фокино расположено на возвышенной части берега Волги. После войны И.Н. Коломенский работал в колхозе конюхом. Он скончался в 1966 г. после продолжительной болезни.

Совсем немного Анна Ивановна рассказала об участии своего отца в Великой Отечественной войне: «Воевал на фронте, год призыва предполагаемо 1941–1942, получил ранение, из-за которого был демобилизован...» [6]. Подтверждает эти слова найденный в ЦАМО список военнослужащих, выбывших из первой роты первого батальона 81-го запасного стрелкового полка 30-й запасной стрелковой дивизии: здесь содержится информация о дате и месте рождения, месте и дате призыва на военную службу – Маленковский РВК Ивановской области, 27 апреля 1942 г. [5]. К сожалению, это пока единственный документ, в котором упоминается имя И.Н. Коломенского. Это может быть объяснено сложившейся ситуацией на фронте: упорные ожесточенные бои с тяжелейшими потерями с обеих

сторон продолжались весь июнь 1942 г., советские войска потеряли Севастополь и отражали наступление противника на Воронеж. Со всем скоро начнется битва за Сталинград... Иван Николаевич мог быть ранен не обязательно на передовой линии боевых действий, но и по пути на фронт, неудивительно, что в тяжелейших условиях точные сведения об этом могли и не сохраниться.

Челнокова А.И. рассказала и о двух сыновьях Ивана Николаевича, которые тоже были призваны на военную службу и вернулись домой с боевыми орденами и медалями. Старший сын Александр Иванович Коломенсков родился в 1921 г. В конце 1930-х гг. он покинул родное село, отправившись на работу на строящийся в то время завод «Оргстекло» в Дзержинске [16]. Это подтверждают сведения из ЦАМО о месте его призыва – Дзержинский РВК Горьковской области, г. Дзержинск. Александр Иванович участвовал в боях за Ржев. За период Отечественной войны имел четыре ранения. В нашем распоряжении имеется наградной лист его боевого ордена Красной Звезды, который сообщает детали его подвига: «В боях за гор. Ржев, будучи командиром отделения в 136 стрелковом полку 142 гв. ст. дивизии 24.11.1942 года личным примером мужества и храбости увлек бойцов на штурм немецкого укрепленного рубежа и подавил огонь 2-х дзотов противника» [14]. В данном тексте нами были замечена ошибка (опечатка): 142-я гвардейская дивизия воевала на Ленинградском фронте, и в ее состав не входил 136-й гвардейский стрелковый полк. Подвиг был совершен в составе 42-й гвардейской стрелковой дивизии, которая в августе 1942 г. в составе войск 5-й армии Западного фронта участвовала в Ржевско-Сычевской наступательной операции. После окончания войны А.И. Коломенсков был также награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [11]. После войны Александр Иванович вернулся в родное село, где создал семью, работал в колхозе бригадиром.

Второй сын Петр Иванович Коломенсков родился в 1923 г. В отличие от отца и брата, попавших в пехоту, он прошел войну в составе Северного военно-морского флота на судне «Морской охотник – 429». Эти маневренные катера в годы Великой Отечественной войны высаживали разведчиков и десант в тылу противника, участвовали в дозорах, охраняли фарватеры, ставили мины у берегов

врага вместе с торпедными катерами, охраняли в конвоях транспорты, выполняли сопровождение подводных лодок до их погружения и встречали их по всплытию, вступали в неравный бой с катерами и самолетами [12]. Это подтверждают доступные нам сегодня документы: представление к ордену Красной Звезды и наградной лист к медали Нахимова. Как сообщает представление, за время службы на катере П.И. Коломенсков участвовал в 11 десантных операциях, 17 операциях конвоирования транспортных барж и мотоботов, в 38 эскортах подводных лодок, в 12 поисках подводных лодок противника, в четырех дозорах, в семи выходах по обеспечению боевых вылетов авиации и других военных операциях. Кроме того, представление очень подробно конкретизирует детали подвига с указанием конкретных дат: июль и 12 сентября 1943 г., 31 марта 1944 г. [15]. Дополняет этот список и наградной лист медали Нахимова: «6 января 1945 г. во время поиска подводных лодок врага в неблагоприятных метеорологических условиях [П.И. Коломенсков] устранил течь в сальниках, возникшую во время бомбометания. 20–21 января 1945 г. в течение 10 часов без отдыха обеспечивал бесперебойную работу мотора во время охраны торпедированного миноносца «Разъяренный» [13]. После войны Петр Иванович вернулся к семье в с. Фокино, как фронтовик и орденоносец занимал руководящие должности в колхозе и на торговом предприятии.

К сожалению, не все члены нашей семьи, кто отправился защищать свою Родину на фронт Великой Отечественной войны, смогли вернуться домой. Так, брат Ивана Николаевича – Ипполит Николаевич Коломенсков, 1904 г.р. – по документам Центрального архива Министерства обороны числится пропавшим без вести в октябре 1941 г. [4]. К сожалению, ничего о нем не смогла вспомнить и дочь Ивана Николаевича Анна Ивановна Челнокова, однако мы надеемся, что наша работа будет продолжена и нам удастся установить детали возможной его судьбы.

Источники и литература

1. Горьковчане в боях за Родину. – Н. Новгород, 1996.
2. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М., 1969.
3. «Здравствуйте, дорогие мои...» (фронтовые письма 1941–1945 гг.): сб. док-тov. – Н. Новгород, 2015.

4. Именной список безвозвратных потерь личного состава Воротынского района Горьковской области за период с 1941–1945 гг. 22.10.1947 г. // ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации). Ф. 58. Оп. 977520. Д. 718.
5. Именной список военнослужащих, выбывших из I роты I батальона 81 зсп // ЦАМО. Ф. 8646. Оп. 129228с. Д. 57.
6. Интервью с А.И. Челноковой 18.12.2021 г. // Архив автора.
7. История села Ахпаевка. Воротынский район // Деревни и села Нижегородской области. URL: <https://staraya-derevnia.ru/воротынский-район/с-ахпаевка/> (дата обращения: 23.08.2022).
8. Казаков М.И. Над картой былых сражений. – М., 1971.
9. Кирюхин Д.В. Пропавший без вести... // Родина. – № 1. – 2017. – С. 122–125.
10. Кирюхин Д.В. Ратный подвиг Р.С. Гражданинова и его «Фронтовые записки сержанта» // Вестник Нижегородской ГСХА. – № 2 (10). – апрель–июнь 2016. – С. 55–60.
11. Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» А.И. Коломенского. 09.05.1945 г. // ЦАМО. Шк. 41а. Я. 19.
12. Морской охотник типа «МО-4» // Портал Военно-морской флот России XX века. URL: http://russ-flot.narod.ru/x-0014_MO-IV.htm (дата обращения: 24.08.2022).
13. Наградной лист медали Нахимова П.И. Коломенского. 27.05.1945 г. // ЦВМА (Центральный военно-морской архив Министерства обороны Российской Федерации). Ф. 3. Оп. 1. Д. 1219, 1539.
14. Наградной лист ордена Красной Звезды А.И. Коломенского. 26.05.1944 г. // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 2181.
15. Представление к ордену Красной Звезды П.И. Коломенского. 20.07.1944 г. // ЦВМА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1041.
16. Промышленные предприятия Дзержинска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: вклад в Победу (историческая справка) // Официальный сайт Администрации городского округа город Дзержинск Нижегородской области. URL: <https://адмдзержинск.рф/dzerzhinsk-za/istoricheskaya-spravka/> (дата обращения: 24.08.2022).
17. Стученко А.Т. Завидная наша судьба. – М., 1968.
18. Фронтовые записки сержанта Гражданинова Рафаэля Семеновича: рукописи, фронтовые письма, материалы периодической печати. – Н. Новгород, 2017.

S.A. Devyatina,
E.M. Kiryukhina

**PARTICIPATION AND FEAT OF MEMBERS OF THE
KOLOMENSKOV FAMILY DURING THE GREAT PATRIOTIC
WAR ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE FAMILY
ARCHIVE AND WAR DOCUMENTS**

Abstract. The article is devoted to the consideration of the participation and feat during the years of the Great Patriotic War of the Kolomenskov family: Ivan Nikolaevich and his sons Alexander Ivanovich and Peter Ivanovich. The work is based on archival materials found by their great-granddaughter S.A. Devyatina: memoirs of relatives, award documents and other materials of the central military archives. Turning to these sources helped to establish and clarify the details of military service and the feat of the father and sons of the Kolomenskov family on the battlefields of the Great Patriotic War.

Keywords: Family history, Great Patriotic War, Documents of the Family Archive, Vorotynsky District of the Gorky Region, I.N. Kolomenskov, A.I. Kolomenskov, P.I. Kolomenskov.

УДК 908

**Е.И. Маслова,
А.И. Щетинин**

**ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКА (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ МАЙОРА И.Н. МАРКЕЕВА)**

Аннотация. В статье рассматриваются биография и боевой путь героя Великой Отечественной войны И.Н. Маркеева. Уделено внимание военным операциям, в которых он принимал участие, его наградам и ранениям.

Ключевые слова: Маркеев, война, разведчик, герой.

Иван Николаевич Маркеев родился 10 ноября 1922 г. в с. Красное Арзамасского района Нижегородской области. Родители, Николай Иванович и Мария Ивановна, занимались крестьянским трудом. В семье также росли две дочери – Прасковья и Татьяна.

С 1930 по 1934 г. учился в Красносельской начальной школе, затем в Выездновской неполной средней школе, которую окончил в 1937 г. Судя по отметкам, особенно легко ему давались литература, алгебра, естествознание, черчение [10]. Решив связать свою судьбу с военной службой, И.Н. Маркеев поступил в Московское пехотное училище им. Верховного Совета РСФСР.

После начала Великой Отечественной войны он был направлен в действующую армию. В письме к матери от 27 сентября 1941 г. писал: «Скоро, наверное, уеду на фронт. Получили ли вы перевод? Ребята со мной живут хорошие. Политрук, ком. роты – участники гражданской войны. Как только разобъем Гитлера, обязательно приеду домой» [2].

Одним из первых мест его службы стал 1103-й стрелковый полк 328-й стрелковой дивизии. В конце ноября на основании распоряжения Командующего 10-й армии части дивизии были направлены на территорию Рязанской области для выполнения боевой задачи. Согласно Журналам боевых действий 328-й стрелковой дивизии, 1103-й стрелковый полк, где служил лейтенант Маркеев, сосредоточился в районе деревень Поленское – Каменец – Зеленово [11, л. 3 об]. В тот же день И.Н. Маркеев выбыл из части по ранению. Это было первое его ранение, всего же за время войны ранен пять раз – два раза легко и три раза тяжело. Однажды машина, в которой он ехал, наскочила на мину – автомобиль разнесло вдребезги, водитель погиб, а самого Маркеева выбросило на несколько метров. В другой раз бомба попала в дом, где находились солдаты и офицеры, в том числе и Маркеев. От взрыва пробило полы и он упал в подвал, где его засыпало просом. После этого еще восемь дней не приходил в сознание. Каждый раз после выздоровления возвращался в строй. Об этих и других случаях И.Н. Маркеев рассказывал лично своим родственникам, когда приезжал на родину в с. Красное после ранений.

Позже он был направлен в разведку. Документы свидетельствуют, что к апрелю 1944 г. И.Н. Маркеев занимал должность помощника начальника 1-го отделения разведывательного отдела штаба 5-й гвардейской танковой армии. Объединение принимало участие в ключевых операциях Великой Отечественной войны – Курской битве, Корсунь-Шевченской и Уманско-Ботошанской военных операциях, Белорусской наступательной операции «Багратион» и дру-

гих. О службе лучше всего говорят документы того времени – наградные листы, в которых описываются боевые заслуги Маркеева:

«В наступательных операциях в р-не Звенигородка и Умань руководил работой подвижных НП, сам постоянно находился в боевых порядках передовых частей и своевременно давал ценные данные о противнике. В боях в р-не Рыбница, выполняя поставленные задачи по разведке, сам лично с группой бойцов проник в боевые порядки пехоты противника и установил систему его обороны и расположение огневых точек» [13, л. 337].

«За время наступательных операций по освобождению городов Витебск, Борисов, Минск и в боях на Вильнюсском направлении выполнял целый ряд боевых заданий по разведке противника и организовывал работу разведывательных органов... В боях в районе Толочин личным наблюдением установил наличие сил противника в лесу северо-западнее г. Толочин. При действиях мотоцикленного полка в тылу противника в районе Ковали обеспечивал связь с полком на самолете» [12, л. 204].

Его заслуги были по достоинству оценены руководством – награжден орденами Красной Звезды (30.04.1944), Отечественной войны II (19.07.1944) и I степеней (31.12.1944), Красного Знамени (20.02.1945). Как вспоминал позднее непосредственный командир И.Н. Маркеева, начальник 1-го отделения разведотдела штаба 5-й гвардейской танковой армии майор Н.Е. Чернявский, «когда он [Маркеев] выполнял боевые задания, никогда не думал о личной славе, о наградах. Он думал только об одном: как облегчить страдания Родины, как ускорить час победы над врагом... Я вспоминаю, как после каждого боя или проведенной разведывательной операции Иван Николаевич спрашивал себя, все ли он сделал для победы над врагом... Он не только думал, он действовал и сделал многое, за это он отдал самое дорогое – свою жизнь» [14].

В январе 1944 г. погиб отец И.Н. Маркеева Николай Иванович. Он был мобилизован в 1942 г., служил повозочным во взводе снабжения 208-го гвардейского стрелкового полка 69-й гвардейской стрелковой дивизии. 16 ноября 1943 г. ранен пулей в правую ногу и в тяжелом состоянии доставлен в госпиталь № 1392 в г. Харьков, где и скончался 9 января 1944 г. Похоронен на Харьковском Красно-Заводском кладбище [5, с. 362].

Для сына Ивана, который уже получил звание майора, война продолжалась. В письме к родным он писал: «Здравствуй, мама, Таня, Паша, бабушка! Шлю Вам всем свой горячий привет! Как далеко я от вас и с каждым днем все дальше, чем же дальше от вас, тем быстрее я буду у Вас. Вот Германия, о которой мы все мечтали, и каждый из нас хотел дожить до того дня, когда он хоть одной ногой ступит на немецкую землю. Мы вступили и прошли пол Германии. На дорогах тысячи повозок с неуспевшими убежать немцами. В общем, воюем. Живу отлично, часто вспоминаю Вас и так хочется побывать в Красном. Можете поздравить, сегодня получил приказ о присвоении звания майора. Итак, пишите. Привет всем Вам. И. Маркеев. 3.02.1945 г.» [7].

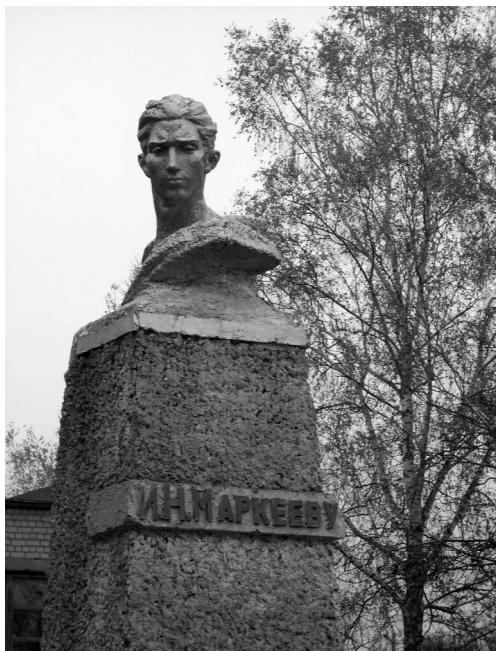
В ходе Восточно-Померанской операции Красная армия вышла к побережью Балтийского моря. Армии Рокоссовского должны были разгромить немцев в районе Штолльпа, Гдыни и Данцига (сейчас г. Гданьск). К 13 марта 1945 г. армии Рокоссовского продвинулись с боями на 35–100 км, вышли к Данцигу и Гдыне, где были блокированы главные силы немецкой группировки. Гитлеровцы в этом районе могли получать помощь морем и пытались удержать эти опорные пункты. 27 марта начался решительный штурм самого Данцига. Несмотря на безвыходное положение, гитлеровцы ожесточенно дрались. Особенно тяжелые бои шли за крупные здания и корпуса предприятий. 29 марта русские войска заняли большую часть города, 30 марта город и порт были взяты. Остатки немецкого гарнизона бежали в труднодоступный район устья Вислы, где вскоре выкинули белый флаг. В плен попало около 10 тыс. человек. В качестве трофеев советские войска захватили десятки танков и самоходок, сотни орудий и минометов, десятки судов и находившихся на ремонте и процессе строительства субмарин, другое военное имущество.

Иван Николаевич Маркеев

В результате войска Рокоссовского полностью очистили от гитлеровцев восточную часть Померании и ликвидировали данцигско-гдыньскую группировку вермахта. 2-я немецкая армия была полностью разгромлена. Советские войска захватили важные порты Гдыню и Данциг. Войска 2-го Белорусского фронта освободились и получили возможность действовать на берлинском направлении. Были расширены возможности по базированию советских ВВС и Балтфлота, усиlena блокада вражеских группировок в Восточной Пруссии и Курляндии, ослаблен боевой потенциал германского флота [9].

Именно здесь на подступах к Данцигу и совершил свой бессмертный подвиг майор Иван Николаевич Маркеев. Одно из советских пехотных соединений глубоко вклинилось в тыл врага, что грозило контрударом со стороны немецких подразделений. Для предотвращения этого с боевым донесением к начальнику штаба был направлен И.Н. Маркеев. На обратном пути он столкнулся с немецким десантом. Несмотря на многократное превосходство противника в численности, Маркеев принял решение завязать бой, чтобы не допустить нападения на советские части с тыла. Когда патроны стали заканчиваться, он выстрелил в бензобак своего вездехода

Памятник И.Н. Маркееву
в селе Красное
Арзамасского района

и направил горящую машину к взорванному мосту на скопление немецких барж с боеприпасами, техникой и живой силой врага. Оглушительный взрыв привлек внимание советских войск, и немецкая группировка была уничтожена.

Позднее И.Н. Маркеев был с воинскими почестями похоронен в парке г. Оливы в пригороде Гданьска [4, с. 186].

Память земляка глубоко чтут на его родине. Не раз в Доме культуры проводились тематические мероприятия, торжественные вечера. На здании школы в с. Красное, где учился И.Н. Маркеев, в 1965 г. была открыта мемориальная доска, пионеры под руководством учителя Н.М. Бысова исполнили песню о Маркееве [3]. 1 октября 1983 г. у здания школы открыт памятник герою, на митинге присутствовали родственники, односельчане, школьники [6]. Но не только в с. Красном с благодарностью вспоминают майора Маркеева. Имя разведчика увековечено в названии улиц в Москве, Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге, Оленегорске. В г. Олива в Польше имя И.Н. Маркеева было присвоено школе № 46 [1]. В 1985 г. на сцене Арзамасского городского драмтеатра состоялась премьера спектакля о Маркееве «Не забудьте – я из Арзамаса» (реж. В.Я. Осьминин, по пьесе С.Ф. Кирилюка) [8]. Память о герое продолжает жить и по сей день.

Источники и литература

1. Александрова О. Почести Ивану Маркееву в братской Польше // Арзамасская правда. – 1964. – 8 мая.
2. Артемьев А. Не забудьте – я из Арзамаса // Арзамасская правда. – 1963. – 28 мая.
3. Бакунин М. Здесь учился Иван Маркеев // Арзамасская правда. – 1965. – 11 мая.
4. Голубев Г.П., Демочкин А.П., Одинцов А.Д., Панкратов В.М. От Арзамаса до Берлина. – Арзамас, 1995.
5. Книга памяти нижегородцев, павших в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Российская Федерация. Нижегородская область: в 12 т. Т. 3: Ардатовский, Арзамасский, Большеболдинский, Вадский районы. – Н. Новгород, 1994.
6. Новаев И. Памятник в Красном // Арзамасская правда. – 1983. – 4 окт.
7. Письмо И.Н. Маркеева к семье. Из фондов Арзамасского городского историко-художественного музея.
8. Пучкова Г. Не забудьте – я из Арзамаса // Арзамасская правда. – 2021. – 26 марта.

9. Самсонов А. Как Красная Армия штурмовала Гдыню и Данциг // Военное обозрение. Эл. ресурс. Режим доступа: <https://topwar.ru/169576-kak-krasnaja-armija-shturmovala-gdynju-i-dancig.html>.
10. Свидетельство об окончании школы. Из фондов Арзамасского городского историко-художественного музея.
11. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 1116. Оп. 1. Д. 29.
12. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 2048.
13. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 2233.
14. Чернявский Н. Землякам Ивана Маркеева // Арзамасская правда. – 1965. – 31 марта.

E.I. Maslova,
A.I. Shchetinin

THE FEAT OF A SCOUT (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF MAJOR I.N. MARKEEV)

Abstract. The article discusses the biography and combat path of the hero of the Great Patriotic War I. N. Markeev. Attention is paid to the military operations in which he took part, his awards and wounds.

Keywords: Markeev, war, scout, hero.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акилбаев Александр Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола).

Акшиков Александр Геннадьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола).

Анохин Иван Владимирович – директор АНО «Научно-исследовательский Центр современной истории» (г. Москва).

Ануфриев Александр Валерьевич – старший преподаватель кафедры истории России, Иркутский государственный университет, старший научный сотрудник, Музей истории г. Иркутска им. А.М. Сибирякова (г. Иркутск).

Араловец Наталья Аркадьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва).

Ащеулов Олег Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и экономической теории, Академия Государственной противопожарной службы МЧС России; научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва).

Бахтин Александр Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин и методики их преподавания, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Бегоутова Мария Александровна – преподаватель истории, Починковский сельскохозяйственный техникум (с. Починки, Нижегородская область).

Белынцева Ксения Вячеславовна – научный сотрудник, Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева (г. Йошкар-Ола).

Богатырев Арсений Владимирович – кандидат исторических наук, независимый исследователь (г. Тольятти).

Бутрин Егор Сергеевич – кандидат исторических наук, главный археограф, Государственный архив Ивановской области (г. Иваново).

Бушуев Алексей Сергеевич – кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань).

Васильцова Софья Николаевна – студентка 4 курса Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург).

Гаппасова Динара Амировна – специалист по учебно-методической работе кафедры всеобщей истории, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Горбашова Галина Федоровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Грознов Евгений Андреевич – старший научный сотрудник, Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева (г. Йошкар-Ола).

Гусарова Анастасия Юрьевна – главный архивист Научного центра, Государственный исторический архив Чувашской Республики (г. Чебоксары).

Девяткина Светлана Александровна – студентка 2 курса ветеринарного факультета, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия (г. Нижний Новгород).

Делова Людмила Алиевна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева (г. Майкоп).

Дроботушенко Евгений Викторович – кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет (г. Чита).

Жуковская Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории России, Санкт-Петербургский институт истории РАН (г. Санкт-Петербург).

Зеленеев Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Иванов Александр Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Смоленск).

Иванов Вячеслав Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Центральный музей Тавриды (с. Мирное, Симферопольский район); старший преподаватель кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин, Крымский университет культуры, искусств и туризма (г. Симферополь).

Кириюхин Дмитрий Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Иностранные языки», Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия (г. Нижний Новгород).

Кириюхина Елена Михайловна – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры «История, философия и социология», Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия (г. Нижний Новгород).

Комиссаров Евгений Иванович – курсант, Филиал Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева МО РФ в г. Вольске (г. Вольск, Саратовская область).

Кореева Наталья Анатольевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань).

Кошкина Ольга Анатольевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола).

Кудрявцев Алексей Николаевич – научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола).

Купченко Константин Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Смоленск).

Ладина Анастасия Сергеевна – аспирант кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет; заведующая отделом воинской славы, Музей истории г. Йошкар-Олы (г. Йошкар-Ола).

Ларионов Валерий Леонидович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Лубошникова Юлия Сергеевна – студентка 4 курса Педагогического института им. В.Г. Белинского, Пензенский государственный университет (г. Пенза).

Маслова Екатерина Ивановна – независимый исследователь (г. Арзамас, Нижегородская область).

Михальченко Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, директор Института экономики, истории и права, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского (г. Брянск).

Молотова Тамара Лаврентьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола).

Никулина Анна Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент 17 кафедры (иностранных языков), Филиал Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева МО РФ в г. Вольске (г. Вольск, Саратовская область).

Осъкин Максим Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры философии, истории и теории государства и права, Международная полицейская академия ВПА (г. Тула).

Паршина Вера Николаевна – кандидат исторических наук, доцент Педагогического института им. В.Г. Белинского, Пензенский государственный университет (г. Пенза).

Пенькова Мария Викентьевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола).

Пыльцын Юрий Сергеевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры церковно-исторических и гуманитарных дисциплин, Екатеринбургская духовная семинария, методист по экскурсионной и лекционной работе мультимедийного исторического парка «Россия – Моя история», научный сотрудник культурно-просветительского центра «Царский» (г. Екатеринбург).

Садовников Сергей Иванович – кандидат исторических наук, начальник штаба межрегиональной общественной организации «Военная археология» (г. Москва).

Садыкова Римма Барыевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань).

Сапожникова Виктория Павловна – студентка 4 курса Историко-социологического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (г. Саранск).

Святкин Михаил Ильич – аспирант кафедры истории России, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (г. Саранск).

Сергеев Юрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и социально-гуманитарных наук, Бирский филиал Башкирского государственного университета (г. Бирск, Республика Башкортостан).

Сергеева Алевтина Николаевна – начальник отдела использования и публикации документов, Государственный архив Республики Марий Эл (г. Йошкар-Ола).

Скворцова Лариса Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры экономической истории и информационных технологий Историко-социологического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (г. Саранск).

Смирнова Наталья Борисовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары).

Суворова Анна Александровна – доктор искусствоведения, доцент, доцент кафедры теории и истории культуры, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

Сузdal'цов Илья Алексеевич – кандидат исторических наук, преподаватель истории, школа № 1381 (г. Москва).

Терентьев Данил Константинович – студент 4 курса историко-филологического факультета, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Упоров Иван Владимирович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД России (г. Краснодар).

Федоскин Николай Николаевич – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Смоленский филиал Саратовской государственной юридической академии; доцент кафедры юриспруденции, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Смоленск).

Харитонова Валентина Григорьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары).

Чорненський Владислав Вікторович – курсант, Филиал Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева МО РФ в г. Вольске (г. Вольск, Саратовская область).

Шалахов Евгений Геннадьевич – экскурсовод музеиной части, ГБУК Республики Марий Эл «Замок Шереметева» (пгт Юрино, Республика Марий Эл).

Шумилов Евгений Николаевич – кандидат исторических наук, независимый исследователь (г. Пермь).

Щетинин Алексей Иванович – независимый исследователь (г. Арзамас, Нижегородская область).

Яковлев Михаил Александрович – студент 4 курса историко-филологического факультета, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Ярыгин Андрей Андреевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

РЕГИОНЫ РОССИИ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ СТРАНЫ

Выпуск IV

Материалы IV Всероссийской
научно-практической конференции,
г. Йошкар-Ола, 16–17 ноября 2022 года

*Авторы несут ответственность за достоверность
предоставленной информации и содержание научных статей.*

ISBN 978-5-94950-119-1

9 785949 501191

Редактор Л.К. Александрова
Компьютерная верстка З.Г. Воронцовой
Дизайн обложки В.В. Безденежных

12+

Знак информационной продукции
согласно ФЗ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ

Оригинал-макет подготовлен к печати в МарНИИЯЛИ.
424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44.
Телефон: (8362) 64-19-28, 45-25-41
Т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.ru

Подписано в печать 15.11.2022. Формат 60x84/₁₆.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 24, 64. Печать офсетная.
Заказ № . Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО ИПФ «Стринг»
424006, Россия, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, ул. Строителей, 95,
корпус 101А, помещение 12-12А